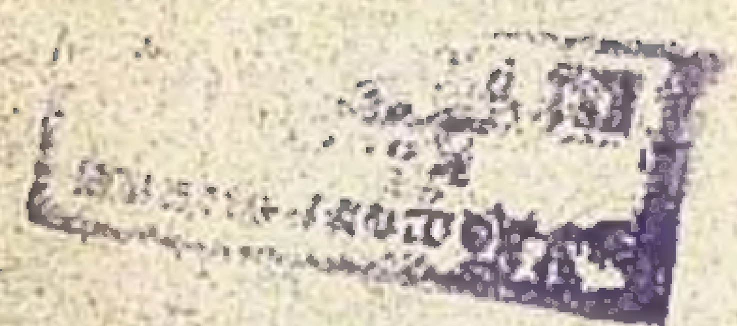

АН. АНИШЕВ

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

1917–1920

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЛЕНИНГРАД
1 9 2 5

ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ АКАДЕМИЯ
Имени тов. ТОЛМАЧЕВА Р.К.К.А. и Р.К.К.Ф.

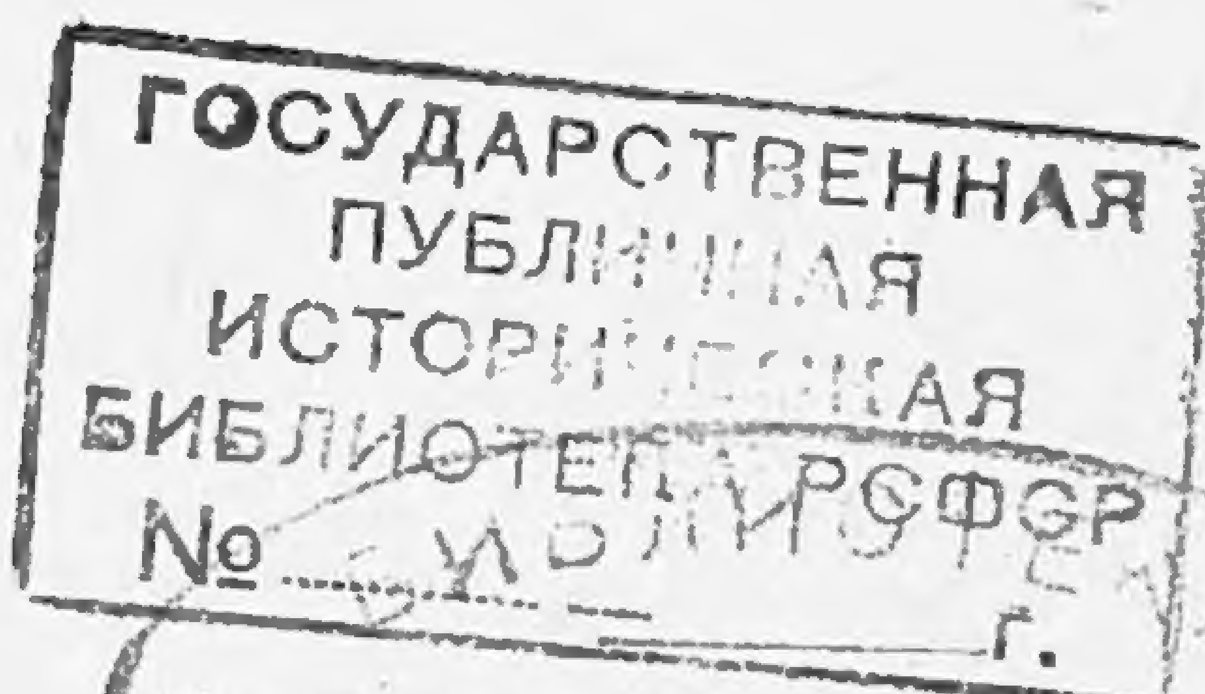
Ан. АНИШЕВ

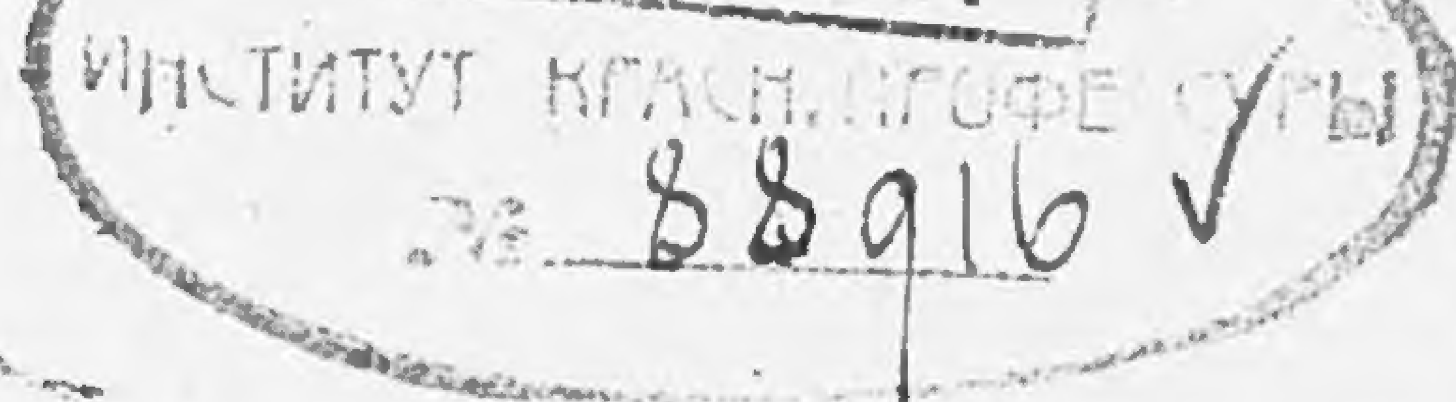
ОЧЕРКИ
ИСТОРИИ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

1917—1920 гг.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЛЕНИНГРАД
1925

Гиз № 10951. 7.000 экз. Ленинградский Гублит № 7276.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

„Каждый месяц такой работы и такого опыта стоит 10, если не 20 лет вашей истории".
ЛЕНИН о гражданской войне.

Писать сейчас историю гражданской войны — дело явно невыполнимое. Не потому, что мы, современники, не можем дать исторической оценки, а потому что нет материалов. Я думаю, что время для работы историков над Октябрьской революцией и гражданской войной пришло.

Энгельс писал в предисловии к историческим работам: „все условия обобщающего изображения текущей истории неизбежно сопряжены с возможностью ошибок. Это, однако, никого не заставляет отказаться от того, чтобы писать историю текущего момента".

История 1917 — 1920 годов перестала быть историей текущего момента — это пройденный этап. Однако „условия обобщающего изображения" истории 1917 — 1920 годов таковы, что претендовать сейчас на что-либо большее, чем на первые попытки, весьма слабые и несовершенные, нельзя.

Архивные материалы почти недоступны, так как, большей частью, если они и есть, то в очень плохом состоянии, да для разработки всего периода по архивным материалам потребовалось бы больше времени, чем прошло с начала гражданской войны.

Монографий почти нет.

Остаются журналы, газеты и мемуары, написанные к тому же в большинстве белогвардейцами, выливающими в печати свою злость за поражения. Единственное, что немного спасает историческую ценность мемуаров русских эмигрантов, это то, что в борьбе между различными течениями контр-революции каждый из них старается возможно полнее изобличить другого. Но, понятно, что историческая ценность материалов, рождающихся из ругани дерущихся между собой белогвардейцев, весьма относительна.

Мемуары наших работников очень нередко теряют свою ценность из-за недостаточной объективности и, иногда, совершенно излишнего, хотя и понятного, воинственного оптимизма.

Тем же недостатком страдают иногда и наши газеты и журналы.

Эта оценка материалов, по которым я работал, говорит достаточно о том, на что может претендовать моя работа.

Она далеко не исчерпывает всех моментов гражданской войны и на многие вопросы не дает ответа. Очень часто я даю освещение тому или иному моменту только в порядке постановки вопроса, иногда только намечаю метод исследования.

Кроме того, само расположение материала не проработано мной так, как этого можно требовать от истории. Поэтому я и называю свою работу очерками.

Должен оговорить, прежде всего один основной недостаток моей работы.

Я очень часто беру пролетариат и пролетарскую диктатуру как нечто сплошное и цельное. На самом деле внутри пролетариата и его диктатуры происходили различные и очень сложные процессы. Это одно говорит о том, что моя работа есть только предварительная подготовка материалов к их систематизации, а еще не история.

В законченном историческом труде должны быть выделены и разработаны такие проблемы, как перерастание буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую и сочетание элементов той и другой революции, проблема прорыва империалистического фронта, роль русской революции в мировом пролетарском движении и в движении народов Востока, роль коммунистической партии в революции — учет не только тактики партии, но и ее организационной работы в центре и на местах, что невозможно сделать без детального учета отдельных течений и тенденций внутри пролетарской диктатуры.

Должен, наконец, отметить, что я писал свою работу до последнего выступления тов. Троцкого, с „Уроками октября“ в борьбе с которым не только были даны некоторые новые материалы, но и теоретически оформились и стали более выпуклыми некоторые из основных проблем революции.

Это ни в какой степени не снимает с меня ответственность за правильность выводов, но перестроения работы для большей выпуклости некоторых, ставших злободневными, проблем я произвести не мог.

С этими оговорками, я думаю, работа может все же принести некоторую пользу.

Основная задача, которую я себе ставил — это наметить основные моменты в развитии революции, — того, как говорил Ленин, третьего курса „высших наук“ коммунистической партии, тех лет, которые по своему содержанию больше, чем первые 40 лет. [1]

В разработанном виде это должно дать общую схему развития революции, без которой нельзя подходить и к изучению тактики партии, руководящей революционным классом в гражданской войне, т.-е. к извлечению уроков гражданской войны. [2]

Я считаю нужным дать в предисловии набросок той схемы, которая наметилась у меня при разработке материалов гражданской войны.

Первый период: Октябрь 1917 — март 1918 г., период, который Ленин характеризует, как период распространения октябрьского восстания, „триумфального шествия революции“ и „красногвардейской атаки на капитал“. Буржуазия в этот период разбита и дезорганизована, за ней нет масс, „способных воевать и победить Советы“.

Второй период: апрель—май 1918 года.— Передышка. С помощью германского империализма поднимается контр-революция на юге. Антантовский империализм организует контр-революционные кадры на территории, не захваченной Германией. Постановка организационных задач, которым мелкобуржуазная стихия оказывает неорганизованное сопротивление (апрельские речи Ленина).

Третий период: июнь—ноябрь 1918 года. Борьба пролетариата в союзе с беднейшим крестьянством против демократической контрреволюции. Между двумя империализмами.

Чехо-словацкое восстание, как союз антантовского империализма с кулацким восстанием. „Июльский кризис“ в деревне. Комбеды. Добровольческая Красная армия и организация основ регулярной армии. Крах учредиловцев.

Четвертый период: ноябрь 1918 г.—весна 1920 года. Борьба пролетариата в союзе с серед-

---

[1] Ленин, Собр. соч. т. XVIII, ч. I, стр. 281.

[2] Во всей работе я сознательно избегал всякой полемики с кем бы то ни было. Здесь я должен отметить, что я не согласен с М. Н. Покровским, наметившим периоды Советской Главы Истории в статье № 14 „Большевика“ и в брошюре „7 лет Пролетарской Диктатуры“.

См. мою статью в „Большевике“ № 8 за 1925 г.

няком против буржуазно-помещичьей контр-революции. Уничтожение германского империализма. Лицом к лицу с Антантой. Организация контр-революции. Ноябрьский поворот мелкой буржуазии. Организация регулярной Красной армии. Ликвидация Колчака, Деникина, Юденича.

Это только набросок схемы и очерки дают некоторые материалы для ее обоснования. Здесь охвачено только очень ограниченное количество сторон исторического процесса.

Так как я не претендую на отсутствие ошибок в очерках, то, конечно, тем менее могу претендовать на безошибочность схемы.

Никакую схему нельзя фетишизировать — и я легко допускаю, что при дальнейшей разработке Истории Гражданской Войны придется отказаться не только от этой схемы, но и от многих материалов, на которых она построена.

Анатолий Анишев.

Февраль 1925 г.,
гор. Ленинград.

ПРЕДПОСЫЛКИ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ.

Экономические последствия войны. Государственное регулирование хозяйства. Временное правительство и задачи борьбы с разрухой. Буржуазия и борьба с разрухой. Пролетариат и буржуазия в феврале. Пролетариат — гегемон революции. Крестьянство. Вопрос о земле. Национальный вопрос. Революция и война. 20 — 21 апреля. Наступление реакции. 18 июня. 3—5 июля. Бессилие Временного Правительства.

Россия вступила в революцию с тяжелым наследством войны и реакции. Это наследство характеризуется в основном, конфликтом между способом производства и способом присвоения, конфликтом, присущим капиталическому строю вообще, но чрезвычайно обостренным войной. В условиях этого конфликта чрезвычайно обострились противоречия между элементами различных хозяйственных структур и противоречия классовых интересов.

После заминки в 1914 — 1915 гг. мы наблюдаем в 1916 году некоторый подъем промышленности, вызванный напряжением для войны. Этот подъем носит специфически военный характер и в нем кроются уже все признаки близкого краха народного хозяйства, так как в гораздо больших размерах растет непроизводительное потребление на войну.

Чрезвычайному росту прибылей соответствует некоторый рост реальной заработной платы. Заработная плата в Питере поднялась до 275, если принять цифру 1914 года за 100, в то время как стоимость пайка за это же время поднялась до 157. [1] Увеличился рост новых предприятий, покоящихся на военных заказах, в конце 1915 года на 100% по отношению к началу того же года, и в 1916 году еще больше. [2]

Это напряжение хозяйства в 1916 году характерно не только для России. И в центральных державах, и в союз-

---

[1] „Статистика труда“ № 1.

[2] Милютин, „Современное экономическое развитие России и диктатура пролетариата“.

ной коалиции наблюдается то же явление, но для России характерно то, что за этот год увеличилась экономическая помощь союзников, а вместе с тем и их давление в сторону увеличения военного напряжения.

Ввоз изделий увеличился до суммы 1 177 миллионов рублей, против 444 миллионов в 1915 г. Ввоз сырых и полуобработанных материалов возрос, с 499 милл. руб. до 994 милл. руб., в то время как вывоз из России жизненных припасов (главный предмет вывоза) упал с 201 до 175 миллионов рублей.

Россию, кроме общих условий военного времени, толкали к чрезмерному напряжению союзники. И к 1917 г. болезненность подъема 1916 года выявляется со всей очевидностью и Россия стоит перед угрозой полного экономического краха.

К январю 1917 года рост заработной платы уже отстал от роста цен: заработная плата по отношению к июню 1916 года — 130, в то время как стоимость пайка — 163. [1]

Добыча каменного угля на юге России в 1916 году — 1 373 милл. пудов, 1917 г. — 1 139 милл. пуд. Производство железа и стали в 1916 г. — 21 741 тыс. пуд., в 1917 г. — 16 504 тыс. пуд.

С 1-го марта по 1-е августа 1917 года закрылось 568 предприятий с числом рабочих 104 372 человека. [2]

Недостаток топлива чувствуется все острее: с 58 милл. пудов в марте 1917 г. доставка угля железным дорогам сократилась до 35, и запасы на 1-е сентября равняются 22 милл. при потребности в 43 милл. пуд.; нефти недополучено 23 милл. пуд. и дров около 800 кубических саженей. [3]

Наконец, площадь посева сократилась до 92,6 в 1917 г., если площадь 1916 г. принять за 100. Поступление хлеба сократилось уже в апреле 1917 г. до 5 милл. пуд. в неделю при потребности в 17 милл. пуд. Крестьянское хозяйство становится все более натуральным, что ярче всего выражается в сокращении посева технических культур. [4]

В финансовой области: уменьшение золотого запаса за время войны с 1 600 милл. до 1 300 милл. (результат помощи союзников) и увеличение эмиссии: к 1-му января 1917 года выпущено бумажек на 9 миллиардов, за 1917 г. — 14 миллиардов; внешние и внутренние займы — увеличение государственных долгов. [5]

---

[1] „Статистика труда“ № 1.

[2] Милютин, „Современное экономическое развитие России и диктатура пролетариата“.

[3] „Вестник Финансов“. Сентябрь 1917 года.

[4] Данные Пешехонова на 1-м съезде Советов.

[5] Доклад Сокольникова на 1-м Съезде СНХ.

Вместе с тем в 1917 году со стороны союзников замечается „уклонение от выполнения сделанных обещаний“.[1]

Непроизводительное потребление привело к недостатку экономических средств и избытку бумажных денег. Это сопровождается взвинчиванием цен, спекуляцией. Падение платежеспособности рабочих не дает им возможности приобретать и те товары, которые есть. Доля правящих классов в национальном доходе все увеличивается, но не может получить производительного потребления благодаря недостатку средств, рабочих сил и падению производительности труда на почве недоедания.

Крестьянство сокращает вывоз хлеба на рынок (или в продорганы), потому что не получает взамен реальных эквивалентов. Обмен между городом и деревней нарушен. Подъем промышленности 1916 года не сопровождался таким же подъемом сельского хозяйства и в этом кроется величайшая опасность, к 1917 году превращающаяся в противоречие, разрешить которое может только революция.

Противоречия эти настолько сильны, что уже царское правительство вынуждено прибегнуть к мерам, нарушающим законы товарного хозяйства, к „регулированию“. Это регулирование началось в России с издания такс на продукты питания губернаторами, при чем первый итог этого „регулирования“ показал, что оно может-быть проведено только в общегосударственном масштабе. Дальнейшее вмешательство государства в хозяйственную жизнь показало, кроме того, что неизбежно придется затронуть интересы правящих классов, и что нельзя ограничиться какой-либо одной отраслью производства, а необходимо охватить всю хозяйственную жизнь страны.[2]

И здесь то как-раз и крылось то противоречие, которое устранить можно было только путем устранения от власти правящих классов. „Регулирующая“ деятельность правительства в 1916 году приняла чрезвычайно интенсивный характер. Особые совещания по обороне, по продовольствию, по перевозкам, Военно-промышленные комитеты, комитеты по отдельным отраслям промышленности — эти органы охватили своим контролем почти всю хозяйственную жизнь страны. Правительство не останавливалось перед нарушением „священных прав собственности и свободы оборота“ и вмешивалось не только в область обращения, но и в область производства. Ленин

---

[1] Доклад Верховского. „Былое“ № 12.

[2] Данные о регулировании см. „Народное Хозяйство“ в 1916 г. Изд. Института экономических исследований и Орлов, „Продовольственная работа Советской власти“.

с полным правом мог говорить об общеизвестности мер контроля и регулирования, так как уже царское правительство применяло и твердые цены, и принудительное объединение в союзы, и принудительные гужевые перевозки, и даже смещение членов правлений акционерных предприятий и, — в области продовольствия, — разверстку. Но, проведенные руками капиталистов, эти меры если и затрагивали интересы частных собственников, то только для того, чтобы увеличить прибыль их более крупных, и более близких к правительственным органам, конкурентов. Имеющие целью устранение конкуренции, они превратились в еще более острую конкуренцию, местом которой стал не только рынок, но и сами органы, предназначенные этот рынок регулировать.

Февральская революция этого противоречия не решила и решить не могла, поскольку у власти оставались те же промышленники, те же капиталисты. Программные заявления министров правительства были гораздо решительнее их действий, хотя и в словах их сказывалась боязнь затронуть интересы помещиков, а особенно промышленников.

На 1-м съезде Советов Скобелев говорит, что, „спасти хозяйственный народный организм от разрухи можно только путем решительного вмешательства в область хозяйственной и промышленной жизни".

В августе на государственном совещании Прокопович доказывал, что „регулирующее вмешательство государства — в виде установления твердых цен, регулирование распределения продуктов в стране между различными классами населения и, наконец, регулирование в известных случаях производства — является государственной необходимостью". Дальше он наметил чрезвычайно характерную программу:

1. Обеспечение прав владельцев. (Охрана владельцев от рабочих.)

2. Государственный контроль. (Охрана рабочих от владельцев.)

3. Установление твердых цен.

4. Ограничение прибыли нормальным процентом.

5. Закон о трудовой повинности. (Обязательный для рабочих минимум числа рабочих дней в месяц и минимум дневной производительности.)

Эта программа чрезвычайно характерна для мелкобуржуазных представителей Временного Правительства: охрана рабочих от предпринимателей — охрана предпринимателей от рабочих. Эта фраза, в условиях, когда эту охрану проводят не рабочие, означает, конечно, только охрану предпринимателей от рабочих. И в лучшем случае — это шатание между предпринимателями и рабочими,

борьба между которыми обострена до крайности всем экономическим положением страны. Здесь не сказано о главном — кто в чьих интересах будет эту программу регулирования осуществлять.

Социалисты поручали осуществление этой программы представителям торгово-промышленников, а торгово-промышленники выставляли свои требования, совершенно несходные с „надклассовыми" программами социалистов.

„Наше Временное Правительство, говорил Рябушинский на 2-м съезде Торгово-Промышленников в августе, находится под влиянием посторонних людей. У нас фактически воцарилась кучка шарлатанов. Необходимо, чтобы государство встало хоть несколько на точку зрения торгово-промышленников. Правительство должно буржуазно мыслить и буржуазно действовать. Быть-может для выхода из положения потребуется костлявая рука голода, народная нищета, которая схватила бы за горло лже-друзей народа, демократические советы и Комитеты".

Это — программа буржуазии. Это требование поправить хозяйство, разрушенное войной за счет рабочих и крестьян, путем невероятной эксплоатации, что можно было осуществить только с помощью военной диктатуры буржуазии. В это время Прокопович предлагает: „Пусть капиталист откажется от излишней прибыли, пусть рабочий откажется от излишнего отдыха". — И в той же речи сам говорит о „нежелании или неумении" торгово-промышленников „примириться с ролью комиссионеров и государственных агентов, действующих под строгим контролем и в определенных рамках".

„Мы имеем фактически дело с итальянской забастовкой, говорил меньшевик Шуб, и эта забастовка опирается на Шингарева с одной стороны, и на предпринимателей и торговцев с другой".

В резолюции своего съезда в июне 1917 года промышленники вполне определенно под видом борьбы с осуществлением „социалистического принципа" заявляют свой протест против какого бы то ни было вмешательства в экономические отношения, так как „при существующих условиях мирового хозяйства никакой иной экономический строй, кроме капиталистического, в России невозможен".

Спасти Россию от краха, совершенно неизбежного при сохранении капиталистических отношений, можно было только против промышленников, только в борьбе с буржуазией. Эту задачу мог выполнить только пролетариат, несмотря на запугивания меньшевиков, что „процесс этого регулирования труден и сложен, чтобы пролетариат мог возложить только на себя одного или даже

преимущественно на себя это регулирование, даже если бы другие классы населения предоставили ему выполнение этой задачи“.[1]

Пролетариат не мог отказаться от выполнения этой задачи, так как экономическое положение этого властно требовало, а соотношение сил было таково, что уже с первых столкновений февраля пролетариат фактически являлся гегемоном революции.

Попытка изобразить февральскую революцию как переворот, произведенный прогрессивным блоком Государственной Думы, как то старалась сделать буржуазия, не выдерживает никакой критики. Буржуазия, сплотившаяся вокруг Комитета государственной Думы, плыла по течению, направление которого определял пролетариат.

„Прогрессивный блок в государственной Думе — пишет в своих воспоминаниях Родзянко[2] — явился последствием необходимости самообороны и борьбы с нарождающимся революционным движением в стране“. 26 февраля, т.-е. тогда, когда революция уже стала фактом, председатель государственной Думы, Родзянко, шлет телеграмму Николаю II с указанием на мероприятия, необходимые для предотвращения революции, и речь идет лишь о том, что „необходимо немедленно поручить лицу, пользующемуся доверием страны, составить новое правительство“, т.-е. новый кабинет министров. Телеграмма заканчивается словами: „Молю бога, чтобы в этот час ответственность не пала на венценосца“.[3]

Уже после отречения Николая лидер буржуазии, Милюков, выставлял как условие, при котором он может войти в правительство, сохранение династии, представленной Михаилом Александровичем. И только фактическое преобладание пролетариата, поддержанного крестьянской армией, заставило буржуазию принять участие в перевороте, чтобы вырвать у пролетариата государственную власть. „Государственной Думе ничего не оставалось другого, как взять власть в свои руки и попытаться хотя бы этим путем обуздать нарождавшуюся анархию и создать такую власть, которую бы послушались все, и которая способна была прекратить нарождающуюся беду“.[4]

---

[1] Из резолюции III конференции профсоюзов. См. Пионтковский, „Хрестоматия“, стр. 108.

[2] Архив Русской Революции, издаваемый Гессеном, в Берлине. Том VI.

[3] Пионтковский, „Хрестоматия“, стр. 59.

[4] Родзянко, „Госуд. Дума и Февр. 1917 г.“ Архив „Русской Революции“, изд. Гессеном. Том VI, стр. 47.

Эта „нарождающаяся беда“ в виде Совета Рабочих Депутатов, выросшего непосредственно из массового революционного восстания, появилась в первый день революции, и стала единственной силой, способной вести за собой массы.

„Рядом с этим (временным *Ан.*) правительством, писал Ленин в своем первом письме о революции, [1] в сущности, простым приказчиком миллиардных „фирм“: Англии и Франции, с точки зрения данной войны, — возникло новое, неофициальное, неразвитое еще, сравнительно слабое рабочее правительство, выражающее интересы пролетариата и всей беднейшей части городского и сельского населения. Это — Совет Рабочих и Солдатских Депутатов в Питере“.

И самое образование Временного Правительства, представляющего интересы буржуазии, спасающейся от революции, могло произойти только потому, что действительно массовое, действительно революционное правительство, попавшее в руки меньшевиков и эс-эров, добровольно сдало свою власть и санкционировало образование правительства буржуазии. Без авторитета Совета, без прикрытия революционными фразами Керенского, существование Временного Правительства было немыслимо. И характерно, что на первом собрании представителей Совета и государственной Думы, где обсуждался вопрос об образовании Временного Правительства, Милюков требовал „декларации, в которой было бы указано, что данное правительство образовалось по соглашению с Советом Рабочих Депутатов, что „постольку“ это правительство должно быть признано законным в глазах народных масс и заслуживать доверие их“. [2]

Были ли в историческом развитии России предпосылки того, что пролетариат оказался гегемоном революции несмотря на отсталость России и ее промежуточное положение между развитым Западом и отсталым Востоком?

Экономическая отсталость России означает и громадное преобладание в стране крестьянства с его мелким примитивным хозяйством и отсталость самого пролетариата. Однако, особенность исторического развития промышленности в России привела к тому, что несмотря на слабость русского пролетариата в целом, он имел сильный сконцентрированный авангард.

Если в Германии, стране развитого капитализма, в 1907 году около 11% всех рабочих было занято на предприятиях-гигантах (свыше 1 000 рабочих), то в России уже

---

[1] Ленин, Собр. соч. т. XIV, ч. I, стр. 10.
[2] Суханов, „Записки о революции“, кн. I.

в 1902 году на фабриках-гигантах было занято 40% рабочих.[1] К тому же эти крупные предприятия были сконцентрированы в небольшом количестве городов России благодаря чему пролетариат получил преобладание в командующих пунктах страны. Большой революционный опыт это преобладание закрепил.[2]

Большая роль иностранного капитала в русской промышленности привела, во-первых, к развитию интернациональных чувств русского пролетариата, и, во-вторых, к тому, что пролетариат России в своем развитии как класс опередил буржуазию, уже организованную политически (особенно за время войны), но еще не порвавшую связи с реакционным помещиком. Русская буржуазия не могла быть революционной, ибо угроза со стороны пролетариата преследовала ее с пеленок.

Пролетариат стал гегемоном „не потому, что российский пролетариат стоит выше рабочего класса иных стран, но только и только потому, что мы были одной из самых отсталых стран в мире“.[3]

И прежде всего потому, что только пролетариат мог повести за собой многомиллионное крестьянство на борьбу с остатками крепостничества.

За буржуазией крестьянство не могло пойти потому, что, во-первых, буржуазии, противопоставляющей себя помещикам, не было, и, во-вторых, в условиях послевоенной разрухи интересы крестьянства наиболее сильно сталкивались именно с интересами промышленной буржуазии.

Половинчатое решение вопроса о государственном регулировании хозяйства (твердые цены на хлеб и свободные цены на промышленные изделия) больнее всего ударяло по крестьянству. Деревня растратила на войну свои производительные силы, что решительнее, чем раньше толкало деревню к борьбе с существующим экономическим и политическим строем. Война безусловно усилила расслоение деревни, но в основном вопросе — вопросе о земле — деревня была единой. И именно в этом вопросе буржуазия не шла даже на такие уступки, которые не затрагивали основ капиталистического строя. Решающую роль в этом отношении, кроме связи буржуазии промышленной

---

[1] Туган-Барановский, „Основы политической экономии“, глава V.

[2] „Без трех лет величайших классовых битв и революционной энергии русского пролетариата 1905—1907 гг. была бы невозможна столь быстрая, в смысле завершения ее начального этапа в несколько дней, вторая революция“. Ленин, „Письма издалека“, том XIV, ч. I, стр. 5.

[3] Ленин, „Речь в Моск. Совете 23 апреля 1918 г.“, Собр. соч. том XV, стр. 187.

с землевладельцами, играло то обстоятельство, что значительная часть помещичьих земель была заложена и поэтому малейшее покушение на землю должно было отразиться на русских и иностранных банках. [1]

Политика Временного Правительства в вопросе о земле выявилась в декларации 25 сентября (8 октября), где говорилось об удовлетворении крестьянских интересов „без нарушения существующих форм землевладения“, в законопроекте Маслова (все это уже тогда, когда крестьянское восстание принимало широкие размеры), который сохранял арендную плату „сообразно чистой доходности“ поступающую в значительной части „подлежащему владельцу“ и, наконец, в разгоне и арестах земельных комитетов.

Вот почему „мы могли осуществить именно тот союз“ крестьянской войны „с рабочим восстанием, о котором как об одной из возможных перспектив писал Маркс, в 1856 году по отношению к Пруссии“. [2]

„Крестьянская война“ стала фактом. Она кроме форм захвата земли и сжигания помещичьих усадеб вылилась в саботаж продовольственных мероприятий правительства, натурализацию сельского хозяйства и дезертирство из армии.

Даже на 1-м крестьянском съезде, где крестьянство было представлено исключительно его кулацкой частью, по вопросу о земле наметился раскол между эс-эровской головкой съезда и крестьянской его частью, со стороны которой раздалось требование немедленно объявить социализацию земли. [3] К этому нужно прибавить, что там, где пролетариат не мог взять на себя непосредственное руководство крестьянским движением — на окраинах вопрос осложнялся национальным составом этих окраин. Национальная политика буржуазии и Временного Правительства приводила к тому, что мелко-буржуазное национальное движение, далеко не идущее за движением пролетарским и создавшее впоследствие очаги контр-революции, направлялось все же против Временного Правительства.

Инцидент с Украинской Радой, [4] когда после торжественных заявлений, послуживших поводом к министерскому кризису Временного Правительства, Генеральный Секретариат Украинской Рады привлекается к ответствен-

---

[1] „Землевладельцам будет закрыт кредит. Из каких же средств землевладение будет уплачивать свои долги банкам“. Из речи Родзянко. Цитирую по ст. Месяцева в сборнике ЦКРКП „За 5 лет“.

[2] Ленин, „О нашей революции“ (по поводу записок Суханова). „Правда“ от 16 января 1923 года. Собр. соч. т. XVIII, ч. 2, стр. 111.

[3] См. Гуревич, „Всеросс. Крест. Съезд и 1 коалиция“ в томе I Летописи Революции изд. Гржебина.

[4] См. Рафес, „Два года революции на Украине“.

ности за стремление к отделению от России, лучше всего показывает, что Временное Правительство национальный вопрос разрешить не могло. Своей политикой оно настолько усиливало центробежное стремление окраин, что даже казацкие окраины — надежда реакции — уходили из-под влияния Временного Правительства. Еще до Октябрьской революции Кубанская Рада постановила о выделении Кубани в республику, являющуюся „равноправным самоуправляющимся членом федерации народов России“.

Все противоречия, в которых запуталась революция в ее первом этапе, обострялись войной — фактором, сыгравшим решающую роль в революции. Война явилась „всесильным режиссером“, этим могучим ускорителем“. [1]

Революция буржуазии должна была дать новые возможности для продолжения старой империалистической войны. Революция масс, какой она была в действительности, должна была убить империалистическую войну. Однако, тот шовинизм, который охватил самые широкие массы в 1914 году, который задержал рост рабочего движения 1912—1914 гг. и который имел корни в мелко-буржуазном строе России, не мог не сказаться и в 1917 году. „Гигантская мелко-буржуазная волна захлестнула все, подавила сознательный пролетариат не только своей численностью, но и идейно, т.-е. заразила, захватила очень широкие круги рабочих мелко-буржуазными взглядами на политику“. [2]

Эта мелко-буржуазная волна привела к тому, что поставила во главе рабочего правительства представителей мелко-буржуазных партий, которые добровольно сдали власть в руки буржуазии, и которые в вопросе о войне объективно помогали буржуазии проводить старую захватническую политику, прикрывая ее оборонческими лозунгами.

„Массовые представители революционного оборончества добросовестны, — не в личном смысле, а в классовом, т.-е. они принадлежат к таким классам (рабочие и беднейшие крестьяне), которые действительно от аннексий и от удушения чужих народов не выигрывают“. [3] И эти добросовестно-оборончески настроенные массы, прежде всего крестьянство, неизбежно должны были до поры до времени доверять буржуазии, которая подтверждая грабительские договоры, в то же время провозглашала, „что цель свободной России — не господство над другими народами, не отнятие у них национального их достояния, не насильственный захват чужих территорий,

---

[1] Ленин, „Письма издалека“.
[2] Ленин, „Задачи пролетариата“. Собр. соч. т. XIV, ч. I, стр. 41.
[3] Ленин, „Задачи пролетариата“. Собр. соч. т. XIV, ч. I, стр. 45.

но утверждение полного мира на основе самоопределения народов"..· „Русский народ не допустит, чтобы родина его вышла из великой борьбы униженной и подорванной в жизненных своих силах". [1]

Но мелко-буржуазный патриотизм не мог допустить унижения родины не только от Германии, но и от союзников. Между тем продолжение войны ставило разоренную Россию в полную зависимость от более сильного иностранного капитала. Россия стала в полную материальную зависимость от Англии. За те жертвы военным материалом, тоннажем, капиталом, которые приносила Англия для снаряжения нашей армии — Россия не в состоянии была оплачивать материальными средствами... Россия всегда просила, Англия — давала — пишет в своих воспоминаниях русский посол в Англии. [2] Уже одно это должно было внести серьезные сомнения в настроение пробуженной революцией к жизни, патриотически-настроенной, массы мелкой буржуазии.

Кроме того, захватнические цели войны, близкие только наиболее зажиточной части мелкой буржуазии и выявлявшиеся все определеннее из-под оборонческих деклараций, должны были сменить доверие к Временному Правительству, состоянием настороженности по отношению к его воинственной политике.

Надвигающийся крах народного хозяйства и неспособность Временного Правительства разрешить экономические вопросы, без которых продолжение войны должно было всей тяжестью лечь исключительно на плечи рабочего класса и крестьянства, наглядная заинтересованность буржуазии в военных прибылях на почве народной нищеты, неудовлетворение экономических требований пролетариата и крестьянства и вместе с тем отсутствие каких-либо перспектив, благоприятных для России — все это должно было рассеять оборончество и привести к стремлению к миру во что бы то ни стало.

И если соглашательский ЦИК не мог иначе обращаться к солдатам, как начиная с того, что „те лишения, которые вы и сейчас несете, — дело рук царя и его приспешников, до тла разоривших страну" и что „для народа каждый лишний день войны — лишнее горе" [3] то солдаты естественно должны были сделать отсюда более логические выводы, чем делали меньшевики и эс-эры.

Вот почему нота Милюкова от 19 апреля вызвала взрыв возмущения солдатской массы, а наступление

---

[1] Декларация Вр. Правительства о целях войны 27 марта (9 апр.) 1917 г.

[2] Набоков, „Испытания дипломата".

[3] Обращение ЦИК к армии 2-го мая н. с.

18 июня было сорвано массовым дезертирством и отказом от выполнения боевых приказов.

„Массы солдат пришли в возмущение, ибо они добросовестно верили искренности и миролюбию капиталистов. Демонстрации (20—21 апреля) начались как солдатские демонстрации с противоречивым, несознательным, ни к чему не способным повести лозунгом „долой Милюкова“ (точно перемена лиц или группок могла изменить суть политики).

Это значит, что широкая, неустойчивая, колеблющаяся масса, ближе всего стоящая к крестьянству, по научно-классовой характеристике мелко-буржуазная, колебнулась прочь от капиталистов на сторону революционных рабочих. Это колебание или движение массы, способной по своей силе решить все, и создало кризис.

Тогда сейчас же начали приходить в движение, выступать на улицу и организовываться не средние, а крайние элементы, не промежуточная мелко-буржуазная масса, а буржуазия и пролетариат“.[1]

Дни 20—21 апреля и последовавший за тем министерский кризис — отставка Милюкова — показали неустойчивость того равновесия классовых сил, которое создалось в начале революции благодаря отказу руководящей верхушки Совета от классовой борьбы. „Классовый мир“ был нарушен. „Бумажку с надписью: инцидент исчерпан — написать можно. Но в живой жизни эти инциденты не исчезнут, писал Ленин, и это по той простой причине, что это вовсе не „инциденты“, не случайности, не мелочи. Это внешнее проявление глубокого внутреннего кризиса“.

Буржуазия, попытка которой (при максимальных свободах и активности масс) проводить свою политику только прикрытием социалистов кончилась вынужденным уходом Милюкова, стала готовиться к борьбе другими средствами, стала открыто готовить военную диктатуру.

Партия Народной Свободы, подтверждая политику Милюкова в декларации по поводу его отставки, провозглашает начало гражданской войны. „Призывая всех свободных граждан к добровольному повиновению созданной ими самими власти, правительство не может ожидать чтобы такой зов воздействовал на преступные или анархически настроенные общественные элементы, ставящие себе прямой целью разрушение всякого порядка и посягательства на чужие права. С этими элементами необходима настойчивая борьба, не ограничивающаяся увещеваниями, не останавливающаяся перед применением всех находящихся в распоряжении государства, мер принуждения...

[1] Ленин, „Уроки кризиса“. Собр. соч. том XIV, часть 1, стр. 107.

Партия не считает возможным мириться с полумерами в этой борьбе“.

Что эта борьба направлена не только против большевиков, но и против Рабочего Совета, достаточно ясно свидетельствует следующее место той же декларации: „Партия Народной Свободы полагает, что первым условием полноты и действенности этой власти должен быть решительный отказ всех без исключения групп и организаций от присвоения себе права распоряжений, отменяющих, либо изменяющих акты Временного Правительства и вторгающихся в область законодательства или управления“.

Те же нотки слышны и в декларации нового, коалиционного правительства: Временное Правительство заявляет, что для спасения родины оно примет самые энергичные меры против всяких контр-революционных попыток, как и против анархо-неправомерных и насильственных действий, дезорганизующих страну и создающих почву для контр-революции“.

Так как декларация нового Временного Правительства не вносила по существу ничего нового в политику Временного Правительства первого состава, то заявление об энергичных мерах борьбы не могло означать ничего иного, как борьбу против всяких попыток выступления пролетариата и крестьянства со своими требованиями. Петроградский Совет счел возможным ответить на это призывом к демократии „оказать этому правительству деятельную поддержку, обеспечивающую ему всю полноту власти“, [1] и послал в это правительство своих заложников: министра земледелия — Чернова, почт и телеграфов — Церетелли и труда — Скобелева.

Подготовка буржуазии к устранению двоевластия и к захвату всей полноты власти началась с первых дней революции. Если Милюкову не удалось создать для буржуазии орудия династической власти в лице Михаила Александровича, зато в органах управления буржуазия сумела сохранить старых царских чиновников и в само министерство ввести таких „революционеров“, как Гучков и Львов. Буржуазия заключила блок с реакционными монархическими элементами и все силы направила на то, чтобы, по возможности, сохранить старые аппараты управления.

Частая смена генералов в армии означала только слабость буржуазии, а отнюдь не нарушение целости монархической верхушки армии, так как Эверт сменялся Гурко, Гурко — Деникиным, Рузский — Драгомировым, Сахаров — Щербачевым — все достаточно яркие контр-революцион-

---

[1] Резолюция Петроградского Совета 5 мая.

ные фигуры. А к Корниловскому выступлению было „велено подтянуть в Петроград всю прежнюю полицию и жандармерию“.[1]

Кроме этого буржуазия создает и поддерживает целый ряд организаций фашистко-черносотенного типа: Пуришкевич организует контр-революционную часть Петроградского офицерства; в ставке создается главный комитет офицерского союза и военная секция Республиканского, явно монархического, несмотря на название, Центра к августу насчитывает до 4000 членов; под видом обучения бомбометанию ставка концентрирует эти силы в Петрограде.[2] „Военная лига“, „Единение, честь родины и порядок“, „Добровольцы Народной Обороны“, „Организация Князя Мещерского“, „Союз Казачьих Войск“ — вот те организации, которые создаются буржуазией для полного разгрома революции. Нити отсюда тянутся к ЦК партии Народной Свободы, к организациям землевладельцев и торгово-промышленников и к Комитету Государственной Думы.

Наступление 18 июня на фронте должно было послужить началом наступления реакции в тылу. Вокруг вопроса о наступлении скрестились все силы. Союзники принимают самое активное участие в подготовке этого наступления. Генералы Жанен и Бартер сидят в ставке и фактически управляют, а социалисты, Тома, Гендерсон и Вандервельде, уговаривают армию. То же разделение труда существует и у русских социалистов с русскими реакционными генералами.

Одни, не потерявшие еще надежду на „оздоровление России“ ждут, что удачное наступление вызовет патриотический подъем; другие надеются, что неудачное наступление даст возможность запугать тех из социалистов, которые еще пытаются сопротивляться реакции.

Политическое значение наступления настолько преобладает, что стратегическая сторона наступления остается совершенно не подготовленной: не выполняется самое примитивное требование стратегии — установление твердого срока наступления. Северный и румынский фронты переходят в наступление тогда, когда юго-западный фронт уже терпит поражение.[3]

Наступление 18 июня ознаменовалось поражением реакции на фронте. Хотя реакция уже 18 июня не отказывалась от использования поражения на фронте в своих целях, как это сделано было позже с Рижским прорывом,

---

[1] Воспоминания Львова см. Хрестоматию Пионтковского
[2] См. Деникин, „Очерки Русской Смуты“, т. II, ч. I.
[3] См. Деникин, „Очерки Русской Смуты“, вып. II.

но основное, что показала неудача наступления 18 июня, это выход масс из-под влияния „главноуговаривающих“ социалистов. Более оформленно этот же процесс выявился 18 июня в Питере, где, на отложенной по требованию меньшевистского совета демонстрации, питерские рабочие и солдаты вышли почти исключительно с большевистскими лозунгами.

„Восемнадцатое июня, — писал Ленин, — так или иначе, войдет в историю русской революции, как один из дней перелома.

Взаимное положение классов, их соотношение в борьбе друг с другом, их сила в особенности по сравнению с силой партии, — все это вскрылось воскресной демонстрацией так отчетливо, так ярко, так внушительно, что при всяком ходе, при взяком темпе дальнейшего развития выигрыш сознательности и ясности остается гигантским“. [1]

И если собравшийся к этому времени первый съезд Советов прошел еще под меньшевистскими лозунгами, то, в то же время, он был сплошным конфликтом между революционной частью пролетариата и съездовским большинством, и показал, что социалисты могут опираться уже только на отсталые слои пролетариата, что для сохранения своего господства в Советах меньшевики и эс-эры принуждены с передовой частью пролетариата вести борьбу и жить прошлым, уже исчерпывающимся влиянием.

Это прошлое влияние меньшевиков и эс-эров, а главное накопленное за первое время революции организационное укрепление, дало еще возможность буржуазии нанести серьезный удар рабочему движению, вылившемуся в стихийную демонстрацию 3 — 5 июля.

Длинный ряд конфликтов рабочих крупнейших заводов на экономической почве, показавший подлинную сущность Временного Правительства; открытое наступление реакции, объективно поддерживаемой социалистами; нарастание аграрного движения — захвата земли против воли „крестьянской партии“ — соц.-рев.: продовольственные неурядицы и надвигающийся промышленный и финансовый крах — все это привело пролетариат и солдат в настолько сильное брожение, что партия большевиков должна была стать во главе того выступления 3 — 5 июля, которое партия считала преждевременным.

Неорганизованность выступления дала возможность реакции расправиться с ним и начать решительное преследование большевиков, внести смертную казнь на фронте и готовить переворот — провозглашение военной диктатуры в тылу.

---

[1] Ленин, Собр. соч. т. XVI, ч. I, стр. 277.

Корниловское выступление показало, что июльская победа буржуазии не разбила силы пролетариата, хотя и была его серьезным поражением. Пролетариат был достаточно силен, чтобы дать отпор наступлению буржуазии. И если Временное Правительство и меньшевистские советы не могли оказать решительное сопротивление реакционным попыткам буржуазии, то пролетариат при поддержке армии, вышедшей окончательно из повиновения, неизбежно должен был выступить против Временного Правительства, против меньшевиков и эс-эров.

„Мы боялись своей победы“ говорил Прокопович о борьбе с Корниловым на кооперативном съезде 17 (30) сентября, и объяснял причину этой боязни: боялись, что победа над Корниловым вызовет революционный подъем. [1]

„И уже теперь, — говорил Прокопович — как экономист, могу предвидеть тот месяц, когда мы окончательно экономически развалимся... Что нужно, чтобы спасти нас от надвигающегося голода? Нужно, чтобы появился хозяин в стране, нужно, чтобы была власть“.

Такой властью, которая могла спасти страну от надвигающегося голода, могла быть только власть пролетариата. Буржуазия потерпела поражение и политически и экономически. И ответом на попытку установления военной диктатуры буржуазии было классовое оформление организаций пролетариата — Советов — и возвращение им власти, сданной меньшевиками буржуазии. Диктатура пролетариата вытекала с исторической неизбежностью из всего развития революции.

---

[1] Все дело в том, что революционные угрозы мелких буржуа и их демократических представителей являются просто попытками запугать противника. И когда их припрут к стене, когда достаточно скомпрометировав себя болтовней, они вынуждены, наконец, выполнить свои угрозы, они делают это крайне двусмысленно, они избегают всех средств, прямее всего ведущих к цели, „всячески выискивают предлоги для сдачи“.

Маркс. 18 Брюмера.

РАЗЛОЖЕНИЕ АРМИИ.

Оперативные планы 1917 года. Состояние армии к революции. Армия и революция. Солдатская масса армии. Высшее командование. Комитеты. Офицерство. Части, сохранившие боеспособность. Работа „военки“. Причины, ускорившие разложение армии.

Февральская революция застала армию в подготовке к весенним и летним операциям 1917 года, планы которых обсуждались и в ставке и командующими фронтами. Решающее слово в выработке плана принадлежало, однако, союзникам, представители которых в ставке были фактически верховной властью в русской армии. План наступления был выработан на совещании 2 (15) ноября во французской главной квартире и дипломатически вежливо, но вполне определенно был предложен ставке для выполнения.[1] Союзники снабжали и потому требовали. Точно так же, как в начале войны, русская армия должна была взять на себя выполнение наиболее сложной части общей операции всех союзных армий.

Выработка планов наступления происходила одновременно с нащупыванием союзниками, без всякого участия России, почвы для заключения мира[2] при удобном случае и за счет России. А в это время русская армия, отражая в себе все недостатки разлагающегося бюрократического аппарата самодержавной России, неизбежно разлагалась, отыгрываясь лишь на громадном количественном составе.

Боевое снабжение армии находилось в руках военного министерства, которое вело форменную войну со ставкой, требующей снабжение, и с военно-промышленными комитетами, это снабжение заготовляющими. Требования с фронта с большим запросом были обычным явлением — никто нигде не знал сколько чего и куда нужно, и когда союзники в 1916 году потребовали сведений о потребностях армии, никто в армии правильных сведений об этих

---

[1] Зайончковский, „Кампания 1917 г.“, стр. 15.
[2] Воспоминания Людендорфа.

потребностях дать не мог. Ведомственная склока в высших военных органах доходила до таких размеров, что ГАУ (главное артиллерийское управление) обходили при составлении требований на артиллерийское имущество. В распределении имущества по фронтам были случаи умышленного направления снабжения не в то место, куда требовало командование. [1] Сухомлиновщина была только наиболее ярким проявлением тех порядков, которые царили в армии.

Правда, к 1917 году, путем чрезмерного экономического напряжения страны, снабжение армии боевыми припасами поднялось на большую, сравнительно, высоту, но результат чрезмерного напряжения сказался очень быстро.

„Расстройство транспорта, а вместе с тем и недостаток продовольствия приняли угрожающие размеры. На северном фронте запасов оставалось на два дня, на западном— перешли на консервы и сухарный запас, на Карпатах люди сидели на селедках, а на румынском — положение было еще хуже. На юго-восточных дорогах прекратился всякий вывоз вследствие неподачи подвижного состава; мельницы остановились, будучи переполнены мукой, которая не вывозилась. Из-за переполнения складов солониной прекратился убой скота. Из-за неподвоза угля остановились многие заводы, работающие на оборону. В угольном районе шахты и железные дороги заносились снегом, так как не было рабочих для расчистки. Короче приходилось констатировать полное расстройство транспорта“. [2] Так обстояло дело со снабжением. Не лучше было поставлено и управление колоссальными армиями.

„Благодаря полному отсутствию связи в распоряжениях и строго продуманного плана, назначению на высшие посты в армии без разбора, сообщал ген. Крымов Родзянке [3] — наши блестящие успехи сводятся на нет, и в армии, в ее солдатском составе, растет недовольство и недоверие к офицерству вообще и начальству в частности, и, таким образом, армия постепенно разлагается и дисциплине грозит полный упадок. Легко, может, быть, что при таких условиях солдаты откажутся итти вперед и, что всего ужаснее, под влиянием преступной агитации, с которой никто не борется и которой не могут положить предел, армия в течение зимы может просто покинуть окопы и поля сражения. Таково грозное, все растущее настроение в полках“.

[1] Маниковский, „Боевое снабжение русской армии“.

[2] Зайончаковский, „Кампания 1917 года“ (по материалам ставки), стр. 38.

[3] „Воспоминания Родзянко“, Архив Русской Революции Гессена. Т. VI.

Таково действительно было состояние армии до февральской революции, зимой 1916 г. К зиме 1915—1916 г. в плену было 2 миллиона, дезертиров — $1^1/_2$ миллиона (по официальным сведениям), что составляло в общей сумме одну треть всей армии и около половины армии, находящейся на фронте. Колоссальные мобилизации привели к тому, что, в силу недостатка офицерского и унтерофицерского состава, запасные части не могли обслужить мобилизованных, а органы снабжения не могли их одеть и накормить. А вызывались эти мобилизации в значительной мере безалаберностью армейских органов управления, так как половина армии находилась в тылу и не могла быть использована на фронте. [1]

Эти мобилизации сыграли решающую роль в революции 1917 года. Если в начале войны они служили фактором задерживающим революционное движение, изолируя от населения значительную часть революционных рабочих, то теперь армия стала вооруженным населением, так как сама система организации армии, как армии бюрократически-помещичьего режима, была нарушена распылением кастового состава офицерского кадра, привлечением на командные должности мелкобуржуазных элементов.

Армия перестала быть *царской* армией еще до февральского переворота. Февральская революция поставила вопрос о том, сохранится ли армия как орудие в руках *буржуазии* теперь, в новых условиях. Решение этого вопроса находилось, конечно, вне армии, в соотношении классовых сил в стране, но армия, представлявшая собою значительную часть населения страны, сама являлась могучим решающим фактором классовой борьбы. Состояние армии к моменту февральского переворота и перенесение в самую армию классовой борьбы говорило о том, что армия выйдет из повиновения буржуазному правительству.

Солдатская масса армии была не просто отражением крестьянской массы России, но наиболее революционной, как по возрастному, так и по имущественному составу его частью, так как кулачество имело широкую возможность уклоняться от мобилизации. В этом смысле армия была подлинным революционным авангардом деревни, к тому же вооруженным. И если крестьянство неизбежно должно было уйти из-под влияния буржуазии, то в отношении армии вполне понятны были опасения буржуазии, высказанные ген. Брусиловым, „что с последним выстрелом на фронте, все, что теперь еще удается удержать

---

[1] По некоторым сведениям в тылу было больше половины, по другим несколько меньше, но все сходятся на том, что тылы были резмерно раздуты.

в окопах, ринется в тыл, и притом с оружием в руках. Эта саранча способна все поглотить на своем пути, окончательно погубить и свободу и все завоевания революции". [1] В борьбе за армию эти соображения для буржуазии и помещиков играли большую роль на ряду с соображениями внешней политики.

„А чтобы сами крестьяне на местах могли немедленно взять всю землю у помещиков и распорядиться ею правильно, соблюдая полный порядок, оберегая всякое имущество от порчи, писал Ленин, [2] для этого надо, чтобы солдаты помогли крестьянам".

„Крестьяне, рабочие, солдаты, – огромное большинство в государстве. Это большинство хочет, чтобы все земли немедленно перешли в руки Советов Крестьянских Депутатов. Никто не сможет помешать большинству, если оно хорошо организовано (сплочено, объединено), если оно сознательно, если оно вооружено". В этом „если" заключался основной вопрос революции. Армия— это наиболее революционная часть крестьянства. Если буржуазии удастся сохранить это вооруженное крестьянство в своей организации—в руководимой генералами армии—это значит, что первое „если" будет разрешено в пользу буржуазии и помещиков.

Но генералитет армии — это представители помещичьей России. Если можно еще было говорить о сохранении крестьянства под влиянием буржуазии, то в армии и буржуазия должна была удержать наиболее революционную часть крестьянства в подчинении помещикам. И первым противоречием, которое вело армию к разложению было в силу этого, противоречие между новым способом удержания масс в повиновении буржуазии [3] и оставлением в армии проводников старого режима— царских генералов—помещиков.

Это противоречие было настолько сильно, что даже первый военный министр Гучков уволил до 150 старших начальников, в том числе 70 начальников дивизий.

Эти перемены в высшем командном составе были попыткой, путем замены лиц, сохранить систему и руководство армией в руках того же класса. Генералы-помещики сменялись генералами-помещиками. Например, на юго-западном фронте за время революции состав главнокомандующих фронтами изменился следующим образом:

---

[1] „Красная Летопись" № 6. Письмо Брусилова.

[2] Ленин. „Солдаты и земля". Собр. соч. том XIV, ч. I, стр. 86.

[3] „Своеобразие момента в России — головокружительно - быстрый переход от первого способа ко второму, от насилия над народом к лести народу, к обманыванию его обещаниями" Ленин. Письма о тактике. Собр. соч., том XIV, ч. I, стр. 42.

Брусилова сменил Гутор, Гутора — Корнилов, Корнилова— Балуев, Балуева — Володченко. Все это представители одного режима, одного класса.

Противоречие, указанное выше, не устранялось, но частая смена командующих отзывалась на состоянии армии.

Чрезвычайно характерный материал для выяснения тех отношений, которые создались в результате этого противоречия дает материал совещания в ставке 16 июля 1917 года. [1]

Ярче всего настроение высшего командного состава выражено в речи генерала Деникина, речи, поддержанной всеми генералами, присутствующими на совещании.

„Кредо" Деникина достаточно характерно выражено его следующим заявлением: „В лице здесь присутствующих министров обращаюсь я к Временному Правительству: ведите Россию к правде и свету под красным знаменем свободы, а нам дайте возможность вести наши войска под нашими старыми знаменами, обвеянными победами, к обрывкам лент которых тысячи уст благоговейно прикладывались, принося присягу на верность родине и за которыми шли к победе и славе... Не бойтесь начертанных на них остатков самодержавия; они давно уже стерты нашими руками. Вы—втоптали в грязь наши славные боевые знамена, вы и подымите их, если в вас есть совесть". Так закончил свою речь Деникин и получил за нее рукопожатие и благодарность от „революционного" министра Керенского.

На этом совещании Керенский в ответ на упреки в том, что „офицеры до главнокомандующего включительно изгонялись как прислуга" заявил: „Я моложе Гучкова, однако, 120 генералов не уволил". Но тот же Керенский не опроверг сообщения Деникина о том, что „военный министр как-то на северном фронте обмолвился, что он может в 24 часа разогнать весь высший командный состав".

Это сопоставление показывает взаимоотношения Временого Правительства и генералитета. С одной стороны— политика сохранения старого руководящего состава армии, с другой стороны, показное перед массами, под давлением масс, революционизирование армии. И насколько речь шла именно о сохранении армейской касты показывает замечание Брусилова по поводу назначения прапорщика Змиева на генеральскую должность „тогда его надо произвести в генералы".

Это противоречие нашло свое предельное отражение в Корниловском выступлении, в противоречивом, преда-

---

[1] „Красная Летопись" № 6.

тельском и по отношению к Корнилову и по отношению к революции, поведении Керенского. Как это отражалось на общем развитии революции—об этом в другом месте, а как эти отношения отражались на состоянии армии—это должно быть совершенно понятно каждому, кто знает, что означает в армии частая смена командного состава, и такие отношения, когда главнокомандующий боится ехать в Питер на вызов правительства и когда в армии распространяются такие сведения, что на заседании Правительства Керенский остановил доклад Корнилова из опасения, что оперативные сведения через членов Правительства попадут к немцам. [1]

Разложение, а не замена высших органов управления армией—вот одна из причин разложения самой армии. Особенно сильно это сказалось тогда, когда высший командный состав попытался, подталкиваемый буржуазией, взять в свои руки руководство не только армией, но и всей политической жизнью страны.

Ультиматумы правительству о восстановлении смертной казни на фронте и в тылу, обсуждение на совещании в ставке вопроса о том, как под видом военной необходимости разгрузить Петроград от революционных элементов. [2] Эти и целый ряд других фактов, в особенности Корниловское выступление, показывают, что генералитет армии пытался распространить свою власть на всю страну. Корнилов выразил это стремление в своем заявлении на совещании 30 июня о трех армиях: одна—в окопах, другая—в мастерских и заводах, третья—на железных дорогах. [3]

В этой своей политике генералитет встретил чрезвычайно решительный отпор со стороны солдатских масс, и нерешительное, неуверенное сопротивление со стороны мелкобуржуазных, интеллигентских элементов армии, боящихся одинаково и революции и контр-революции, колеблющихся и своими колебаниями разлагающих армию.

Это те элементы мелко-буржуазного офицерства, чиновничества и привилегированной части солдат, которые возглавляли первое время, а в значительной части фронта и до конца, солдатские комитеты.

Самое появление комитетов в армии есть результат влияния именно этой части армии, выдвинутый стихийным напором масс к власти мелкобуржуазной интеллигенции. Вся политика мелкобуржуазных партий, все своеобразие первого этапа революции — двоевластие, добровольная

---

[1] Деникин, „Очерки Русской Смуты". Том II. Меня не интересует сейчас было ли это в действительности. Важно, что такие слухи ходили в армии.

[2] Протоколы Совещания 16 июля. „Красная Летопись" № 6.

[3] Деникин. Очерки. Том 2.

сдача власти буржуазии и игра в демократизм—все это нашло полное и яркое отражение в армейских комитетах.

Организованные в Питерском гарнизоне приказом № 1, по которому им представлялась полная возможность захватить власть в армии в свои руки, они остались органами контроля и разложения армии.

Приказ № 1 доставил немало хлопот представителям буржуазии и офицерству, и до сих пор в эмигрантских кругах рассматривается как первопричина разложения армии. Но он был только закреплением того соотношения сил, которое создалось в армии и стихийно распространилось по всей армии.

Такое положение, когда „всякого рода оружие, как-то: винтовки, пулеметы, бронированные автомобили и прочее,—должны находиться в распоряжении и под контролем ротных и батальонных комитетов и ни в коем случае не выдаваться офицерам, даже по их требованиям" означало фактическое лишение власти командного состава армии.

Комитеты обнаруживают „страшное стремление к власти. Так, например, фронтовой комитет (западного фронта) требует передачи правительственной власти комитетам на местах. Комитет второй армии требует права действовать от имени центральных комитетов... Комитеты смещают начальников... на фронте было 60 случаев смещения начальников. Ротные и полковые комитеты входят в обсуждение положительно всех вопросов"—говорил Деникин на совещании 16 июля. Только стремление к власти — это стремление масс и выявлялось большей частью в комитетах против воли его меньшевиствующих и эс-эрствующих членов. „Комитеты—одно, а члены комитетов—другое",—верно отметил в той же речи Деникин. „В комитетах северного фронта настроение желательное,—говорит генерал Клембовский, но чем лучше комитет, тем скорее падает его авторитет в глазах солдат". И иногда по адресу таких комитетов приходится слышать: „в штыки вас всех, это вам будет дело".

Интересно, что большинство генералов довольно мирно отзывалось о составе комитетов и чувствуется в их отзывах, что они сознают необходимость комитетов и комиссаров, но как орудие в их руках для усмирения солдатской массы. „Что же касается войсковых комитетов, то их уничтожить нельзя, но комитеты должны быть подчинены начальникам, говорил Брусилов—„сами начальники просят о комиссарах и агитаторах"...

Но попытка комитетов и комиссаров в армии, так же как и попытка меньшевистского Совета в стране, выполнить роль моста между генералом-помещиком и солдатом-

крестьянином, привела только к тому, что и комитеты не могли удержать под своим влиянием солдатскую массу.

Рядовое офицерство, которое ближе было по своему составу к солдатской массе, чем к высшему командному составу, находилось в том же положении, что и комитеты, состав которых в значительной части и комплектовался рядовым офицерством. „Они разделились на три категории: одни, скрепя сердце, продолжают нести свои обязанности, другие, скрестив руки, плывут по течению, а третьи, неистово махая красными флагами, ползут на брюхе перед богами революции, как некогда ползали при царях. [1]

Офицерство представляло собой пеструю по своему социальному составу, но в массе своей мелкобуржуазную, пеструю по своей военной подготовке, но в массе своей неподготовленную, растерявшуюся и совершенно непригодную для выполнения сложных задач в революционной армии, часть армии. Оно не могло быть хорошим проводником контр-революционной политики командования, оно не могло и повести солдатскую массу против контр-революции. „Большинство офицеров до 75% спряталось в свою скорлупу, считая себя обиженными событиями“. [2] Это своеобразное офицерское дезертирство должно быть учтено, как одна из причин дальнейшего разложения армии.

Характерно, что это уклонение в свою скорлупу продолжалось и после октября, когда начали организовываться контр-революционные армии. К Корнилову на Дон „пробирались в армию сотни, а десятки тысяч выжидали, переходили к мирным занятиям, или покорно шли на перепись к большевикам“. [3]

Крестьянская масса армии оставалась, таким образом, без руководства. Армия не могла сохраниться как контрреволюционная армия, не могла стать и революционной армией в силу, во-первых, стихийной тяги крестьянства домой, и во-вторых, в силу разрушения организующих армию кадров. [4]

Некоторые части в значительно большей степени сохранили дисциплину и боеспособность до конца. И когда

---

[1] Деникин. Речь на совещании 16 июля.

[2] Из речи Брусилова на совещании 1 мая. Зайончковский. Кампания 1917.

[3] Деникин. Очерки. Том II, стр. 197.

[4] „Но что является самым необходимым, это мощная организация, которая могла бы создать армию из этих вооруженных людей. Эта организация заключается в офицерах и унтер-офицерах регулярной армии и она перестает существовать с их сдачей. После того, как такие организующие силы были отняты у национальной обороны, становится чрезвычайно трудным превращать толпы людей в роты и батальоны солдат“. Энгельс. Падение Меца, 1870 г.

мы рассмотрим какие это были части и почему они дольше сохранились, мы увидим полное подтверждение тому, что сказано об общих причинах разложения армии.

Сохранились части казацкие, части национальные— латышские и польские и некоторые части сохранились как части революционные.

Казацкие части сохранились потому, что помимо их особого классового состава, они были сформированы по земляческому признаку и потому представляли наиболее удобную организацию для возвращения домой на родину. И как только эти части пробивались к себе домой, при чем некоторые для этого вступали в борьбу и с контр-революционными формированиями, они расходились по домам. Ни Дутову, ни Каледину, ни Кубанской Раде не удалось сохранить на долгое время ни одной из старых казацких частей в своих войсках.

Отсутствие родины, занятой немцами, сыграло не малую роль в сохранении латышских и польских частей, при чем в первых, благодаря преобладанию сельско-хозяйственных и фабричных рабочих, значительно раньше получили преобладание большевики и взяли на себя руководство солдатской массой.

Наибольший интерес представляют именно эти большевистские, сохранивше свою организацию части. Кроме латышских стрелков мы находим и другие части старой армии сохранившиеся и принявшие участие в борьбе с контр-революционными окраинами в 1918 году. Это, во-первых, части кавказского, румынского и юго-западного фронтов, которые не могли иначе, как с оружием в руках, пробиться, через контр-революционные пробки Дона, Кубани и Украины и в силу этого сохранили (относительно) свою боеспособность. Во-вторых, это части с сильным преобладанием большевиков—моряки (с преобладанием рабочего состава) и даже обычные крестьянские части, например, некоторые сибирские полки северного фронта из 5 и 12 армий. Эти части Советской власти удалось, когда вся армия почти уже разбежалась, перебрасывать с северного фронта на юг для борьбы с контр-революцией, так как в них было твердое революционное руководство крестьянской массой. История таких частей,—особенно характерны заамурские полки, сохранившиеся долгое время уже после Брестского мира,— показывает, что преобладание в частях большевиков укрепляло организацию, но организацию революционную, которая в общей системе старой армии играла роль крупного разлагающего фактора.

Такую же роль играли в армии и дисциплинированные и организованные контр-революционные части, удар-

ные батальоны. Создание в армии таких частей в противовес большевистскому влиянию в армии означало объективно отказ буржуазии от надежды сохранить в своих руках всю армию. Во всяком случае, эти одни части, крепкие сами по себе, не могли своей силой подавить то разлагающее влияние, которое создавалось самым фактом их организации.

Работа партии большевиков в армии с самого начала революции приняла довольно широкие размеры. В питерском и близлежащих гарнизонах и во флоте большевики скоро достигли серьезного влияния. Но на отдаленные фронты организованное влияние партии проникало слабо. Военная организация большевиков (так называемая „военка“) имела значение только в центре, на рижском, отчасти на западном фронтах и в Финляндии. Изданием солдатских газет, организацией клубов, использованием каждого удобного случая для организации большевистских демонстраций и митингов—„военка“ значительно ускорила процесс отрыва армии от подчинения ее буржуазному правительству и контр-революционному командованию. [1]

Уже для встречи Ленина военной организации удалось мобилизовать до семи тысяч солдат Питерского гарнизона. Но особенно большое значение имела работа „военки“ среди бесчисленных делегаций с фронта. Эти делегации присылались иногда для того, чтобы настроить фронтовиков против питерских рабочих, но под руководством военной организации сближались с рабочими и несли в армию „большевистскую заразу“.

На конференции военных организаций большевиков в июне 1917 года было представлено 26 тысяч членов, число это росло, но все же влияние партии было не настолько сильно, чтобы, вырвав армию из рук контр-революции, сохранить ее как боеспособную силу в своих руках. Слишком слабо было в армии количество пролетариата, слишком распылен он был среди громадной массы крестьянства,—да и сам пролетариат, только избавлялся от все „захлестнувшей мелкобуржуазной волны“. [2] От армии удалось взять только некоторые силы для формирования новой революционной армии—армия должна была разложиться.

Решающую роль в разложении армии играло разложение правительства и надвигающийся экономический крах, отход крестьянства от буржуазии и от „добросо-

---

[1] См. ст. Подвойского в „Красной Летописи“, № 6 за 1923 г.

[2] Выражение Ленина.

вестного оборончества". Ускорило разложение армии то обстоятельство, что уже в разложившейся армии нужно было производить реорганизации, вызванные невозможностью содержать армию в прежних размерах.

По расчетам Верховского, можно было прокормить только 7 миллионов человек—было больше 10 миллионов. [1]

Увольнение старших возрастов, отпуск части солдат на полевые работы — все это послужило хорошим толчком к усилению дезертирства. И, наконец, формирование национальных частей на Украине и на Кавказе, для чего вытаскивались солдаты с фронта, явилось законным способом дезертирства. Все это ускорило разложение уже до революции разложившейся армии.

Буржуазия уже не могла овладеть крестьянской массой для того, чтобы использовать армию, как орудие, стоящее над обществом, как фактор укрепляющий власть буржуазии.

Пролетариат до захвата власти не мог овладеть крестьянством армии для того, чтобы превратить ее в революционную, Красную армию.

[1] Доклад Верховского на Врем. Совете Республики. „Былое" № 12 за 1920 г.

ПОДГОТОВКА ОКТЯБРЯ И ОКТЯБРЬСКОЕ ВОССТАНИЕ.

Основные этапы подготовки пролетариата: февраль — апрель — июнь — июльские дни — корниловщина. Тактика партии в эти моменты. Подготовка восстания. Письма Ленина. Подготовка вооруженных сил восстания. Красная гвардия. Работа в старой армии. Организация штаба восстания. Срок восстания. Восстания в Питере и в Москве.

„Оплатив своей кровью победу — писал Энгельс о французских революциях [1] — пролетариат неизбежно выступает после нее с собственными требованиями. Эти требования обыкновенно были неясны и сбивчивы, в зависимости от степени развития парижских рабочих, но все они, в конце концов, сводились к уничтожению классовой противоположности между рабочими и капиталистами. Как оно должно произойти, этого они не знали, но уже требование, несмотря на его неопределенность, заключало в себе опасность для существующего общественного строя: рабочие, предъявлявшие эти требования были вооружены, и обезоружение их являлось главнейшей задачей для правящей буржуазии. Поэтому за каждой добытой руками рабочих победой революции следовала новая борьба, заканчивающаяся поражением рабочих".

Успех нашей революции заключался в том, что рабочих России разоружить не удалось. Рабочий класс России создал в первый же этап революции свои классовые организации — Советы, привлек на свою сторону массу крестьянства и использовал это сочувствие прежде всего для того, чтобы вырвать у буржуазии армию; создал в противовес разлагающейся старой армии свою вооруженную организацию — Красную гвардию и рабочую милицию, и, в ответ на попытки буржуазии разоружить его, перешел в наступление и разоружил буржуазию.

И если своеобразие исторического развития России и, особенно, необычайное обострение в России, общих для всего мира плюс свои особенные, противоречий в данный

---

[1] Предисловие к Гражданской войне во Франции (1871 г.)

исторический момент, создало предпосылки для того, чтобы пролетариат России первым одержал победу, то для использования всех предпосылок к победе нужна была еще агитационная и организационная подготовка: выкристаллизование лозунгов, простых и понятных массам, т.-е. наличие руководящего авангарда, связанного этими лозунгами со всем классом.

„Лозунгом, „задачей дня“ в этот момент, писал Ленин в марте 1917 года — должно быть: рабочие, вы проявили чудеса пролетарского, народного, героизма в гражданской войне против царизма, вы должны проявить чудеса пролетарской и общенародной организации, чтобы подготовить свою победу во втором этапе революции“.[1]

На эту подготовку ушло восемь месяцев — срок небольшой для истории, но в революционное время оказавшийся достаточным, для того, чтобы пролетариат мог пройти все этапы подготовки к победе.

Первый этап. — Февральский переворот.

„Доверчиво-бессознательное отношение к капиталистам, худшим врагам мира и социализма, — вот что характеризует современную политику масс в России, вот что выросло с революционной быстротой на социально-экономической почве наиболее мелко-буржуазной из всех европейских стран“.

Вот классовая основа „соглашения“ (подчеркиваю, что имею в виду не столько формальное соглашение, сколько фактическую поддержку, молчаливое соглашение, доверчиво-бессознательную уступку власти) между Временным Правительством и Советом Рабочих и Солдатских Депутатов, — соглашения, давшего Гучковым жирный кусок, настоящую власть, а Совету — посулы, почет (до поры, до времени), лесть, фразы, уверение, расшаркивания Керенских.

Недостаточная численность пролетариата в России, недостаточная сознательность и организованность его — вот другая сторона той же медали“.[2]

Второй этап. — 4 — 21 апреля. Приезд Ленина, апрельская конференция большевиков, апрельские демонстрации.

Выкристаллизовывание лозунгов и тактики пролетарской партии. Первый кризис доверия масс к буржуазии.

---

[1] Ленин, „Первый этап революции“. Собр. соч. т. XIV, ч. I, стр. 12.
[2] Ленин, „Задачи пролетариата“. Собр. соч. т. XIV, ч. I, стр. 41.

„Массовые „добросовестные“ представители оборончества были удивлены, возмущены, исполнены негодования. Они почувствовали — они не поняли еще этого вполне ясно, но они почувствовали, что они оказались обманутыми“. [1]

Создание крестьянских организаций. Первый крестьянский съезд.

Третий этап. — Июнь месяц. Демонстрация 18 июня. 1-й съезд Советов. Конференция профсоюзов.

„18 июня было первой политической демонстрацией действия, разъяснением — не в книжке или в газете, а на улице, не через вождей, а через массы, — разъяснением того, как разные классы действуют, хотят и будут действовать, чтобы вести революцию дальше...

Довольно колебаний — говорил авангард пролетариата, авангард рабочих и солдатских масс России. Довольно колебаний. Политика доверия капиталистам, их правительству, их реформаторским потугам, их войне, их политике наступления, — эта политика безнадежна. Крах ее недалек. Крах ее неизбежен. Это будет крах и правящих партий эс-эров и меньшевиков“. [2]

Столкновение питерского пролетариата с большинством Съезда Советов. Открытое расхождение между массами пролетариата и „вождями“. Конференция профсоюзов 20—23 июня выносит резолюцию, что „пролетариат кровно заинтересован в том, чтобы не брать на себя одного ответственность за ход и исход борьбы с экономическим расстройством страны“. Конференция фабзавкомов, намечая меры борьбы с разрухой говорит, что „планомерное и успешное проведение всех указанных мер возможно при переходе всей государственной власти в руки Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских депутатов“.

Наступление 18 июня — Кризис армии.

Четвертый этап. — Июльские дни.

„Взрыв, который все партии сдерживали, но который прорвался вопреки всяким сдерживаниям“. [3]

„Движение 3—4 июля было последней попыткой путем манифестации побудить Советы взять власть. С этого момента Советы, т.-е. господствующие в них

---

[1] Ленин, Добросовестное оборончество показывает себя. Т. XIV, ч. I, стр. 104.

[2] Ленин, „Восемнадцатое июня“. Собр. соч. т. XIV, ч. I, стр. 272

[3] Ленин, Корень зла. Собр. соч. т. XIV, ч. II, стр. 90.

эс-эры и меньшевики, фактически передают власть контр-революции, представляемой кадетами и поддерживаемой эс-эрами и меньшевиками. Теперь мирное развитие революции в России уже невозможно и вопрос историей поставлен так: либо полная победа контр-революции, либо новая революция". [1]

Вооруженное подавление пролетариата. Разгром большевистских организаций. Крестьянские восстания.

Пятый этап. — Единый фронт и вооружение пролетариата в борьбе с корниловским восстанием. Организационное оформление преобладания большевиков в Советах.

3 и 4 июля. 1. Не было еще за нами класса, являющегося авангардом революции. Не было еще большинства у нас среди рабочих и солдат столиц. Теперь оно есть в обоих Советах. Оно создано только историей июля и августа, опытом „расправы" с большевиками и опытом корниловщины.

2. Не было тогда всенародно-революционного подъема. Теперь он есть после корниловщины. Провинция и взятие власти Советами во многих местах доказывают это.

3. Не было тогда колебаний, в серьезном общеполитическом масштабе, среди врагов наших и среди половинчатой мелкой буржуазии. Теперь колебания гигантские: наш главный враг империализм, союзный и всемирный, ибо „союзники" стоят во главе всемирного империализма, заколебался между войной до победы и сепаратным миром против России. Наши мелко-буржуазные демократы, явно потеряв большинство в народе, заколебались гигантски, отказавшись от блока, т.-е. от коалиции с кадетами.

4. Поэтому 3—4 июля восстание было бы ошибкой: мы не удержали бы власти ни физически, ни политически. Физически, несмотря на то, что Питер был моментами в наших руках, ибо драться, умирать за обладание Питером наши же рабочие и солдаты тогда не стали бы; не было такого „озверения", такой кипучей ненависти и к Керенским и к Церетелли-Черновым, не были еще наши люди закалены опытом преследования большевиков при участии эс-эров и меньшевиков.

Политически мы не удержали бы власти 3—4 июля, ибо армия и провинция, до корниловщины, могли пойти и пошли бы на Питер.

Теперь картина совсем иная.

[1] Ленин, Ответ. Собр. соч. т. XIV, ч. II, стр. 50.

> За нами большинство класса авангарда революции, авангарда народа, способного увлечь массы.
>
> За нами большинство народа, ибо уход Чернова есть далеко не единственный, но виднейший, нагляднейший признак того, что крестьянство от блока „эс-эров (и от самих эс-эров) земли не получит. А в этом гвоздь общенародного характера революции“. [1]

Последний этап — непосредственная подготовка восстания и захват власти Советами.

„За нами выгода положения партии, твердо знающей свой путь — писал Ленин. Именно эта выгода дала возможность пролетариату в восемь месяцев пройти все этапы подготовки к победе над буржуазией. Правильный анализ соотношения классовых сил в каждый данный момент и тактические задачи, выводимые из этого анализа, короче — руководство Ленина явилось одним из решающих факторов победы пролетариата, фактором, без которого немыслимо было использование предпосылок к установлению пролетарской диктатуры.

„Наша революция буржуазная — поэтому рабочие должны поддерживать буржуазию, — говорят никуда негодные политики из лагеря ликвидаторов.

„Наша революция буржуазная, — говорим мы марксисты, — поэтому рабочие должны раскрывать глаза народу на обман буржуазных политиканов, учить его не верить словам, полагаться только на свои силы, на свою организацию, на свое объединение, на свое вооружение“.

В этой фразе Ленина, написанной в первом письме из Швейцарии, вся основа той тактики пролетариата, того субъективного фактора, без которого пролетарская революция победить не может. „Наша революция... свои силы“ — от этого партия не отказывалась ни на одну минуту, и вся богатая, разнообразная, в зависимости от момента, тактика была направлена к тому, чтобы рабочий класс почувствовал свои силы.

„Разъяснение массам, что С.Р.Д. есть единственно возможная форма революционного правительства и что поэтому нашей задачей, пока это правительство поддается влиянию буржуазии, может явиться лишь *терпеливое, систематическое, настойчивое, приспособляющееся особенно к практическим потребностям масс, разъяснение* ошибок и тактики.

Пока мы в меньшинстве, мы ведем работу критики и выяснение ошибок, проповедуя в то же время необхо-

---

[1] Ленин, „Письмо в ЦК.“ Собр. соч. т. XIV, ч. II, стр. 137.

димость перехода всей государственной власти к Советам Рабочих Депутатов, *чтобы массы опытом избавились от своих ошибок*". [1]

„Самое полезное и самое необходимое для народа дело в момент приближения неминуемой катастрофы есть организаторское дело. Чудеса пролетарской организованности — вот что является нашим лозунгом теперь и еще больше будет наших лозунгом и требованием, когда пролетариат будет у власти". [2]

Эти положения у Ленина служили основой тактики партии в революции, и если наибольшая вина (если можно здесь говорить о вине) меньшевиков и эс-эров состояла в том, что они всей своей политикой распыляли силы рабочего класса и крестьянства, то наибольшей заслугой партии большевиков было то, что она всей своей тактикой собирала, организовывала, сплачивала силы пролетариата и тем готовила его к победе, делая его требования не столь уже „неясными и сбивчивыми".

Партия, когда это нужно было для усиления организованности пролетариата, шла на компромиссы, наиболее ярким из которых было требование перехода власти в руки Советов, тогда, когда эти Советы находились в руках меньшевиков. „Советы, по своему классовому составу были органами движения рабочих и крестьян, готовой формой их диктатуры — говорил Ленин. Будь у них полнота власти, — главный недостаток мелко-буржуазных слоев, главный грех их, доверчивость к капиталистам, изжился бы на практике, критиковался бы опытом их собственных мероприятий. [3]

И только тогда, когда советское большинство окончательно оторвалось от масс и после июльских дней „развитие партии на почве соглашательства мелкобуржуазных партий эс-эров и меньшевиков с контр-революционными кадетами привело к тому, что обе эти мелкобуржуазные партии оказались фактическими участниками и пособниками контр-революционного палачества" — только тогда Ленин отказался от лозунга „вся власть Советам", означавшего тактику единого фронта и единого рабочего правительства.

„Лозунг перехода власти к Советам звучал бы теперь, писал Ленин в июле [4] — как донкихотство или как

---

[1] Ленин. О задачах пролетариата. Собр. соч. т. XIV, ч. I, стр. 18. Черненький курсив мой. Позволяю себе выделить эти места курсивом, так как и Ленин в конце статьи особо выделяет эти места повторными разъяснениями.

[2] Ленин. Неминуемая катастрофа и безмерные обещания. Т. XIV, ч. I, стр. 193.

[3] Ленин. К лозунгам. Собр. соч. т. XIV, часть II, стр. 13.

[4] Там же, стр. 17.

насмешка. Этот лозунг, объективно, был бы обманом народа, внушением ему иллюзии, будто Советам и **теперь** достаточно пожелать взять власть или постановить это для получения власти, — будто в Совете находятся еще партии, не запятнавшие себя пособничеством палачам, — будто можно бывшее сделать небывшим... „Данные Советы провалились, потерпели полный крах из-за господства в них эс-эров и меньшевиков. В данную минуту эти Советы похожи на баранов, которые приведены на бойню, поставлены под топор и жалобно мычат. Советы **теперь** бессильны и беспомощны перед победившей и побеждающей контр-революцией. Лозунг передачи власти Советам может-быть понят, как „простой“ призыв к переходу власти, именно к данным Советам, а говорить это, призывать к этому значило бы теперь обманывать народ. Нет ничего опаснее обмана“.[1]

Это — ограничение тактики единого фронта, то ограничение, без которого тактика единого фронта становится оппортунистической. Какое влияние оказывает тактика единого фронта на „революционные массы народа“ — вот критерий, который дает возможность ограничить тактику единого фронта и отказаться от нее, когда она становится оппортунистической.

Это ограничение отнюдь не означало, однако, отказа от этой тактики, и как только был создан „маленький шанс на его осуществление“ Ленин снова выдвигает лозунг единого фронта и единого рабоче-крестьянского правительства. Это было в момент корниловского восстания.

„Но достаточно было „свежего ветерка“ корниловщины, обещавшего хорошую бурю, чтобы все затхлое в Совете отлетело на время прочь, и инициатива революционных масс начала проявлять себя как нечто величественное, могучее, непреоборимое“.[2]

„Задачи истинно-революционной партии, — писал тогда Ленин, — не в том, чтобы провозгласить невозможный отказ от всяких компромиссов, а в том, чтобы **через все компромисы**, поскольку они неизбежны, уметь провести верность своим принципам, своему классу, своей революционной задаче, своему делу подготовки революции и воспитания масс народа к победе в революции“.[3]

„Теперь наступил такой крутой и такой оригинальный поворот русской революции, что мы можем, как партия, предложить добровольный компромисс — правда, не буржуазии — нашему прямому и главному классовому врагу,

---

[1] **Там же**, стр. 18.

[2] **Ленин**, „Один из коренных вопросов революции“. Собр. соч. т. XIV, ч. 2, стр. 105.

[3] Собр. соч. т. XIV, ч. 2, стр. 97.

а нашим ближайшим противникам „главенствующим“ мелко-буржуазно-демократическим партиям, эс-эрам и меньшевикам.

Лишь как исключение, лишь в силу особого положения, которое, очевидно, продержится лишь самое короткое время, мы можем предложить компромисс этим партиям и мы должны, мне кажется, это сделать.

„Компромиссом является, с нашей стороны, наш возврат к до-июльскому требованию: вся власть Советам, ответственное перед Со тами правительство из эс-эров и меньшевиков.

Теперь, и только теперь, может-быть всего в течение нескольких дней или на 1—2 недели, такое правительство могло бы создаться и упрочиться вполне мирно. Оно могло бы обеспечить, с гигантской вероятностью, мирное движение вперед всей российской революции и чрезвычайно большие шансы, больших шагов вперед всемирного движения к миру и к победе социализма. [1]

„...Мы видоизменяем форму нашей борьбы с Керенским. Ни на иоту не ослабляя вражды к нему, не беря назад ни слова, сказанного против него, не отказываясь от задачи свержения Керенского, мы говорим: надо учесть момент, сейчас свергать Керенского мы не станем, мы иначе теперь подойдем к задаче борьбы с ним, именно: разъяснять народу (борющемуся против Корнилова), слабость и шатания Керенского. Это делалось и раньше. Но теперь это стало главным: в этом видоизменение.

Далее, видоизменение в том, что теперь главным стало: усиление агитации за своего рода „частичные требования“ к Керенскому — арестуй Милюкова, вооружи питерских рабочих, позови кронштадтские, выборгские и гельсингфоргские войска в Питер, разгони государственную Думу, арестуй Родзянко, узаконь передачу помещичьих земель крестьянам, введи рабочий контроль за хлебом и за фабриками, и пр., и пр. И не только к Керенскому, не столько к Керенскому, должны мы предъявлять эти требования, сколько к рабочим, солдатам, крестьянам, увлеченным ходом борьбы против Корнилова. Увлекать их дальше, поощрять их требования арестов генералов и офицеров, высказывающихся за Корнилова, настаивать, чтобы они требовали тотчас передачи земли крестьянам, наводить их на мысль о необходимости ареста Родзянко и Милюкова, разгона государственной Думы, закрытия „Речи“ и других буржуазных газет, следствие над ними... „Левых“ эс-эров особенно надо толкать в эту сторону.

---

[1] Ленин, „О компромиссах“. Собр. соч. т. XIV, ч. 2, стр. 98.

Неверно было бы думать, что мы дальше отошли от задачи завоевания власти пролетариатом. Нет. Мы чрезвычайно приблизились к ней, но не прямо, а со стороны. И агитировать надо сию минуту не столько прямо против Керенского, сколько косвенно против него же, но косвенно именно: требуя активной и активнейшей войны с Корниловым. Развитие этой войны одно только может нас привести к власти и говорить об этом в агитации поменьше надо (твердо памятуя, что завтра же события могут нас поставить у власти, и тогда мы ее не выпустим). [1]

Эта тактика нашла свое применение в момент назревания революционных событий, в момент подготовки Октябрьской революции. От этой тактики единого фронта, по революционному примененной, переход был непосредственно к моменту высшего напряжения классовой борьбы, к вооруженному восстанию для захвата власти.

Питерский, Московский и ряд провинциальных Советов, оформились в результате борьбы с Корниловым, как подлинно пролетарские организации; в близ лежащих к центру фронтах, большевики получили полное преобладание; пролетарская Красная гвардия получила оружие для борьбы с Корниловым, и разоружить ее было уже невозможно. Налицо были все предпосылки для Октябрьского восстания.

В середине сентября Ленин пишет письмо в ЦК о том, что „получив большинство в обоих столичных Советах Рабочих и Солдатских Депутатов, большевики могут и должны взять государственную власть в свои руки".

„Вопрос идет не о „дне" восстания, не о „моменте" его в узком смысле. Это решит лишь общий голос тех, кто соприкасается с рабочими и солдатами, с массами...

„Вопрос в том, чтобы задачу сделать ясной для партии: на очередь дня поставить вооруженное восстание в Питере и в Москве (с областью), завоевание власти, свержение правительства. Обдумать как агитировать за это не выражаясь так в печати.

Вспомнить, продумать слова Маркса о восстании: „восстание есть искусство" и т. д....

Предпосылки для восстания есть — нужно восстание организовать — вот смысл этих писем Ленина. И партия сумела организовать восстание в Питере так, что оно может служить образцом для выяснения тактики и организации вооруженного восстания.

Подготовка вооруженных сил восстания началась с первых дней революции. Она состояла, во-пер-

---

[1] Ленин, „Письмо в ЦК в сентябре 1917 г." Собр. соч. т. XIV, ч. 2, стр. 96.

вых, в том, чтобы подчинить своему влиянию часть старой армии, и во-вторых, создать, используя все возможности, вооруженные рабочие отряды. [1]

Еще в первом письме о революции Ленин писал: „помогите вооружению рабочих, или хоть не мешайте этому делу — и свобода в России будет непобедима“.

Стихийная тяга рабочих к вооружению была настолько сильна, что не только без помощи правительства и Совета, но и против их воли через все препятствия, рабочие питерских фабрик создали свою Красную гвардию.

В первые же дни, при разоружении полиции, рабочие припрятывали оружие и создавали рабочую милицию. И прежде чем центральные органы партии, Питерский комитет и „военка“ сорганизовали центральные органы Красной гвардии Питера, были созданы по инициативе отдельных партийных товарищей и организаций уже правильные организации в некоторых, особенно в Выборгском, районах. Интересно, что в вопросе о создании Красной гвардии на заводах был достигнут подлинный единый фронт, и рабочие меньшевики принимали часто участие в большевистской работе по организации отряда, несмотря на то, что меньшевистский Совет тормозил вооружение рабочих. Уже к июльским дням Красная гвардия Выборгского района вместе с расположенными там революционно-настроенными частями, представляла из себя настолько внушительную силу, что в июльские дни на Выборгскую сторону не рискнул пойти ни один контр-революционный отряд. Вся охрана порядка лежала на вооруженных рабочих заводов Выборгской стороны. Были организованные отряды и районный штаб, производилось обучение с помощью солдат, прикрепленных „военкой“ или райкомом из части к заводу.

Главным тормозом к развитию Красной гвардии был недостаток оружия, однако, изыскивались всевозможные средства к его добыванию и в Выборгском районе удалось, например, получить оружие благодаря связи с Сестрорецким заводом. (После июльских дней часть этого оружия рабочим пришлось отдать по требованию меньшевистского Совета.)

Корниловское выступление заставило Совет вооружить рабочих — и это было одним из серьезнейших

---

[1] В этой части очерка я не всегда делаю ссылки на источники, так как это слишком загрузило бы примечаниями. Указываю здесь основные источники, которыми я пользовался: „Пролетарская Революция“ (гл. обр. № 10, за 1922 г.). „Красная Летопись“ №№ 6 и 8, Рожков — Октябрьский переворот. Ленинградские рабочие в борьбе за власть Советов. Октябрьские дни в Москве и районах, Октябрьское восстание в Москве.

завоеваний сентябрьского единого фронта. Красная гвардия в Корниловские дни выступила уже как организованная сила, недостаточно еще обученная недостаточно в военном отношении дисциплинированная, но достаточно сильная для того, чтобы с ней приходилось считаться.

„У нас имеется около четырех тысяч вооруженных людей — докладывал представитель Выборгского района на заседании ПК 24 сентября. — Это зарегистрировано, а желающих получить оружие найдется тысяч сорок. [1]

Перед октябрьскими днями была созвана общегородская конференция Красной гвардии Питера, на которой было представлено около 20-ти тысяч красногвардейцев. Эта конференция закрепила организацию Красной гвардии уставом и созданием уже оформленного Главного штаба Красной гвардии. [2]

О принципах организации Красной гвардии существует часто неправильное представление, как об организации, построенной целиком на выборном начале, с соблюдением демократических принципов. Устав вносит в выборность командного состава Красной гвардии большие ограничения, а на практике почти всегда командиром Красной гвардии был организатор, выделенный фабзавкомом или ячейкой завода, а не красногвардейцами отряда, или инструктор, выделенный из соседней воинской части. Демократизм здесь заключался не в формальностях, а в ответственности и в сознании того, что этот командир лишь выполняет задание, данное ему рабочей организацией. Отряд Красной гвардии был такой же организацией, как фабзавком — организацией рабочих данного завода, при чем часто состав отряда определялся не добровольным желанием отдельных красногвардейцев, а волей всех рабочих завода.

В принцип добровольчества внутренняя дисциплинированность и организованность пролетариата вносила поправку в виде коллективного добровольчества. Красногвардеец оставался тем же рабочим, получающим свою ставку, но освобожденным от работы для выполнения общественной обязанности — обучения военному делу.

Формирование по заводам — вот тот принцип, который вытекал из самой сути Красной гвардии. Этот принцип формирования переносил в отряд ту спайку, которая создавалась самим заводом и которая заполняла пробелы военной обученности и военной дисциплины.

[1] „Красная Летопись“ № 6, стр. 393.
[2] Устав Красной гвардии Питера, см. в сборнике „Гражданская война“, т. I, изд. ВВРС.

С первого месяца февральской революции началась и открытая (подпольная велась и раньше) работа партии по завоеванию частей армии. [1]

Перед октябрьским восстанием помимо общего усиления работы партии в частях гарнизона, было обращено особое внимание на те окрестные гарнизоны, которые во время восстания должны были преградить путь к Питеру с фронта и Ленин интересовался, например, настроением гарнизона Луги. Точно так же была поставлена особая задача завоевания гарнизона Петропавловки с ее арсеналом.

Когда начался конфликт со штабом из-за вывода гарнизона, то и самые отсталые части присоединились к большевикам. Военно-Революционный Комитет издавший приказ о том, что „никакие распоряжения по гарнизону, не подписанные Военно-Революционным Комитетом не действительны“, стал в глазах самых отсталых масс гарнизона их органом, хотя бы они сознавали только то, что иначе им придется ехать на фронт. Партийные организации на местах сумели сделать вопрос о выводе войск понятным каждому солдату и отсюда приводить к пониманию необходимости восстания. От мелких местных инцидентов в частях, через вопрос о выводе гарнизона, с неизбежным выводом о необходимости свержения буржуазного правительства к лозунгу восстания — так развивалась и росла не только агитационная работа партийных организаций в частях гарнизона, но через нее и организационная связь партии с солдатскими массами.

И, конечно, не только политика партийных центров, но именно настроение масс и их организованный охват партией, заставило меньшевиков учуять в Военно-Революционном Комитете большевистский штаб восстания.

Так и было на деле, хотя ВРК был создан как советский орган из всех советских партий. Таково было настроение широчайших масс Питера по отношению к Военно-Революционному Комитету. Выделением тройки в составе Подвойского, Антонова-Овсеенко и Чудновского из ВРК, был создан уже подлинный оперативный штаб восстания.

Было ясно, что восстание должно быть так или иначе связано со съездом Советов, как с органом революционного самоуправления масс. Но Ленин еще в 1906 году говорил: „заслонять или, хотя бы, отодвигать лозунг восстания лозунгом организации революционного самоуправления — это нечто в роде совета поймать муху и затем посыпать ее порошком от мух“. [2]

[1] См. выше, в очерке „о разложении армии“.
[2] Ленин. Собр. соч. том VI, стр. 413.

Тем более верно это стало в 1917 году, когда уже имелся такой орган масс, как Питерский Совет, играющий далеко не только местную роль.

И в Октябре 1917 года Ленин еще резче ставил вопрос о том, что приурочивание восстания к съезду Советов, т.-е. отодвигание лозунга и срока восстания — есть предательство революции. „Большевики не в праве ждать съезда Советов, они должны взять власть тотчас. Медлить — преступление. Ждать съезда Советов — ребяческая игра в формальность, позорная игра в формальность, предательство революции".

Ленин разъяснял, что ожидание съезда может стать предательством революции потому, что это может привести к наступлению немцев на Петроград, к наступлению контр-революции на Советы. Это значило бы — отдать выбор срока восстания в руки противника, т.-е. потерять инициативу, принять бой в наименее выгодных условиях, превратить восстание в оборону.

Лозунг защиты съезда Советов был естественным продолжением обороны революции от корниловщины, и он был использован партией полностью. Но это было совсем не то, как пишет тов. Троцкий: „мы ставили вопрос так... в случае, если правительство Керенского попытается разогнать съезд — так гласили бесчисленные резолюции — Петроградский гарнизон скажет свое решающее слово.[1]

Правда, Военно-Революционный Комитет 24 октября опубликовал заявление о том, „что он существует отнюдь не для того, чтобы подготовлять и осуществлять захват власти, но исключительно для защиты интересов петроградского гарнизона и демократии от контр-революционных и погромных посягательств".

Но для питерского гарнизона, не говоря уже о рабочих, защита их интересов без восстания была уже непонятна. И бесчисленные резолюции гласили совсем не то, о чем говорит Троцкий. В них основной тон был не условное „если", а безусловное и решительное „долой".

Вот, например, резолюция Сестрорецкого завода: „до конца исполним свой долг перед революцией... и ...Долой правительство контр-революции. Долой соглашательство с буржуазией и помещиками. Да здравствует союз рабочих и крестьян. Вся власть Советам". Резолюция Александровского завода: „неотложной задачей мы считаем немедленное устранение правительства, губящего дело революции и идущего под знаменем контр-революции".

---

[1] „Коммунистический Интернационал", № 6.

Эти резолюции — а их можно привести достаточное количество — показывают, что партийные организации на местах и вся партия и весь пролетариат ставили вопрос совсем не так, как об этом пишет Троцкий.

Неверно также и то, что восстание „было выполнено с сознательным запозданием на десять дней, так как ход подготовки агитационной и организационной подтвердил, что произвести восстание независимо от съезда Советов, значило бы посеять недоумения в среду значительных слоев рабочего класса, которые приурочивают идею овладения властью к Советам, а не к партии и к ее тайным организациям“.[1] Я уже указывал, что даже для солдатских масс большевистский орган — Военно-Революционный Комитет — был органом их самоуправления. Речь шла не о тайных организациях партии, а о Питерском Совете, руководимом *партией*. Вот, например, какую резолюцию уже 6-го октября выносит Совет Рабочих старост Механического Русско-Балтийского Вагонного Завода:

Принимая во внимание, что деятельность ЦИК не только ведет „к углублению и закреплению завоеваний революции“... но совершенно расходится с линией политического поведения и противоречит воле огромной части организованной и действительно революционной демократии... Совет Рабочих старост не находит возможным оказать материальную поддержку ЦИК, заявляя, что вся поддержка Совета Рабочих старост всецело на стороне Петроградского Совета Р. и СД., для нужд которого и будут производиться сборы и отчисления среди рабочих нашего завода...“

Что Всероссийский съезд Советов был у всех на устах — и не было никаких сомнений, что переворот, произведенный Питерским Советом будет подтвержден съездом — это верно. Но ни партия, ни питерский пролетариат не собирались „ловить муху“. Это достаточно ясно показал, хотя бы день Петроградского Совета 22 октября, бывший великолепной демонстрацией готовности пролетариата бороться против не только Временного правительства, но и против „всероссийского“ ЦИК'а.[2]

Вопрос решался не конституционным путем (хотя бы и по Советской конституции), а победой в восстании и фактом захвата власти.

Для настроения рабочих масс особенно характерно то, как массы ответили на первую попытку Временного правительства проявить активность. Когда штаб отдал

---

[1] Троцкий, „Можно ли делать революцию или контр-революцию в срок“.

[2] Многие местные организации тоже не ждали съезда и захватывали власть.

распоряжение развести мосты, то он встретил организованный отпор во всех районах, при чем инициатива и быстрота действий заводских организаций и районов были настолько велики, что никаких сомнений не может-быть в том, что массы не ждали „если“, а были совершенно готовы к решительной борьбе. Это подтверждается и тем, с какой быстротой и организованностью отпор действиям правительства превратился в общее наступление на правительственные центры по плану, в котором инициатива восставших была наиболее ярко выраженным моментом.

План восстания заключался в том, чтобы сразу, решительно и быстро, обессилить и обезвредить правительство. Для этого прежде всего были захвачены телефон и телеграф; части войск колеблющиеся или ненадежные были нейтрализованы их окружением.

В то же время были подвезены и сосредоточены революционные части с таким расчетом, чтобы быстро окружить Зимний и Мариинский дворец, где заседали Временное Правительство и Предпарламент.

Практика 1905 года, когда рекомендовалось действовать мелкими отрядиками,[1] не применялась как несоответствовавшая обстановке и целям восстания. Силы были сосредоточены на главных пунктах удара, что и создало сильный перевес в решающих пунктах.

Чрезвычайно характерным является момент переговоров восставших с Зимним дворцом. Большевики не отказывались от переговоров и в Зимний дворец были отправлены две делегации, но к переговорам приступили тогда, когда участь Зимнего была уже решена, когда он был окружен и изолирован. В таких условиях переговоры могли вестись и велись только в плоскости безоговорочной сдачи и не могли ослабить решительности наступления. Они только усилили растерянность и без того растерявшихся защитников Зимнего и вырвали из рук правительства несколько из последних верных частей.

Восстание победило бескровно. И это объясняется, во-первых, готовностью масс к борьбе, во-вторых, тесной связью партии через свои местные органы с массами, в-третьих, решительностью и единством действий всей партии и, в-четвертых, правильной, подготовкой и проведением восстания.

Руководящими указаниями для партии служили, приведенные Лениным в „Советах постороннего“, „правила“ Маркса:

---

[1] В уставе Красной гвардии 1905 года. См. Георгиевский — „Очерки по истории Красной гвардии“.

1. Никогда не играть с восстанием, а, начиная его, знать твердо, что надо итти до конца.

2. Необходимо собрать большой перевес сил в решающем месте, в решающий момент, ибо иначе неприятель, обладающий лучшей подготовкой и организацией, уничтожит повстанцев.

3. Раз восстание начато, надо действовать с величайшей решительностью и непременно, безусловно переходить в наступление. „Оборона есть смерть вооруженного восстания“.

4. Надо стараться захватить врасплох неприятеля, уловить момент пока его войска разбросаны.

5. Надо добиваться ежедневно хоть маленьких успехов (можно сказать ежечасно, если дело идет об одном городе), поддерживая во что бы то ни стало „моральный перевес“.

Маркс подытожил уроки всех революций относительно вооруженного восстания словами „величайшего“ в истории мастера революционной тактики — Дантона: „смелость, смелость и еще раз смелость“.[1]

Нельзя утверждать, что несоблюдение этих правил послужило исключительной причиной затяжки победы в Москве, но что неумелое руководство было одной из серьезнейших причин излишнего кровопролития — совершенно несомненно. Москва, правда, более крупный центр буржуазии и менее крупный центр пролетариата, чем Питер, однако, Ленин в сентябре писал „может-быть, даже Москва может начать“.[2]

Соотношение вооруженных сил было в пользу пролетариата. По подсчету Муралова, „абсолютно верных нам бойцов было не меньше 50 тысяч и столько же близких, не наших противников. Против нас было два военных училища, шесть школ прапорщиков — всего тысяч десять. Наибольшую опасность, казалось могли бы внушать французская и японская артиллерии, но эти дивизионы в своем солдатском составе настроены большевистски. Французов инструкторов ненавидели за то, что последние с презрением говорили о русской революции и о народе, затеявшем бунт против царя не во время“.[3]

Правда, в Москве значительно хуже обстояло дело с оружием и даже гарнизон был частично разоружен. Принимались меры для вооружения рабочих, изготовля-

---

[1] Ленин, „Советы постороннего“. Собр. соч. т. XIV, ч. 2, стр. 270.

[2] Письмо в ЦК. Собр. соч. т. XIV, ч. 2, стр. 135. В Москве большевики получили более сильный, чем в Питере, перевес при выборах в городскую думу.

[3] „Пролетарская Революция“ № 10. Солдатский состав французской и японской артиллерий был в значительной мере русский.

лись самодельные гранаты, в Краснопресненском районе в районный комиссариат милиции посылались дежурные для того, чтобы давать советы приходящим в милицию, а в то же время следить за оружием и когда возможно захватывать его. Но попытка захватить кремлевский арсенал, пользуясь сочувствием кремлевского гарнизона, была сделана только в Октябрьские дни. В Кремль были посланы с подложными мандатами за оружием, но автомобили с оружием были задержаны уже приготовившимися к вооруженной борьбе юнкерами.

Красная гвардия в Москве росла также быстро, но характерно — если в Питере центральный штаб явился уже завершением организации гвардии в районах, то в Москве штаб Красной гвардии был организован тогда, когда в районах организация гвардии была слаба. Да и штаб Красной гвардии только в Октябре установил связь с отрядами, взял их на учет.[1] Подготовка вооруженных сил в Москве была проведена слабее, чем в Питере, но все же вооруженных сил было достаточно. Кроме того московское восстание показало с чрезвычайной ясностью, что силы восставших растут в процессе восстания. Во время боевых действий к Совету подтягивались как новые воинские части из окрестностей, так и новые еще невооруженные рабочие отряды: их удавалось вооружать и тут же отправлять в действие.[2] Но эти новые силы отправлялись мелкими отрядиками и занимались тем, что выбивали мелкие силы юнкеров из отдельных домов. Больше стихийно, чем планомерно, эти отрядики концентрировались все же в главных пунктах (Кремль, Никитские Ворота, Арбатские Ворота), где только к концу восстания был достигнут перевес.

Инициатава оставалась в руках юнкеров, которые заблаговременно завладели, пользуясь нерешительностью руководителей восстания, важными пунктами, в том числе центрами связи. Это одно давало возможность юнкерам держаться дольше, чем то соответствовало действительному соотношению сил.

Центральные органы восстания не имели связи с районами. В самих центрах восстания не было единства, прежде всего потому, что их было несколько: Военно-Революционный Комитет, Штаб Красной гвардии и „десятка", выделенная собранием гарнизона для руководства деятельностью частей гарнизона (не говоря уже

---

[1] См. воспоминания Жарова и Пече в сборн. „Октябрьские дни в Москве и районах".

[2] См. воспоминания Батышева, там же.

о несогласованности между Московским и Областным комитетами партии).

Военно-Революционный Комитет был избран только 25 октября, т.-е. тогда, когда юнкерам было известно уже о начавшемся в Питере восстании. Вместо того, чтобы сузить свой состав для действительного руководства восстанием, ВРК вступил в переговоры с Советом Крестьянских депутатов, т.-е. с эс-эрами о пополнении его состава для формального закрепления его полномочий. Это было той ребяческой игрой в формальность, от которой предостерегал Ленин. И, наконец, безусловной ошибкой было перемирие, заключенное ВРК 29 октября, когда все преимущества были на стороне контр-революционеров, когда не было никаких оснований требовать сдачи. ВРК ее и не требовал. Он заключил перемирие в том момент, когда телефонная станция была уже окружена восставшими и отдал распоряжение приостановить военные действия, т.-е. и захват телефонной станции. Перемирие могло быть использовано в таких условиях только юнкерами, у которых была в руках связь, а в ряды восставших могло внести и внесло только дезорганизацию. Не обеспечив себя от подвоза контр-революционных войск, Военно-Революционный Комитет дал возможность во время перемирия подвести обманным путем баталион ударников.

Не меньшую нерешительность проявил ВРК в своем заявлении о недопустимости артиллерийского обстрела Москвы, точно затяжка боевых действий не вела к большому кровопролитию. Дело, наконец, доходило до того, что во время боевых действий Московский Комитет партии потребовал было от представителей большевиков в ВРК сложения с себя полномочий.

И если Московское восстание все же победило, то исключительно благодаря революционной решимости масс, которые с гораздо большей, чем ВРК, решительностью продолжали начатую борьбу.

Основной причиной неумелого восстания в Москве, я думаю, надо считать мнение руководителей Московской организации, что решающую роль играет не Москва, а Питер. Иначе ничем нельзя объяснить, что в договоре с Комитетом Общественной Безопасности уже после окончания вооруженной борьбы ВРК допустил такие пункты:

„2. Белая гвардия возвращает оружие и расформировывается. Офицеры остаются при присвоенном их званию оружии. В юнкерских училищах сохраняется лишь то оружие, которое необходимо для обучения. Все остальное оружие юнкерами возвращается. Военно-Революционный Комитет гарантирует всем свободу и неприкосновенность“ и

„5. По подписанию соглашения все пленные обеих сторон немедленно освобождаются“.[1]

Этот договор показывает, что в Москве, рассчитывающей на Питер, восстание до конца доведено не было, а боевые действия продолжались целую неделю.

Сравнение Московского и Питерского восстания дает богатейший материал для выводов о тактике и организации восстания. Оно целиком подтверждает „правила Маркса“, подчеркнутые и развитые Лениным.

И с особенной яркостью оно подчеркивает правильность марксистского взгляда „на восстание как искусство“.

„К числу наиболее злостных и едва ли не наиболее распространенных извращений марксизма господствующими „социалистическими“ партиями принадлежит оппортунистическая ложь, будто подготовка восстания, вообще отношение к восстанию, как искусству, есть „бланкизм“...

...Обвинять в бланкизме марксистов за отношение к восстанию, как к искусству! Может ли быть более вопиющее извращение истины, когда ни один марксист не отречется от того, что именно Маркс самым определенным, точным и непререкаемым образом высказался на этот счет, назвав восстание именно *искусством*, сказав, что к восстанию надо относиться как к искусству, что надо *завоевать* первый успех и от успеха итти к успеху не прекращая *наступления* на врага, пользуясь его растерянностью и т. д. и т. д.

Восстание, чтобы быть успешным, должно опираться не на заговор, не на партию, а на передовой класс. Это во-первых. Восстание должно опираться на революционный подъем народа. Это во-вторых. Восстание должно опираться на такой *переломный пункт* в истории нарастающей революции, когда активность передовых рядов народа наибольшая, когда всего сильнее *колебания* в рядах врагов и *в рядах слабых, половинчатых, нерешительных друзей революции*. Это в-третьих. Вот этими тремя условиями постановки вопроса о восстании отличается *марксизм от бланкизма*.

Но раз есть на лицо эти условия, то отказаться от отношения к восстанию, как к *искусству*, значит изменить марксизму и изменить революции“.[2]

---

[1] См. в Хрестоматии *Пионтковского*, стр. 214.

[2] *Ленин*. „Марксизм и восстание“. Собр. соч. том XIV, часть 2, стр. 135.

РАСШИРЕНИЕ ВЛИЯНИЯ ПРОЛЕТАРСКОЙ ДИКТАТУРЫ.

Перевес сил в командующих пунктах и задача расширения влияния. Инициатива масс. Земельный вопрос. Национальный вопрос. Советская система. Вооруженная борьба на окраинах. Вопрос о социалистической коалиции. Коалиция с левыми эс-эрами.

Пролетариат захватил власть в свои руки, пользуясь перевесом сил в командующих пунктах: в столицах, в промышленных центрах, в ближайших к столицам фронтах. Этот перевес сил в промышленных пунктах сопровождался крестьянским восстанием, направленным против тех же сил, с которыми вел борьбу пролетариат.

Ждать более организованного присоединения крестьянской войны к рабочему восстанию пролетариат не мог, так как не ждала разруха и голод, на котором спекулировала буржуазия, не ждала война, которую буржуазия пыталась использовать для подавления пролетариата; пролетариат не мог ждать, так как только такое орудие как государственная власть могло дать возможность решительно привлечь на свою сторону миллионные массы крестьянства.

Задача пролетариата, захватившего власть в свои руки в решающих центрах, состояла в том, чтобы революционными преобразованиями, удовлетворяющими насущнейшие требования крестьянства, привлечь крестьянство к борьбе за удержание власти в руках пролетариата, вынести свое влияние и свою власть за пределы промышленных центров, на окраины, в деревню.

Трудность завоевания власти пролетариатом в крестьянской стране заключалась в том, что только с осуществлением мер, которые могут привлечь на сторону пролетариата крестьянство можно создать условия для расширения и укрепления Советской власти в деревне; и только с организацией и укреплением власти в деревне можно фактически осуществить те мероприятия, которые могут привлечь на сторону пролетариата отсталое, разрозненное крестьянство.

Это противоречие ослаблялось в России тем, что крестьянство было мобилизовано в армию и благодаря

этому (особенно принимая во внимание лозунг мира), легче поддавалось влиянию пролетариата. С другой стороны, оно усугублялось отсталостью России, ее громадными размерами, редкой населенностью и малым количеством городов.

Но особенность Октябрьского переворота в том и заключалась, что он побудил к активным действиям массы, которые принялись строить Советскую власть, осуществляя социальные преобразования. Органы Советской власти выросли именно как органы, осуществляющие социальные требования миллионов трудящихся.

Эти требования сводились прежде всего к устранению экономического господства капиталиста на фабрике и, особенно, помещика на земле, без чего нельзя было приступить к решению основного вопроса момента — к борьбе с надвигающимся крахом народного хозяйства.

„Война создала такой необъятный кризис, так напрягла материальные и моральные силы народа, нанесла такие удары всей современной общественной организации, что человечество оказалось перед выбором: или погибнуть, или вручить свою судьбу самому революционному классу для быстрейшего и радикальнейшего перехода к более высокому способу производства“.[1]

На пути к этому переходу стояли прежде всего остатки феодальных отношений и главное, помещичье землевладение. Решение земельного вопроса было первым условием, без которого пролетариат не мог ни подойти к решению экономических вопросов момента, ни получить поддержку со стороны крестьянства.

Переход земли к крестьянству не был осуществлен буржуазией и Временным Правительством; этот переход земли к крестьянству был провозглашен 26-го Октября Советской властью. И для массы крестьянства Советская власть стала средством к осуществлению своего права на землю. Вопрос другой, как это право на землю будет осуществлено — это вопрос дальнейшего развития классовой борьбы и декрет о земле должен был вызвать классовую борьбу в самой деревне. Она могла склониться в сторону укрепления буржуазных отношений в деревне и направиться против социалистической диктатуры пролетариата.[2]

---

[1] Ленин, „Грозящая катастрофа и как с ней бороться“. Собр. соч. т. XIV, ч. 2, стр. 212.

[2] „И если даже крестьяне пойдут и дальше за эс-эрами и если даже они этой партии дадут на Учредительном Собрании большинство, то и тут мы скажем пусть так. Жизнь — лучший учитель,—она укажет кто прав и пусть крестьяне с одного конца, а мы с другого конца будем разрешать этот вопрос“. Ленин. Речь о земле на II съезде Советов. Собр. соч. т. XV, стр. 20.

„Национализация земли, будучи буржуазной мерой — говорится в резолюции апрельской конференции — означает наибольшую, возможную и мыслимую в капиталистическом обществе свободу классовой борьбы и свободу землепользования от всех небуржуазных придатков“.[1]

Но поскольку руководство проведением в жизнь декрета о земле оставалось в руках пролетариата, поскольку он был провозглашен партией пролетариата, постольку декрет о земле давал возможность пролетариату укрепить, расширить свою власть и тем самым в развивающейся борьбе создавал могучий фактор — государственную власть пролетариата.

„Кроме того национализация земли, как отмена частной собственности на землю, означала бы на практике такой могучий удар частной собственности на все средства производства вообще, что партия пролетариата должна оказать всякое содействие подобному преобразованию.[2]

Декрет о земле был составлен на основании 242 крестьянских наказов, собранных партией эс-эров.

„Как демократическое Правительство — говорил на II съезде Ленин — мы не можем обойти постановление народных низов, хотя бы мы с ним были несогласны. В духе ли нашем, в духе ли эс-эровской программы — не в этом суть. Суть в том, чтобы крестьянство получило твердую уверенность в том, что помещиков в деревне больше нет, что пусть сами крестьяне решают все вопросы, пусть сами они устраивают свою жизнь...

Жизнь — лучший учитель, — она укажет кто прав, и пусть крестьяне с одного конца, а мы с другого конца будем разрешать этот вопрос. Жизнь заставит нас сблизиться в общем потоке революционного творчества, в выработке новых государственных форм“.

Именно эту возможность „сближения в общем потоке революционного творчества“ с крестьянством и открывал декрет о земле...

Поскольку дело шло о борьбе с остатками крепостничества, постольку крестьянство в целом пошло за пролетариатом, провозгласившим решительную ликвидацию помещичьего землевладения — этой основы на которой держались остатки крепостничества. Зажиточное, кулаческое крестьянство в этой борьбе часто вело за собой бедноту и эту борьбу с помещиками пыталось использовать в своих интересах. Так, например, на Киевщине цифры 1917 года

---

[1] „Земельная собственность отличается от остальных видов собственности тем, что на известном уровне развития она представляется излишней и вредной, даже с точки зрения капиталистического способа производства“. Маркс, „Капитал“. Том III, гл. 37.

[2] Из той же резолюции.

дают увеличение хозяйств, имеющих от 6 до 25 и даже от 25 до 50 десятин.[1] Кулачество пошло с революцией захватывать помещичью землю — в этом вопросе деревня была едина и была вместе с пролетариатом.

Борьба за крестьянство приняла особые формы на окраинах России, благодаря нерусскому населению окраин. Взаимоотношения пролетариата преимущественно русского, с крестьянством окраин, преимущественно нерусским, ранее угнетаемым, принимало неизбежно характер национальной борьбы.

На Украине, например, „классовое строение украинского общества выглядело таким образом: наверху русская бюрократия, русские и польские помещики, русская буржуазия; ниже — городская мелкая — торговая и ремесленная буржуазия, русская и еврейская; еще ниже крепкое украинское кулачество с обслуживающей его „национальной“ интеллигенцией, еще ниже — русский и украинский фабрично-заводской пролетариат южной промышленности и безземельная украинская голытьба“.[2]

В других местах, например, в Туркестане, положение еще сложнее в том отношении, что пролетариат только русский „безнадежно тонул в кулацко-переселенческой массе, которая уже в 1917 году открыла массовый поход для грабежа киргизских земель в Семиречье.[3]

Для расширения своего влияния на окраины Советская власть должна была разрешить национальный вопрос. Провозглашение права народов на самоопределение на 2-м Съезде Советов, при чем в отличие от буржуазного лозунга „самоопределения“ оно относилось не только к нациям угнетенным другими странами[4] — было первым актом Советского Правительства.

2 (15) ноября была издана декларация прав народов России, которая объявила: 1) равенство и суверенность народов России, 2) право народов на свободное самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельного государства, 3) отмена всех и всяких национальных и национально-религиозных привилегий и ограничений, 4) свободное развитие национальных меньшинств и этнографических групп, населяющих Россию“.

Эта декларация, как и декрет о земле, только давала простор для борьбы за решение национального вопроса. Но она провозглашала полный разрыв со старыми мето-

---

[1] Коган, „Аграрная революция на Киевщине“.

[2] Статья Сафарова в сборнике „За 5 лет“, изд. ЦК РКП.

[3] Там же.

[4] „Если мы действительно против аннексий, то мы должны сказать свобода отделения для Финляндии. Ленин, „Финляндия и Россия“.

дами угнетения народов; она должна была уничтожить движение национальных окраин против Российской государственной власти, как против власти угнетающей народы, власти враждебной стремлению народов к национальной независимости. И хотя история гражданской войны в России показала, что наиболее трудным для пролетариата является овладение мелкобуржуазным населением национальных окраин, разнородных как по своему уровню развития, так и по своему значению в смысле территориального расположения, но, во всяком случае, провозглашение национальной свободы Советской властью в значительной мере вырывало у буржуазии средство натравливать массы против власти под лозунгом национальной независимости.

Для Советской России вопрос об окраинах играл решающую роль: именно здесь Советская Россия должна была строить „тройную линию окопов“ против мирового империализма. Но новая система государства — Советская система — давала возможность не нарушая национальной независимости окраин создавать необходимое для борьбы с империализмом революционное единство.

Вопрос о том, как организационно совместить национальную автономию с революционным единством мало чем отличается от вопроса о взаимоотношении центральной и местных властей, о сочетании демократизма с централизмом в построении Советского управления. Характерно, что реакция против бюрократического централизма царского правительства захватила не только национальные области, но и области чисто русские и выразилась, например, в Сибири, в областническом движении,[1] а в Советской России в создании ряда самостоятельных Советских республик.

И если Советское правительство могло разрешить вопрос о федерации и автономии, вопрос над которым ломают голову буржуазные юристы и профессора государственного права, то это потому, что сама Советская система является совершенно новой государственной системой, дающей совершенно новые возможности сочетания подлинного демократизма с революционным единством управления. Это лучше всего выражено в декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа, где все принципы государственного устройства заключаются в двух пунктах: 1) о том, что вся власть в центре и на местах принадлежит Советам и 2) что „Советская Российская Республика“ учреждается на основе свободного союза свободных наций, как федераций Советских национальных республик.

---

[1] Возглавляемым Григорием Потаниным.

10 апреля 1917 года в проекте программы пролетарской партии Ленин писал: „парламентарная буржуазная республика стесняет, душит самостоятельную политическую жизнь масс, их непосредственное участие в демократическом строительстве всей государственной жизни снизу до верху. Обратное — Советы Рабочих и Солдатских Депутатов. Последние воспроизводят тот тип государства, какой вырабатывался Парижской Коммуной и который Маркс назвал „открытой, наконец, политической формой, в которой может произойти экономическое освобождение трудящихся“.[1]

Уже то обстоятельство, что Советы возникли непосредственно из революционного массового движения, и до Октябрьской революции развивались не только не на поводу у власти, но наперекор ей, обеспечило Советам характер органов революционной самостоятельности масс. Октябрьский переворот, захват власти Советами в провинции, показал чрезвычайно ясно, что Советы являются органами проявления революционной инициативы трудящихся.

На местах почти одновременно с захватом власти почти везде созывались съезды Советов или происходили перевыборы Советов. В Казани 26 октября (8 ноября) кончились бои на улицах города, а к 3 (16) ноября уже произведены перевыборы Совета; в Западной Сибири в ноябре — областной съезд Советов, в Перми 15 (28) декабря губернский съезд Советов, в Тамбове, в Самаре — в январе губернские съезды. В Твери в Саратове — съезды Советов Крестьянских Депутатов. Все эти съезды обсуждали основной вопрос революции — о захвате власти, и уже в решении этого вопроса принимали участие громадные массы трудящихся.

Сама конституция Советской Республики выработалась снизу, именно из этой самодеятельности масс. До издания Советской конституции на местах применялись различные способы построения Советов, различные нормы представительства, но везде применялась та система выборов, которая нашла свое выражение в конституции, т.-е. выборы от производственных и профессиональных организаций. Эта особенность Советской избирательной системы, которая дает возможность избирателям осуществлять свое право отзыва, как и самое широкое толкование этого права, открывает совершенно новую возможность действительной связи выборных с выборщиками государственной власти с массами.

„Призвать к самостоятельной инициативе демократию, а не буржуазию“ — вот тот метод, которым используя завоеванную государственную власть партия делала

---

[1] Ленин, том XIV, ч. I, стр. 47.

эту власть действительно близкой массам. Первый декрет о переходе власти в руки Советов провозглашает этот новый метод управления: комиссариаты должны работать „в тесном единении с массовыми организациями рабочих, работниц, матросов, солдат, крестьян и служащих“.

Решение вопросов о земле предоставлено земельным комитетам, решение продовольственного вопроса предоставлено городским самоуправлениям, права которых расширены декретом 28 октября (10 ноября); им же предоставлено решение жилищного вопроса.[1]

Контроль над производством, куплей, продажей продуктов и сырых материалов, хранением их, а также над финансовой стороной предприятия... осуществляют все рабочие данного предприятия через свои выборные учреждения“.[2]

Все эти меры, часто компромиссные, как в земельном и национальном вопросах, но всегда удовлетворяющие наиболее существенным потребностям масс, всегда привлекающие сами массы к удовлетворению их потребностей, имели значение сильнейшего средства расширения влияния пролетарской диктатуры на самые широкие массы не только рабочих, но и крестьянства — без чего диктатура пролетариата в крестьянской, мелко-буржуазной стране существовать не могла.

Только на ряду с этими мерами могло иметь успех вооруженное наступление пролетариата, несущего свою власть на те окраины, на которых буржуазии удалось укрепиться, использовав и национальные особенности, как на Украине, и сословную особенность, как на Дону и Кубани, и, главное, социальные особенности этих окраин. На эти окраины, послужившие центром для организации контр-революционной буржуазии, Советскую власть должны были принести вооруженные отряды Питерских и Московских пролетариев.

Эти отряды несли с собой опять-таки ту же активность и самодеятельность массам трудового крестьянства и рабочих этих окраин.[3]

Метод установления „жизненной связи“ непосредственно с массами особенно характерно проявился в спорах о социалистической коалиции, где выступили в самой партии товарищи, проглядевшие расширение влияния диктатуры пролетариата на массы до придания диктатуре характера подлинно-народной власти и пытавшиеся расширить

---

[1] Декреты о жилищном моратории 28 октября и о правах городских самоуправлений в деле регулирования жилищного вопроса 30 октября ст. ст.

[2] Декрет о рабочем контроле 14 ноября.

[3] О вооруженной борьбе на Дону, Кубани и Украине см. ниже.

влияние партии путем коалиции с другими партиями. Это те товарищи, которые в Октябре боялись изолированности от всех других социалистических партий, так как недооценили тот факт, что социалистические партии уже потерпели крах в массах. Ленин писал 16 Октября против них „Письмо к товарищам".

„Доводы, с которыми выступали эти товарищи, писал тогда Ленин, до того слабы, эти доводы являются таким поразительным проявлением растерянности, запуганности и краха всех основных идей большевизма и революционно-пролетарского интернационализма, что нелегко подыскать объяснение столь позорным колебаниям".

„Мы изолированы. И ЦИК, и меньшевики-интернационалисты, и новожизненцы, и левые эс-эры выпустили и выпустят воззвания против нас" — говорили тогда эти товарищи. И тогда же Ленин разоблачал „всю бездну бесхарактерности тех, кто вздумал теперь хныкать по поводу того, что заживо сгнивший ЦИК или колеблющиеся левые эс-эры и К⁰ выступили против нас. Ибо эти колебания мелко-буржуазных вождей, Мартовых, Камковых, Сухановых и К⁰, надо сопоставить с восстанием крестьян. Вот реальное политическое сопоставление. С кем итти? С теми колеблющимися горстками питерских вождей, которые косвенно выразили левение масс и которые при каждом политическом повороте позорно хныкали, колебались, бегали просить прощения у Либерданов и Авксентьевых с Комп., или с этими полевевшими массами".

Эти товарищи[1] остались в меньшинстве при обсуждении вопроса в ЦК тогда, когда Викжель, меньшевики, интернационалисты, новожизненцы, левые эс-эры, подняли вопрос о единении всех социалистических партий, о создании „социалистической коалиции" „дабы избежать гражданской войны и спасти революцию".

Переговоры о создании социалистического коалиционного правительства прошли несколько стадий.

Первоначально меньшевики и эс-эры выставили следующие условия:

1) все полки передаются в распоряжение городской думы;

2) рабочие должны разоружиться и не сопротивляться прибывающим войскам Керенского;

3) выпустить арестованных Военно-Революционным Комитетом;

---

[1] Зиновьев, Милютин, Каменев, Ногин, Рыков. В Октябре голосовали против восстания двое.

4) распустить Военно-Революционный Комитет.[1]

Это означало бы полную капитуляцию Советской власти именно перед корниловщиной. Но позже, когда в Москве и под Гатчиной наметилась победа большевиков, требования стали скромнее. На заседании ВЦИК Рязанов доложил новый, выработанный на межпартийном совещании, проект: социалистическое правительство ответственно перед Временным Народным Советом, который образуется в составе: 100 представителей от ВЦИК, 75 — от Совета Крестьянских Депутатов, 100 от Петроградской и Московской Городских Дум и нескольких представителей от профсоюзов.

Большинство ЦК партии вынесло постановление об отказе от такой коалиции и выставило свои условия, предложенные представителем большевиков, Володарским, ЦИК'у. В основном эти условия сводились к тому, что верховная власть принадлежит не Народному Совету, образованному чисто механическим путем, а Советам, и, главное условие не формального характера, а по существу — признать декреты о земле, о мире, и осуществить рабочий контроль, а также вести решительную борьбу с корниловцами.

Партия революционного пролетариата может признать „единство пресловутой революционной (на словах, но не на деле) демократии“ — говорил Ленин лишь „постольку-поскольку“. Мы за единство с ней, поскольку она борется с контр-революцией. Мы не за единство с ней, поскольку она объединяется с контр-революцией“.

Дальнейшее развитие событий особенно ярко подчеркнуло правильность большевистского метода завоевания масс: „социалистические партии“ оказались настолько изолированными от масс, что „изолированные“ большевики вместе с левыми эс-эрами одержали полную победу в спорном до сих пор пункте мелко-буржуазных партий — на съезде Крестьянских Депутатов.

Это было выявлением того, что пролетарская диктатура приняла действительно массовый, народный характер и достигнуто это было тем, что государственная власть, захваченная пролетариатом, была использована им для осуществления революционных преобразований, удовлетворяющих самые насущные требования миллионов трудящихся.

Союз рабочего класса и мелкой буржуазии мог быть и был заключен не путем союза с мелко-буржуазными партиями меньшевиков и эс-эров, так как условием для „честного“ союза, как говорил Ленин, являлась совместная

---

[1] Доклад Каменева на заседании Питерского Совета 27 октября.

борьба с буржуазией, от чего как раз и отказывались меньшевики и эс-эры.

Только одна из мелко-буржуазных партий — партия левых эс-эров стала на путь борьбы с буржуазией и то лишь настолько решительно, как может быть решительной мелкобуржуазная партия. Партия левых эс-эров родилась из отхода масс мелкой буржуазии, т.-е. крестьянства от буржуазии.

Выражением союза пролетариата со всем крестьянством и была отчасти коалиция большевиков и левых эс-эров. Мы увидим дальше, что развитие революции сделало невозможным не только союз с левыми эс-эрами, но и самое существование партии левых эс-эров, так как раскололо крестьянство. Но в данный момент „честный" союз пролетариата и крестьянства и „честная коалиция" партий большевиков и левых эс-эров были фактом. И этот факт был лучшим показателем того, что Советская власть стала подлинно всенародной властью.

«КРАСНОГВАРДЕЙСКАЯ АТАКА НА КАПИТАЛ».

Экономическая программа. Разрушение принципа частной собственности. Продовольствие. Финансы. Начало государственной организации производства. Революция на фабрике. Обострение развала промышленности. Профсоюзы. Демобилизация. Распыление пролетариата. Подавление буржуазии. Саботаж. Социалистические партии после Октября. Госаппарат. Разгон Учредительного Собрания.

Война настолько дезорганизовала народное хозяйство что правительства всех стран принуждены были встать на путь организационного вмешательства в хозяйственную жизнь. Мы находим в Западных странах и монополию на все почти продукты, и трудовую повинность и решительное вмешательство в область производства.

Ленин особенно подчеркивал необходимость „организационных новообразований" для всякого действительно революционного правительства, которое захотело бы спасти Россию от войны и голода.[1]

„Дело вовсе теперь в России — писал Ленин в сентябре 1917 года — не в том, чтобы изобретать „новые реформы", чтобы задаваться „планами" каких-либо „всеобъемлющих" преобразований. Ничего подобного. Так изображают дело — заведомо лживо изображают дело — капиталисты, Потресовы, Плехановы, кричащие против „введения социализма", против диктатуры пролетариата". В действительности же положение в России таково, что невиданные тяжести и бедствия войны, неслыханная и самая грозная опасность разрухи и голода, сами собой подсказали выход, сами собой наметили, и не только наметили, но и уже выдвинули, как безусловно неотложные реформы и преобразования: хлебная монополия, контроль над производством и распределением, ограничение выпуска бумажных денег, правильный обмен хлеба на товары и т. д.[2]

---

[1] Грозящая катастрофа и как с ней бороться.

[2] Ленин. „Один из коренных вопросов революции". Собр. соч. т. XIV, ч. 2, стр. 107.

В брошюре „Грозящая катастрофа и как с ней бороться“, написанной в том же сентябре, Ленин дает программу экономической политики революционной власти:

„Вот эти главнейшие меры:

1. Объединение всех банков в один и государственный контроль над его операциями или национализация банков.

2. Национализация синдикатов, т.-е. крупнейших, монополитических союзов капиталистов (синдикаты: сахарный, нефтяной, угольный, металлургический и т. д.).

3. Отмена коммерческой тайны.

4. Принудительное синдицирование (т.-е. принудительное объединение в союзы) промышленников, торговцев и хозяев вообще.

5. Принудительное объединение населения в потребительные общества или поощрение такого объединения и контроль за ними.

И дальше Ленин говорит о том, что „люди, возражающие нам доводами о невозможности введения социализма, лгут и трижды лгут, ибо речь идет не о введении социализма теперь, непосредственно, с сегодня на завтра, а о раскрытии казнокрадства“.

Речь идет о борьбе с войной и голодом. Но „можно ли итти вперед, боясь итти к социализму“, ставит вопрос Ленин. И дает ответ, что шагом к социализму эти меры неизбежно являются, поскольку „социализм есть не что иное, как государственно-капиталистическая монополия, обращенная на пользу всего народа и постольку переставшая быть капиталистической монополией“.

Это обращение на пользу всего народа есть, конечно, полный переворот всех общественных отношений, ибо если капиталистические страны стали на путь нарушения основных законов капиталистического строя (конкуренции, рынка) то они только искусственно усилили процесс монополизации не уничтожая частную собственность и основанную на ней систему распределения.

Осуществить регулирование полностью, не останавливаясь перед нарушением частной собственности, изменить систему распределения в пользу всего народа — такие задачи стояли перед революционной властью. Эти задачи могла выполнить только твердая власть, только революционная диктатура передового класса, опирающаяся в борьбе с казнокрадством на миллионные массы трудящихся.

„Мы за твердую революционную власть“ — писал Ленин 6 (19) мая 1917 года, в ответ на обвинение большевиков в том, что они мешают созданию твердой власти. „Только власть пролетариата, поддержанного полупролета-

риями, способна дать стране действительно твердую и действительно революционную власть. Она будет действительно твердой, ибо за нее будет прочное и сознательное большинство народа".

„Она будет действительно революционной, ибо она одна в состоянии показать народу, что во время величайших страданий, причиняемых массам, власть не останавливается с трепетом перед прибылями капитала".

Революционная власть должна прежде всего решительными мероприятиями подавить сопротивление буржуазии и в этой задаче заинтересовать, привлечь к участию промежуточные группы населения, чтобы сопротивление буржуазии не находило в этих группах поддержки.

„Чтобы сопротивление дошло до гражданской войны, для этого нужны хоть какие-нибудь массы, способные воевать и победить Советы".[1]

Благожелательный нейтралитет крестьянства был уже достаточен для того, чтобы буржуазия не могла воевать и победить Советы — это совершенно ясно выяснилось в процессе борьбы с контр-революцией на окраинах. Но этого было еще недостаточно для того, чтобы пролетариат мог организовать свое господство, свою диктатуру и организованно „обратить на пользу всего народа государственно-капиталистическую монополию", в такой стране как Россия еще слабо развитую, еще не охватившую своей организацией мелкое крестьянское хозяйство.

Пролетариат неизбежно должен был встретить при решении этой задачи сопротивление не только буржуазии, но и промежуточных групп населения, должен был встретить сопротивление даже в среде самого пролетариата, связанного еще с мелко-буржуазным крестьянством и не избавившегося от мелко-буржуазной психологии. И все же пролетариат через все эти трудности должен был и мог осуществить экономические задачи переворота, спасти Россию от войны и голода. Только в процессе выполнения этих задач пролетариат мог сплотиться сам, укрепиться как господствующий класс, идя на жертвы, на издержки революции, на временное распыление своих сил, но сохраняя свое руководство над мелко-буржуазным населением отсталой страны в борьбе с капитализмом.

Первые декреты Советской власти разрушили принцип неприкосновенности частной собственности и доходов предпринимателей.

Декрет о земле уничтожал помещичью собственность на землю без всякого выкупа. По декрету о расширении прав городских самоуправлений „городское управление

---

[1] Ленин. Пугают Гражданской войной.

имеет право конфисковать, реквизировать и секвестровать в свою пользу все частные помещения... а также все принадлежащие частным лицам или учреждениям продукты, предметы, аппараты, орудия, принадлежности, транспортные средства, склады и проч.“ (§ 5) „реквизировать и включать в общую свою систему распределения все частные продовольственные запасы“ (§ 7) и, наконец, „секвестровать в свою пользу всякое находящееся в черте города торговое и торгово-промышленное заведение или предприятие“ (§ 4). Оно „имеет право определить, что эти заведения действуют в качестве агентов городской, продовольственной организации“ (§ 4).

Положение о рабочем контроле развивает те же отношения, предоставляя органам рабочего контроля не только формальный контроль, и собственно, не только контроль, но и вмешательство в управление предприятием („решения органов рабочего контроля обязательны для владельцев предприятий“).[1]

Это уже и обеспечение и экономической власти трудящихся над эксплоататорами, как первый шаг к полному переходу фабрик, заводов, рудников, железных дорог и прочих средств производства и транспорта в собственность Советской Рабоче-Крестьянской Республики.[2]

На этой основе, на основе власти над эксплоататорами, развивалась экономическая самодеятельность масс, при чем эта самодеятельность осуществилась прежде всего в области распределения предметов потребления, т.-е. в той области, где яснее всего сталкиваются классовые интересы, но которая не является базисом классовой структуры.

Война придала проблеме распределения потребительных благ особую остроту благодаря недостатку и развившейся на почве этого недостатка спекуляции. Разгром некоторых продовольственных складов при Временном Правительстве, реквизиция излишков после Октября — вот в чем выявилась прежде всего борьба в области распределения предметов потребления.

В Новосиле, Тульской губ., например, только что организовавшаяся Советская власть „приступила к регулированию продовольственного вопроса“, при чем это регулирование заключалось не в изыскании способов привлечения новых продовольственных средств в город, а в „учете и реквизиции запасов у торговцев“).[3]

---

[1] Дальнейшими ударами по принципу частной собственности как таковой были декреты о запрещении сделок с недвижимостью и об отмене наследования.

[2] Декларация Прав.

[3] Известия ВЦИК 14 марта.

В Одессе, вскоре после установления Советской власти был организован „день мирного восстания“.[1] Город был разделен на районы и по всем районам должны были производиться обыски для конфискации и взятия на учет излишков. Что понималось под излишками показывают следующие пункты: „список вещей, подлежащих конфискации и берущихся на учет:

а) Обувь. Сапоги отбираются, ботинки оставляются только те, которые находятся на ногах владельцев.

б) Постельные принадлежности. Одеяло по одному на каждую кровать, простыни по две на кровать и т. д.

По всей России проходит массовая волна обысков и конфискаций продовольственных и других запасов. Эта борьба со спекулятивной задержкой обращения товаров, нашедшая свое выражение и в декретах центра (декрет о борьбе со спекуляцией 15 (28) ноября) носила совершенно стихийный характер. Здесь не могло быть еще и речи о планомерной замене рыночного обращения государственным распределением, но здесь была массовая атака на спекулятивную торговлю. В этой атаке проявилось здоровое движение к регулированию торговли, но вместе с тем стремление немедленно улучшить свое, индивидуальное или групповое, положение с помощью своеобразного „черного передела“.

Анархический уклон этого „черного передела“ выявился в еще большем нарушении хозяйственных связей, в „таких действиях как самочинные захваты вагонов с товарами, идущих в адрес другой губернии, отказ от выполнения государственных нарядов и заказов без мотивировки и объяснения причин“ [2] и т. д.

Осинский в статье „Общие задачи экономической диктатуры и основные этапы экономического строительства“ [3] совершенно неверно указывает на то, что в области обращения... нельзя выделить периода „бури и натиска“. Этот период „бури и натиска“ и вылился здесь в реквизиционной кампании в продовольственных мероприятиях без продовольственного аппарата, без централизации.

Завоевание продовольственных центральных органов происходит чрезвычайно медленно. Только к 3-му съезду Советов, на происходившем одновременно продовольственном съезде было покончено с позицией „нейтральности“ продовольственных организаций по отношению к Советской власти и Советской власти по отношению

---

[1] Это было, правда, уже в мае 1919 года, но от этого этот „день“ не теряет своей характерности для первых дней Советской власти.

[2] Известия НКПрода. Цитирую по Орлову „Продовольственная работа Советской власти“.

[3] Сборник „Октябрьский переворот и диктатура пролетариата“.

к продовольственным организациям. Правда, 21 декабря (3 января) наркомпрод Шлихтер издает распоряжение о подчинении продовольственных комитетов Советам, но даже на продовольственном съезде создается еще особый, не входящий в Советскую систему, орган — Совет Снабжения.

Нерешительность Советской власти[1] по отношению к продовольственному аппарату станет понятным, если учесть, что в основном вопросе — извлечение хлеба из деревни — Советская власть ничего не могла сделать, пока не овладела промышленностью, пока не могла дать еще деревне взамен хлеба что-либо, кроме бумажных денег (или пока не укрепилась настолько, чтобы взять хлеб силой,[2] пока с другой стороны не организовала потребителей.

В решении последней задачи Советская власть натолкнулась на сопротивление той организации потребителей, которая по плану Ленина, должна была охватить все население, т.-е. кооперации.

Кооперация — частное коммерческое общество потребителей, или кооперация — государственный аппарат распределения продуктов — вот в чем суть споров, которые велись между Советской властью и кооперацией. Советской власти пришлось пойти на уступки: сохранить членские взносы и отказаться от обязательного членства. Но до этого на местах целый ряд кооперативов был захвачен Советами под одно с частными торговыми предприятиями.

Огосударствление кооперации рассматривалось Лениным как шаг к замене обращения товаров распределением продуктов. В этом же направлении развивалась деятельность Советской власти в области финансовой.

Банки были захвачены. Но что делать с банками — этот вопрос мог решаться только в связи с остальными экономическими проблемами.

„Не боясь вызвать нареканий „образованных" людей — докладывал Ленин на III съезде Советов — или вернее, необразованных сторонников буржуазии, торгующих остатками своего знания, мы сказали: у нас есть вооруженные рабочие и крестьяне. Они должны сегодня утром занять все частные банки... И после того, как они это сделают, когда уже власть будет в наших руках, лишь

---

[1] ВСНХ обсуждал даже вопрос о привлечении к делу хлебных заготовок частных торговцев.

[2] Поэтому места стараются использовать тот хлеб, который есть и производят самостоятельные заготовки, пользуясь местными рессурсами, чем дезорганизуют продовольственное дело. См. Орлов — Прод. Работа Сов. Власти.

после этого мы обсудим, какие нам принять меры. И утром банки были заняты, а вечером ЦИК вынес постановление: „банки объявляются национальной собственностью“...

„Источник капиталистических богатств в их распределении подорван. Аннулирование государственных займов, свержение финансового ига это было совсем легким шагом после этого“.

Однако, национализация банков лишив руководящего финансового центра капиталистов, лишила и Советскую власть возможности через контроль банков „наладить на деле, а не на словах, контроль за хозяйственной жизнью, за производством и распределением важнейших продуктов, регулирование экономической жизни, действительное взыскание подоходного налога без утайки имуществ и доходов“,[1] — ибо банковые операции прекратились и банки стали в значительной степени складами, но не центром... „главным стержнем и основным механизмом капиталистического оборота“.

Ревизия сейфов, ограничение выдач, аннулирование займов, а также нарушение капиталистических отношений в производстве и распределении совершенно прекратили приток средств в банки.[2]

Почти прекратился приток средств и в виде налогов. Прямые налоги, установленные еще Временным Правительством и подтвержденные с большими строгостями декретом 30 ноября (13 декабря) не дали почти ничего. Советской власти пришлось прибегнуть к увеличению косвенных налогов, но нарушение товарооборота нарушало и их поступление.

Натуральный налог с крестьянства, постановление о котором было принято Совнаркомом в декабре, встретил отпор со стороны крестьянской секции ВЦИК и был отложен.

На местах самостоятельно изыскивают способы получения средств и находят их, большей частью, в контрибуциях. Учесть эту работу мест нет никакой возможности (и вряд ли когда-либо удастся учесть). Доклады с мест дают чрезвычайно пеструю картину:

„Бессистемное обложение, неналаженность отчетности“ — Западная область.[3]

„Медленно поступают налоги на землю, что приводит к необходимости контрибуций“ — Московская губерния.

---

[1] Ленин. Грозящая Катастрофа.

[2] Уже до Октябрьской революции вклады в банки сократились почти вдвое. Данные Прокоповича на заседании Вр. Сов. Республики 16 октября 1917 года.

[3] Из докладов с мест на Съезде финотделов в мае 1918 года.

„Контрибуцией в 300 тысяч рублей содержится армия в 200 тысяч“ — Курская губерния.

„Процентное обложение товаров“ — Иваново-Вознесенск.

„Какого бы то ни было налогового аппарата не существует. Случайные средства добываются при помощи контрибуций, а зачастую и конфискаций“ — Чердынский край.[1]

„Иссякли все средства и источники дохода“ — Тверская губ.[2]

Все эти меры еще больше обостряют положение, но все они ломают власть капиталистов и разрушают возможность тех попыток, которые делаются и в центре и на местах по налаживанию кредитного обращения.

Интересно, что эмиссия в первые месяцы сократилась: октябрь — 3 216 милл. руб., ноябрь — 2 705 милл. руб., январь — 2 187 милл. руб., февраль — 1 818 милл. руб. Думаю, что причину этого нужно искать в том, что с нарушением связей нарушилось и финансирование государством целого ряда областей. Во всяком случае, организованным вмешательством Советской власти в хозяйственную жизнь это сокращение объяснять нельзя, ибо само это вмешательство только начиналось.[3]

Это организующее, уже не местное, а государственное вмешательство в область торговли проявилось прежде всего в ограничении торговли теми предметами, которые могли итти в деревню: сельско-хозяйственные машины — монополия на сельско-хозяйственные машины и орудия (30 ноября — 13 декабря), — и мануфактура — реквизиция на станциях и пристанях, запрещение продажи с фабрик частным лицам, организация центро-ткани и учет всех 100% тканей (16/29 декабря). Дальнейшими шагами в этой области было проведение сахарной монополии, объявленной еще Временным Правительством, и монополии на кожевенные изделия.

По мере налаживания аппарата, Советская власть завоевывает все органы экономического регулирования, доставшиеся в наследство от старых правительств, органы, ведающие уже регулированием распределения средств производства, орабочивает эти органы и подчиняет их новому экономическому органу — ВСНХ.

---

[1] Из доклада инспектора труда „Статистика Труда“.

[2] Среди докладов имеются и заявления о том, что пора финансовой разрухи прошла (Урал) „открывается широкий торговый кредит и даже предполагается открытие новых отделений банка“ (Нижний-Новгород), однако, мне не удалось найти более подробные материалы и думаю, что эти заявления не соответствуют действительности.

[3] С марта начинается увеличение эмиссии.

По положению, опубликованному 5 (18) декабря 1917 г. ВСНХ является органом, обнимающим все народное хозяйство, „согласует“ и „объединяет деятельность“ всех регулирующих органов не только в промышленности, но и соответствующих народных комиссариатов, торговли и промышленности, продовольствия, земледелия, финансов, военно-морского и т. д.

Вопрос о компетенции ВСНХ долго являлся предметом споров. Осинский, — сторонник полного подчинения ВСНХ всех хозяйственных комиссариатов,—доказывал, что при ограничении функций ВСНХ „говорить при таких условиях о единстве точек зрения и управляющей воли — необходимых предпосылках социалистического строительства, — не приходится“.

Но объединение в одном ведомстве и крупной капиталистически-развитой промышленности и совершенно капиталистически-неразвитого сельского хозяйства, означало бы или выдвигание вперед интересов крупной промышленности в ущерб сельскому хозяйству, или, наоборот, подчинение интересов крупной промышленности интересам мелкого сельского хозяйства. Необходимость различных методов воздействия на различные по своей структуре отрасли хозяйства, не учитывалась достаточно ясно в этих спорах.

Основной задачей ВСНХ было объединение в государственном масштабе того вмешательства в область производства, которое стихийно развивалось в масштабе областном, губернском и даже отдельных предприятий.

ВСНХ впитал в себя Центральный Совет рабочего контроля, но в первый период своего существования, он не мог еще обнять всю работу рабочего контроля, рабочего вмешательства в производство.

Мы уже говорили о том, что само положение о рабочем контроле говорило не о контроле, а о вмешательстве в управление.

Например, в Судженских копях рабочие отправляют делегацию в центр за деньгами, так как „предприниматель, воевавший с рабочими все лето и осень 1917 года тормозил правильный ход работ неприсылкой достаточного количества денег“.[1]

Закрытие фабрик грозило рабочим безработицей и уже это толкало их неизбежно к борьбе с приостановкой производства.

В Юрезани „владелец завод закрыл и все оборудование его разрушил и продал на слом“. В январе 1918 года, по требованию местного рабочего населения, было при-

---

[1] „Народное Хозяйство“, № 1.

ступлено к ремонту завода. Восстанавливаются литейные и прокатные отделения.[1]

В Нижегородской губернии пришлось национализировать несколько предприятий — причина: нежелание предпринимателей руководить производством.[2] Правление организовано из представителей рабочих и Экономического Отдела Совета. Контрольные Комиссии организованы на всех фабриках. Все фабрикаты сбываются через них.

В Романово-Борисоглебске национализованы мельницы и маслобойный завод (100 рабочих) вследствие локаута заводчика. Экономических организаций пока нет.

В Иваново-Вознесенске вследствие саботажа национализировано два предприятия (Т-во Иваново-Вознесенской Мануфактуры и Коноваловых), на Коноваловской мануфактуре в правлении работает часть администрации. Сбыт происходит через комиссара промышленности при Губернском Совдепе и через местные контрольные комиссии.[3]

В Курской губернии национализирована вся сахарная промышленность и кожевенная фабрика „Комета" (180 рабочих). Несколько мелких механических и литейных мастерских перешли в р у к и с в о и х ж е р а б о ч и х. Трамвай в руках рабочих и служащих. Довольно часты случаи неподчинения предпринимателей решению конфликтной комиссии.[4]

В Донбассе — управляющие, директора бежали в Новочеркасск. В одном районе рабочие 72 рудников самочинно организовали Районный Совет Народного Хозяйства, который и взял в свои руки управление рудниками.[5]

Мы видим здесь различные подходы рабочих к захвату предприятий: от перехода предприятия просто в руки рабочих данного предприятия даже без создания каких-либо экономических организаций при совете до организации СНХ; от захвата предприятия за неподчинение решению конфликтной комиссии до ремонта брошенного предприятия.

Во всяком случае, это непланомерное овладевание производством, а борьба рабочих со своими предпринимателями, борьба, в которой тесно переплетаются все элементы от борьбы за повышение заработной платы до политической борьбы с саботажем промышленников против Советской системы.

---

[1] Из докладов Инспекторов Труда. „Статистика Труда", № 6 — 7.
[2] „Статистика Труда", № 1.
[3] „Статистика Труда", №№ 2 — 3.
[4] Т а м ж е.
[5] „Доклад Оболенского на 1 Пленуме ВСНХ 19 марта". Известия ВЦИК № 54.

И Центральные органы власти проводят не планомерную национализацию, а экономическое подавление предпринимателей, борьбу, а не организацию производства.

Первая сводка конфискаций предприятий СНК и ВСНХ дает следующее: Совнаркомом конфисковано: за неподчинение декрету о рабочем контроле — 6 предприятий. За неподчинение распоряжению о демобилизации, а также другим распоряжениям комиссаров — 2. В виду задолженности казне и неумелого ведения предприятия — 3. В виду отказа продолжать производство — 6. В виду оставления предприятия правлением или владельцем — 2.[1]

ВСНХ конфисковано, в виду общегосударственного значения предприятия, финансовой зависимости от государства, а также других причин Акц. О-во „Электропередача".[2]

К июню национализированы по постановлению центра 100 предприятий, областными органами власти — 264, местами — 123.[3] Значит, в то время как центральной властью (и то большей частью по настоянию мест) национализировано 100 предприятий, в порядке местной самодеятельности захвачено — 387.

Есть попытка доказать, что национализировались, несмотря на отсутствие планомерности, главным образом, те отрасли промышленности, которые скорей всего можно было национализировать, но вряд ли можно уловить здесь какую-либо планомерность. Национализировались те предприятия, где наиболее обостренно происходили столкновения между рабочими и администрацией.[4]

Рабочая власть, рабочий контроль создали психологическую предпосылку к тому, чтобы не останавливаться в пределах старых производственных отношений; предпринимательский саботаж толкал к завоеванию власти в производстве; вооруженная борьба придавала захвату фабрик оттенок военной необходимости;—и все это покрывалось общим недоверием к способностям буржуазии восстановить хозяйство и стремление и своими силами улучшить свое положение.

Самый факт захвата предприятий и вмешательства в область обращения неизбежно привел к дальнейшему расстройству экономических связей.

---

[1] На заводе Гельферих-Саде правление уехало к Каледину, на фабрике Маркушевых владелец скрылся бесследно.

[2] „Народное Хозяйство", № 1.

[3] „Народное Хозяйство" № 4.

[4] „Приезжала очередная делегация: на первом блок-ноте записывались ее слова, а на втором писалось—национализировать и неизвестно сколько было национализировано". Из речи Гастева на первом Съезде СНХ.

„Пролетарий воспользуется своим господством для того — писал Маркс,[1] чтобы сконцентрировать все средства производства в руках государства, т.-е. организованного в господствующий класс пролетариата и возможно скорее увеличить массу производительных сил. Разумеется, это не может-быть выполнено иначе как путем деспотических посягательств на право собственности и на буржуазные производственные отношения, т.-е. путем таких мероприятий, которые с экономической точки зрения должны казаться недостигающими цели и невыносимыми, но которые с дальнейшим ходом вещей перерастут свои собственные рамки, а кроме того являются неизбежными“.

Мы видели, что стремление уничтожить буржуазные отношения в области распределения потребительных благ иногда главенствовало над стремлением организовать производство, что прежде чем сконцентрировать все средства производства в руках пролетарского государства, пришлось пройти через стадию захвата средств производства в руки рабочих данного предприятия.

И управление производством в первый период естественно не является организованным пролетарскими государственными органами, а распыленным между отдельными группами рабочих.

Естественно, что еще дальше обострился кризис, вызванный войной.

Отчеты Инспекторов Труда по обследованию фабрик и заводов везде говорят одно и то же:

„За недостатком топлива ожидается остановка текстильной промышленности (Н.-Новгород)“, вследствие недостатка хлопка бумаго-ткацкой промышленности предстоит перенести весьма серьезный кризис... Недостаток топлива (Владимирская губ.), производство сокращается из-за недостатка топлива, сырья и денег (Иваново-Вознесенск). „Недостаток материала чувствуется всюду“ (Курская губ.).

Недостаток финансовых средств и продовольствия— вот первое испытание, которое пришлось выдержать рабочим.

„Хлеб выдается полностью—сообщают из Кизеля— по Общеуральской норме“. Это „полностью“ равняется $^1/_2$ фунта муки на взрослого. „Хуже всего с финансами. Нет денег. Торговля (мелкая) очень неудачно национализирована и замерла“.

Бывали случаи выдачи заработной платы товарами. Наблюдается острый недостаток в продуктах питания, есть уезды, где наблюдается острая голодовка. Норма

---

[1] Обращение ЦК Союза коммунистов.

выдачи $1/4$ фунта хлеба в день и 2 фунта крупы в месяц (Нижегородская губ.).

„Продовольственный кризис породил обратную тягу к земле. Более зажиточные вернулись в деревню. Менее зажиточные выделили часть семьи для работы на огородах“ (Иваново-Вознесенск).

Производительность труда по докладу Милютина на первом Съезде ВСНХ пала в общем на 13—14%.[1]

Анкета, произведенная на Сормовском заводе по вопросу о производительности труда в апреле 1918 года, дала следующие ответы:[2]

22 цеха констатировали общее падение производительности, 3—частичное и 6 цехов—не усматривают падения производительности.

Большая часть анкет указывает, как на причину—неудовлетворительное питание, 2 анкеты—технические причины, 3—общая экономическая и политическая неурядица в стране, 3—недостаток дисциплины и прямое нерадение.

Безусловно, как сообщают из Кизеля, „сыграла свою роль и дезорганизованность рабочих и отсутствие технических руководителей, прогулы, отсутствие дисциплины и целый ряд подобных причин“.

Здесь же хотя сообщается о том, что падения производительности основных рабочих почти не наблюдается и что рабочие производят добровольные отчисления в пользу Исполкома.

В Кинешемском районе, например, по докладу инспектора Труда „национализированы две фабрики Коновалова и в связи с этим производительность на означенных фабриках заметно поднимается“.

Ломов в брошюре. „Разложение капитализма и организация коммунизма“ приводит ряд цифр, указывающих на то. что производительность труда поднялась.

Милютин в указанном выше докладе говорит о том, что начинается движение рабочих за поднятие производительности труда и указывает пример Костромской губ., где рабочие сами поставили вопрос и стали изыскивать способы к поднятию производительности, и пример Донбасса, где в Макеевском руднике производительность с 60 тысяч пудов в день поднялась до 90 тысяч пудов.

Передовая часть рабочего класса принимается с первых дней за работу по организации производства, но ей приходится преодолевать сопротивление с отсталой частью

---

[1] Милютин указывает на повышение зарплаты. Мы увидим позже, что реальная зарплата понизилась.

[2] „Сормовский бюллетень“ № 1.

пролетариата, проникнутой мелко-буржуазной психологией, близоруким стремлением немедленно улучшить свое положение, хотя бы во вред производительности, во вред классовым интересам пролетариата.

Эта борьба с мелко-буржуазным индивидуализмом отсталой части рабочих ложится на плечи профессиональных союзов. Профсоюзы вместе с Советами принимают меры к улучшению положения рабочего класса. Приводится декрет о восьми-часовом рабочем дне, о социальном страховании рабочих; профсоюзы вместе с комиссариатом труда проводят тарифную работу.

В этой работе Профсоюзы находятся под давлением с одной стороны масс, требующих повышения заработной платы, с другой — объективных условий, не дающих возможности удовлетворить эти требования. Тарифная политика Профсоюзов направляется под давлением масс в сторону уравнения заработных плат, повышения зарплаты преимущественно низших категорий рабочих и запрещению сдельных работ.[1]

Заработная плата в Москве квалифицированного металлиста поднялась по сравнению с 1916 годом к январю 1918 года до 219, чернорабочего металлиста до 327.[2]

В это же время стоимость пайка поднялась до 678, и каждому новому повышению заработной платы сопутствует повышение стоимости продуктов.

Борьба против предпринимателей старыми методами становится излишней: уже 26 октября стачечный комитет деревообделочников в Питере прекратил начатую раньше стачку „в связи с переворотом".[3]

Еще до Октября Московский Союз металлистов в резолюции (на делегатском собрании 15 октября) требует от Совета „революционной властью немедленно прекратить забастовки, заставить предпринимателей удовлетворить все экономические требования рабочих".

Профсоюзы в борьбе с предпринимателями пользуются уже государственным принуждением и 16 января 1918 года появляется первый обязательный минимум заработной платы, изданный Московским Советом.

Мы видели, как отвечали предприниматели на новую позицию профсоюзов, но их сопротивление было уже совершенно бессильным.

---

[1] В некоторых местах рабочие сами установили после национализации сдельные работы.

[2] Это уравнение началось до Октября; еще в первом коллективном договоре в июне 1917 г. и встретило особенно упорное сопротивление капиталистов.

[3] „Новая Жизнь" № 163 и „Профессиональный Вестник" № 7. Эта стачка деревообделочников интересна тем, что деревообделочники вступили в конфликт с металлистами и химиками.

Однако, профсоюзам пришлось натолкнуться на сопротивление рабочих, предъявляющих иногда требования, несоразмерные с экономическими возможностями. Эти столкновения с отсталой частью рабочих принимают иногда характер острых конфликтов,[1] забастовок через головы и против профсоюзов.

Эти столкновения, эта борьба передовой части рабочего класса с его отсталой частью находит свое отражение и внутри профсоюзов.

Например, по сообщению Инспектора Отдела Труда[2] в Коломенске „на строго классовой линии стоят только 2 союза—металлистов и текстильщиков, деятельность которых выразилась в проведении тарифных договоров. Остальные профсоюзы занимаются, главным образом, тем, что открывают лавочки (булочники, торгово-промышленные служащие, кожевники)".

Союзы почтовиков и железнодорожников занимают антибольшевистскую позицию. (Хотя это не значит, что массы железнодорожников занимают такую же позицию— эти союзы были построены на совершенно особых основаниях).[3]

В самом ВЦСПС борьба между большевистской и небольшевистскими фракциями делает ВЦСПС почти неработоспособным. Та же борьба идет и на I Съезде. Однако, I Съезд дает уже определенное большинство большевикам и основными вопросами Съезда являются уже „вопросы предпринимательские", т.-е. вопросы регулирования, рабочего контроля, демобилизации промышленности. Съезд занимает позицию не противопоставления себя государству, а совместной работы с пролетарским государством. Имеется даже течение полного огосударствления и даже уничтожения профсоюзов — течение не учитывающее того, что Октябрьская победа не есть победа социализма.

Профсоюзы перестраиваются сообразно новым задачам—вместе с Советами становятся организаторами производства и, прежде всего, начинают объединять разрозненные организации пролетариата — фабзавкомы и тем создают необходимую предпосылку для работы государственных экономических органов, построенных профсоюзами.

Первой работой пролетариата, проводимой уже по всей России хотя и без всякого плана, без учета — является демобилизация промышленности.

---

[1] Как, например, конфликт с Шляпниковым на пороховом заводе. См. стенограммы I Съезда Профсоюзов.

[2] „Статистика Труда".

[3] См. доклад Лозовского по организационному вопросу на I Съезде Профсоюзов.

Прекратить производство на войну можно одним прекращением военных заказов. Но демобилизация заключается в том, чтобы перевести промышленность на мирное производство и планомерно может-быть выполнена только при условии учета рынка с одной стороны и производственных возможностей с другой.

В докладе о демобилизации на I съезде Профсоюзов, Гастев выдвигает задачу не только демобилизации промышленности, но и в связи с демобилизацией, полной реорганизации ее, т.-е. перестраивание на более рациональных основаниях, например перенесения центра тяжести из Урала в Донбасс. Утопичность таких задач в условиях революционного кризиса совершенно очевидна. Никаких демобилизованных планов, как говорил тот же Гастев, от старых правительств не осталось. Никакого учета ни потребностей, ни возможностей не было и быть не могло.

ВСНХ просто дает заказы некоторым заводам производить вместо орудий войны сельскохозяйственные орудия (Ижорскому, Балтийскому, Путиловскому, Обуховскому, Парвияйнен и др.).

На местах рабочие начинают производить предметы, которые могут получить широкий сбыт и послужить средством для получения продовольствия. Там, где нет возможности немедленно перейти на мирное производство работы сокращаются. Целый ряд предприятий, созданных во время войны исключительно для военного производства обречен на закрытие, однако, рабочие оказывают сопротивление, ибо это грозит безработицей и на этой почве возникает не мало конфликтов. Иногда фабзавкомы выдвигают совершенно несуразные планы демобилизации, как, например, обозные мастерские проектируют перейти на производство паровозов, рассчитывая, конечно, на государственные субсидии.[1]

Демобилизация еще больше обостряет кризис. По материалам обследования 832 предприятий в Петрограде[2] из каждых 100 предприятий к январю 1918 года работает 88, к апрелю—39, при чем сокращение числа работающих предприятий сильнее всего как раз в металлургии (металлургических работает из 100 — 26, бумажных — 97, по обработке животных продуктов — 72) и сильнее всего в металлургии сокращается работа на крупных предприятиях (в крупных число работающих рабочих—25% в мелких—37), ибо в мелких предприятиях не требуется столь сложного перестроения.

---

[1] Речь Козелева на I Съезде Профсоюзов.
[2] „Статистика Труда“ № 2 — 3.

Демобилизация промышленности усиливает безработицу и распыление рабочего класса.

Происходит количественное сокращение пролетариата, а, кроме того, лучшая часть рабочих уходит с предприятий в армию, в профорганы и в Советы.[1]

Демобилизованные из армии рабочие пополняют кадры безработных и, оторванные от производства, деклассируются.

Остающиеся на фабриках рабочие, лишенные возможности заработать голодный прожиточный минимум (в 1917 году оставалось у среднего рабочего сверх затрат на пищу 94 руб. 64 коп., в 1918 году не хватает на пищу одинокому 320 руб., семейному — 622 руб. 25 коп.) под давлением голода теряют классовую выдержанность и устойчивость.

Ослабление и распыление пролетариата, обессиленного еще войной благодаря мобилизации на фронт с одной стороны и притоку на фабрики непролетарских элементов с другой, ослабляет его руководящую роль, приводит к тому, что промежуточные группы населения менее решительно участвуют в борьбе с буржуазией, оставаясь в лучшем случае благожелательными, пассивными, а иногда и враждебными пролетарской диктатуре.

Ослабление классовой активности пролетариата при полной почти пассивности крестьянства в общегосударственных вопросах — крестьянство не было пассивным в вопросе о земле—укрепляло надежды мелкобуржуазной интеллигенции на возвращение хозяина, к которому мелкобуржуазная интеллигенция привыкла, которого боялась, которого слушалась, пока он организовывал саботаж, т.-е. платил жалованье.

Саботажникам платили такие фирмы, как „Иван Стихеев и К°“, Богданов, Кавказский банк, Тульский Поземельный банк, Московский Народный банк и пр. Кроме того, для организации саботажа были использованы деньги, захваченные меньшевистским ЦИК'ом, отказавшимся сдать дела новому ЦИК'у, и финансы Временного Правительства, которые частично удалось захватить существовавшему некоторое время подпольному Временному Правительству.[2]

---

[1] На 557 зав. Питера 5,2% ушли от станка: 4 041 чел.—в армию, 540 чел. — в Советы, 1 672 чел. — в прочие организации. „Статистика Труда“ № 2 — 3.

[2] См. Лацис — два года борьбы на внутреннем фронте и Демьянов. Записки о подпольном Временном Правительстве в Архиве Гессена, т. VII.

Организацией саботажа руководила коалиция всех антисоветских элементов от меньшевиков до монархистов включительно.

Уже уход меньшевиков и эс-эров со II Съезда Советов показал, что эти партии в новой группировке сил занимают место не вместе с массой рабочих и солдат, идущих за большевиками, а против них, вместе с буржуазией.

Если интернационалисты и высказывались против вооруженной борьбы с Советами, то они не порывали связи с Комитетом Спасения, который к этой борьбе призывал, эту борьбу организовывал.

Вот как изображает „Новая Жизнь" (№ 165 от 28/X) газета, занявшая „нейтральную" позицию поведение социалистов: „Представители умеренных течений демократии... меньшевики-оборонцы, эс-эры, группирующиеся вокруг ЦК, не говоря уже о более правых партиях... зовут всех граждан не только к отказу от повиновения большевистским властям, но и к активной борьбе против мятежников-большевиков, проповедуют саботаж, дезорганизацию, снабжения Петербурга необходимыми продуктами, бросают лозунг: в борьбе с большевиками все средства хороши".

ЦК объединенцев выносит решение „стремиться к немедленному образованию однородного социалистического министерства, но без участия большевиков, в отношении которых принять позицию беспощадной борьбы".

На заседании меньшевистских фракций Совета Республики ЦИК первого созыва, II Съезда Советов и Петроградского Совета 3 (16) ноября побеждает точка зрения сторонников активной борьбы с большевиками.[1]

Партия эс-эров встала во главе вооруженной борьбы с Советской властью и организовывала заговоры и восстания.

Все эти партии не представляли собой масс, достаточных для того, чтобы „воевать и победить Советы". Это достаточно ясно выявилось после неудачи восстания юнкеров в Питере и наступления Краснова, после трех месяцев борьбы на окраинах.

Насколько беспочвенны были эти попытки, показывает, например, то, что Питерская Городская Дума,—один из центров борьбы против большевиков—обсуждала вопрос не о том, как свергнуть власть Советов, а о том, что делать, если большевики разгонят Думу. Как курьез она в то же время выносила такие постановления: признать членов Думы, большевиков, которые приняли назначение комиссарами

---

[1] „Рабочая Газета" от 5 (18) ноября 1917 года, см. ст. Вардин в сборн. ЦК 3—5.

городских учреждений „нарушителями закона и постановить о предании их суду“.

Но если антисоветские партии не могли „воевать и победить Советы“, то они находили почву, пока были деньги, в рядах служащих для организации саботажа.

И если Ленин до Октября писал, что экономическую часть государственного аппарата (аппараты учета вроде банков, синдикатов, почты, потребительских обществ...) „этот государственный аппарат (который является не вполне государственным у нас, но будет вполне государственным при социализме) мы можем „взять“ и „привести в движение“ одним ударом, одним указом, ибо фактическую работу счетоводства выполняют здесь служащие, большинство которых сами находятся в пролетарском или полупролетарском положении“ — то на III Съезде Советов Ленин должен был говорить о служащих и чиновниках, „которые думают, что охрана старого порядка есть интересы общества“ и организовывают саботаж, а в тезисах о мире характеризовать внутреннее положение Советской России затяжкой сопротивления „всего менее активных форм: саботаж, подкуп босяков“ и так далее. Это не меняло решения основного вопроса о соотношении классовых сил в пользу пролетарской революции, но это создавало невиданные трудности в деле строительства государственного аппарата.

Подготовленные капитализмом органы учета и контроля оказались, большей частью, пустыми помещениями, иногда запертыми, а в лучшем случае заполненными людьми совершенно не приспособленными к работе в новых условиях.

Пролетариат через свою партию, Советы и Профсоюзы сумел выделить основной кадр новых работников, но этот кадр был слаб и количеством и по своей технической подготовленности.

Советы в центре и на местах создавали комиссии, которые позже превращались в отделы Исполкомов: военно-революционные комитеты развились в органы борьбы—штабы Красной армии и чрезвычайные комиссии. Фабзавкомы и Профсоюзы создавали экономические органы и Ленин на том же съезде Советов мог говорить о колоссальной организационной работе, творческой созидательной деятельности.

В психологии рабочих: „мы „их“ нажали, „они“ не смеют охальничать, как прежде. Нажмем еще—сбросим совсем“, [1] имелась на-ряду с здоровым классовым чутьем доля мелкобуржуазной психологии.

---

[1] „Так думает и чувствует рабочий“,—писал Ленин.

„В мелко-крестьянской стране, только год тому назад свергнувшей царизм и менее чем полгода тому назад освободившейся от Керенских — писал Ленин в апреле 1918 г. — осталось, естественно, немало стихийного анархизма, усиленного озверением и одичанием, сопровождающими всякую долгую и реакционную войну; создалось немало настроений, отчаяния и беспредметного озлобления; если добавить к этому провокаторскую политику лакеев буржуазии (меньшевиков, правых эс-эров и пр.), то станет вполне понятно какие длительные и упорные усилия лучших и сознательнейших рабочих и крестьян необходимы для полного перелома настроений массы и перехода ее к правильному, выдержанному, дисциплинированному труду".

Эти остатки стихийного анархизма затрудняли подавление сопротивление буржуазии, оставляя почву для разнообразных форм и борьбы против Советов.

Некоторая, как говорил Ленин, „расхлябанность" Советской власти в борьбе с буржуазией, особенно с социалистическими партиями, была вполне естественна в таких условиях:

Социалистическая печать, например, продолжала долгое время выходить, меньшевики и эс-эры продолжали находиться в Советах и Профсоюзах, внося свою долю дезорганизации в ряды пролетариата, поднимая вой против всяких решительных действий пролетарской власти.

Эта боязнь решительных действий проникала и в советские ряды и, например, Лозовский вышел из партии с заявлением о том, что он не может вынести „режима штыка и сабли", не может молчать и подчиняться партийной дисциплине, когда к саботажникам принимают такие меры, как лишение хлебных карточек. [1]

„Озверение и одичание" вносило дезорганизацию в борьбу масс с буржуазией и отталкивало тех колеблющихся попутчиков, которые по их классовой сущности можно было привлечь на сторону пролетариата.

„Но в главном задача сопротивления эксплоататоров уже решена в период от 25 Октября 1917 г. до (приблизительно) февраля 1918 г. или до сдачи Богаевского". [2] Если массы не поддержали лозунга Учредительного Собрания — лозунга господства буржуазии в самых совершенных политических формах, то тем менее можно было думать о выступлении масс на поддержку других форм буржуазной диктатуры.

А что массы не пошли за Учредительным Собранием против Советской власти стало совершенно очевидно,

---

[1] „Новая Жизнь" от 29 октября 1917 г. (ст. ст.).
[2] Ленин. „Очередные задачи Советской власти." Собр. соч., т. XV.

когда все попытки поднять массу на защиту Учредительного Собрания потерпели крушение. Разгон Учредительного Собрания, не согласившегося принять декларацию, смысл которой заключался в том, что Учредительное Собрание не противопоставляет себя Советской власти, прошел совершенно спокойно если не считать эс-эровской демонстрации. Эта демонстрация 5 января ст. ст. показывает, что организация для руководства массами, выступающими на защиту Учредительного Собрания была. Были и военные силы, собранные эс-эрами. [1] Не было за эс-эровской организацией только... масс.

И после этого оставался уже один только путь борьбы—путь вооруженной интервенции извне. На этот путь и становится партия эс-эров после разгона Учредительного Собрания, вынося решение о том, „что появление союзных войск на русской территории будет приемлемо“. Лозунг Учредительного Собрания сохраняется лишь как ширма для прикрытия вооруженной интервенции.

Только разгон Учредительного Собрания для возможности Советской власти откинуть от названия правительства „слово“ „Временное“, и хотя это было лишь формальным закреплением существующего соотношения сил, но все же только III съезд Советов, происходивший одновременно с Учредительным Собранием, оформил существование Советской власти.

„Можно сказать с неоспоримым основанием, говорил Ленин закрывая III съезд, что III съезд Советов открыл новую эпоху всемирной истории, и ныне, в условиях мировой революции, все значение этого съезда начинает сознаваться все более и более.

Этот съезд, закрепивший организацию новой государственной власти, созданной Октябрьской революцией, наметил вехи грядущего социалистического строительства для всего мира, для трудящихся всех стран“. [2]

---

[1] Это только формально посуществу; это сделал уже II Съезд Советов. *Прим. ред.*

[2] См. обвинительное заключение по делу эс-эров.

БОРЬБА НА ДОНУ, КУБАНИ И УКРАИНЕ.

Перенесение борьбы на окраины. Казачество. Организация Добровольческой Армии Корнилова. Красная гвардия и части старой армии на Дону и Кубани. Буржуазно-помещичья гвардия против рабочей Гвардии. Крестьянство в этой борьбе. Революционное казачество. Эшелонная война. Ледяной поход добровольцев. Крестьянские вооруженные организации на Кубани. Кубанский Военно-Революционный Комитет. Кубанская Рада. Очищение Кубани. Украинская Рада. Советская власть и Украинская Рада. Борьба с Украинской Радой. Части Румынского и Юго-Западных фронтов в этой борьбе. Очищение Украины.

Октябрьское восстание дало бескровно власть в руки пролетариата в Питере, и эта власть не нашла почти никаких препятствий для своего распространения по территории центральной России, Урала и Сибири. На Урале и в Сибири власть перешла в значительной части городов в руки Советов еще до октябрьского восстания. Попытка наступления Керенского — Краснова на Питер и восстание юнкеров в Питере 29 октября кончилась полным разгромом казачьих войск — разгромом не столько в силу военного перевеса на стороне Советов, сколько в силу отказа казачьих войск вступать в борьбу за чуждые им цели.

Неудача наступления казачьих войск и юнкерского восстания, равно как и всей работы „Комитета Спасения Родины и Революции“, вокруг которого сплотились все антисоветские партии, образовавшие в борьбе с большевиками блок от меньшевиков до монархистов включительно, показала, что массы против Советов поднять не удастся. Сорвать Октябрьский переворот было делом безнадежным, так как он держался на Октябрьском союзе пролетариата и крестьянства.

Бессилие антисоветских партий было настолько очевидно, что доводило их до таких курьезов, как решение Городской Думы в дни восстания итти к Зимнему Дворцу умирать вместе с министрами Временного Правительства. Это не значит, конечно, что не было никакой почвы для борьбы с Советами, но, во всяком случае, дело шло уже

не о том, чтобы сохранить власть Временного Правительства, т.-е. предотвратить захват власти пролетариатом, а о том, чтобы мешая этой власти путем организации саботажа искать опору для организации вооруженного наступления на окраинах.

Неудача наступления третьего конного корпуса генерала Краснова на Питер и в то же время организация контрреволюционного правительства, опирающегося на то же казачество на Дону — это сопоставление говорило о том, что если и можно было использовать казачество для борьбы с большевиками, то только там, на их родине, на Дону и Кубани.

Настроение казаков Краснова лучше всего выявилось тогда, когда им было предложено ехать домой: приказ Начальника 4 Донской дивизии об отправке домой с лошадьми и с оружием положил конец всяким возможностям контр-революционных выступлений казачества в Питере. [1] А вместе с тем это был явно контр-революционный приказ, имеющий целью не прекращение борьбы с Советской властью, а использование слабости Советской власти для перенесения центра вооруженной борьбы на Дон.

На Дону уже образовался контр-революционный центр. Атаман Каледин в октябрьские дни прислал телеграмму, извещающую контр-революционные организации центра, что „с 25 октября войсковое правительство приняло на себя полноту исполнительной государственной власти в Донской области". Кубанская рада также провозгласила себя правительством автономной Кубани, и было ясно, что единственной опорой антисоветского движения могут быть эти кулацкие окраины.

На Кубани 1 339 тысяч казаков владели 60% всей земли, в то время как 1 646 иногородних имели только 37% удобной площади (2,8% земли владели 136 тысяч горцев). Если у иногородних на 100 десятин посева приходилось 15 земледельческих орудий и на 1 хозяйство — 7 штук скота, то у казаков — 23 орудия и 20,5 штук скота. [2]

Эти цифры показывают, что сословная обособленность казачества имела под собой экономические корни, а сословная организация еще усиливала контр-революционность казачества, так как оставляла руководство в руках помещиков.

Расслоение внутри казачества, как увидим позже, дало возможность Советской власти найти опору в самом

[1] См. „Красная Летопись" № 6 за 1923 г.

[2] Местное самоуправление на Северном Кавказе № 16 — 18 за 1919 г. цитирую по Г. Покровскому, „Деникинщина".

казачестве, но борьба за сохранение своих сословных привилегий отдавала руководство сословием в руки помещиков-казаков сейчас же как только дело касалось этих сословных привилегий. Во всяком случае, сохранение сословия создавало особые условия классовой борьбы, которая выливалась в такие оригинальные формы, как борьба отцов и детей, борьба со стариками фронтовиков и т. д.

На Дон и Кубань стало стекаться контр-революционное офицерство и здесь организовывать добровольческую армию для борьбы с Советами. На Дон приехал Алексеев, имеющий связи с Московскими торгово-промышленными кругами и взявший на себя руководство добровольческой армией. Позже приехал Корнилов, который после споров и столкновений с Алексеевым, принял на себя командование добровольческими отрядами, оставив за Алексеевым гражданское управление, внешнее сношение и финансы.

„Быховские узники", т.-е. Корнилов и его соучастники без всякого труда бежали из своего заключения. Временное Правительство поставило их в такие условия ареста, что Корнилов до смещения генерала Алексеева продолжал фактически в тюрьме выполнять обязанности Главнокомандующего; охрану Быховской тюрьмы нес Корниловский отряд текинцев, а Советская власть не успела еще помешать их побегу, равно как и отправке юнкеров и офицеров на Дон.

„Пробирались в армию сотни, пишет Деникин, а десятки тысяч выжидали, переходили к мирным занятиям, или шли покорно на перепись к большевикам". К началу февраля, по данным Деникина, добровольческая армия достигла 3—4 тысяч отборных контр-революционеров, среди которых даже такие „социалисты", как Савинков считались революционерами; от которых постарались избавиться.[1] Революционным считалось здесь все, что связано было не только с Октябрьским, но и с февральским переворотом, хотя декларация Корнилова и провозглашала созыв Учредительного Собрания.

Добровольческие отряды были типичными отрядами черной гвардии, и Деникин с горечью признает, что пытались создать армию „национальную", а создали классовую армию. Это была именно классовая гвардия буржуазно-помещичьего блока.

Донское казацкое правительство дало приют добровольческой гвардии, но в то же время вынесло постано-

---

[1] Савинков был отправлен в Москву в командировку с удостоверением от Алексеева.

вление о том, что „добровольческая армия... должна находиться под контролем объединенного правительства и в случае установления наличности в этой армии элементов контр-революции, таковые элементы должны быть удалены немедленно за пределы области“.

Это постановление Донского правительства как и все трения между добровольческой армией и казачеством, наполнявшие всю историю добровольческой армии, не были случайными. Это было столкновение двух контрреволюционных, но социально-различных течений: буржуазно-помещичьего с одной стороны и кулацкого — с другой. Одно — ставящее себе цели обще-российские, другое — кулацки-ограниченное, местническое, пытавшееся отгородиться в своей области от революционной России.

Кулацкая ограниченность Донской и Кубанской контрреволюции выявилась уже в образовании мелких самостоятельных государств, Дона и Кубани, враждующих между собой и с добровольческой армией. Она еще ярче сказалась во время вооруженной борьбы с Советами, когда казачество отказывалось не только переходить за пределы области, но иногда и вылезать из своих станиц. Так, например, при первом столкновении, когда Каледин начал наступление на Ростов, где власть перешла к Ревкому, казаки, как пишет Деникин, не пошли. „Были мобилизованы юнкера из Барочной, составив отряд в 400 — 500 штыков, к ним прибавилась Донская молодежь — гимназисты, кадеты, позднее одумалось несколько казачьих частей“.

„Что будет в России и какова она будет,—пишет про себя генерал Краснов,—он не думал“.[1] Тем менее думало об этом казачество. Казачество думало о защите своей кулацкой колокольни, своих станиц, создавало отряды по станицам, в свои станицы отправляло военную добычу, так как даже здесь не могло отказаться от станичной, деревенской ограниченности.

Активной действующей силой не местного значения в вооруженной борьбе на Дону и Кубани были буржуазно-помещичья гвардия с одной стороны, и рабочая Красная гвардия — с другой. Все остальное как с той, так и с другой стороны было только обстановкой, в которой эта борьба протекала.

В составе красных войск, наступавших с севера и с юга на Дон и Кубань, были не только отряды Красной гвардии. С Кавказа, например, наступали части 39 дивизии старой армии, но эти части пробивались домой и только постольку приняли участие в борьбе

---

[1] Архив русской революции Гессена, № 5.

на Дону и Кубани. Задача пролетарских отрядов Красной гвардии была иная — распространение влияния пролетарских центров на окраины.

И эту задачу выполнял только пролетариат. Крестьянство в вооруженной борьбе этого периода принимало участие только как местное население, только защищая свои местные интересы. Классовая сущность борьбы между двумя враждебными классами здесь нашла свое отражение не только в руководстве той и другой армиями, но и в самом составе армии.

Здесь были: объединенный отряд Красной гвардии Выборгского и Володарского районов, объединенные Московские отряды под командой Саблина, отряд Харьковской пролетарской артиллерии Рухимовича, отряды рудничной Красной гвардии Донецкого бассейна.

Эти последние отряды возникли как результат нападений казачьих партизанских отрядов, особенно отрядов Чернецова и „белого дьявола“ — Грекова. Перед угрозой налетов этих отрядов рудничные рабочие мобилизовались поголовно, проведя у себя самостоятельно воинскую повинность рабочих для охраны рудников.

Построенная по принципам мобилизации, в то время как крестьянство нечего было и думать удержать в армии, рудничная милиция особенно характерна для пролетариата. Здесь, правда, имело некоторое значение то, что дело шло о защите своих рудников, но все же рабочая милиция Донбасса сумела при помощи Питерских и Московских рабочих выделить несколько отрядов и для наступления на Дон, Кубань, Украину.

Вместе с Питерскими и Московскими рабочими отрядами здесь были большевистские части старой армии: матросские отряды в значительной части, состоящие опять-таки из рабочих, 4-й латышский полк, по составу своему преимущественно батрацкий и несколько обычных по своему составу частей армии — 4-я кавалерийская дивизия, 11-й Сибирский стрелковый полк, 5-я Сибирская артиллерийская бригада. Это те части, которые сохранились благодаря сильному преобладанию в них большевиков как части революционные.

Совершенно особое значение имело участие в наступлении на Ростов — Новочеркасск трех Донских казачьих полков — продукт расслоения внутри казачества. Эти части, правда, только пробивались домой, но все же помогли рабочим, а не зажиточному казачеству. Это имело большое значение для разрушения контр-революционной сословной казачьей организации. В противовес казачьему кругу, руководимому помещиками-генералами, в станице „Каменской“ собрался съезд трудового казачества, руко-

водимого пролетариатом. Этот съезд выделил казачий Военно-Революционный Комитет во главе с революционером-партизаном казаком Подтелковым, который помог прежде всего задерживать ехавшие домой казачьи части. Собственно не задерживать, а разоружать и пропускать дальше, так как задержать казаков не далеко от своего дома — значило толкнуть их на выступление против Красных войск.

Вооруженная борьба этого периода имела характерный вид эшелонной войны. Отряды были привязаны к железным дорогам и двигались эшелонами. Большей частью отряд той или другой стороны приезжал в поезде на станцию, занятую противником и, высадившись, после перестрелки или занимал станцию, или садился по вагонам и уезжал обратно. Иногда отряды передвигались даже в пассажирских поездах, так как пассажирское движение не прекращалось.

Только при взятии Новочеркасска красные отряды благодаря наличию кавалерии пошли несколькими колоннами, переменив обход фланга действующих по железной дороге от Таганрога — станция Никитовка отрядов Кутепова.

С отрядом Кутепова наступающим на Таганрог отрядам Сиверса пришлось выдержать серьезные бои в районе Матвеева кургана. [1] В этих боях Красная гвардия потерпела поражение и все же исход был решен в пользу Красной гвардии, так как восстание Таганрогских рабочих в тылу у белых заставило Кутепова уйти с железной дороги. Появление в тылу Красной конницы довершило дело и освободило путь от Таганрога на Ростов.

Одновременно красные отряды двигались от Дебальцева на Зверево и от Зверево на Новочеркасск-Ростов. С юга на Ростов наступали части кавказского фронта, 14 февраля занявшие Батайск. Белые оказались отрезанными, но невыполнение приказа одним из полков кавказского фронта дало возможность добровольческой армии уйти через станицу Ольгинскую на Кубань.

В лагере белых царило полное разложение. Добровольческая армия при первых неудачах решила оставить Дон и уйти на Кубань. Сохранившиеся казацкие отряды Попова, Денисова и др. к добровольцам не присоединились. Местнический характер казацкой контр-революции не дал возможности руководителям увести казаков с Дона — они принуждены были уйти в Донские степи, распылив силы контр-революции.

---

[1] См. схему.

А атаман Каледин на войсковом круге, заседавшем в момент прихода красных казаков в Новочеркасск, произносил свою последнюю речь:

„Я должен вам заявить, что положение наше безнадежно. Силы наступающих большевиков с каждым днем все увеличиваются, кроме этого сегодня открыто новое движение по грунту... Этот новый фронт требует особенного внимания и стойких частей, которыми мы не располагаем. Это новое движение совершенно обессиливает нас тем более, что Корнилов отзывает свои войска... С уходом войск Корнилова нас останется горсточка людей... Из всех этих перечисленных отрядов в конце концов наберется не более 100—140 штыков. Почему это? Как назвать этот позорный ужас? Шкурничество погубило нас; вместо того, чтобы защищать родную землю от врага, лучшие ее сыны, русские офицеры, позорно бегут от кучки захватчиков. Нет больше ни чувства долга, ни чести, нет любви к родине, нет, наконец, простой нравственности. При таком положении вещей, не остается ничего другого, как сложить свои полномочия, что я и делаю, и предлагаю тоже большинству членов правительства".

Растерянность и беспочвенность были настолько сильны, что Донское правительство не сумело даже бежать. Каледин застрелился. Круг успел только вынести никчемное решение о мобилизации казаков и выбрать нового атамана Назарова, сейчас же захваченного красными.

Добровольческая армия в это время уходила на Кубань, в свой, так называемый, „ледяной поход". В первой и единственной деревне Ставропольской губернии, которую проходили добровольцы, им пришлось встретить сопротивление уже не со стороны рабочих, а со стороны крестьян, а дальше, на Кубани, и со стороны значительной части казачества.

Столкновение с крестьянами деревни Лежанки (Ставропольской губ.), с иногородними Кубани и с Кубанским казачеством было вторым, после Дона, подтверждением того, что и кулацкие окраины, представляющие весьма слабую почву для социалистической диктатуры пролетариата, все же оказывают сопротивление реставрационным попыткам помещиков. Добровольческая армия за весь свой 1 кубанский поход увеличилась за счет офицерских отрядов Эрдели и Покровского, сформированных в Екатеринодаре и выбитых оттуда местным крестьянским движением при помощи частей старой армии, возвращающихся с фронта.

Перед угрозой помещичьего движения, а также на почве борьбы в самой деревне между иногородними и казачеством и между зажиточным и бедным казачеством,

стихийно возникли местные крестьянские военные организации. В районах иногороднических селений, пока только для защиты своих деревень, крестьяне создали отряды, и эти отряды уже начали объединяться для совместных действий против общей опасности.

В районе Лабы-Филипповского добровольцы наткнулись на военную организацию иногородних, объединившую несколько деревень и возглавляемую „армейским Военно-революционным Советом" в селе Филипповском. Способ организации этих отрядов соответствовал целиком задачам обороны своего района: крестьянство избрало милиционную систему формирования, дающую возможность оставаться дома пока не грозит опасность, собираться в отряды по зову своего местного центра, и снова расходиться по домам, как только опасность миновала.

Таким образом создались районы, организованно-враждебные добровольческому движению и Кубанской раде; иногда только пассивно враждебные, а иногда и проявлявшие активность и, как это было на Таманском полуострове, снимавшиеся со своего района и наступавшие на соседние зажиточные районы.

„Повсюду в области, пишет Деникин, в каждом поселке, в каждой станице собиралась Красная гвардия [1] из иногородних и части казаков-фронтовиков, еще плохо подчинявшихся Армавирскому центру, но следовавшая точно его политике. Объединялись временами в волостные, районные, армейские организации".

„Армавирский центр", это Кубанский областной Военно-Революционный Комитет, выросший из советского движения рабочих, солдат и матросов Екатеринодара, Армавира и Новороссийска, в противовес кулаческой организации, Кубанской Раде. Движение крестьянское не „плохо подчинялось Армавирскому центру", а частью, было совершенно не связано с ним, развиваясь самостоятельно в местном масштабе, не всегда отдавая свои силы в распоряжение Военревкома, но выполняя те же задачи борьбы с контр-революцией в своих деревнях, районах. Так, совершенно независимо от Военно-Революционного Комитета создалась военная организация крестьян на Таманском полуострове, снявшаяся позже с своих мест и превратившаяся в Таманскую крестьянскую армию.

Военно-Революционный Кубанский Комитет опирался в значительной степени на солдат старой армии, пробивавшихся домой и согласовавших через солдатские коми-

---

[1] Название Красная гвардия здесь применено не верно. Это крестьянские партизанские отряды, а не рабочая Красная гвардия.

теты свои действия с действиями ВРК. Именно эти силы вместе с городскими отрядами Красной гвардии сыграли решающую роль в наступлении Красных войск на Екатеринодар, где прикрываясь явно контр-революционными офицерскими отрядами заседала Кубанская Краевая Рада, во главе с „хлебными“ кубанскими „социалистами“.

„Казацко-социалистическая“ Кубанская Рада занималась выработкой „демократической“ конституции, по которой половина населения — все иногородние, за исключением „староселов“, лишаются избирательных прав, и переговорами с такими же „хлебными социалистами“ — не казаками, об установлении договорных отношений (паритетное правительство) с крестьянским населением области. А реальная конституция определялась отрядом Покровского, состоящим из кучки реакционных авантюристов, с одной стороны, и стихийным революционным крестьянским движением — с другой. Эта конституция привела к тому, что и Рада, и паритетное правительство, и отряд Покровского были выбиты 1 марта из Екатеринодара и нашли приют в Добровольческой армии Корнилова.

Пополненная таким образом, Добровольческая армия, после неудачной попытки взять Екатеринодар, ушла опять тем же путем на Дон, потеряв под Екатеринодаром своего командующего — Корнилова.

Очищение Красной гвардией Дона было одной частью общего оперативного плана по советизации Дона, Кубани и Украины, который проводился под руководством Штаба Главнокомандующего по борьбе с контр-революцией юга России, Антонова-Овсеенко. Этот Штаб далеко еще не взял в свои руки руководство действиями всех отрядов, но все же общее руководство исходило от него, и самое существование Штаба, присланного из центра, открывало перспективы объединения и централизации вооруженных действий красных сил.

Оперативный план Антонова-Овсеенко заключался в том, чтобы отрезать Дон от Украины и затем одновременным наступлением захватить центры: Ростов и Киев.

Уже при выполнении первой части плана Красная гвардия наткнулась на сопротивление украинских частей, и, особенно, местных военных училищ, но к середине января все железные дороги, ведущие с Украины на Дон, были захвачены Красной гвардией.

Разъединение Дона и Украины имело большое значение, так как Украинская Рада, задерживая советские войска, пропускала на Дон казачьи эшелоны.

Мелкобуржуазная Украинская Рада, использовавшая до Октября советское движение для борьбы с руссификаторской политикой Временного Правительства, после

Октября, когда к власти пришел класс, единственно способный разрешить национальный вопрос и провозгласивший самое широкое право народов на самоопределение, стала поддерживать антисоветское, при чем именно руссификаторское контр-революционное движение.

Революция на Украине привела к оживлению национального движения, движения кулачества, руководящего аграрной революцией против крупных помещиков Украины, но вовсе не стремившегося довести эту революцию до такого конца, который привел бы к ликвидации и кулаческого господства в деревне.

До Октября Украинская Рада, опиравшаяся на деревенскую буржуазию, возглавляла движение против русской буржуазии и помещиков и шла на союз с городским пролетариатом. Но переход власти в руки пролетариата создавал угрозу для господства кулачества, и национальное движение приобрело тогда характер защиты уже не от буржуазно-помещичьего блока, но от союза русского и украинского пролетариата и украинской голытьбы.

Классовая сущность национального движения неизбежно должна была привести к тому, что в борьбе с пролетариатом украинская деревенская буржуазия должна была искать союзника в городской буржуазии, почти исключительно русской, т.-е. украинофобской, да еще экономически и политически связанной с русскими и украинскими помещиками.

Поэтому, выступавшая солидарно с большевиками в Октябре и использовавшая выступление пролетариата против буржуазии, Рада сейчас же после Октября оказалась в союзе с кадетской Городской Думой, выразившей доверие Раде, и с калединцами, представлявшими те же, что и Рада, социальные группы, но так же как и Рада, заключавшими союз с враждебными кулачеству силами буржуазно-помещичьего блока.[1]

Советская власть должна была, прежде всего, отгородиться от руссификаторской политики буржуазии — именно эта политика задерживала развитие классовой борьбы на национальных окраинах, но в то же время Советская власть не могла допустить, чтобы за ширмой национального движения пряталась контр-революция.

„Мы скажем украинцам,—говорил Ленин:—как украинцы, вы можете устраивать у себя жизнь как хотите. Но мы протянем братскую руку украинским рабочим и скажем им: вместе с вами мы будем бороться против вашей и нашей буржуазии“. [2] Поскольку дело шло о вооружен-

---

[1] См. Рафес — „2 год революции на Украине“.
[2] Ленин. Собр. соч., том XV, стр. 44.

ной борьбе, эти братские руки должны были быть вооруженными.

Советская власть пыталась сначала мирным путем разрешить украинский вопрос, — предъявляла ультиматум с требованием прекратить поддержку калединцев и дезорганизацию фронта.

„Все, что касается национальных прав и национальной независимости украинского народа, признается нами, Советом Народных Комиссаров, — говорилось в ультиматуме 3 декабря, — тотчас же, без ограничений и безусловно. Против финляндской буржуазной республики, которая остается пока буржуазной, мы не сделали ни одного шага в смысле ограничений национальных прав и национальной независимости финского народа и не сделаем никаких шагов, ограничивающих национальную независимость какой бы то ни было нации из числа входящих в состав Российской Республики. Мы обвиняем Раду в том, что, прикрываясь национальным флагом, она ведет двусмысленную буржуазную политику, которая выражается в непризнании Радой Советов и Советской власти на Украине (между прочим, Рада отказывается созвать, по требованию Советов, Краевой съезд украинских советов немедленно). Эта двусмысленная политика, лишающая нас возможности признать Раду, как полномочного представителя трудящихся и эксплоатируемых масс Украинской Республики, довела Раду в самое последнее время до шагов, означающих уничтожение всякой возможности соглашения.

Такими шагами явилась, во-первых, дезорганизация фронта. Рада перемещает и отзывает односторонними приказами украинские части с фронта, нарушая, таким образом, единый общий фронт, до размежевания, осуществимого лишь путем организованного соглашения правительств обеих республик.

Во-вторых, Рада приступила к разоружению советских войск, находящихся на Украине. В третьих — Рада отказывает поддержку кадетско-калединскому заговору в восстании против Советской власти“.

Половинчатые уступки Временного Правительства сепаратистским стремлениям Украины Рада встретила с восторгом,—безоговорочное признание Советской властью Украины самостоятельной республикой („обеих республик“) не удовлетворило Раду.

Но советский ультитатум нашел поддержку даже среди меньшевистских рабочих и в забастовке против Рады приняли участие даже меньшевики и бундовцы. В противовес антибольшевистскому съезду Советов, поддерживающему Раду в то время, как все заводы Киева бастовали против Рады, в Харькове образовался большевистский

ЦИК Украины („Цикука"), и при помощи советских войск почти без всякого сопротивления Киев был занят.

В борьбе с Украинской Радой приняли участие те же отряды питерской, московской и харьковской Красной гвардии, объединенные под командой бывшего полковника Муравьева, левого эс-сэра; с запада помогли красногвардейские части западных железных дорог и некоторые остатки частей старой армии Берзина, а с юга на Украину наступали части юго-западного и румынского фронтов.

На этих фронтах происходила длительная и упорная борьба между меньшевиками и эс-эрами, с одной стороны, большевиками и левыми эс-эрами с другой, командованием, с третьей, и украинскими партиями, с четвертой. Почти оторванные от связи с центром, эти фронты в чрезвычайно запутанной обстановке переживали свою Октябрьскую революцию, основным вопросом которой являлся вопрос о выводе войск.

Союзники пытались использовать украинизацию для сохранения от влияния большевиков, Румыния оказывала помощь Украинской Раде, которая создала на румынском фронте „Комитет национальных комиссаров", согласующий свои действия с директивами Украины.

Ген. Щербачев, принявший на себя командование юго-западным и румынским фронтами, действовал согласованно с союзническими представителями в Румынии и с Украинской Радой. Снабжение армий находилось в руках украинцев, так как Рада овладела базами снабжения.

Армия не могла просто разойтить, как это было на западном и северном фронтах, а должна была найти какой-либо организованный выход. Сохранение оружия было для солдат одним из основных вопросов, обеспечивающих пропуск домой, но именно пропуск с оружием частей старой армии означал гибель Украинской Рады.

Агитация украинских социалистов против войны, „совсем как большевики, только украинские", путала четкость партийной борьбы; арест и расстрел румынами фронтового отдела Румчерода, во главе с тов. Рошалем, лишили большевиков наиболее сильной руководящей организации; невыясненность международной политики для местных организаций лишала их четкости в постановке вопроса об оставлении фронта, а призыву к организованности большевиков украинские социалисты противопоставляли демагогические лозунги оставления оружия и демобилизации.

Однако, разоружение нескольких полков украинцами, неудачные попытки нескольких частей самостоятельно уйти с фронта, заставили солдат сплотиться вокруг коми-

тетов, руководство в которых перешло в руки большевиков и левых эс-эров.

Части румынского и юго-западного фронтов пошли вооруженными через Украину в тот момент, когда на Киев наступал Муравьев, а в Киеве вспыхнуло восстание и всеобщая забастовка, поддержанная 35 профсоюзами.

26 января Муравьев пришел на помощь восставшим киевским рабочим, и русские и украинские рабочие вместе заставили Раду искать прибежища под покровительством германского империализма, разрабатывавшего уже планы использования Украины для целей империалистической войны.

БОРЬБА С ГЕРМАНСКИМ ИМПЕРИАЛИЗМОМ.

Советская Россия и империалистическая Германия. Положение в Германии и в странах Антанты. Отношение Антанты к Советской России. Политика Германии в Брестских переговорах. Политика Германии. Внутреннее положение Советской России. Внешняя политика Советской России. Ход переговоров. Позиция Троцкого. Заключение мира. Левые коммунисты. Ленин и Брест. Брест и крестьянство. Наступление Германии на севере и западе. Германия и Петлюра. Советская Украина. Оккупация Украины. Борьба с немцами. Красная гвардия в борьбе с немцами. Перерождение Красной гвардии.

„Как быть, если в России власть перейдет в руки Советов Рабочих и Солдатских Депутатов, а в Германии не произойдет такой революции, которая бы низвергла не только Вильгельма II, но и немецких Гучковых и Милюковых (ибо, если немецкого Николая II заменят немецкие Гучковы и Милюковы, то по отношению к войне ровно ничего не изменится)?[1] Этот вопрос стоял перед всей Россией и перед партией с первых дней революции.

„Наш ответ — писал тогда Ленин: власть в руках Советов Рабочих и Солдатских Депутатов будет властью большинства народа, а большинство, это — рабочие и беднейшие крестьяне. Они действительно не заинтересованы в аннексиях, они не на словах, а на деле от них откажутся, они на деле перестанут быть стражами прибыли капиталистов.

При таких условиях и мы согласны на революционную войну против капиталистов любой страны, ибо это будет на деле война против интересов какого угодно капитала, а не за интересы капиталистов одной страны.

Именно в таком положении, когда власть перешла в руки Советов, оказалась Россия после Октябрьской революции. „Мы согласны на революционную войну“ — в этом теперь для пролетарской партии не могло быть никаких сомнений.

---

[1] Ленин, „Наши взгляды“. 18 апр. 1917 г. Т. XIV, ч. 1, стр. 93.

„Но вопрос о том, можно ли сейчас, немедленно вести революционную войну, — писал Ленин через год, в апреле 1918 г.[1] — следует решить, учитывая исключительно материальные условия осуществимости этого и интересы социалистической революции, которая уже началась".

Этот вопрос должен был быть разрешен в зависимости от состояния Германии и союзнических стран, во-первых, внутреннего положения Советской России, во-вторых.

„Дело стоит, следовательно, с революционной войной в данное время следующим образом:

Если бы германская революция вспыхнула в ближайшие 3—4 месяца, тогда, может быть, тактика немедленной революционной войны не погубила бы нашей социалистической революции".[2]

В том, что война чрезвычайно ускорила созревание социалистической революции в Германии — сомнений быть не могло — Германия стояла перед революцией, но, если положение в Германии было обострено до последних пределов, то все же оно не давало возможности утверждать, что революционный взрыв в Германии произойдет немедленно.

Объективные предпосылки революции в Германии были. Германия с ее „гениально-организованным" голодом была накануне краха и уже в 1916 году германское правительство для избежания надвигающегося краха принимало меры к окончанию войны. В сентябре 1916 года Германия ведет переговоры с Вильсоном о посредничестве, нащупывает почву у римского папы, пытается через нейтральные страны завязать сношения с Францией и Англией. 12 декабря 1916 года Германия отправляет уже союзникам обращение о мире. Об условиях, на которые соглашалась Германия, Людендорф[3] пишет: „если бы переговоры ни к чему не привели вследствие желания аннексий с нашей стороны, тогда Антанта могла бы, указав на наши требования, увлечь свои народы на борьбу. Мы же в этом случае совсем не могли бы больше заставить сражаться народ, который и тогда уже жаждал мира. Еще менее согласились бы итти с нами наши, уставшие воевать, союзники".

Германия вынуждена была итти на отказ от аннексий и шла на него в своих происках мира, в своих переговорах и в своем обращении к союзникам.

---

[1] Ленин, т. XV, стр. 67.
[2] Ленин, т. XV, стр. 68.
[3] Людендорф, „Мои воспоминания о войне 1914 года".

„Насколько положение транспорта было напряженным, видно из того, что пороховые заводы и заводы взрывчатых веществ, от которых все зависело, по целым дням бездействовали. Железные дороги не доставляли им угля, хотя он и имелся“.[1]

Недостаток нефти был настолько силен, — а нефть играла решающую роль в войне, что Германия свои оперативные планы должна была строить, исходя из соображений о добыче нефти. Именно эта задача была поставлена германскому командованию при наступлениях на Румынию, и уже в 1916 году разрабатывался чрезвычайно рискованный план наступления на Закавказье для добычи бакинской нефти.

Автомобильный транспорт на фронте часто бездействовал из-за недостатка горючего. О продовольственном вопросе не приходится и говорить. Тот же Людендорф приводит ужасающие данные о голоде в Германии.

И, наконец, недостаток людских сил чувствовался настолько сильно, что вопрос о создании польской армии и об использовании людских сил оккупированных областей становился чуть ли не решающим вопросом в германской армии. Мобилизовавшая все на фронт Германия должна была вернуть с фронта на производство квалифицированных рабочих, так как производительность труда необычайно упала и поддержание производства требовало увеличения количества рабочих. А между тем фронт требовал новых мобилизаций. Командование настаивало на проведении так называемой „большой программы“ Гинденбурга, мобилизующей не только мужчин, но и женщин.

„Мысль о революции распространялась неприятельской пропагандой — пишет Людендорф — и большевизм нашел в Германии подготовленное состояние умов“.

„В конце концов, с начала 1918 года, это было уже вполне ясно выражено: на ряду с пропагандой политической революции, все определеннее пропагандировалась революция социальная. Война была объявлена делом рук верхних 10 тысяч за счет рабочего класса...“.

Восстание матросов в Киле показало, что „гениально-организованная“ Германия дает трещину. Объективные условия ставили перед германским правительством уже только один вопрос — сохранение своей власти.

Но объективных предпосылок экономического созревания переворота еще недостаточно для его осуществления. Нужна сила, которая этот переворот могла бы осуществить, нужны факторы революции.

---

[1] Там же.

„Социализм ныне стал уже экономической необходимостью“—об этом писал Каутский еще в 1907 году.

За время войны Германия создала „последнее слово“ современной крупно-капиталистической техники и планомерной организации, подчиненной юнкерски-буржуазному империализму. Откиньте подчеркнутые слова, поставьте на место государства военного, юнкерского, буржуазного, империалистического, тоже государство, но государство иного социального типа, иного классового содержания, государство советское, то-есть пролетарское, и вы получите всю ту сумму условий, которая дает социализм“.[1]

„Срок его (социализма) наступления — писал в 1907 г. Каутский — есть уже только вопрос силы“. Именно этой силы, от применения которой удерживал всеми мерами тот же Каутский в 1917 году, и не было в Германии.

Положение в странах Антанты было немногим лучше, но все же страны Антанты могли еще ответить отказом на мирные предложения Германии. Вступление в войну Америки, с ее богатством, с ее нефтью, дало Антанте возможность продолжать войну, хотя и в странах Антанты были уже колебания от войны до победы к сепаратному миру с Германией за счет России.

Отношения союзников к России определялись первое время исключительно стремлением удержать Россию в составе воюющих держав. Первый период Октябрьской революции, пока победа Советской власти не стала еще очевидной, союзники пытались вооруженным вмешательством[2] и непризнанием помешать осуществлению переворота.

В ответ на обращение II Съезда Советов о мире, Франция прислала генералу Духонину отношение, в котором писала: „Франция не признает власти народных комиссаров. Доверяя патриотизму русского верховного командования, она рассчитывает на его твердые намерения отклонить всякие преступные переговоры и держать в дальнейшем русскую армию лицом к общему врагу“.[3]

Американский представитель также обратился к Духонину, подчеркивая тем, что Америка готова поддержать генеральскую контр-революцию против Советов, и заявляя, что „мое правительство определенно и энергично протестует против всякого сепаратного перемирия, могущего быть заключенным Россией“. Америка, кроме того, уведомила о прекращении отправки в Россию посылок.

---

[1] Ленин, т. XV, стр. 267.
[2] Участие французских войск в вооруженной борьбе в Москве.
[3] Письмо генерала Лавернь к Духонину.

Английское правительство 16 ноября также прислало свой протест против мирных шагов Советской власти. Самое обращение о мире было передано правительствам только послами Норвегии, Швеции, Швейцарии, и Испании, при чем последний после этого был отозван своим правительством.

22 декабря конференция держав Согласия постановила: „контролировать внешнюю политику Советской России“, — другими словами, принять меры к тому, чтобы не дать России возможности выйти из системы империалистических держав.[1]

В этой своей политике союзники, когда стала очевидной победа Советской власти. пошли на компромисс и после неудачи наших первых переговоров с Германией пытались использовать Россию, как Советскую Россию, для выполнения той же цели — продолжения войны.

„Англичане предлагали Советской власти по 100 руб. в месяц за каждого солдата, если Советская власть согласится продолжать войну против Германии. 22 февраля Троцкий докладывал на заседании ЦК ноту французской военной миссии с предложением Франции и Англии оказать поддержку Советской власти в войне с Германией инструкторскими и техническими силами.[2]

„Перед Англией — пишет в своих воспоминаниях Набоков — встал вопрос: не целесообразно ли было бы войти в официальные сношения с Советским правительством с тем, чтобы оказать посильное влияние на ход брест-литовских переговоров. Этим, мне кажется, объясняется тот факт, что в феврале 1918 года признание Советской власти не только обсуждалось между союзниками, но было весьма близко к осуществлению“.[3]

В этой политике союзников наиболее характерным было вмешательство союзных послов в наше столкновение с Румынией. Хотя части старой армии и нанесли под Рыбницей удар румынским войскам, оккупировавшим Бессарабию, однако, соотношение сил было далеко не в пользу Советской власти и только давлением союзников можно объяснить тот факт, что Румыния согласилась заключить договор с Советской Россией, по которому Бессарабия возвращалась России. Последним проявлением этой политики Антанты было обращение Вильсона с приветствием IV Съезду Советов — последняя попытка удержать Советскую Россию от заключения Брестского мира. последним намеком на предложение сохранить над собой „дружеское“ руководство союзнического империализма.

---

[1] Майский, Внешняя политика Советской власти.

[2] См. приложение к XV т. соч. Ленина: „ЦК РКП и Брестский мир“.

[3] Набоков, „Испытания дипломата“, стр. 190.

Политика Германии в брестских переговорах определилась прежде всего ее стремлением использовать переговоры с Россией для начала общих переговоров[1] и, в то же время, стремлением захватить продовольственную базу— Украину и „через Дон и Кубань“ пробиться на Кавказ для захвата бакинской нефти и для соединения с турецким фронтом.

Захват русского хлеба и нефти и устранение военной угрозы с Востока должно было дать возможность Германии продержаться еще некоторое время. О большем Германия тогда вряд ли уже думала после неудач на Марне. Правда, германская армия после Бреста еще пять раз пыталась переходить в наступление на Западном фронте, но армия уже готовилась только к обороне, и в духе обороны перерабатывались уставы и наставления для обучения армии. Австрия же и Турция тем менее могли думать о наступательных операциях.

„Только что пришла телеграмма из Будапешта — записывает в дневнике 7 января 1918 г. председатель австрийской делегации в Бресте, граф Чернин[2] — о враждебных демонстрациях по отношению к Германии. В германском консульстве были выбиты окна, ясный симптом, каково было бы настроение, если бы мир не удался из-за наших требований“, и 17 января — „скверные вести из Вены и ее окрестностей: большие забастовки, вызываемые уменьшенной выдачей муки и затяжным характером брестских переговоров“.

В Австрии точка зрения части германского штаба о предпочтительности короткого, решительного и последнего удара на Петроград не могла найти поддержки, да и в Германии она поддержки не нашла.

Внутреннее положение Советской России, ее обороноспособность определялась, во-первых, полным развалом армии, во-вторых, развалом промышленности и безработицей и, в-третьих, затяжкой саботажа и других форм гражданской войны.

„Армия теперь больная часть русского государственного организма — говорил Ленин — которая не может вынести тягот этой войны“.

„К 15 января — гласит донесение из 10 армии — пехота и артиллерия оставили позиции и ушли в тыл. Часть орудий брошена“. „Укрепленной полосы не существует — сообщали из III армии. — Окопы занесены снегом. Форти-

---

[1] Этим, в значительной степени, объясняется заявление Германии о согласии на наши принципы мира. Сравни с обращением Германии о мире в 1916 году.

[2] Архив Русской Революции Гессена, т. II.

фикационные сооружения разбираются на топливо. Дороги занесены, имеются лишь тропинки от жилых землянок к кухням и немецким лавкам; один из участков более 10 верст занят лишь чинами штаба полка и полкового комитета". [1]

Армия не только не могла воевать, но могла только мешать организационной работе Советской власти, и первой задачей было — демобилизовать армию.

„Кто захочет подумать о классовых причинах такого оригинального явления, как демобилизация армии Советской Социалистической Республикой, не окончившей войны с соседним империалистическим государством, тот без чрезмерного труда найдет эти причины в социальном строе мелко-крестьянской отсталой страны, доведенной после трех лет войны до крайней разрухи". [2]

Эти же классовые причины, усиленные первым периодом революции, так как силы пролетариата распылялись развалом промышленности, ее демобилизацией и безработицей привели к тому, что предположение о невозможности сколько-нибудь длительного сопротивления пролетариату [3] не оправдалось, и в тезисах о мире Ленин писал: „Это сопротивление всего менее активных и невоенных форм: саботаж, подкуп босяков и так далее и тому подобное, это сопротивление оказалось таким упорным и способным принимать столь разнообразные формы, что борьба с ним неизбежно затянется еще некоторое время и едва ли закончится в главных своих видах раньше, чем через несколько месяцев".

Внешняя политика Советской власти целиком выявлена в декрете о мире, принятом на II Съезде Советов. В нем, во-первых, заключалось провозглашение действительно демократических условий мира и заявление об отмене тайной дипломатии — без чего Советская власть не могла итти ни на какие переговоры, так как иначе не были бы порваны связи с мировым империализмом и тем сведено было бы на-нет международное значение русской революции. Обращение к рабочим Запада с призывом к революционному действию усиливало революционно-наступательное значение декрета о мире.

Вместе с тем, Советское правительство изъявляло готовность рассмотреть любые условия мира, и в этом заключалось на ряду с стремлением создать такую обстановку, „чтобы правительство всегда было под контролем

---

[1] Белицкий и Венцов, Лекции. Литографированное издание В. Академии.
[2] Ленин, т. XV, стр. 101.
[3] См. Ленин, „Удержат ли большевики...".

общественного мнения своей страны", возможность оборонительного маневрирования Советской России.

В этом декрете, как и во всем вопросе о мире, диалектически сочетались революционное наступление на Запад, расширение международного влияния диктатуры пролетариата и завоевание передышки, оборона уже совершившейся социалистической революции в России от наступления империализма.

Неспособность диалектически сочетать обе стороны вопроса была основной ошибкой противников брестского мира, „левых коммунистов" и Троцкого.

„В чем был источник ошибки, которую революционеры настоящие (а не революционеры чувства) должны уметь признать и продумать?"

„В том ли, что вообще мы маневрировали и агитировали в связи с переговорами о мире? Нет. Не в этом. Маневрировать и агитировать надо было. Но надо было так же определить „свое время" как для маневров и агитации,—пока можно было маневрировать и агитировать,—так и для прекращения всяких маневров к моменту, когда вопрос стал ребром". [1]

Первый период переговоров проходит именно под знаком нашего „маневрирования и агитирования", нашего наступления.

Наша делегация провозглашает следующие условия мира.

1. Не допускаются никакие насильственные присоединения захваченных во время войны территорий. Войска оттуда выводятся.

2. Восстанавливается самостоятельность народов, лишенных самостоятельности во время войны.

3. Референдум национальных групп.

4. Территории, населенные несколькими национальностями, получают культурно-национальную самостоятельность, а при наличии возможности — административную автономию.

5. Не платить военных издержек. Взысканные контрибуции — возвратить.

6. Колониальные вопросы разрешить на основании первых четырех пунктов.

„Нам главное надо раскрыть всю мерзость, все негодяйство буржуазии и ее коронованных и некоронованных палачей, поставленных во главе правительства" [2]—вот значение этих условий мира.

---

[1] Ленин, „О революц. фразе", т. XV, стр. 103.
[2] Ленин, т. XV, стр. 17.

12 декабря было получено согласие центральных держав принять в основу переговоров наши условия. Это, казалось, было крупной победой нашей дипломатии и вызвало восторженные манифестации в Питере, но по существу это был только дипломатический шаг центральных держав, рассчитанный в значительной степени на привлечение к переговорам союзников.

Для выяснения позиции союзников был устроен перерыв с 28 декабря до 9 января (нового стиля), во время которого, для того, чтобы вырвать пальму демократического первенства, Вильсон выступил со своими 14 пунктами. В это же время выяснилось, в частности из речи Ллойд-Джорджа в парламенте, что Антанта не намерена принять участие в переговорах.

К 9 января (нового стиля), к дню возобновления переговоров, было ясно уже, что союзники решили войну продолжать, и Германия получила возможность расправляться с Россией, тем более, что рядом с Советской делегацией появились делегаты Украинской Рады.

На совещании в ЦК было принято решение о затягивании переговоров сколько возможно, и с 18 до 30 января был устроен новый перерыв, который дал возможность выяснить состояние революционного движения на Западе.

За время этого перерыва произошел целый ряд революционных событий: протест независимых в германском парламенте против политики германского правительства, требование Адлера о принятии советских условий, целый ряд забастовок в Германии, Австрии и оккупированной Польше, при чем в Берлине, в Киеве и в Варшаве образовались Советы. Движение захватило и страны союзников, и в Лондоне были организованы митинги протеста против войны, и в Неаполе — забастовки.

В это время в партии особенно обострилась дискуссия о мире, что дало возможность тов. Троцкому провести в жизнь свою точку зрения: „мира не подписывать, но войны не вести, армию демобилизовать“.

„Да, мы слабы, мы не можем сейчас воевать, но у нас есть достаточно революционной силы, чтобы сказать, что мы не поставим добровольно нашей подписи под тем договором, который вы пишете вашими мечами на теле живых народов“ — эти слова Троцкого разъясняют его позицию в вопросе о мире.

ЦК не вынес определенного решения. Не дал, в силу этого, определенной директивы и III Съезд Советов.

Следующие переговоры, начатые 30 января, когда центральные правительства раскрыли уже полностью свои планы и отказались от игры в демократизм, т.-е. поставили вопрос ребром, были прерваны 10 февраля агитационной

декларацией Троцкого об отказе подписать мир и о прекращении войны. Это была именно та „революционная фраза“, о которой предупреждал Ленин. Здесь не было главного — учета объективного положения. Это было продолжением „ф р а з ы“, — допустимой в первый период переговоров, когда Германия выжидала, — тогда, когда Германия перешла к д е й с т в и я м.

Это заявление на минуту поставило правительства Германии и Австрии в затруднительное положение, но ни на минуту не помешало начать наступление.

„Объективно, говорил Ленин, вы этим помогли не германской революции, а германскому империализму, потому что отдали им свои миллионные богатства, пушки, снаряды, продовольствие“.

Германская армия занимала один пункт за другим, а в это время дискуссия в партии грозила расколом. Московское объединенное бюро партии вынесло резолюцию о том, что оно „находит едва ли устранимым раскол партии в ближайшее время, при чем ставит своей задачей служить объединению всех последовательных революционно - коммунистических элементов, борющихся одинаково как против сторонников заключения сепаратного мира, так и против умеренных оппортунистических элементов партии. В интересах международной революции мы считаем целесообразным итти на возможность утраты Советской власти, становящейся теперь чисто формальной.

Предложение Ленина послать немедленно радио о согласии подписать мир 18 февраля утром собрало в ЦК 6 голосов при 7 против, но 18 вечером, когда немцы уже заняли Двинск, предложение Ленина было принято 7 голосами против 6 при одном воздержавшемся. Радио было послано и 21 был получен ответ Кюльмана с еще худшими условиями мира.

„Теперь нет возможности ждать — говорил Ленин на заседании ЦК. — Это значит сдавать русскую революцию“, и 23 февраля 7 голосами при 4 против и 4 воздержавшихся было принято решение принять условия Кюльмана. 3 марта мирный договор был подписан.

Позиция противников Брестского мира наиболее полно выражена в речи Бухарина на VII съезде партии, где он доказывал, что „если революционная война невозможна, тогда мы на всем движении, на всех наших начинаниях должны поставить крест, тогда мы должны сказать, что никакой перспективы нет, связать себе набрюшник и лежать на печи“.

В тезисах „левых комунистов“ о текущем моменте говорится, что заключение мира приведет к тому, что пролетариат „оказывается силой, вкрапленной в ряды полу-

пролетарско-мелко-буржуазной массы, которая ставит себе задачей не пролетарскую борьбу в союзе с западно-европейским пролетариатом за низвержение империалистической системы, а оборону фермерского отечества от тягот империализма, что возможно достигнуть и путем компромисса с ним“.

Вот это убеждение, что если нельзя вести революционную войну, то надо погибнуть,—лежит в основе всех рассуждений и о том, что Германия, если она уже не заключила соглашения с союзниками за счет России, должна раздавить Россию, и о том, что передышка ничего дать не может, и о том, что заключение мира есть предательство наших окраин и всей международной революции. [1]

„Настроение глубочайшего, безвыходного пессимизма, чувство полнейшего отчаяния—вот что составляет содержание „Теории“ о формальном, будто бы, значении Советской власти и о допустимости тактики, идущей на возможность утраты Советской власти“. [2] „Все равно, спасенья нет, пусть гибнет даже и Советская власть—таково чувство, продиктовавшее чудовищную резолюцию“. [3]

„Стойкость ли пролетария, который знает, что приходится подчиниться, ежели нет сил, и умеет потом снова и снова накапливать силы при всяких условиях,—стойкость ли пролетария соответствует этой тактике отчаяния, или бесхарактерность мелкого буржуа, который у нас, в лице партии левых эс-эров, побил рекорд фразы о революционной войне?“—так определяет Ленин классовое содержание революционной фразы левых коммунистов.

„Революционная фраза чаще всего бывает болезнью революционных партий при таких обстоятельствах, когда эти партии прямо или косвенно осуществляют связь, соединение, сплетение пролетарских и мелко-буржуазных элементов и когда ход революционных событий показывает крутые и быстрые переломы“. [4]

Этот перелом заключался, по определению Ленина, в том, что „от сплошного триумфального шествия в октябре, ноябре, декабре на нашем внутреннем фронте, против нашей контр-революции, нам предстояло перейти к стычке с настоящим врагом—международным империализмом, в его настоящем, враждебном отношении к нам. [5]

„От периода триумфального шествия предстояло перейти к периоду необычайно трудного и тяжелого

---

[1] Основные доводы Бухарина на VII Съезде.
[2] См. выше—резолюцию Моск. Об. Бюро.
[3] Ленин, „Странное и чудовищное“, т. XV, стр. 114.
[4] Ленин, „О революционной фразе“, т. XV, стр. 110.
[5] В октябре „специально сложившаяся международная империалистическая атмосфера времени прикрывала нас от империализма“.

положения, от которого отделаться словами, блестящими лозунгами, как это не приятно было бы, конечно, нельзя, ибо мы имеем в нашей расстроенной стране неимоверно уставшие массы, которые дошли до положения, когда воевать никаким образом нельзя, которые разбиты мучительной трехлетней войной настолько, что приведены в состояние полной военной негодности". [1]

„Надо уметь отступать" — говорил Ленин на VII Съезде. „Эта объективная неизбежность, которая в стране, разоренной до последней степени, создалась оттого, что европейская революция, вопреки нашему желанию, посмела запоздать, а немецкий империализм, вопреки нашему желанию, посмел наступать".

„Ход событий при продолжении войны будет неизменно такой, что сильнейшие поражения заставят Россию заключить еще более невыгодный сепаратный мир, при чем мир этот будет заключен не социалистическим правительством, а каким-либо другим (например, блоком буржуазной Рады с черновцами, или что-либо подобное), ибо крестьянская армия, невыносимо истрепленная войной, после первых же поражений, вероятно, даже не через месяц, а через неделю свергнет социалистическое рабочее правительство" и гибель „начавшейся уже в России социалистической революции только из-за того, начнется ли Германская революция в ближайший кратчайший, измеряемый неделями срок, была бы самым большим предательством международной социалистической революции".

„Пример социалистической Советской республики в России будет стоять живым образцом перед народами всех стран, и пропагандистское революционизирующее действие этого образца будет гигантским" (тезисы).

„Идя на возможность утраты Советской власти, мы помогли бы этим германской реакции, сыграли бы ей на руку, затруднили бы социалистическое движение в Германии, оттолкнули бы от социализма широкие массы не перешедших еще к социализму пролетариев и полупролетариев Германии, которые были бы запуганы разгромом России Советской, как запугали английских рабочих разгромом Коммуны в 1871 году".

А что отказ от мира приведет к разгрому Советской России — это Ленин доказывает совершенно неоспоримо.

„Заключая сепаратный мир, мы в наибольшей, возможной для данного момента, степени освобождаемся от обоих враждующих империалистических групп, используя их вражду и войну затрудняющую их сделку против нас, используя известный период развязанных рук для

[1] Речь на VII Съезде партии, т. XV, стр. 128.

продолжения и закрепления социалистической революции. Реорганизация России на основе диктатуры пролетариата, на основе национализации банков и крупной промышленности, при натуральном продуктообмене города с деревенскими потребительными обществами мелких крестьян, экономически вполне возможна, при условии обеспечения нескольких месяцев мирной работы. А такая реорганизация сделает социализм непобедимым и в России и во всем мире, создавая вместе с тем прочную экономическую базу для могучей рабоче-крестьянской Красной армии“ (тезисы).

Советская Россия должна была думать только об обороне революции, что лучше всего можно было достичь „уступая пространство, чтобы выиграть время“, так как революционное наступление на мировой империализм было невозможно ни по состоянию техники, ни по социальной сущности России — страны мелкого крестьянства, которое на революционно-наступательную войну пойти не могло.

„Лежит смирный домашний зверь рядом с тигром — говорил Ленин на VII съезде — и убеждает его, чтобы мир был без аннексий и контрибуций. Последнее может быть достигнуто только нападением на тигра“.

А раз нападение невозможно, надо „не хорохорясь, а стиснув зубы, готовиться“.

Брестский мир — это первое отступление пролетарской России, не поддержанной пролетариатом Запада, перед мелкобуржуазной стихией отсталой России. Это первое отступление, не считая компромиссов в области земельной и национальной, для сохранения союза с крестьянством.

Отказ от этого отступления партии левых эс-эров, их выступление против Советской власти, заключившей Брестский мир, привело эту партию к отрыву от масс крестьянства и к превращению в контр-революционную партию.

Заключение мира не приостановило наступления германских и австрийских войск на Украину, формальное оправдание чему было дано Германии предательством Украинской Рады, а фактическая возможность соотношением сил.

На северном фронте немцы бросили в наступление три корпуса, которые заняв Псков, Двинск, Вильно, остановились, так как в задачи Германии не входило наступление на Петроград.

Сопротивление здесь было оказано только некоторыми Сибирскими частями 12 армии, при чем большая часть армии, потерявшей всякие связи с штабами, своим паниче-

ским бегством уничтожала всякую возможность какого бы то ни было сопротивления.

В такой обстановке существование отдельных сопротивляющихся частей и отрядов не могло дать ничего. Отдельные сопротивляющиеся части были, было, что еще важнее, сопротивление со стороны крестьянства, защищающего деревни от нашествия германских войск, но даже не отступавшего из своих деревень, когда сопротивление было сломлено.

Из центра красногвардейские отряды: Петерсона и Дыбенко на Нарвское направление, Пехлеванова в направлении Луга — Псков и Подгурского и Ломова в район Порхов — Дно, прибыли к 25 февраля уже для того только, чтобы расположиться на охране границы, установленной германскими войсками и закрепленной мирным договором.

На западном фронте в районе Мозырь — Бобруйск находились части Берзина, в количестве до двух тысяч, состоящие из красногвардейских отрядов западных железных дорог и из остатков, большей части совершенно деклассированных, старой армии. Эти части вели здесь борьбу с польскими легионами, в процессе которой имели некоторые организационные достижения и боевые успехи. Окрыленные успехами, части Берзина оказали некоторое сопротивление появившемуся из-за отступавших польских легионов 3 резервному германскому корпусу, наступавшему от Минска на Жлобин. Но наступление 41 германского корпуса от Лунинца на Мозырь заставило Берзина отступить. В отступлении Берзину удалось все же, во-первых, втянуть в свои части некоторые крестьянские отряды Гомельской губ., и, во-вторых, сохранить относительный порядок и организацию. Отряд отступал тремя „армиями“, которые заняли указанные Берзиным позиции: 2 „армия“ от Горки до Чечерска, 1 „армия“ от Чечерска до Сосницы и 3 „армия“, составившаяся из отступавших от Киева частей в район Королевец — Конотоп — Белополье.

Части западного фронта отступали на Смоленск, не вступая в бой не только с немцами, но и с польскими легионами, отрезавшими путь отступления на Жлобин. Германские части здесь также остановились, имея задачей прикрывать левый фланг войск, наступавших на Украину.[1]

На Украину немцы продолжали наступление и после подписания мирного договора, заключив договор с Петлю-

---

[1] К сожалению, сухие оперативные материалы, заимствованные мной из конспекта лекций Белицкого и Венцова, мне удалось пополнить только почти беллетристическими рассказами в сборниках Гомельского Истпарта.

рой, по которому он обязывался за поддержку правительства Рады дать немцам 60 (позже 135) миллионов пуд. хлеба, 11 миллионов пуд. скота, 30 тыс. овец, $2^1/_2$ милл. пуд. сахару и кроме того взять на себя содержание оккупационной армии.

Советская Россия Брестским договором обязывалась заключить мир с Украинской республикой, вывести оттуда свои войска, в том числе и Красную гвардию, и установить демаркационную линию. А германская и австрийская армия, выставляя вперед Петлюру, а позже Скоропадского, получала возможность выкачивать с Украины ее богатства.

Немцы бросили на Украину 21 пехотную и $2^1/_2$ кавалерийских дивизий и австрийцы,—которые не принимали раньше участия в наступлении, но теперь послали свои войска за добычей, [1]—8 пехотных и 2 кавалерийских дивизии.

Украинский ЦИК далеко еще не представлял собой государственной власти, так как кроме общих причин — отсутствия аппарата и т. д. — на Украине чрезвычайно сильны были самостийнические тенденции отдельных районов и даже городов. Так, например, Советы Харьковской и Екатеринославской губерний, исходя из большого в них преобладания рабочих, образовали вместе с частью Донской области самостоятельную Донецко-Криворожскую республику, которая отправила Германии ноту о своем существовании с требованием не переступать ее границы.

К этому прибавлялось значительное влияние на Украине левых эс-эров и анархистов, формирующих свои отряды и проводящих свою внутреннюю и внешнюю политику, не говоря уже об украинских социалистических партиях, которые на Украине были значительно сильнее, чем русские социалисты в России.

Гайдамацкое движение не было еще ликвидировано. В Херсонщине и Таврии, кроме того, шевелились зажиточные немцы-колонисты, а в Донбассе глухо волновались до 120 тысяч немецких военнопленных. [2]

Из Румынии на Дон пробирался вместе с немцами офицерский отряд Дроздовского, чехо-словацкие войска, расположенные в районе Бахмача, были враждебно настроены по отношению к Советской власти.

А советских сил, в том числе и лево эс-эровских и анархистских, было, по подсчетам Антонова-Овсеенко, — Главкома Украины — тысяч 15 от Гомеля до Одессы, при

---

[1] По данным Чернина в архиве Русск. Рев. т. II, Австрия получила весной и летом 1918 г. из Украины 42 тыс. вагонов с продовольствием.

[2] См. „Летопись Революции“ № 1 и ст. Антонова-Овсеенко в „Военном Работнике“ Приволожск. Военн. Округа № 6.

чем кроме 2 Заамурских полков и Тираспольского отряда старой армии, все это были мелкие самостоятельные отрядики.

Здесь находятся почти все отряды, которые действовали на Дону и боролись с Украинской Радой, хотя Питерский отряд Красной гвардии, когда опасность угрожала самому Питеру, был отозван питерцами домой. В этом сказалась яркая особенность рабочей Красной гвардии, сформированной по заводскому принципу и если и ушедшей с завода, то только для выполнения определенной боевой задачи. Задача очищения Дона и Украины выполнена, и отряд возвращается к себе на заводы.

Народный секретариат Украины принимает меры к организации обороны и прежде всего объявляет мобилизацию нескольких возрастов, которая не удается, так как, во-первых, крестьянство еще не идет в революционную армию и, во-вторых, нет еще аппарата для проведения мобилизации. Мобилизационный отдел в Полтаве, Штаб Главнокомандующего, Центроштаб Донецкой Красной гвардии, Штаб 9 армии с румынского фронта, Штаб по организации партизанской борьбы Кожевникова — вот те зачатки военных органов, которые создались на Украине. И если только последний Штаб носил название штаба по организации партизанской борьбы, то по существу, конечно, все эти штабы были только партизанскими штабами.

Нельзя было рассчитывать на успех общей мобилизации среди крестьянства, когда и рабочий класс не ушел еще дальше партизанской борьбы. Украинское крестьянство и в партизанской борьбе принимало слабое участие и не дало, в первый период, почти ни одного отряда.

Антонов-Овсеенко, приняв командование, пытался объединить отряды в более крупные организации, для чего создал несколько „армий“ и выработал план обороны Полтавы и Харькова, так как Киев, после незначительного сопротивления у Житомира и Бердичева, был уже взят немцами. По этому плану 5 армия Сиверса, объединившего отряд Киквидзе и, сформированный из украинских рабочих, отряд Пятакова, должна была защищать линию Ромны-Ромодан, 4 армия — Саблина, из отрядов Карнаухова и Петрова, должна была защищать подступы к Полтаве, а 3 армии Муравьева, находящиеся на правобережьи и ведущие борьбу на Румынской границе от Вапнярки через Рыбницу до Черного моря, должны были наступать в тыл Киеву на Фастов.

Точно так же армии Берзина должны были наступать на левый фланг немецкого корпуса.

В районе Бахмача должны были оказать сопротивление чехо-словацкие легионы.

Сформированные из военнопленных Австрии еще до революции, и игравшие в период от февраля до октября роль ударных батальонов на фронте, чехо-словацкие легионы после Октября получают от союзников предложение готовиться к выступлению против большевиков и занять область между Доном и Бессарабией. [1] Чехо-словаки, между тем, готовятся к отправке во Францию, о чем ведутся переговоры с начала 1917 г. В феврале, в марте 1918 года и союзники меняют план своих действий, и чехо-словаки после нескольких боев с немцами бросают фронт и уходят в Сибирь.

Вся история боев Красной гвардии с германскими войсками есть типичная история борьбы неорганизованной армии, на территории с неорганизованной властью.

Целый ряд случаев героического сопротивления отдельных отрядов переплетается с паническим отступлением или с невыполнением приказа другими отрядами, что сводит на-нет все усилия и все жертвы стойких отрядов.

В Путивле 35 красногвардейцев с 2 орудиями — в Красной гвардии каждый маленький отрядик стремился захватить себе побольше технических средств — держались против 2-х полков немцев, в то время как чехо-словаки бросили фронт и отряд Киквидзе отступал от Лубны — Рамоданы на Полтаву, а в тылу бродили, нагоняя страх на население, мелкие отрядики Ремнева.

При обороне Полтавы сопротивление было сломлено изменой коменданта Полтавы Бокитько, разрабатывавшего фантастические планы борьбы с немцами удушливыми газами, а во время наступления немцев поднявшего гайдамацкие восстания в Сумах, Константинограде, Кременчуге.

При обороне Харькова, отряд Киквидзе (500 шт., 100 саб., 6 орудий) перешел в наступление от Богодухова, а в это время, кроме того, что немцы заходили глубоко в тыл, через Екатеринослав — Попасную на Купянск, Павлоградский отряд анархистов (1 000 шт., 100 пул., 2 оруд.) удрал от первых немецких разъездов, и соседние с Киквидзе отряды Потапова просто бросили фронт.

Отряды Сиверса от Харькова ушли вовсе с Украины на Курск, и отряд Киквидзе, вместо того, чтобы оборонять Северо-Донецкую железную дорогу, ушел в Луганск. Между тем, в Харькове Красная гвардия перешла на казарменное положение, создались новые отряды, которые сумели даже нанести немцам довольно серьезное поражение у Жихарева.

В Елисаветграде слухи о приближении немцев больше чем за 2 недели до их появления заставили эвакуироваться все местные органы власти и Красную гвардию вместе

---

[1] См. Шмераль. „Чехо-словаки и эс-эры“.

с отрядом анархистов. Город перешел в руки Комитета общественной безопасности, в борьбу с которым вступил отряд Маруси Никифоровой. Бои в городе продолжались 14 дней и через 14 дней красный бронепоезд Полупанова успел еще занять Елисаветград и вывезти до прихода немцев оружие из города.

Николаев, в котором подняли восстание анархисты, эвакуировался после первого боя с немцами, а между тем уже через 6 дней в нем нашлись силы для восстания против немцев, которое продолжалось 4 дня и стоило немцам больших потерь. А в то время, когда кроме местных сил там был отряд Муравьева, не было оказано сколько-нибудь серьезного сопротивления тем же германским силам.

Под Лозовой погиб целиком Андреевский батальон имени Ленина, спасая части, наступавшие на Павлоград—Синельниково, в то время, как с другого фланга немцы спокойно заходили в тыл со стороны Александровска.

Гибель из-за неорганизованности — вот первый урок, который должны были вынести отряды Красной гвардии из опыта борьбы с германскими войсками. Этот урок заставлял отряды искать более высокие организационные формы и сплачиваться в процессе борьбы. Создаются уже части, спаянные в борьбе и легко поддающиеся организации. Армии Муравьева, в основе которых лежали крепкие части старой армии и несколько красногвардейских отрядов, уже спаялись и сохраняют, более или менее, свою организацию и при отступлении. Обойденные с фланга, они отступают частью через Одессу — Николаев — Александровск, частью морем через Крым и сохраняя, свою организацию, выступают снова в борьбу в районе Бахмута — Лозовой, соединяясь здесь с другими, уже отобранными в процессе отступления отрядами, как отряды червонных казаков, сформированные из бывшего Украинскаго полка, как отряд Ворошилова из донецких рабочих, позже Щаденко и др.

Из пределов германской оккупации на ряду с панически бегущими партизанскими остатками выходит уже и целый ряд крепких, сколоченных отрядов, послуживших позже кадром для формирования частей Красной армии.

Отступившие от своих мест отряды Рабочей гвардии теряли свой территориальный характер, становились действующими частями, спаянными уже не только своим заводом, но и боевыми действиями, объединенными уже военной организацией под руководством выделившихся в процессе борьбы командиров. Сливаясь с другими частями, впитывая в себя кое-где мелкие отряды крестьян, кое-где партийные отряды коммунистов, левых эс-эров,

анархистов, а иногда и меньшевиков (некоторые меньшевистские организации создавали свои отряды для борьбы с немцами), кое-где остатки старой армии — части Красной гвардии теряли свой специфический характер заводских рабочих отрядов.

Начинался — одновременно со строительством Красной армии в центре — процесс перерождения рабочей Красной гвардии в добровольческую рабоче-крестьянскую Красную армию.

ПЕРВАЯ ПЕРЕДЫШКА И ЕЕ СРЫВ.

Итоги первого периода революции. Советская система. Город и деревня. Стихия мелкого собственника. Международное положение. Экономическое положение Советской России. Политика передышки. Апрельские речи Ленина. Крестьянство. Натурналог. Кооперация „Приостановка“ наступления на капитал. Организация учета и контроля. От методов подавления к методам управления. Срыв передышки. Выступление Антантовского империализма. Контр-революционные организации. Оживление кулачества. Ослабление пролетариата. Крестьянский нейтралитет. Сибирь. Чехо-словаки. Лево-эс-эровское и Ярославское восстания. „Июльский кризис“.

„Мы пережили первую эпоху развития революции, начало которой идет с Октябрьских дней, эпоху опьяняющего и кое-кого опьянившего успеха“ — говорил Ленин в апреле 1918 г. [1]

Этот успех заключался в быстром решении двух первых задач пролетарской революции: 1) убедить большинство народа и 2) завоевать политическую власть и подавить сопротивление эксплоататоров.

Советская Россия пережила и тяжелейшее поражение — удар германского империализма и „похабный“ Брестский мир. Но особенность исторического момента — империалистическая война, мешающая международному капиталу объединить свои силы в борьбе с пролетарским государством и, с другой стороны, изолировавшая совершенно буржуазию России от мелкой буржуазии — дала возможность пронести через брестское поражение диктатуру пролетариата и тот новый тип государства, образец которого был дан Парижской Коммуной.

„Социалистический характер демократизма советского, т.-е. **пролетарского**, в его конкретном, данном применении состоит, во-первых, в том, что избирателями являются трудящиеся и эксплоатируемые массы, буржуазия исключается; во-вторых, в том, что всякие бюрократические формальности и ограничение выборов отпадают, массы сами определяют порядок и сроки выборов при

---

[1] Ленин, т. XV, стр. 186.

полной свободе отзыва выбранных; в-третьих, что создается наилучшая массовая организация авангарда трудящихся, крупно-промышленного пролетариата, позволяющая ему руководить наиболее широкими массами эксплоатируемых, втягивать их в самостоятельную политическую жизнь, воспитывать их политически на их собственном опыте, что таким образом впервые делается приступ к тому, чтобы действительно поголовно население училось управлять и начинало управлять". [1]

Созданный Октябрем новый тип государства выше Парижской Коммуны, во-первых, потому, что уже через 3 месяца после Октября Советская власть сумела выйти за пределы не только одного пролетарского центра, каким была Парижская Коммуна, но и всех пролетарских центров и вынести свое влияние в деревню; во-вторых, потому, что Советская власть имела то, чего не имела Парижская Коммуна — единое руководство пролетарской Коммунистической партии.

Ни то, ни другое не было достигнуто полностью к концу первого периода Октябрьской революции: проникновение Советской власти в деревню было еще больше разрушением старого государства, чем организованным втягиванием деревни в советскую систему; Коммунистическая партия далеко еще не могла обнять своим организованным руководством всю страну и, кроме того, как говорил Ленин — „знание социализма у нас есть, но знания организации в масштабе миллионном, знания организации и распределения продуктов и т. д. — этого у нас нет. Этому старые большевистские руководители не учили нас"; [2] Коммунистическая партия не избавилась еще от необходимости делить власть с такими колеблющимися союзниками, как партия левых эс-эров, да и в самой партии жила еще оппозиция левых коммунистов, отражающая влияние мелкой буржуазии на партию.

И партия левых эс-эров и „левая" оппозиция в Коммунистической партии отражали то основное противоречие, которое создалось в результате первого периода революции между капиталистически-развитой городской промышленностью и мелким собственническим сельским хозяйством.

Революция проникла в деревню, смела там остатки феодализма, в то время как в городе революция ударила по самым основам капитализма. „Капиталисты — говорил Милютин на 1-м съезде СНХ — при настоящих условиях экономической жизни и политического строя вести и про-

---

[1] Ленин, т. XV, стр. 221.

[2] Ленин, — Доклад во ВЦИК'е — 29 апреля 1918 г., т. XV, стр. 237.

водить свою экономическую систему не могут". Система частной собственности и свободной конкуренции в городе была нарушена первыми ударами революции.

Но когда Милютин на том же съезде говорил, что „меня не пугает низкий курс рубля. Ведь в настоящий момент банки должны служить расчетным аппаратом между национализированной промышленностью и национализированными предприятиями", то он не давал решение вопроса о том, могут ли банки служить расчетным аппаратом между не полностью еще национализированной,— еще не учтенной — промышленностью и не поддающимся учету крестьянским хозяйством. „Мы хотим — говорил он,— чтобы все текущие счета населения проходили через банки". А миллионы мелких собственников не хотели знать никаких банков, никаких счетов.

„Эта стихия мелкого собственника, живущего одной мыслью: „урвал, что можно — а там хоть трава не расти" — говорил в апреле 1918 г. Ленин,— этот враг сильнее всех Корниловых, Дутовых и Калединых, взятых вместе. Эти мелкие кулаки, мелкие хозяйчики, собственники говорят: „нас все время угнетали, нас давили все время,— ну как же нам не воспользоваться ныне столь удобным моментом. Это явление является серьезным препятствием, без преодоления которого победить немыслимо, ибо из каждого мелкого хозяйчика, из каждого алчного хапателя растет новый Корнилов".

Перед решением вот этого вопроса стала революция в марте — апреле 1918 года, когда победа над внутренней контр-революцией и Брестский мир дали передышку и возможность оглянуться на завоеванное.

Разоренная мелко-буржуазная страна, окруженная империалистическими хищниками — вот что представляла собой Советская Россия после первого периода опьяняющего успеха. „Положение разоренной, обескровленной страны, ходом истории выдвинутой вперед всех на поле мировой революции — чрезвычайно тяжело — и нас раздавят, если мы развалу, дезорганизации и отчаянию не противопоставим железную диктатуру сознательных рабочих" — вот тот вывод, который делал Ленин в апреле 1918 года. [1]

Первое, что характеризовало положение Советской России — это непрочность достигнутого мира. „Реальной, не бумажной гарантией мира для нас — писал Ленин — является исключительно рознь между империалистическими державами, достигшая высших пределов и проявляющаяся, с одной стороны, в возобновлении империали-

[1] Речь в Московском Совете, т. XV, стр. 188.

стической бойни народов на Западе, а с другой стороны — в крайне обостренном империалистическом соревновании Японии и Америки из-за господства над Великим Океаном и его побережьем.

Капиталистические отношения вне Советской России сами по себе, даже в условиях мира, не могли не представлять угрозу диктатуре пролетариата, так как метод „мирного“, экономического втягивания Советской России в мировую империалистическую систему, представлял вполне реальную угрозу завоеваниям революции. Вопрос о капиталистическом окружении тогда уже становился во всей его широте. Радек в докладе на съезде СНХ говорил о том, что „наша экономическая политика будет развиваться под влиянием, под натиском капиталистических стран“ и что Советской России придется считаться с соотношением сил на мировом рынке.

На 1-м съезде СНХ были приняты „условия экономических отношений к другим странам“. Необходимость хозяйственных сношений, получение займов и предоставление концессий — вот основные пункты этих условий, принятых за основу экономической политики Советской власти в начале 1918 года.

Экономическое положение Советской России определялось тем, что кроме разрухи, вызванной войной и революцией, кроме разрыва связей между отдельными частями России, Брестский мир отнимал у Советской России 40% промышленных рабочих, 90% сахарной промышленности, 70% чугуна и стали, к тому же Советская Россия должна была уплачивать контрибуцию Германии и выкупить все акции германских граждан в русских предприятиях. [1]

Милютин приводил на съезде СНХ довольно оптимистические расчеты, что недостаток хлеба в России будет покрыт излишками хлеба на Украине (516 милл. пуд.) и на Сев. Кавказе (26 милл. пуд.) [2] и недостаток каменного угля в 300 милл. пуд. (при учете и Донбасса и Кавказа) будет покрыт дровяными заготовками при условии, что бакинская нефть не будет отрезана. И даже эти оптимистические расчеты заставляли Милютина делать вывод о „нищете, толкающей к социализму“. На съезде Совнархозов раздавались голоса полного отчаяния и говорилось о том, что „единственное спасение во взрыве на Западе и нужны меры, которые ускорят этот взрыв“. [3]

„Наша отсталость двинула нас вперед — говорил и Ленин — и мы погибнем, если не сумеем удержаться

---

[1] Материалы I съезда СНХ.

[2] Предполагалось установление договорных экономических отношений с Украиной.

[3] Речь Плетнева. См. материалы I съезда СНХ.

до тех пор, пока не встретим мощную поддержку со стороны восставших рабочих других стран". Но в противовес отчаянию Ленин намечал программу действий, которые в этих условиях могли бы привести к победе. „Серьезное содействие запоздавшей, в силу ряда причин, социалистической революции на Западе, мы окажем — говорил Ленин, — лишь в той мере, в какой сумеем решить поставленную перед нами организационную задачу".

Исходя из анализа экономической структуры России, устанавливающего, что „не государственный капитализм борется здесь с социализмом, а мелкая буржуазия плюс частно-хозяйственный капитализм борются вместе, заодно, и против государственного капитализма и против социализма", Ленин намечал, в основном, ту экономическую политику, которая в 1921 году получила название новой экономической политики. Статьи и речи Ленина в период передышки в апреле 1918 года могут быть почти целиком отнесены к статьям о НЭП'е, и недаром Ленин в 1921 году в своей брошюре „О продналоге" приводит целые страницы из брошюры „О мелкобуржуазном ребячестве", написанной в апреле 1918 г.

Тогда, когда крестьянство не только не завершило путь раскулачивания кулачества, но и не начало этой борьбы, когда оно было объединено одной целью — борьбой с помещиком, вопрос о противоречии между пролетариатом и крестьянством не мог стоять так, как он стоял к 1921 году.

Но если Ленин в 1921 году говорил о фантазерах, которые мечтали, „что в три года можно переделать экономическую базу, экономические корни мелкого земледелия", то, во всяком случае, уже в 1918 году учет громадного значения этого мелко-крестьянского хозяйства на длительное время лежит в основе анализа, данного Лениным в „Мелко-буржуазном ребячестве" и в его апрельских 1918 г. речах о главном враге — мелко-буржуазной стихии.

Натуральный налог и товарообмен — вот та форма взаимоотношения с крестьянством, которая намечалась в 1918 г. Декрет о натуральном налоге был задержан только крестьянской секцией ЦИК'а и только в силу сопротивления левых эс-эров был издан тогда, когда он уже не мог в силу военных условий быть проведен в жизнь.[1]

Формой объединения потребителя, на основах, приемлемых крестьянству, тогда же намечалась кооперация, как один из решающих факторов переходного, к социализму, периода.

---

[1] 9 октября 1918 г.

„Советы могут (и должны) теперь измерять свои успехи в деле социалистического строительства, между прочим, мерами чрезвычайно ясными, простыми, практическими: в каком именно числе общин (коммун или селений, кварталов и т. п.) и насколько приближается развитие кооперативов к тому, чтобы охватывать все население“. Это замечание почти полностью устанавливает те мысли, которые Ленин развил уже в 1923 году в статье „О кооперации“.

Компромиссный декрет о кооперации, принятый 12 апреля путем соглашения с кооперативными объединениями и сохраняющий кооперацию как добровольное объединение членов, а не как обязательное объединение граждан — был практическим выявлением отказа от непосредственного обобществления обмена.

И, наконец, в области промышленности — „приостановка наступления на капитал“.

...„Нельзя было бы определить задачу настоящего момента — писал Ленин — простой формулой: продолжать наступление на капитал. Несмотря на то, что капитал нами, несомненно, не добит, и что продолжать наступление на этого врага трудящихся безусловно необходимо, такое определение было бы неточно, не конкретно, в нем не было бы учета своеобразия данного момента, когда в интересах успешности дальнейшего наступления надо „приостановить“ сейчас наступление“...

...„Если бы мы захотели продолжать прежним темпом экспроприировать капитал дальше, мы, наверное, потерпели бы поражение, ибо наша работа по организации пролетарского учета и контроля, явно, очевидно для всякого думающего человека, отстала от работы непосредственной „экспроприации экспроприаторов“.

Сохранение частных предприятий, создание смешанных частно-государственных предприятий, распоряжение ВСНХ о предоставлении ссуд частным предприятиям [1] — вот что сменяет стихийный захват фабрик и заводов.

Ленин лично ведет переговоры с Мещерским о создании треста на смешанных началах. Ведутся переговоры даже о частных заготовках хлеба с мукомолами. [1]

„И всякой рабочей делегации — докладывал Ленин в ВЦИК'е — когда она приходила ко мне и жаловалась на то, что фабрика останавливается, я говорил: вам угодно, чтобы ваша фабрика была конфискована? Хорошо, у нас бланки декретов готовы, декрет мы подпишем в одну минуту. Но вы скажите: вы сумели производство взять

---

[1] „Народное Хозяйство“, № 2.

в свои руки, вы подсчитали, что вы производите, вы знаете связь вашего производства с русским и международным рынком? И тут оказывается, что этому они еще не научились, а в большевистских книжках про это еще не написано, да и в меньшевистских книжках ничего не сказано. Лучше всего обстоит дело у тех рабочих, которые принципы государственного капитализма проводят: у кожевников, текстилей, сахарного производства, потому что они с трезвостью пролетария учитывают и знают свое производство и хотят сохранить его, сделать более крупным и развить. Они говорят: я сейчас с такой задачей один еще не слажу, я капиталистов посажу, 1/3 мест предоставлю им и научусь у них".

Этой политике в области организации промышленности соответствует и политика заработной платы, ставка на соревнование, сдельная оплата, отказ от уравнительности.

„Диктатура пролетариата — говорил Ленин — вовсе не в том только, чтобы свергнуть буржуазию или свергнуть помещиков, — это бывало во всех революциях, — наша диктатура пролетариата преследует обеспечение порядка, дисциплины, производительности труда, учета и контроля, пролетарской Советской власти, которая более прочна, более тверда, чем прежняя. Необходимо всех сознательных рабочих и крестьян заставить на это направить все свои главные силы. Да, тем, что мы свергли помещиков и буржуазию, мы расчистили дорогу, но не построили здание социализма, ибо на расчищенной от одного буржуазного поколения почве постоянно в истории являются новые поколения, лишь бы почва рожала, а рожает она буржуев сколько угодно и те, кто смотрит на победу над капиталистами, как смотрят мелкие собственники, — „они урвали, дай-ка и я воспользуюсь" — ведь каждый из них является источником нового поколения буржуев. Когда нам говорят, что введение трудовой дисциплины, в связи с восстановлением руководительства капиталистов, есть, будто бы, угроза революции, я говорю: эти люди не поняли как раз социалистического характера нашей революции, они повторяют как раз то, что их легко объединяет с мелкой буржуазией, которая боится дисциплины, организации, учета и контроля, как чорт ладана. У буржуазных специалистов есть знания, каких у нас нет. Сознательный рабочий никогда не побоится такого руководителя, потому что он знает, что Советская власть — его власть, что эта власть будет твердо стоять на его защите, и, приемля руководительство капиталистов, он знает, что стремится научиться практике организации".[1]

---

[1] Ленин, т. XV, стр. 239.

Именно задачи организации выдвигаются Лениным как первоочередные задачи момента. „Необыкновенно тяжелее, труднее и опаснее положение в международном отношении; необходимость лавировать и отступать; период выжидания новых взрывов революции, мучительно долго зреющей на Западе; внутри страны период медленного строительства и беспощадного „подтягивания", длительной и упорной борьбы пролетарской суровой дисциплинированности с угрожающей стихией мелко-буржуазной распущенности и анархичности, — таковы вкратце обличительные черты особой переживаемой нами полосы в социалистической революции". [1]

„Наступил третий период революции — говорил Ленин, когда задачей становится управлять Россией".

...„Красногвардейская атака на капитал в свое время предписывалась обстоятельствами безусловно: во-первых, капитал сопротивлялся по-военному... Во-вторых, мы не могли бы тогда поставить на первый план метод управления взамен методов подавления и потому, что искусство управления не прирождено людям, а дается опытом. Тогда этого опыта у нас не было. Теперь он есть. В-третьих, тогда у нас не могло быть в нашем распоряжении специалистов разных отраслей знания и техники, ибо они либо сражались в рядах Богаевских, либо имели еще возможность оказывать сопротивление саботажем. А теперь мы саботаж сломили: красногвардейская атака на капитал была успешна, была победоносна, ибо мы победили и военное сопротивление капитала и саботажническое сопротивление капитала.

„Значит ли это, что всегда уместно, при всяких обстоятельствах уместна „красногвардейская" атака на капитал, что у нас нет иных способов борьбы с капиталом? Думать так было бы ребячеством. Мы победили легкой кавалерией, но у нас есть и тяжелая артиллерия. Мы побеждали методами подавления, мы сумеем побеждать и методами управления. Методы борьбы против врага надо уметь изменять, когда изменяются обстоятельства. Мы ни на минуту не откажемся от „красногвардейского" подавления господ Савинковых и Гегечкори, как и всяких других помещичьих и буржуазных контр-революционеров. Но мы не будем так глупы, чтобы на первое место ставить „Красногвардейские" приемы в такое время, когда эпоха необходимости красногвардейских атак в основном закончена (и закончена победоносно) и когда в дверь стучится эпоха использования пролетарскою государственною властью буржуазных специалистов для такого

---

[1] Ленин, т. XV, стр. 224.

перепахивания почвы, чтобы на ней вовсе не могла расти никакая буржуазия". [1]

Эта политика передышки, намечаемая в 1918 году, говорит о том, что „новая экономическая политика" 1921 года не была новой. Не была новой и политика апреля 1918 года, так как до Октября 1917 года Ленин намечал в грозящей катастрофе те же самые основы экономической политики пролетариата. Эта политика основывается на признании того, что усиление элементов государственного капитализма является, в условиях диктатуры пролетариата, прямым шагом к социализму.

Из этой задачи со всей очевидностью вытекает необходимость сожительства с частным капиталом и подчинение его не через разрушение и экспроприацию, а через государственный учет и контроль.

В 1921 году, после эпохи военного коммунизма, частный капитал в промышленности был экспроприирован полностью; в 1918 году частный капитал экспроприирован не был и задача заключалась в установлении таких методов сожительства с неэкспроприированной буржуазией, которые обеспечили бы усиление элементов государственного капитализма и существование диктатуры пролетариата. Для этого нужно было обеспечить политическое господство пролетариата и подавить сопротивление буржуазии.

Сравнивая положение Советской России 1918 года с Англией 70-х гг., о которой Маркс говорил, что возможен выкуп буржуазии и компромисс с ней, Ленин говорил:

„У нас это подчинение в данный момент обеспечено известными коренными посылками (победой в октябре и подавлением с октября по февраль военного и саботажнического сопротивления капиталистов)". [2]

Эти первые победы пролетариата показали, что русская буржуазия может представлять угрозу существованию Советской власти только в виде опасности, вырастающей из мелко-буржуазной анархичности и неорганизованности. В этом отношении передышка была реальным фактом. „Перепахивание почвы, чтобы на ней вовсе не могла расти никакая буржуазия" — было основным методом устранения этой опасности.

Между тем на поддержку буржуазии и мелко-буржуазному окружению пролетариата готовился выступить, и тем самым нарушить то равновесие, которое обеспечивало внутри России подчинение буржуазии пролетариату, союзнический капитал.

---

[1] Ленин, т. XV, стр. 200.
[2] Ленин, т. XV, стр. 271.

Уже 7 февраля французский посол Нуланс отдает распоряжение о том, что „всякое сотрудничество французских офицеров в качестве инструкторов Красных войск должно быть отныне запрещено“. [1]

В марте японская печать полна статьями о необходимости интервенции. [2]

В апреле высаживается дессант во Владивостоке, и английский отряд в Мурманске со 150 чел. доводится до 18 тысяч. [3]

Если английские войска на Мурмане могли иметь пока еще только задачей охрану Мурмана от возможности наступления немцев через Финляндию (о чем велись переговоры между Советской властью и Англией), то дессант во Владивостоке имел уже прямую задачу — поддержку чехо-словацкого восстания для организации в Сибири антисоветского центра.

„Союзники — пишет английский полковник Уорд [4] — гораздо раньше решили сделать попытку для восстановления русского фронта против германцев, но подобно всем усилиям союзников их действия в этом направлении были парализованы несогласием и неразумным национальным соперничеством“.

Противоречия между Японией и Америкой были главной задержкой союзнической интервенции в Сибири. В конце 1917 года между Англией, Францией и Японией велись уже переговоры о дессанте во Владивостоке, при чем Япония предъявила требования признания специальных интересов Японии на русском Дальнем Востоке, исключительного права Японии на дальне-восточные концессии и посылки только японских войск. Результаты этих переговоров неизвестны, но есть данные о том, что в конце 1917 года был отдан приказ о выступлении союзнических войск и что он был в январе 1918 года отменен. [5]

Известно также о вмешательстве Америки в переговоры о дессанте и отрицательное отношение к нему Вильсона.

В апреле японский дессант высаживается во Владивостоке. В то же время союзники оказывают поддержку всем контр-революционным организациям в России.

„К началу 1918 г. — пишет эс-эр Аргунов, [6] когда большевизм в центральной России торжествовал одну победу за другой, захватив обе столицы и заставив враж-

---

[1] Деникин, т. II, стр. 214.
[2] Павлович, „Россия и Япония“.
[3] Павлович, „Англия и Советская Россия“.
[4] См. Уорд, „Союзная интервенция в Сибири“.
[5] Там же.
[6] Аргунов, „Между двумя большевизмами“.

дебные ему партии перейти частью на позиции пассивного сопротивления, частью уйти в подполье, в этот момент стала особенно остро ощущаться потребность в объединении всех антибольшевистских сил с целью общей планомерной работы. Начались переговоры между центральными комитетами по вопросу о совместных действиях. Отбросив мысль о возможности объединения через партийные комитеты, члены партии, наиболее заинтересованные в этом объединении социалистических и несоциалистических партий, начали вести переговоры самостоятельно. Ряд собраний пришел к образованию в Москве „Союза Возрождения", который имел сношение с соответственными организациями разных партий, особенно партии соц.-рев., которая, главным образом, вела антибольшевистскую борьбу. Союз вошел также в правильное сношение с представителями союзных миссий, находившихся в Москве, Петрограде и Вологде, главным образом, при посредстве французского посланника Нуланса. Представители союзников были подробно ознакомлены с программой союза, его уставом и неоднократно выражали ему готовность содействовать".

В мае 1918 г. ВЧК раскрыла другую крупную контрреволюционную организацию „Союз защиты родины и свободы", также связанную с союзными миссиями и ставящую себе целью организацию антисоветского фронта в Поволожьи.[1]

Партия соц.-рев., несмотря на постановление VIII совета партии о том, что „ни в коем случае трудовая демократия не может опираться для восстановления народовластия на поддержку иностранной, хотя бы и союзной военной силы", также установила через отдельных своих членов связь с союзниками и, финансируемая ими, перенесла организацию борьбы в Поволожье и на север.

Значительное количество более мелких контр-революционных организаций занималось переотправкой офицеров на Волгу и в Архангельск. Офицерские организации в центре и в Сибири проникали в советские учреждения, подкапливали получаемое самыми различными путями — начиная от подкупа, кончая налетами — оружие, для выступления против Советской власти.

„Все эти организации — пишет ген. Казанович,[2] посланный из Добровольческой армии для связи в Москву, — производили впечатление чего-то несерьезного: велись списки, распределялись роли на случай будущего восстания, но не заметно было особого желания перейти от слов

---

[1] Лацис, 2 года борьбы на внутреннем фронте.
[2] Архив Русской Революции, т. VII.

к делу“. Заполнялись они в значительной части „специалистами по организациям, смотревшими на это дело, как на ремесло, дававшее хороший заработок“. Казанович указывает и источник, откуда получали все эти организации деньги — французское консульство.

При поездке в Сибирь Казанович нащупал, однако, и довольно крупные офицерские организации. В Сибири был произведен ряд налетов на красноармейские склады оружия, а в степи бродил отряд атамана Анненкова. Если недостаток денег помог сломить саботаж, то прилив средств от союзников дал возможность контр-революционерам продолжать работу — „ремесло, дававшее хороший заработок“.

Почву для этой работы давала неорганизованность Советской власти на окраинах, где, как, например, в Сибири, Советская власть, опиравшаяся на тоненькую цепочку железнодорожных станций — городов, проявлялась в деревне лишь в виде красногвардейских, и притом далеко не пролетарских, отрядов, забирающих хлеб и взыскивающих контрибуции по распоряжениям местных советов. Эти местные контрибуции, начинающие из городов переноситься в деревню, и неизбежная борьба в деревне из-за земли и имущества, отобранного у помещиков, поднимают активность деревенской буржуазии — кулачества, до сих пор только наживавшегося на революции.

Противоречие между городом и деревней в условиях усиливающейся разрухи ведет к обострению продовольственной нужды в городах. Цены на продовольственные продукты поднимаются к маю 1918 года в 10 раз против 1916 года, в то время как заработная плата квалифицированного металлиста в Питере возрастает только в 3 раза. Это приводит, во-первых, к тому, что рабочий появляется в деревне прежде всего за хлебом,[1] что не может, конечно, не ослаблять влияние пролетариата в средняцкой части деревни; во-вторых, к тому, что пролетариат распыляется, голодает, становится более податливым мелко-буржуазному влиянию. При перевыборах Московского Совета в апреле 1918 года, меньшевики смогли проявить серьезную активность и нужны были большие усилия сознательной части пролетариата, чтобы меньшевистская агитация на голоде не привела к потере большевиками большинства в Московском Совете. Это голодное состояние пролетариата создавало то отчаяние, которое позже вылилось в ряд рабочих восстаний против Советской власти.

На Урале, где пролетариат теснее связан с деревней, целый ряд заводов оказывается под влиянием меньшеви-

---

[1] См. ст. Струмилина в № 2—3 „Статистика труда“.

ков: Билимбаевский, Чусовские, Радвинский, Богословские, Верхо-Турские, Нязе-Петровские и т. д. [1]

В то время, как передовая часть рабочих уходит с заводов на борьбу с Дутовым, оставшиеся рабочие, лишенные руководства со стороны наиболее сознательной своей части, настолько поддаются провокационной работе эс-эров и меньшевиков, что поднимают, чаще всего, на продовольственной почве, восстания против Советской власти. В начале мая, например, было восстание в Березовском заводе, позже в Тюмени, в Верхне-Невьянском, Рудянском, Полевском, Северском, Кусинском и других заводах.

Отряды, ведущие борьбу против Дутова, иногда сами неустойчивые в условиях голода, [2] встречали часто сопротивления со стороны крестьянства при попытках получить что-либо с крестьян для целей военных действий. В Самарской губернии 18 мая при проведении мобилизации лошадей, вспыхивает крестьянское восстание. [3]

Пассивность крестьянской бедноты, не получающей пока от Советской власти ни материальной помощи, ни идейного и организационного руководства, создает почву для кулацких восстаний, готовых вспыхнуть при первом толчке извне.

Уже нейтральность крестьянства при оживлении работы контр-революционных организаций притоком союзнических средств, создавала угрозу для существования Советской власти. А нейтральность наиболее характерна для крестьянства в этот период. Чрезвычайно характерно выявилось, например, настроение крестьянства Сибири в Минусинском уезде, где между крестьянским съездом и Советской властью произошли разногласия. Крестьяне ближайших к Минусинску волостей окружили Минусинск, вооруженные дробовиками и вилами, но к активной борьбе не приступили даже тогда, когда Советская власть в губернии доживала последние дни под давлением чехословацких штыков. [4]

Эти выступления против Советской власти носили часто характер как бы внутренних, семейных столкновений. В той же Сибири, где было немало столкновений советов с рабочими, все рабочие организации бойкотируют съезд Сибирской Областной Думы и Областная

---

[1] См. Берзин. — „Этапы Строительства Красной армии. Революционный фронт № 3 за 1920 г.“.

[2] „Было одно желание — драться во что бы то ни стало — пишет Берзин, а пока быть обеспеченным в смысле желудочных потребностей“.

[3] „Пролетарская Революция“ № 7 за 1922 г. ст. Лелевича.

[4] См. „Былое Сибири“ № 1 и Колосов, „Сибирь при Колчаке“.

Дума в декларации заявляет даже, учитывая настроение рабочих, что она — „отнюдь не против Советов, как классовых организаций“, хотя тут же Совнарком объявляется врагом народа, а большевики — изменниками. В декларации этой говорится о национализации копей и рудников, об организации общественного контроля и руководства, а в области земельной политики — о проведении закона Учредительного Собрания о переходе земель крестьянам. От этих пунктов контр-революция, пытавшаяся еще опереться на массы, отказаться не могла. [1]

Уже в этой декларации видно было полное бессилие Сибирской Областной Думы, объединившей социалистические партии и сибирское областническое движение, провозглашавшей самые демократические лозунги и опиравшейся на белогвардейское офицерство. В январе 1918 года состоялся неполный съезд Думы, который был без всякого труда разогнан Сибирским Советским центром. После этого большая часть избранного на нелегальном собрании Сибирского Временного Правительства уехала поближе к союзникам — на Дальний Восток, а часть осталась в Томске, создав комиссариат для борьбы с большевиками при помощи совершенно не демократических и не областнических офицерских организаций.

И та и другая часть правительства Сибири почувствовала кой-какую почву под ногами только тогда, когда в Сибири появились союзнические войска.

Дальневосточная эс-эровская часть правительства проявляла себя лишь дипломатическими переговорами с союзниками, в то время как союзники искали опоры иного рода, и находили ее в лице атамана Семенова и ген. Хорвата.

С Сибирским правительством и с Думой не считались ни при высадке дессанта, ни при организации Правительства Хорвата, ни при определении срока чехо-словацкого выступления и, во всяком случае, это не было правительством, появление которого, по постановлению VIII совета партии эс-эров, давало возможность признать приемлемым „для целей чисто стратегических, но не политических“ появление союзных войск на русской территории.

Более сильным был другой, эс-эровский же преимущественно, антисоветский центр в Сибири — Сибирская кооперация, имеющий, по крайней мере материальные средства и снабжающий офицерские организации и чехословацкие эшелоны, двигающиеся по Сибири.

Но и эта организация, как и все „социалистическое“ антисоветское движение могла играть только роль социалистического прикрытия для действий союзных империа-

[1] См. Гинс, „Сибирь, Союзники и Колчак“.

листов и, например, уже при определении срока чехо-словацкого выступления просьбы эс-эра Маркова отложить выступление, так как организации еще не подготовлены — остались без всяких последствий. [1]

Семеновский отряд, созданный из монгол и, отчасти, забайкальских казаков, опирающийся на экономическое противоречие между казацким, монгольским и крестьянским населением Забайкалья, и руководимый явными и открытыми монархистами с японской ориентацией и средствами, также не мог играть решающего значения, так как, во-первых, это было чисто местное, по своему социальному весу, движение, и, во-вторых, Красная гвардия Сибири наносила уже серьезные поражения семеновцам, несмотря на поддержку их Японией и Китаем.

Несмотря на тяжелое положение Советской власти, нужна была посторонняя вооруженная сила, которая могла бы свергнуть Советскую власть в Сибири. Такой силой явились чехо-словацкие легионы — продукт национальных противоречий Австро-Венгрии.

Количество пленных чехо-словаков в России достигало 200 тыс. Среди этих пленных, как и вообще среди чехов, союзники повели работу, образовывая национальные чешские общества и чехо-словацкий Национальный Совет.

Еще до революции начинается формирование чехо-словацких частей в русской армии, но подталкиваемое к формированию союзниками главное командование встречает сопротивление со стороны русских промышленников, не желающих терять дешевую рабочую силу чехо-словацких пленных, в значительной части квалифицированных промышленных рабочих. Более быстрым темпом начинает итти формирование чехо-словацких частей после февральской революции и к концу месяца 1917 года насчитывается 26 тыс. солдат и 300 офицеров-добровольцев.

С начала 1917 года ведется переписка о переотправке чехо-словацких войск во Францию, при чем французское правительство поручает переговоры с чешским советом, никому иному, как социалисту Тома, что очевидно должно было иметь бо́льший успех, так как среди чехо-словацких войск было сильное влияние одной из наиболее оппортунистических партий II Интернационала — чешской социал-демократии.

Переезд во Францию тормозился, во-первых, опасением чехов, что французское правительство может „включить попросту чехов в свою армию и лишить формируемые им части всякого национального характера“, [2] во-вторых,

---

[1] См. Шмераль, „Чехо-словаки и эс-эры“.

[2] Из письма Игнатьева — Романовскому. См. Каржанский. — „Чехо-словаки в России“.

сопротивлением русской ставки, которая имела намерение использовать чехов как ударные войска на фронте.

В сентябре 1917 года было все же достигнуто соглашение о перевозке чехо-словаков через Архангельск во Францию.

„Соглашение с союзниками — как сообщает чешская газета „Пруконник Свободы“ [1] состоялось или в последних числах февраля, или в начале марта: 7 марта отделение Национального Совета получило взнос и это поставило чехо-словацкое войско в полную зависимость от французского империализма, обещавшего к тому же национальную независимость Чехо-Славии“.

Бросившие фронт против немцев на Украине, чехо-словацкие эшелоны начинают продвигаться в Сибирь к Владивостоку, с очевидной задачей выступления против Советов, хотя и для чехо-словацких солдат под видом отправки во Францию.

Все данные о поведении чехо-словацких войск в Сибири говорят о том, что масса чехо-словаков оказалась в совершенно безвыходном положении: отказ от подчинения союзникам должен был означать переход на сторону Советской власти, так как иначе чехо-словаки должны были рассеяться, распылиться в чужой стране.

Национальная вражда к Германии и к „германским шпионам“ — большевикам, а также влияние социал-демократии, мешало чешским войскам перейти на сторону революции, несмотря на свой, преимущественно пролетарский состав. Необходимость сохранения своей военной организации заставляла сохранять дисциплину и подчинение командному составу.

Бегущие офицеры находили приют в чехо-словацких эшелонах. „Это в общем было — пишет чешский майор Кратохвиль — больше простое сожаление к страдающим людям (в чешском понятии: „к русским, славянским патриотам“), чем сознательная поддержка русской контрреволюции, но эта связь не могла остаться без определенных последствий“.

Не могла остаться без последствий и связь с Сибирской кооперацией, снабжающей чехо-словаков продовольствием, и с эс-эрами, убеждающими чехов в том, что большевики задавили демократию и обязались по Брестскому договору выдать чехо-словаков немцам.

Распоряжение о задержке чехо-словацких эшелонов, отданное Советской властью, когда японский дессант плюс чехо-словацкие эшелоны могли представить угрожающую

---

[1] См. Лелевич, „В дни Самарской Учредилки“.
[2] См. Шмераль, „Чехо-словаки и эс-эры“.

опасность революции, подтолкнуло чехов на выступление, несмотря на то, что Советская власть принимала все меры к тому, чтобы мирно сплавить чешские войска за границу. [1]

Несколько преждевременно с точки зрения русских контр-революционных организаций чехо-словаки после своего съезда в Челябинске, 25 мая поднимают восстание против Советов по всей Сибири, от Волги до Владивостока.

Этим самым дается толчок извне всем контр-революционным организациям в России. Поднимается вся буржуазно-помещичья контр-революция, задавленная, но не убитая Советской властью, и вместе с ней выросшая на почве проникновения пролетарской революции в деревню, контр-революция кулацкая.

Наиболее характерным проявлением того влияния, которое оказало на положение в Советской России чехо-словацкое выступление, явились восстания левых эс-эров в Москве и савинковские восстания в Ярославле и других городах. [2]

Соотношение сил в Советской Республике к моменту чехо-словацкого восстания было уже не то, что в Октябре. Деревня уже не была единой, так как с уничтожением помещика деревня с весны, т.-е. с начала полевых работ, должна была подойти и подошла к борьбе за раздел завоеванного. Партия левых эс-эров тем самым теряла ту почву, на которой она возникла, и ее протест против продовольственных мероприятий пролетариата, ускоряющих расслоение деревни, был в то же время попыткой сохранить ту базу, на которой левые эс-эры родились — единую деревню.

Я думаю, что определить партию левых эс-эров, как партию кулачества, до момента ее восстания, было бы неверно. Кулачество, после чехо-словацкого восстания почувствовавши силу, за левыми эс-эрами пойти не могло, так как левые эс-эры были для него слишком революционны. Кулачество в этот период идет на прямой союз с буржуазией, и кулацкими восстаниями являлись восстания в Ярославле, в Тамбовской и Рязанской губернии.

И эти восстания, и партия, ими руководившая—правые эс-эры, не разлетались на кусочки, сейчас же после восстаний, как это было с левыми эс-эрами.

---

[1] См. Троцкий, Доклад на заседании ВЦИК 29 июня 1918 г. „Как вооружалась революция“, т. I, стр. 219.

[2] О лево-эсэровском восстании см. Красную Книгу ВЧК. Доклад Троцкого на V Съезде Советов. — „Как вооружалась“... т. II и речи Ленина на V Съезде. О Савинковских восстаниях см. „Материалы процесса с.-р.“ и „Пролетарскую Революцию“, № 10 (22).

Роль левых эс-эров в Октябре, как партии, отражавшей интересы октябрьского крестьянского движения, и их полнейшая ликвидация, как партии, в июне, говорят о том, что эта партия к моменту восстания продолжала оставаться партией крестьянства (по составу, городской и сельской интеллигенции), тогда, когда этого крестьянства уже не существовало. Крестьянство к этому периоду уже раскололось на враждебные группы и политика левых эс-эров в вопросе о войне, об армии, о продовольствии, отражая безусловно идеологию мелкого хозяина-крестьянина, не была уже политикой ни одной из реально существующих групп крестьянства. Именно поэтому первое активное выступление левых эс-эров оказалось чистейшей авантюрой и привело к полной ликвидации партии.

Этого нельзя сказать о правых эс-эрах, которые нашли почву в том слое деревни, который, получив землю против буржуазии, теперь обратился к союзу с буржуазией, чтобы защищаться от бедноты и от пролетариата.

Чехо-словацкое восстание ворвалось в момент начала расслоения деревни, форсированного продовольственной политикой пролетариата, и вызвало подъем кулачества, на почве которого и поднялась снова партия правых эс-эров, блокирующаяся с самыми реакционными элементами.

„Чехо-словацкое контр-революционное восстание разбудило кулаков. По России прошла волна кулацких восстаний". [1]

Эта волна кулацких восстаний создала тот „июльский кризис", который был значительно более крупным моментом, чем само чехо-словацкое восстание.

---

[1] Ленин, т. XV, стр. 510.

БОРЬБА С ЧЕХОСЛОВАЦКИМ ВОССТАНИЕМ.

Местные советы и чехо-словацкое восстание. Семеновский фронт. Успехи чехо-словаков. Организация белого фронта. Организационная работа в отступающих Красных частях. 1 Сибирская армия. Высшая военная инспекция Берзина. Уфимские боевики. Уральские отряды. Организация 3 и 1 армии. Центр и чехо-словацкое восстание. Мобилизации коммунистов и рабочих. Колебания крестьянства. Комбеды. Подготовка партии к организации регулярной армии. V Съезд Советов. Выезд Троцкого на фронт. Муравьевская авантюра. Сдача Казани. Перелом на фронте. Организация 5 армии. Переход в наступление.

„Мы снова попали в войну — говорил Ленин в июле 1918 г., — мы находимся в войне, и эта война не только гражданская, с кулаками, помещиками, капиталистами, которые объединились против нас, — теперь уже стоит против нас англо-французский империализм, он еще не в состоянии двинуть на Россию полчища, ему мешают географические условия, но он все, что может, все свои миллионы, все свои дипломатические связи и силы дает на помощь нашим врагам.

„Мы находимся в состоянии войны и эту войну мы можем решить победоносно; но тут приходится бороться с одним из самых трудно преодолеваемых противников: нужно бороться с состоянием усталости в войне, ненависти и отвращения к войне, это состояние мы должны преодолеть, потому что иначе мы не решим вопроса, который не зависит от нашей воли—вопроса военного“. [1]

Этой борьбе с „состоянием усталости в войне, ненависти и отвращения к войне“ положило первое серьезное начало чехо-словацкое восстание. Оно успело распространиться по всей Сибири не только прежде, чем массы рабочих и крестьян вышли из состояния отвращения к войне, но и прежде, чем авангард трудящихся—Советы и партийные организации успели оценить всю серьезность положения.

---

[1] „О положении Советской Республики“. Доклад во ВЦИК'е 29 июля 1918 г., т. XV, стр. 399.

...„В первое время даже со стороны местных советов, наиболее близких к совершавшимся фактам там, по линии Сибирской ж. д. и до Челябинска, мы не встречали того отклика, на который имели бы право рассчитывать; местные советы не отдавали себе отчета во всем размахе дьявольского замысла. Среди них были такие малодушные советы, которые пытались чехо-словаков сбросить на голову соседних, может быть, более сильных советов. Все это объяснялось тем, что не было полного, ясного сознания, что дело идет не о недоразумении в Сызрани, Пензе, Челябинске, а что дело идет, в прямом и непосредственном смысле слова, о жизни и смерти рабочего класса в России. [1]

Это отношение местных советов к чехо-словацким войскам отразилось уже в самой легкости подготовки чехо-словацкого восстания—приказ о разоружении чехам удалось чрезвычайно легко обойти и сохранить достаточное для восстания количество оружия.

Решительный приказ Троцкого, требующий расстрела на месте не сдающих оружия чехо-словаков (и свободного пропуска сдавших оружие) остался на бумаге, и не только потому, что на местах не было вооруженных сил для проведения в жизнь этого приказа, но и потому, что Советы не понимали еще необходимости и неизбежности борьбы за его осуществление.

В начале „конфликта" с чехо-словаками, когда был заключен договор об оставлении только оружия для охраны, большинство советов располагало вооруженной силой в виде эшелонов старой армии, правда совершенно дезорганизованных, но часто сумевших бы выполнить кратковременную задачу, если бы эта задача четко и настойчиво была перед ними поставлена.

Значительная часть солдат старой армии знала и ненавидела чехо-словаков по их работе на фронте до революции, и не без вооруженных столкновений, конечно, но разоружение в ряде мест произвести было возможно. Но иногда именно вооруженных столкновений и старались избежать местные советы.

Правда, использование в борьбе разложившихся и одичавших солдат старой армии представляло безусловную опасность, но все же меньшую, чем восстание чехо-словаков. Своих же сил почти не было. Так или иначе, но не известно ни одного случая, когда бы местные советы при начале „конфликта" подняли бы рабочих, вооружили бы их и провели бы со всей решительностью разоружение чехо-войск до начала восстания.

---

[1] Троцкий, Доклад во ВЦИК'е 29 июля. „Как вооружалась...", т. I, стр. 222.

Даже тогда, когда 17 мая чехо-словаки в Челябинске, совершенно неожиданно ворвались в город, заняли центр и потом ушли снова в эшелоны, оставив в некоторых местах свои посты, Челябинский совет не сумел приступить к решительной борьбе с чехо-словаками и с 17 до 26 мая, дня выступления, чехо-словаки спокойно оставались в Челябинске, готовясь к выступлению.

Все Красногвардейские части Челябинска находились на Дутовском фронте, но и на заводах и копях Челябинска не было принято никаких почти мер охраны. И когда 26 мая ночью чехо-словаки захватили город — совет оказался совершенно бессильным и, попрежнему, нерешительным.

На заседании совета 26 мая — вместо того, чтобы выделить Ревком и действовать — занимались прениями. Было отклонено предложение вооружить мадьяр. Благодаря нерешительности совета, в значительной части лево-эс-эровского, чехо-словаки завладели Челябинском без сопротивления, а 28 мая совет продолжал заседать, обсуждая вопрос о забастовке на железной дороге для сопротивления чехам. Между тем под самым Челябинском в копях на 14 и на 21 версте имелась рабочая охрана, в Щучьем вооружились рабочие мельницы, в Мишкино был создан Ревком и отряд Красной гвардии. [1]

Сибирские советы в рассчете на изживание „конфликта“ или на помощь из центра вступали в переговоры с чехо-словаками, заключали перемирия, которые не могли использовать для подготовки к борьбе.

Такое перемирие было заключено Центро-Сибирью и делегация советов вместе с американским представителем и представителем чехо-словаков поехала по Сибирской жел. дороге, что дало возможность чехо-словакам установить более тесную связь между разбросанными по всей магистрали эшелонами. Эти переговоры поддерживали иллюзию о возможности мирного изживания „конфликта“, тогда как чешское выступление было лишь одной частью наступления союзного империализма. Эти переговоры, во всяком случае, вредили созданию того подъема среди рабочих, который единственно мог заменить отсутствие Красной армии.

Красная гвардия Сибири в значительной части находилась на Семеновском фронте, ведя там успешную борьбу.

Семеновский фронт создал уже некоторый перелом среди рабочего и даже крестьянского и казацкого населения, и красные части маньчжурского фронта вступили уже на путь усиления и укрепления организации.

---

[1] См. „Пролетарская Революция“ № 5, ст. Бурцевича.

Областной съезд сельского населения Забайкалья еще 24 марта постановил организовать Красную армию и провести мобилизацию казаков призыва 1918 г. и солдат 1916 и 1917 года.

Фронтовой съезд маньчжурского фронта вынес постановление о предоставлении дисциплинарных прав командирам, правда, тут же требуя отпусков, демобилизации старших возрастов и общей мобилизации молодежи. 11 июля Забайкальский Совнарком объявил мобилизацию от 19 до 30 лет, но к этому времени участь Забайкалья зависела уже от исхода чехо-словацкого, а не Семеновского восстания, и все эти местные меры не могли дать никакого результата.

Сломив незначительное сопротивление в Центральной Сибири, чехо-словаки и уже сформировавшиеся на основе офицерской мобилизации офицерские батальоны, пошли на Восток и маньчжурский фронт оказался отрезанным с двух сторон. И все же только 25 августа было принято решение прекратить сопротивление, при чем многие части ушли в Маньчжурские сопки, где положили начало красному партизанскому движению в тылу у белых.[1]

Несчастье Сибирских советов состояло в том, что в то время как чехи действовали по заранее составленному и согласованному плану, советы были предоставлены каждый себе не только в смысле организации военного сопротивления, но и дипломатических сношений с чехословаками. Чехо-словакам удалось сразу же отрезать Сибирские центры один от другого одновременным выступлением в различных пунктах магистрали.

Были случаи решительного сопротивления со стороны Сибирских советов. Например, Барнаульский совет сумел отогнать наступающих по железной дороге и по Оби и занявших уже ст. Алтайскую чехов обратно почти к самому Ново-Николаевску и не сдался до тех пор, пока в самом Барнауле не выступила на помощь чехам эс-эровская организация.[2] Барнаульские отряды, наступавшие на Ново-Николаевск не смогли оказать поддержки Ново-николаевскому совету, так как Ново-Николаевск без всякого сопротивления был занят чехами и совет был разогнан.

От Ново-Николаевска часть чехов повернула обратно к Омску. Омск оказался окруженным с обеих сторон. Еще 24 мая было столкновение красноармейского отряда Успенского с чехами, уехавшими на ст. Мариановку, когда им было предъявлено в Куломзине требование допустить к осмотру эшелона. Отряд Успенского бросился пре-

---

[1] См. „Революция на Дальнем Востоке“, изд. Дальвистпарт.
[2] См. Кармашев, „Последние дни Советской власти в Сибири“.

следовать чехов и на ст. Мариановка, не успев даже построиться, потерял 200 человек из 290. 25 мая в Мариановке арестовали комиссара продовольствия Шлихтера и Усиевича. Организовать наступление на чехов Омский совет не сумел, но сумел все же использовать перемирие, заключенное с чехами Шлихтером, для вооружения рабочих и организации отрядов, и даже объявить общую мобилизацию, целиком провалившуюся. Омские отряды под Каинском выдержали серьезное сопротивление и разбили чехов, загнав их в болото, а в это время чехи, после нескольких неудачных атак, зашли в тыл отрядам, защищавшим Омск с запада, и почти весь фронт панически разбежался.

В то время, как в Омске обсуждали вопрос о том, куда отступить, железнодорожники разобрали путь на восток, чтобы не дать совету увезти деньги. Это провокационное выступление железнодорожников, в то время, как железнодорожный же отряд в 1 000 человек вел борьбу против чехов, заставило Омский совет бросить на произвол судьбы свой восточный фронт и уехать на пароходах по Иртышу к Уралу. Отряды, оставшиеся восточнее Омска также отступили на север, к Тюмени и Тобольску, чтобы пробираться в Россию. [1]

И провал мобилизации, давшей только отряд в 400 человек в Тарском уезде, который выступил против Красногвардейцев, и особенно поведение железнодорожников, выступивших для охраны народного имущества от той и другой стороны, характерны для настроений крестьянства и отсталой части рабочих Сибири. Это именно та обывательская пассивность промежуточных групп, которые пытаются избегнуть гражданской войны и занять позицию нейтралитета. Это именно то, о чем Ленин говорил: „Естественно и неизбежно слоями трудящихся овладевает отчаяние, негодование, является настроение махнуть рукой на что бы там ни было — и понятно, что контрреволюционеры, помещики и капиталисты и их прикрыватели и пособники этим моментом пользуются для того, чтобы производить новый и новый натиск на социалистическую власть“. [2]

Это настроение „махнуть рукой на что бы там ни было“, нередко проявлялось среди рабочих и было общим для крестьянства. Были, правда, уже в начале борьбы такие случаи, как, например, в Троицке, когда до тысячи демо-

---

[1] См. „Пролетарская Революция“ № 4, ст. Германова (Фрумкина).

[2] Доклад на IV конференции Профсоюзов и фз. Москва, 27 июня, т. XV, стр. 338.

билизованных солдат взялись за оружие, когда деревня Лебедевка почти целиком пришла на помощь красным, но такие случаи переставали быть единичными только тогда, когда восставшие чехи и с ними русские белогвардейцы стали уже победителями.

„Ясное понимание вырабатывается только в конце и только той борьбой, которую приходится переживать таким мучительным периодом, когда одна революция оказалась впереди других, а другие не помогают, и когда надвигается голод“. [1]

Это отсутствие ясного понимания близости и необходимости гражданской войны привело к тому, что Сибирь оказалась в руках чехов и белогвардейцев. И те и другие смогли получить оружие и произвести мобилизацию. Была проведена офицерская мобилизация, была создана добровольческая народная армия на Волге. [2]

Были мобилизованы чехо-словаки, находившиеся в лагерях военно-пленных в Сибири. „Они могли—пишет об этой мобилизации чешский майор Кратохвиль [3] — выбирать только или в славный легион, или на тяжелые работы в рабочих дружинах. Таким образом из воинской дружины выросло войско в составе 3 дивизий, со всеми спецчастями“.

Вместо того, чтобы двигаться на восток, чехо-словацкие эшелоны начали наступление на запад от Пензы на Самару, от Челябинска на Уфу и на Екатеринбург. Сомнений в том, что чехи только выполняют планы союзников по борьбе с Советской Россией и что за их спиной, при их помощи вышли все контр-революционные организации — быть не могло. Не могло быть также сомнений в том, что дело идет не о выступлении в отдельных местах, а об организации фронта. И перед Советской Россией встал вопрос об организации красного фронта, а не сопротивления отдельных отрядов или советов. Вопрос стал о том, сумеет ли Советская Россия организовать и объединить те отряды, которые отступали, которые организовывались вновь при продвижении чехов, и прислать им на помощь отряды из центра. Ясно стало, что дело идет не о местной задаче, а о задаче, которую может выполнить только государство.

Это перерастание борьбы из местного в общероссийский масштаб заставило и те отряды, которые организовались в местах, угрожаемых чехами, стать на путь организации и объединения.

---

[1] Ленин, там же.
[2] Об ней ниже.
[3] См. Шмераль, „Чехо-словаки и эс-эры“.

Те же омские отряды, которые организовались только для защиты Омска, теперь, пробираясь в Тобольск и Тюмень, становились экстерриториальными частями и могли иметь какое-нибудь значение только в том случае, если их действия будут объединены, если взамен местного совета, хорошо ли, плохо ли, но руководившего их действиями, будет создан полевой орган управления, полевой штаб.

По дороге к Тюмени, омские отряды разбились на 2 части, так как некоторые отряды не надеялись на то, что Тюмень еще не занята, и свернули вверх по Тавде и по Туринской ветке на Екатеринбург.

Остальные на 2 пароходах под командой тов. Усиевича двинулись на Тюмень, где организовали 2 „фронта"— Ишимский — против белых, наступающих от Омска, и Тобольский — по рекам Туре, Тоболу и Тавде.

В Тюмени был создан Военно-Революционный Штаб, на каждом из фронтов и на флоте был назначен командующий: на Ишимском фронте — Эйдеман, на Тобольском — Кангеллари и на флоте — Хохряков.

Здесь омичи сумели организовать сопротивление чехам и белогвардейцам, но наступавшие от Челябинска на Екатеринбург чехи грозили отрезать омские и тюменские отряды. Пришлось отступить дальше, по дороге производя организационную работу и объединяя другие мелкие отряды, пробивавшиеся из Сибири и сформированные на местах.

В Камышлове все отряды были разбиты на взводы, роты и т. д. и все части составили I Сибирскую армию во главе с командиром Васильевым и комиссаром Усиевичем. Эта самочинно и стихийно возникшая армия, оказавшись отрезанной когда пал Екатеринбург, сумела выдержать еще несколько боев и выйти из окружения на соединение с отступавшими от Урала Красными войсками.

Тот же процесс организации происходил и в других местах, при чем в Екатеринбурге уже находилась присланная из центра высшая военная инспекция Берзина, в задачи которой входило не только объединение, но и подчинение центру отрядов, организованных местными советами. Здесь произошла смычка организационной работы, ведущейся в центре и начинающей распространяться на места, с организационной военной работой местных партийных организаций и с стихийным стремлением к организации местных отрядов.

---

[1] См. Кармашев, „Последние дни Советской власти в Сибири" и „Пролетарская Революция" № 5, ст. Каганицкого.

Насколько большую работу нужно было проделать, чтобы организовать из местных и присланных отрядов воинские части, достаточно ясно показывает список отрядов, находившихся под Миасом в июне 1918 года. [1]

Мясогустский	отряд	60	стрелков	1	пулемет.		
Дуванский	„	24	„		„		
Айлинский	„	22	„		„		
Илюзинский	„	28	„		„		
Симскоруднич.	„	39	„		„		
Каймокуловский	„	21	„		„		
Катайский	„	39	„	2	„	12	лошад.
Бакальский	„	18	„		„		„
Тастубинский	„	9	„		„	11	кон.
Садкинский	„	53	„	1	„		„
Бердаушский	„	18	„	1	„	1	„
Ерузанский	„	250	„		„		„
Пермский	„ из 4 рот в . . .	570	„	4	пулемет.	10	кон.

Эти 13 отрядов, составлявшие всего 1 105 штыков с 9 пулеметами, действовали каждый по-своему — связанный каждый внутри себя внутренней дисциплиной своего завода, а между собой объединенные только идейно общей задачей борьбы с контр-революцией.

Все эти отряды — дружины боевиков Уфимской организации народного вооружения, своеобразной формы Красной гвардии, бились уже против Дутова и одерживали легкие победы. Нужны были поражения в борьбе с регулярной чехо-словацкой армией, чтобы отряды отказались от своей системы организации по заводам. А уже самое количество отрядов и их величина (9 стрелков и 11 конных) говорит о том, как далеки еще они были от того, чтобы дать организованный отпор организованному наступлению чехов.

Для того, чтобы получить представление о боевой подготовке этих отрядов, интересно привести данные, приводимые командующим группой Симоновым в описании боев в р. Кыштыма [2] об одном из отрядов:

около 100 человек — старые солдаты,

около 100 человек — бывших на строевых занятиях не более 5 раз,

около 600 человек — совершенно не обученных

„Вся эта масса, — пишет Симонов, — вооружена до зубов чем попало, но не имела понятия, как обращаться со своим оружием“.

Вот несколько выдержек из описания боев, составленного Симоновым, дающих яркое представление о боевой деятельности этих отрядов.

---

[1] См. ст. Берзина в журнале „Революционный фронт“ № 3, за 1920 г.

[2] См. там же.

„В 4 часа 8 июня чехи, силою в 5—8 рот атаковали фланг Костромского полка, одновременно обходя его фланг. Рота, находясь за левым флангом, была отрезана. Ружейным и пулеметным огнем, контр-атаками, атаками во фланг командой конных разведчиков (12 коней с офицером) костромичи лихо отбивали противника, но расстреляв патроны и понеся огромные потери в командном и строевом составе (до 30%, при чем убиты, как подсчитали, 6 офицеров, 5 фельдфебелей, вся команда конных разведчиков и почти вся пулеметная) полк должен был отойти на ¾ версты назад своим левым флангом к лесу, где и начал окапываться. Получив подкрепление (2 р. 7 Уральск. п.) и патроны, полк перешел в контр-атаку на д. Назырова. Противник был выбит из деревни Назырова с большими потерями. Костромичи же, попав под перекрестный огонь пулеметов, и охваченные с левого фланга, снова отхлынули...“

„В 11 часов бой затих. Уже после боя начальник Рождественских отрядов Тимонин сознался военному руководителю при разговоре по телефону, что по получении приказа о занятии д.д. Курманово и Куздембаево был собран митинг, на котором решено было в бой не итти, а оставаться в своем селе; к этому же постановлению примкнули и рабочие дружины под командой Родина. На вопрос, почему боевой приказ не был исполнен и об этом не было доложено сразу по телефону (прямому из Рождественского в вагон штаба), Тимонин сообщил, что там так постановлено“.

„7 Уральский полк (тов. Декан) простоял на позиции до 2 часов 8 июня, а потом пожелал уйти на разъезд 88 отдохнуть, что и сделал, никого не предупредив. На запрос военного руководителя тов. Декан отвечал, что люди ушли с фронта, желая обсушиться и отдохнуть. Уговорились уйти на полчаса, а сейчас все спят, и он ничего не может сделать“.

„В Кыштыме... начали приводить в порядок части и подсчитывать потери. Оказалось, что из 2 200 штыков (не едоков), около 50 пулеметов и 4 орудий, осталось только около 900 людей, частью босых и без винтовок; 12 исправных и 5 испорченных пулеметов и 3 орудия. Не было никаких сведений об отрядах тов. Лопатышкина и Ануфриева. По телефону же из Рождественского сообщали, что отряд Тимонина постановил — никуда не ходить, а выставить пулеметы по краям деревни и защищаться на месте“.

Чрезвычайно характерно, что, как указывает Симонов, среди отрядов наблюдалась страшная тяга в Екатеринбург, т.-е. в центр, где есть свои привычные организа-

ции, привычная обстановка и где чувствуешь себя более организованным.

После нескольких таких боев у всех этих отрядов, естественно, являлась тяга к организации, дисциплине, объединению. Те же Уфимские боевики, список которых приведен выше, которые раньше и слышать не хотели о слиянии их в более крупные части, теперь с радостью подчинились присланному к ним начальнику группы тов. Малышеву, начальником штаба у которого был к тому же старый генштабист.

Система организации командования большей частью применялась та же, что и в военкоматах, т.-е. начальник или комиссар—коммунист, и военный руководитель—спец. Привлечение специалистов развито уже широко. Боевые действия заставляли ценить военных специалистов и учиться использовать их. „Назначить начальников из опытных военных людей до взводных командиров включительно“ — выносит резолюцию один из полков Екатеринбургской группы.

Эта резолюция характерна для той работы, которую вели в частях коммунисты и для того стремления к созданию регулярной армии, которое становилось под влиянием партии все более массовым. В ней говорится:

1. Для установления порядка и дисциплины необходимо немедленно упразднить комитеты — их время прошло.

2. Запретить митинги и собрания, которые разрешить имеет право, если необходимо, военный комиссар, и то в часы вполне свободные.

3. Привести в действие полевые суды (реввоентрибуналы), чтобы преступники, дезертиры и изменники видели, что их наказывают не на словах, а на деле.

4. Заботиться о питании, обуви и снабжении, и

5. Назначать начальников из опытных военных людей до взводных командиров включительно.

Естественно, что среди командного состава отрядов еще сильнее развивается стремление к организации и дисциплине. Симонов, один из честных спецов, убитый позже на фронте, заканчивает свое описание боев в р. Кыштыма заключением, в котором, „не касаясь совершенно политической стороны вопроса“, приводит доводы о необходимости провести ряд мероприятий, которые превратят Красную армию в армию регулярную.

В том же духе идет работа и в центре, и это единство центральных органов власти и партии с лучшей частью командиров, красноармейцев и красногвардейцев служит лучшей гарантией успеха.

Центральным военным органам приходилось создавать и объединять уже более крупные воинские объеди-

нения, так как на фронте сами, с помощью высшей военной инспекции Берзина, — теперь командующего Северо-Урало-Сибирским фронтом, и даже без его помощи и приказаний, создаются полки, дивизии, армии.

Отступившие от Екатеринбурга в район Невьянского завода части объединяются в первую и вторую бригаду Средне-Уральской дивизии. К ним вливается 1 Сибирская армия и все это служит основой для создания дивизии 3 армии.

Эти части руководятся местными партийными организациями, посылающими в них лучших работников в качестве агитаторов и комиссаров и производящими партийные мобилизации в массовом масштабе, когда грозит непосредственная опасность, как это было, например, в Екатеринбурге.

Когда Екатеринбург был оставлен руководство со стороны местных партийных организаций — Уральского Областного бюро партии становится невозможным и, естественно, приходят к организации полевых армейских парторганов и Политотделов. Будущая 3 армия, а теперь Средне-Уральская дивизия Мрачковского переходит даже в наступление на Екатеринбург, но потом снова отступает. [1]

Отряды боевиков, отступавшие из Бирского, Осинского и Красноуфимского уездов, местными партийными работниками объединяются в батальоны и полки. Приказ Берзина об организации полков застает полки уже в значительной части сформированными. 1 сентября собрание командиров этих полков выносит постановление об организации дивизии из 2 бригад, выбирает начдива, формирует штаб. Высшему штабу, в сентябре — уже штабу 3 армии, остается только дать название организовавшейся самостоятельно дивизии. [2]

Такая работа идет по всему фронту, и на всем фронте, не без сопротивления со стороны отдельных отрядов, не без паники и дезорганизации, создаются полки, дивизии, армии.

Большей частью объединяются вместе отряды, сформированные в одной местности, но, выбитые из места формирования, эти части перестают быть местными частями.

Пензенские, Инзенские и Симбирские отряды, с присланными сюда добровольческими полками из центра, составляют три стрелковых дивизии 1 армии (Пензенская — позже 20, Инзенская — позже 15 и Симбирская — позже 24). Организовавшийся штаб армии из 5 человек производит

---

[1] См. Онуфриев — „Мои воспоминания о гражданской войне на Урале".

[2] 5 Уральская, позже 21 дивизия. См. „Историю 21 дивизии".

в Симбирске мобилизацию бывших офицеров, которых направляет в части и в формируемые управления, переходя тем самым к назначению командного состава. Для борьбы с дезертирством и другими преступлениями формируется Трибунал, который ведет не только карательную, но и агитационную работу и позже превращается в Политотдел армии. Издается своя газета „Набат революции". Создаются органы снабжения — Отдел военных заготовок. [1]

Вся эта работа проводится местными партийными организациями и партийными товарищами, присланными из центра, и именно партийные организации связывают воедино разрозненные рабочие отряды, ведя также борьбу за новую революционную дисциплину.

В то же время в Москве партия создавала и организованный подъем рабочего класса, выставив четкие лозунги борьбы с империалистическим наступлением.

„Я вчера разговаривал по этому же поводу с председателем Петроградского Совета Рабочих и Крестьянских Депутатов тов. Зиновьевым, — докладывал на заседании Московского Совета Троцкий, — и он мне сказал, что Петросовет уже постановил четвертую часть своего состава, т.-е. около 200 членов, отправить на чехо-словацкий фронт, в качестве агитаторов, инструкторов, организаторов, командиров, бойцов.

Вот в этом заключается основное условие перелома, который мы должны создать".

Этот перелом должен был произойти прежде всего в сознании передовой части пролетариата, а затем и широких масс рабочих и крестьянства, для того, чтобы Советская власть могла отразить вооруженное нападение контрреволюции. Если наступление германских войск вызвало уже некоторый подъем среди Питерских рабочих, подъем еще недостаточно сильный, чтобы оказать сопротивление германскому империализму, то теперь, во-первых, уже невозможно было итти на уступки, так как уступать нужно было бы саму революцию, и, во-вторых, чехо-словацкое восстание поставило пролетариат центра под непосредственную угрозу физического вымирания, так как отрезало хлебную Сибирь и Волгу.

Успешно проведенная мобилизация рабочих, родившихся в 1896 — 1897 г., в Москве и Питере была первым массовым показателем того, что перелом произошел.

Тот же Московский Совет, завоевать который 3 месяца тому назад надеялись меньшевики, на заседании вместе с фабзавкомами и Профсоюзами вынес 29 июля

---

[1] См. ст. Тухачевского, „Война и Революция" № 4—5 за 1921 г., а также сборник — „Из истории 1 революционной армии".

резолюцию, провозглашавшую социалистическое отечество в опасности и требующую „подчинить работу всех советских и иных рабочих организаций основным задачам настоящего момента: отражению натиска чехо-словаков и успешной деятельности по сбору и доставке хлеба в нуждающиеся в нем местности".

Новые мобилизации рабочих в Москве и Питере (1893—4 и 5 гг.) и в центральных промышленных губерниях в общем и целом также удались.

Правда, настроение „махнуть рукой на что бы то ни стало" не было еще изжито совсем и не могло быть сразу изжито. На Урале, например, военкомат отказался проводить мобилизации рабочих, боясь усиления антисоветских восстаний, но, во-первых, уральским рабочим не грозило вымирание от голода, и во-вторых, уральские рабочие создали несколько дивизий из заводских добровольческих отрядов.

Кулацкие восстания, толчком для которых послужило выступление чехо-словаков, пробудили болото деревенской пассивности, вызвали к жизни Комитеты бедноты.

Борьба за хлеб, а такое значение имела и борьба с чехо-словаками, потому что задача союзного империализма заключалась в том, чтобы отрезать от России хлебные местности, поставила вопросы классовой борьбы ребром и в деревне.

„Здесь классовая борьба — говорил Ленин 29 июля[1] — подошла к самой глубине источника. Не осталось ни одной деревни, где бы классовая борьба между деревенской беднотой и частью среднего крестьянства, у которого нет излишков хлеба, которое давно их проело, которое в спекуляции не участвовало, — классовая борьба между этим громадным большинством трудящихся и ничтожной кучкой кулаков, классовая борьба эта проникла в каждую деревню".

Колебания крестьянства в этой борьбе были совершенно неизбежны. Но поскольку классовая борьба в деревню проникла, постольку на ряду с кулацкими восстаниями против советов, против хлебной монополии, против организации Красной армии, должно было начаться движение бедноты за советы, за хлебную монополию, за Красную армию.

И на ряду с кулацкими восстаниями в Ярославле, в Тамбове, в Муроме, Арзамасе, Ростове, Рыбинске, Козлове и т. д. появляются такие факты, как съезд деревенской бедноты в Северной области, подтвердивший все мероприятия Советской власти и организовавший Полк Дере-

---

[1] Речь на заседании ВЦИК, т. XV, стр. 397.

венской Бедноты для чехо-словацкого фронта. Подавление кулацких восстаний и появление такого полка, как Полк деревенской бедноты, как и самих Комитетов бедноты: переход эс-эров на единоличный террор (убийство Володарского 20 июня, Урицкого — 29 августа и покушение на Ленина 30 авг.); неудача восстания левых эс-эров 6 июля — все это говорило о том, что кулачеству не удалось потащить за собой от пролетариата все крестьянство.

Правда, применение на практике политики комбедов, заключавшейся в том, что хлеб отбирался у зажиточной и средней части деревни, а товары давались взамен хлеба только бедноте, приводило к тому, что расслоение деревни часто проходило по линии, отделяющей середняка на сторону кулака, а не на сторону бедноты, но так или иначе колебания крестьянства не лишали Советскую власть перспективы создания Красной армии на основах воинской повинности, не только передовой части пролетариата, но и крестьянства.

Частичные опыты мобилизаций в 50 уездах показали, что при условии налаженности военно-административного аппарата и создания крепких кадров из рабочих и коммунистов, а также отрядов, необходимых при проведении мобилизации для применения силы — мобилизация крестьянства возможна.

Подготовка кадров проходила успешно. Двигалась работа и по созданию вонно-административного аппарата. Декрет об учреждении военных коммиссариатов (8 апреля), о всеобщем военном обучении (22 апреля), создание Высшего Военного Совета и при нем будущего ПУР'а (4 марта), учреждение Всероссийского Главного Штаба (8 мая) — эти мероприятия давали возможность практически подойти к созданию Красной армии.

5 Съезд Советов, где вопрос о Красной армии был одним из основных вопросов, подтвердил все эти мероприятия, несмотря на противодействие левых эс-эров, на этом, отчасти, вопросе порвавших с революцией.

„Рабочая и Крестьянская Красная армия должна быть построена так, чтобы при наименьшей затрате сил и средств давать наибольший результат, а это возможно только при планомерном применении всех выводов военной науки, какой она вышла из опыта нынешней войны", говорится в резолюции 5 Съезда и дальше превозглашаются принципы построения регулярной Красной армии на основе мобилизации, привлечения военных специалистов под контролем комиссаров и централизации управления армии.

Эти решения 5 Съезда не могли еще, конечно, создать массовой регулярной армии — для этого нужно было, чтобы в колебаниях крестьянства наметился уже массовый

10*

перелом на сторону Советской власти, тогда как во время 5 Съезда крестьянство переживало еще момент наибольшего кризиса (то, что Ленин называл июльским кризисом).

Но эти решения показывали, что Советская власть на путь создания регулярной армии стала. Партия, проводя эти решения, создавала условия, при которых начинающийся перелом в крестьянстве в военном отношении мог выливаться уже в готовые формы и охватываться организованными кадрами. Красногвардейские отряды первого периода революции этой возможности не давали. Они могли дать и дали рабочие кадры для частей армии, но тем самым они переставали быть красногвардейскими отрядами. Нужно было создавать армию. И нужно было партии пересмотреть вопрос о строительстве армии; так как до сих пор никаких конкретных решений, кроме принципа всеобщего вооружения народа, принципа, направленного на разрушение старой армии — не было. „Пролетариат, писал Энгельс, [1] сможет послать только незначительный контингент в активную армию. Главный источник набора составит крестьянство и люмпен-пролетариат. Это значит, что революции придется вести войну средствами и методами современной военной тактики. Только доктринер может надеяться, что такими средствами можно творить новые комбинации и изобретать никому неизвестные сокрушительные методы“.

Опыт подтвердил это полностью. Опыт показал, что на ряду с красногвардейскими отрядами, созданными заводами, в армии, формируемой не по заводам, в полках, формируемых военкоматами и остатками штабов старой армии, преобладали именно люмпен-пролетарские элементы, и безработица безусловно немало помогла формированию этих полков. Нужно было эти два, совершенно различных типа формирования слить, соединить в одну военную систему, чтобы можно было обеспечить подчинение всех элементов, составляющих армию, пролетарскому государству. Нужно, чтобы было не три типа отрядов — рабочая Красная гвардия, крестьянские партизанские отряды и преимущественно люмпен-пролетарские добровольческие полки. — Нужно было органическое соединение этих элементов в одной военной системе, обеспечивающей дисциплину и пролетарское руководство.

К созданию этой системы и направлены решения 5 Съезда Советов. Оппозиция левых эс-эров решениям партии, проведенным на 5 Съезде, понятна — эти решения уничтожали возможность противопоставления пролета-

---

[1] „Перспективы войны против Священного Союза“. Цитирую по Мерингу, „Очерки по истории войны“, стр. XLVIII.

риату крестьянской армии, крестьянских партизанских отрядов. Эти решения создавали условия, когда начинающийся рост крестьянских отрядов должен был усилить военную систему пролетарской диктатуры, а не создать особую крестьянскую армию.

Практически — эти решения указывали путь подчинения всех частей армии влиянию Коммунистической партии, хотя бы в данной части и не было достаточного преобладания коммунистов. В то же время это преобладание коммунистов и рабочих нужно было обеспечить и в каждой отдельной части, так как только это обеспечивало органическое вхождение части в общую военную систему.

Все эти меры, а особенно прилив рабочих и коммунистических сил, а также новых частей и пополнений, сформированных в тылу — не могли не отразиться на фронте. Фронт почувствовал на себе внимание всей Советской России. Выезд Троцкого на Казанский фронт (8 августа) как бы воплощал в себе тот факт, что на Восток обращено внимание всей партии, и внес в дела фронта ту твердость и решительность, которых не хватало еще частям, отступающим от чехо-словаков и белогвардейцев.

К августу фронт переживал самый тяжелый период борьбы, когда уже сорганизовавшиеся 1, 2 и 3 армии продолжали откатываться, подтверждая на каждом шагу недостаточность организованности и дисциплины.

Измена Главкома восточного фронта — Муравьева грозила свести на-нет и те достижения, которые были. Эта измена была серьезнейшим испытанием для фронта, так как, во-первых, отражала в себе именно то настроение мелкой буржуазии, которое представляло наибольшую опасность и, во-вторых, было проверкой того, насколько сознательно воспринимает фронт приказания своего командования, т.-е. насколько он дисциплинирован в революционном смысле этого слова. Приказ Муравьева о прекращении борьбы с чехами и о совместном с чехами восстановлении германского фронта повис в воздухе. Измена была ликвидирована решительно и быстро. Фронт оказался более стойким, чем та обстановка, которая его окружала, так как в Казани, например, 4-й губернский съезд советов одобрил поведение Муравьева и убийство Мирбаха. [1]

К августу месяцу чехи уже перерезали Волгу, взяли Сызрань, Симбирск и наступали на Казань. На Урале чехи вместе с Сибирскими офицерскими полками гнали 3 армию от Екатеринбурга несмотря на решительное и отчаянное, местами, сопротивление.

---

[1] „Пролетарская Революция“ № 8, 1922 г.

6 августа чехи заняли Казань. Уже в обстоятельствах сдачи Казани были, однако, признаки укрепляющейся боеспособности красного фронта. 5 августа дессант чехов ниже устья, поддержанный обстрелом с Волги, был отбит, несмотря на то, что обстановка в Казани была чрезвычайно тяжелая и в самом штабе снова обнаружилась измена.

6 августа чехи окружили Казань со всех сторон, а в Казани выступила офицерская организация, и наши части отступили на Арск, на Свияжск, а частью в луга. [1]

Кулацко-эсэровская контр-революция была на вершине своего могущества, но вместе с тем и при начале падения. Мобилизация в Сибири вызвала ряд восстаний, которые, как, например, восстание в Славгородском уезде, были подавлены, но не ликвидированы — часть мобилизованных и крестьян ушла в красные партизанские отряды. Бесконечный разгул белогвардейского офицерства вскрыл уже сущность демократических фраз и демократических партий, другой опоры, кроме этого офицерства, не имеющих. Грандиозное избиение рабочих в Казани выявило классовое содержание демократической власти Комитета Учредительного Собрания. Народная армия Учредительного Собрания, достигшая довольно значительной цифры, представляла войска, которые „не имели никакой внутренней спайки и были совершенно негодным материалом“. [2] Между чехо-словацкими войсками и офицерскими отрядами происходили столкновения. [3]

Результатом разложения демократической контр-революции было то, что отступающая 2 Красная армия, организованная из боевых дружин Уфимской губернии, произвела своими силами успешную крестьянскую мобилизацию в Чистопольском, Мамадышском, Елабужском уездах. [4]

Сдача Казани заставила подтянуться наши части, воодушевленные прибывшими из центра коммунистами во главе с Троцким и свежими частями, сформированными в центре.

В состав 5 армии, организованной приказом Троцкого 12 августа, вошли следующие части: 4 Латышский полк, 2 Московский полк, 1 Петроградский отряд, 1 Курский, 1 Брянский, 1 Минский, 1 Московский, 1 Петроградский кавалерийский полки, Вяземская, Ленинская и Гомельская батарея в левобережной группе.

---

[1] См. приказ Троцкого о Латышском и Земгальском полку, „Как вооружались“, т. I, стр. 234.

[2] Утгоф. „Былое“, № 16 за 1921 г.

[3] О положении в тылу белого фронта, см. очерк „Организация контр-революции“.

[4] См. „Сборник трудов ВНО Академии“, т. III. ст. „Борьба за Казань“.

Эти полки, съехавшиеся со всей России, были лучшим доказательством той воли к борьбе, того перелома, который произошел в Советской России.

Приказы Троцкого были проявлением тех организационных решений, которые были приняты 5 Съездом Советов, того стремления к регулярной армии, без которого Советская Россия победить не могла.

„Предупреждаю: если какая-либо часть отступит самовольно, первым будет расстрелян коммисар части, вторым — командир.

Мужественные, храбрые солдаты будут награждены по заслугам и поставлены на командные посты.

Трусы, шкурники и предатели не уйдут от пули. За это я ручаюсь перед лицом всей Красной армии“.

Такие приказы, подкрепленные суровыми карательными мероприятиями и деятельностью крепких отрядов в тылу, как, например, отряд коммунистов под командой Павлова, должны были создать и создали то чувство ответственности и обязательности, которого не хватало частям красного фронта.

„Подавляющее большинство революционых солдат — пишет Троцкий в приказе от 30 августа,—давно требовало беспощадной расправы над изменниками. Ныне Советская власть от предупреждения перешла к делу. Вчера, по приговору военно-полевого суда 5 армии восточного фронта, расстреляны 20 дезертиров“.

В разлагающейся армии такие приказы и такие мероприятия вызвали бы усиление развала; в крепнущей армии они сыграли роль последнего толчка к победе, доказательством чему служит героический выход 5 армии из окружения и переход в наступление вместе с подкрепленной мобилизацией и пополнениями 2 армией.

23 августа чехи понесли поражение под Николаевом и Ново-Спасской, первое поражение, которое не осталось единичным, а было использовано Красной армией и превращено в быстрое наступление по всему фронту. 10 сентября взята Казань, 12 сентября Симбирск и Вольск, 7 октября чехи разгромлены в районе Самары — Инзы — Симбирска, 8 октября взята Самара, к 1 января — взята Уфа.

„Как только наши части почувствовали связь друг с другом — писал Троцкий („По поводу победы“), — каждая часть приобрела уверенность в том, что ни справа, ни слева от нас отступления не будет, что командование преследует определенный целесообразный план, — все подлинные качества революционной армии, энтузиазм, порыв, героизм проявились наружу в полном своем объеме. На наковальне войны мы сейчас выковываем армию перво-

классного качества. Можно сказать, что, если бы чехословаков не было, то их следовало бы выдумать, ибо в обстановке мирного времени нам никогда не удалось бы создать в короткий срок сплоченной, дисциплинированной, героической армии".

Насколько много еще кустарничества было в этой армии, показывает тот факт, например, что Троцкому при организации 5 армии приходилось издавать целый приказ о том, чтобы снабдить армию 3 пишущими машинками, что никакого регулярного снабжения армии еще не было, что Троцкий говорил о пополнениях армии, что „эти пополнения нам должны посылаться из тех же мест, откуда посланы основные части, так, чтобы тульский рабочий и крестьянин вливался в свой Тульский полк, владимирцы — во Владимирский и т. д. Пополнение, как и формирование, будет у нас итти непосредственно под неприятельским огнем".

Такая система пополнения далека еще, конечно, от системы регулярной армии, как и наша армия далека еще была от того, чтобы уже стать армией регулярной.

Однако, все данные для создания такой армии были налицо и развивались вместе с победами Красной армии. Эти победы не убили еще контр-революцию, но создали основу для массового уже привлечения крестьянства на сторону пролетариата, особенно когда на смену кулацко-демократической контр-революции пришла открытая буржуазно-помещичья контр-революция и большая интервенция с блокадой союзного империализма.

НОЯБРЬ 1918 ГОДА.

1. Германская оккупация и казацкая контр-революция. Краснов и его наступление. Особенность войск южного фронта. Организация южного фронта. Протест партизанщины. Миронов. Сорокин. Автономов. Каспийско-Кавказский фронт. 2. Разложение донской контр-революции. Перелом в крестьянстве. X армия. На Украине. Петлюровское и советское движение. Украинская дивизия. 3. Германская революция. Отступление Краснова. Бегство Скоропадского. Поражение Петлюры. 4. Революционная волна на Западе и Сов. Россия. Наступление в Бессарабию. Наступление в Прибалтику.

Германская оккупация вызвала новый подъем контрреволюционного движения на Дону и Украине. Она означала не только захват Дона и Украины немцами, но и новое обострение классовой борьбы, так как, с одной стороны, буржуазия получила мощную поддержку со стороны германских войск и патриотизм не помешал ей эту поддержку принять и ею воспользоваться; а с другой стороны, оживление контр-революции вызвало усиление революционного движения среди крестьянства, поднимающегося на борьбу против германской и русской контр-революции.

Первым результатом германской оккупации было оживление не только буржуазно-помещичьей, но и казацкой контр-революции. Если наступление Красных войск послужило толчком к организации и активности беднейшего крестьянства Дона и Кубани, что выразилось в создании крестьянских военных организаций, то германская оккупация усилила противоположное движение в деревне.

Именно германская оккупация послужила толчком для восстаний казачества против Советской власти на Дону.

Уже в марте 1918 г. поднимается казацкое восстание в Ейском округе, а в Лабинском, Баталпашинском, Майкопском и Кавказском отделах, т.-е. там, где особенно сильно было революционное движение иногородных и беднейшей части казачества, возникают контр-революционные организации, готовящиеся выступить и согласую-

щие свою работу с Добровольческой армией, скитающейся на Кубани и Дону.

По мере приближения германских войск, все эти организации становятся активнее, и уже 1 апреля казацкие отряды занимают Новочеркасск и 5 дней идет здесь борьба с красными частями.

Донские отряды, загнанные красными частями в Сальские степи, выходят оттуда, вырастают, объединяются и начинают подступать к Новочеркасску.[1]

Вместе с немцами двигается из Румынии офицерский отряд Дроздова, находящийся, как пишет Деникин, в состоянии нейтралитета с германскими войсками. Этот нейтралитет выражается в том, что немцы пропускают отряд Дроздова туда, куда им нужно, и в то время когда немцы занимают Ростов, отряд Дроздова приходит в Новочеркасск, уже частью занятый казацким отрядом Денисова (25 апреля).

В Новочеркасск, оставленный красными частями, отступающими от немцев, приходят из Сальских степей и из-за Дона отряды, под командой Денисова, Полякова и Семилетова, которые не скрывают, как пишет Суворин,[2] своих немецких симпатий. На почве кулацкого движения и германской оккупации создается снова Донское правительство, во главе с выбранным на „Круге Спасения Дона“ атаманом Красновым.

„Что будет в России и какова она будет — пишет про себя Краснов[3] — он не думал“. Независимый Дон — независимый от Советской России — вот политический лозунг Краснова.

В письме к Вильгельму Краснов излагает свою „внешнюю“ политику в следующих пунктах:[4]

1. Независимый Дон с включением Таганрога, Царицына и Камышина.
2. Уплата большевиками по требованию Германии издержек Дону.
3. Устройство Германией на Дону пушечных и других заводов.
4. Провоз и ввоз из Германии ряда продуктов, оборудование производств и т. д. Вывоз в Германию с Дона хлеба, кожи, табаку, скота и пр.
5. Нейтралитет в войне между Германией и Антантой.

---

[1] См. Деникин, Очерки, т. II.
[2] Суворин, „В борьбе за Родину“.
[3] Архив Русской Революции, № 5.
[4] См. „Сборник трудов ВНО Академии“, кн. II, ст. Лямина.

О своей внутренней политике Краснов пишет: Законы Краснова — „почти копия основных законов Российской Империи“. „Нужна настоящая армия, а не партизаны, не добровольцы или дружинники, армия *старого режима*“.[1]

„Независимость“ Дона от Германии достаточно полно выясняется из следующей телеграммы германского представителя фон-Кохенгаузена, полученной военным министром Донского правительства во время перевыборов атамана:

„Его превосходительству.

По поручению высшего командования, имею честь сообщить Вам следующее: происшедшее за последние дни показывает, что на Круге имеется стремление ограничить власть Атамана, в виду чего имеется опасность, что будет образовано правительство со слабой властью, которое не сможет в достаточной мере противостоять многочисленным внутренним и внешним врагам Донского Государства. Так как, с другой стороны, высшее командование может находиться в хороших отношениях только с таким государством, которое по конструкции своего правительства даст уверенность быть сильным и защищать свою свободу, оно видит себя вынужденным до тех пор, пока это обстоятельство является сомнительным, временно воздержаться от всякой поддержки оружием и снарядами. Применение этого решения продолжится до тех пор, пока не будет выбран Атаман, в котором высшее Германское Командование будет уверено, что он поведет политику Донского Государства в направлении, дружественном Германии, и который будет облечен Кругом полнотой власти, необходимой для настоящего серьезного момента. Я прошу Ваше Превосходительство сообщить об этом еще сегодня же Его Высокопревосходительству Донскому Атаману, к которому высшее Германское Командование питает самое полное доверие, а также сообщить господину председателю Совета министров ген.-лейт. Богаевскому.

Фон-Кохенгаузен“.[2]

Одного, последнего придаточного предложения, „к которому высшее Германское Командование питает самое полное доверие“ было достаточно, чтобы ликвиди-

---

[1] Архив Гессена, 5. Курсив Краснова.
[2] См. Архив Гессена, т. VI. „Воспоминания“ Лукомского.

ровать оппозицию Краснову на Круге, ибо одной поддержки кулачества было недостаточно для сохранения независимости Дона от революции. И это со всей неизбежностью исторического развития толкало донскую контр-революцию в объятия германского империализма, того империализма, который мог сейчас, немедленно оказать помощь.

С такой же неизбежностью вытекало, с другой стороны, и стремление выйти за пределы своей области, так как независимость Дона была только удобным лозунгом для борьбы с революцией, лозунгом кулацки-ограниченным, нелепым, так как нелепо было думать о сохранении капиталистических отношений на Дону без уничтожения Советской власти в России. Тяготение к соседнему империализму, с одной стороны, и к наступлению на Москву, с другой — вот что должно было скрываться за лозунгом независимости Дона.

Уже 20 мая Краснов пишет письмо Деникину, в котором просит его бросить Кубань и итти вместе на Москву.[1]

Законы Российской Империи, отнюдь не предполагали существование независимого Дона, а ведь именно этими законами руководился Краснов, опиравшийся на самостийническое движение зажиточного казачества. В этих противоречиях между великодержавностью Российской Империи и независимостью зависимого от Германии Дона запуталась с самого начала донская контрреволюция.

Деникин отказался присоединиться к Краснову, так как чувствовал ненадежность близкого, но уже гибнущего германского империализма, с одной стороны, и самостийно-кулацкого Дона, с другой, и ушел на Кубань дожидаться более благоприятных условий.

Казачество при первом выступлении за пределы Донской области проявило свою классовую, кулацкую сущность и нежелание воевать за Московский престол.

Идея „без аннексий“ — пишет один из донских контрреволюционеров[2] — и здесь быстро подхвачена казаками, пришедшими с германской войны и среди них начали ярко проявляться признаки разложения, нашедшие выражения в митингах“.

Однако Краснову под лозунгом независимости Дона удалось провести мобилизацию 25 возрастов казачества и к зиме 1919 года создать армию в 31 тысячу бойцов плюс 20 тысяч молодых, составляющих кадры постоянной

---

[1] См. Г. Покровский, „Деникинщина“.
[2] См. „Кр. Армия“ № 13, ст. „Роль Красного Царицына“.

Донской армии.[1] Опираясь левым флангом на границы германской оккупации ему удалось выйти на железную дорогу Лиски — Таловая, окружить Царицын и подойти почти к Камышину.[2]

Наступление Краснова происходит в тот момент, когда все внимание Советской России направлено на чехославацкий фронт, и когда южный фронт предоставлен самому себе.

Троцкий так говорил о южном фронте:

„На южном фронте наша армия складывалась другими путями, чем на первых двух фронтах. Противник здесь другой и ход военных операций развертывался иначе. До последнего времени южный фронт был, так сказать, нашим пасынком, к нему относились спустя рукава...

Вторая сторона заключается в самом процессе образования частей, сейчас занимающих наш южный фронт. В значительной мере, это — выходцы из Украины, из Донской области, из Кубани, с Северного Кавказа. Есть превосходно обстрелянные части, которые прошли суровую школу испытаний во время партизанской войны. У них есть командиры, которые разделяли с ними все невзгоды, бедствия и все заслуги боев в течение многих месяцев и на Украине, и на Дону, и на Северном Кавказе, но, вместе с тем, эти части несли в себе больше всех остальных наших частей на других фронтах и сейчас еще от этого не излечились — отрицательные черты партизанского периода войны“.[3]

Именно поэтому южный фронт наиболее четко отразил в себе тот процесс борьбы с партизанщиной за подчинение красных частей руководству пролетарского государства, который переживала и вся Красная армия.

Здесь, прежде всего, интересно то, что целый ряд частей является чистейшим продуктом расслоения деревни в процессе гражданской войны, как, например 1 Мартыно-Орловский Крестьянский полк. История этого полка (позже 15 Кавказский полк) есть история привлечения крестьянства к активному участию в гражданской войне.

В то время, когда добровольцы совершали свой первый Кубанский поход, в станицах Платовской и деревнях Орловке и Мартыновке крестьяне и часть казаков самомобилизовались для защиты своих деревень от белых. Революционные отряды, возникшие в этих деревнях, сталкиваются не только с Добровольческой армией, но и с дру-

---

[1] Архив Гессена № 5, ст. Краснова.
[2] См. схему.
[3] Доклад на VI Съезде Советов 9 января 1918 г.

гими, более зажиточными контр-революционными станицами, разоружают несколько таких станиц, но в июле оказываются окруженными казаками в слободе Мартыновке. Революционная слобода Мартыновка, объединившая часть казаков станицы Платовской и крестьян Орловки, выдерживает целую осаду зажиточного казачества и освобождается подоспевшим на помощь сформировавшимся таким же путем отрядом Думенко. Освобожденные от осады, эти отряды бросают свои деревни и отступают к нашим частям, объединяясь по дороге в 1 Мартыно-Орловский Крестьянский полк.

Точно так же и отряд Думенко возникает в казачьих станицах в противовес контр-революционному движению казачества и, когда приход немцев делает невозможной борьбу в своем Сальском округе, уходит к нашим частям и сливается с ними. Продуктом расслоения казачества является и отряд Миронова, сформированный в районе реки Медведицы, где формировались также контр-революционные донские отряды.

Отряды Красной гвардии и крестьянские партизанские отряды, воевавшие с немцами и отступившие за пределы германской оккупации, располагаются на границе оккупации и остаются здесь, поближе к своей местности. Отряды Кивкидзе, расположившиеся в мае в с. Филоново, отряды Сиверса — в с. Алексиково, Селиванова — в с. Урюпино — все эти отряды, потерявшие черты Красной гвардии, благодаря впитыванию в себя целого ряда мелких крестьянских отрядиков, но в силу этого сохранившие все черты партизанских отрядов — каждый сам по себе принимают удары наступающих Красновских войск.

На ряду с этим за пределами германской оккупации военкоматы формируют местные полки, куда крестьяне начинают итти, так как опасность наступления германского помещика близка и очевидна. Так формируются части в Бирюче, в Волчанске, в Боброве, в Калаче, в Острогожске. Александрово-Грушевские рабочие отряды, отступившие от немцев, составляют свой Александрово-Грушевский полк.

Боевая работа выдвинула в каждом отряде командира, часто типичного крестьянского вождя, которому отряд верил, как своему вождю-организатору, за которым шел, вокруг которого объединялся. От отношения этого командира к организационным мероприятиям центра зависело и отношение к ним всего отряда.

Привить сознание необходимости назначенного командного состава, не только неизвестного, но часто и чуждого по духу солдатам отряда, да еще пользующегося привилегиями, было чрезвычайно трудно. И еще труднее было

производить какие-либо переброски, особенно на другие фронты, так как каждый шел из своей деревни защищать свою деревню, шел добровольно и считал, что никто не может его, добровольца, заставить воевать там, где он воевать не желает. Объединенные земляческим признаком, каждый крестьянский отряд естественно считал себя самостоятельным отрядом — отрядом своей деревни, округа.

„Свести эти части в регулярные соединения — правильные единицы, дивизии нормально действующей централизованной армии — докладывал Троцкий — было трудно. Для подобной задачи необходимо было большое количество советских работников-коммунистов, закаленных деятелей революции, и мы в этом случае вторично, товарищи, кликнули клич Петроградскому и Московскому Советам, с указанием, как крайне важно и нужно дисциплинировать, объединить южный фронт по образцу Восточного. И опять Петроградский и Московский Советы дали нам многие сотни работников на южный фронт“.[1]

На южный фронт перебрасываются сформированные в тылу, вокруг остатков полков старой армии Кексгольмский и Литовские полки, составившие с частью гвардейской артиллерийской бригады Воронежскую дивизию. Эти полки и дивизия формируются уже по штатам, изданным в мае Высшим Военным Советом Республики (приказ № 294). Имеющие в основе своей сохранившиеся революционные кадры старой армии и примкнувший к революции старый командный состав и пополненные коммунистическими силами, — эти части уже резко отличаются от частей, составлявших южный фронт.

В ноябре сюда же перебрасываются еще более крепкие, чисто рабочие части, сформированные в Москве из мобилизованных рабочих: Московская Свободная бригада (позже 14 дивизия) и 1 Московская дивизия (позже — 15 дивизия). Эти части прибывают на фронт уже с готовым политическим аппаратом, чего не знали отряды фронта. При формировании их московские райкомы выделяют в них коммунистов и формируют политотделы. В каждой роте имеется партийная ячейка, ротный агитатор и даже, выдвинутый ячейкой, ротный комиссар. Пролетарский состав дивизии и правильная ее организация обеспечивают от партизанщины. Эти части, а также присланная с восточного фронта Инзенская дивизия являются основой для формирования 8 и 9 армий, объединенных штабом южного фронта.

„Главная причина ваших прошлых неуспехов в том — пишет в своем приказе Троцкий — что отдельные отряды

---

[1] Там же.

(бригады, дивизии) действовали вразброд, без связи, без общего командования, наступали и отступали по собственному усмотрению. Бывало даже не раз, что командиры отдельных отрядов не выполняли боевых приказов, шедших сверху. Этот пагубный, преступный образ действий будет отныне уничтожен с корнем. Во главе всех армий южного фронта поставлен Революционный Военный Совет, состав которого в настоящий момент таков: командующий фронтом П. П. Сытин, Народный Комиссар А. Г. Шляпников, Член Революционного Военного Совета Республики А. К. Мехоношин и бывший Член Коллегии Народного Комиссариата по Военным Делам П. Лазимир.

Командующий П. П. Сытин, опытный боевой военачальник, на деле доказал свою верность рабочей и крестьянской революции; товарищи Шляпников, Мехоношин, Лазимир — старые испытанные борцы за дело рабочего народа. Этот Совет стоит во главе всех армий южного фронта. Все приказы и распоряжения Совета подлежат безусловному и немедленному исполнению. Командиры и комиссары, которые осмелятся нарушать дисциплину, будут, независимо от прошлых заслуг, немедленно преданы суду Революционного Военного Трибунала южного фронта".

Создание РВС, этого непосредственного представителя Советской власти и Коммунистической партии, присылка в части комисаров и коммунистов, а в армию рабочих дивизий — этими мероприятиями отряды фронта брались под руководство пролетарского государства.

И подобно тому, как решение Съезда Советов о создании регулярной армии встретило сопротивление со стороны партии левых эс-эров, отражающей мелкобуржуазную стихию — подобно этому и превращение партизанских частей в регулярную армию вызвало сопротивление со стороны в значительной степени крестьянских партизанских отрядов южного фронта.

В Логовской группе отрядов, составленных из Шацкого, Борисоглебского и Кирсановского отрядов, приказ о переформировании в полки вызывает сильнейшее брожение и отряды требуют отправки для переформирования в свои города.

Начальник, пытающийся успокоить отряды, объявляется старорежимником и контр революционером, арестовывается Кирсановским отрядом и везется в тыл. Едут все „в свой город спасать революцию". [1]

Характерную резолюцию выносит полковой совет 6-го Карачанского полка, сформированного из крестьян

---

[1] „Воспоминания" Чернецова. Сборник воспоминаний непосредственных участников гражданской войны. Изд. ВВРС.

Карачанского уезда Курской губ. и вышедших из Украины повстанцев. [1]

„Резолюция полкового совета 6 Карачанского Советского полка по поводу оклада жалованья по штату полка. Полковой совет обсудил оклад жалованья штату полка и вынес следующую резолюцию. Решено принять самые решительные меры против этого оклада жалованья; так могут и даже будут большие беды и может разойтись вся армия 6 Карачанского полка, а она в настоящее время так необходима; беря же во внимание таковую необходимость по настоящему времени, оклад жалованья, как-то все красноармейцы вместе с полковым советом получают по 150 р. в месяц, а командные лица, начиная с отделенного и кончая командиром полка, комиссаром и т. д. получают от 350 до 700 р. Видно из этого, что высшие инстанции г. Курска слишком увлекаются капиталом для своего кармана, а поэтому полковой совет 6 Карачанского полка просит немедленно Совет Народных Комиссаров принять самые решительные меры к изменению этого оклада жалованья и сам пошлет своих делегатов в г. Курск по воле Народной Армии для спасения революции и самой же резолюции. В противном случае совет за дальнейшие последствия полка не отвечает.

Председатель полкового совета Колесников.

Эта резолюция была мирным проявлением протеста против регулирующих мероприятий центра. В том же полку, переформированном позже в 5 Курский полк, идет большая организационная работа: организуется, по инициативе местной парторганизации полковой комитет РКП, зарегистрированный, как самостоятельный орган в ЦК партии, выбирается партийный суд. Полковой совет разбивается на 3 секции: контрольно-хозяйственную, культурно-просветительную и следственную и работает под руководством партийной организации; организуются ротные советы и суды, полковой суд и т. д.

Все это строится, однако, на чисто партизанско-демократических началах и полк остается добровольческим партизанским полком. 4 рота, сформированная вся в одной деревне, вместе с командиром роты — однодеревенцем, при подходе к своей деревне, бросается одна самочинно в наступление; а при переброске на восточный фронт полк тает — уходить от своих деревень не желают и дезертируют. В этом дезертирстве при перебросках от своей

---

[1] См. „Историю 15 Сивашской дивизии".

местности ярче всего отражается партизанский характер частей, даже таких как Буденовская конница. [1]

Требование подчиниться высшим органам командования вызывает целый ряд восстаний крестьянских вождей — командиров, иногда, как это было с Сахаровским отрядом, увлекающих за собой против Советской власти и свой отряд. [2]

Миронов, поднявший позже восстание против Советской власти, писал в своих воззваниях: „Всякое вмешательство сомнительных коммунистов в боевую воспитательную сферу командного состава считаю недопустимым“.

„За Красной армией шла другая армия, армия политических работников, армия коммунистов, под различными наименованиями: ревкомов, особых отделов, политотделов, политкомиссаров, ЧК, РВТ, и каждый из них был наделен правом расстреливать, казнить, резать и жарить. Все это шли строители коммунистической жизни, коммунистического рая. И, действительно, эта тыловая армия начала „строить“ жизнь на Дону по коммунистическому способу. Как „строители“, они одновременно считали своим правом вмешиваться в оперативные вопросы“.

И этим Миронов объясняет то, что „до г. Новочеркасска, столицы контр-революции, осталось только шагнуть, но не тут-то было“. [3]

Интересный материал для характеристики того же процесса борьбы за регулярную армию дает история Северо-Кавказской армии, отрезанной на Кубани германскими добровольческими и Красновскими войсками.

На Кубань наступали: от Ростова на Батайск и на Таманский полуостров—немцы, с Дона—Добровольческая армия, ставящая себе целью очистить Кубань от большевиков и создать здесь опору для новых формирований; с Кавказа двигалась дивизия меньшевистской Грузии для занятия Сухумского и Сочинского округов; в августе, в Новороссийске был высажен немецкий дессант; в станицах поднимались кулацкие восстания.

Красные части Кубанского ревкома, пытающиеся оказать сопротивление немцам, отрезаны в Тихорецкой

---

[1] По неопубликованной истории Буденовской армии, составленной Начштаба, при одной из перебросок дезертировало почти 50%.

[2] О Сахаровском отряде у меня имеется только написанное, довольно спутанное воспоминание одного из участников. А между тем, Сахаровское восстание чрезвычайно характерно для той борьбы, которую вела крестьянская стихия против организующих мероприятий пролетарского центра.

[3] Смилга, „Военные очерки“ Эта сторона Мироновского восстания характерна для этого периода, хотя восстание произошло позже.

добровольческими частями и пробивались к остальным частям Кубани, ведущим борьбу с добровольцами.

Таманская армия, составившаяся из крестьянских военных организаций Таманского полуострова, отрезана добровольцами от остальных частей Кубани и Северного Кавказа и самостоятельно начинает свой знаменитый Таманский поход через Туапсе на Ставрополь, где соединяется с другими частями, и дальше через Астраханские пески идет к частям Советской России. К середине сентября белые занимают Екатеринодар, Новороссийск, Туапсе, Тихорецкую, Кавказскую, Ставрополь и Баталпашинск и тем отгоняют Кубано-Черноморскую Советскую власть со всей ее армией от всех крупных и важных пунктов. Уже перед самой сдачей Екатеринодара в июле месяце Советские республики, а такие возникли почти во всех областях, объединяются и на 1 Северо-Кавказском Съезде Советов создают общий ЦИК для Кубани, Терека, Черноморья и Ставропольской губ. ЦИК назначает командующим всеми войсками выдвинувшегося в партизанской борьбе командира Сорокина.

И при первой попытке центра охватить своим влиянием войска Северного Кавказа, Сорокин поднимает восстание против Советов. В этом сорокинском восстании характерно нежелание командующего подчиниться организующему влиянию центра и назначенному РВС, в состав которого Сорокин входит в качестве командующего. Именно приезд из Центра тов. Полуяна с докладом о том, как строится уже регулярная армия в центре, и с заданием провести те же принципы построения армии на Северном Кавказе служит поводом для восстания Сорокина, расстрелявшего нескольких членов Президиума Кавказского ЦИК'а.

Не менее характерна авантюра командующего Кубано-Черноморскими войсками (до объединения Северного Кавказа) Автономова. Интересно, что Автономов остался верен Советской власти и потом уехал в Москву, продолжая работать в Красной армии. Но выросший на почве партизанщины, он, партизанский вождь, не желал подчиняться кому-бы то ни было. Первое столкновение с Автономовым происходит из-за организации Чрезвычайного Штаба Обороны, созданного Кубано-Черноморским ЦИК'ом, по существу с теми же целями, с какими созданы и Ревсоветы — ограничить личную власть командующего и обеспечить его подчинение органам власти. Когда же из центра присылается военный руководитель Снесарев, Автономов пытается опереться на „свои“ фронтовые войска против Советов, для чего созывает фронтовый съезд, где находит поддержку своим требованиям.

„Если я не получу ответа к 4 часам дня — ультимативно требует Автономов — то вышлю в Екатеринодар войска для занятия города и для наведения в нем истинно-революционного порядка“. [1]

Эти оба восстания чрезвычайно характерны для армий, не охваченных еще влиянием пролетарского государства, крестьянских по своему составу и дающих в силу этого почву для антисоветских выступлений партизанских вождей. Таких выступлений знает не мало история южного фронта, где в силу особых причин, — главной из которых является самостоятельная организация крестьянских частей, возникших стихийно и не охваченных еще руководящим влиянием пролетариата, — с партизанщиной, с ее местничеством, с ее командирами-вождями (в мелко-буржуазном значении этого слова), с ее мелко-буржуазным анархическим демократизмом пришлось вести особенно трудную борьбу.

Интересна в этом отношении судьба XI и XII армий. Эти армии вели борьбу в районе Моздок — Кисловодск — Пятигорск — Петровское — Дивное [2] с отрядами Бичерахова, занимавшими Владикавказскую железную дорогу, и с добровольческими частями, наступавшими от Ставрополя. Эти части оттянули на себя почти всю белую Кавказскую армию, когда южный фронт вел борьбу с Красновскими войсками. Но, лишенные достаточного влияния рабочих центров, они не сумели справиться с партизанщиной, разъедавшей их не меньше, чем голод и болезни в Астраханских песках, где, отступая, погибли почти целиком. [3]

В то же время части южного фронта, получившие подкрепление рабочими дивизиями и коммунистическими силами, крепли и все более приближались к состоянию регулярных частей. Партизанщина, все еще разъедавшая южный фронт, становилась менее заметной, когда высшие органы фронта могли противопоставить ей дисциплинированные части. Уже при отступлении паника и дезорганизация начали уступать свое место стойкому сопротивлению.

На левом фланге Красновского фронта им была организована, по прямому приказу немцев, „Южная Армия“ Иванова, составленная из мобилизованных крестьян и возглавляемая открытыми монархистами, нисколько не скрывавшими своих целей — вернуть помещичью землю

---

[1] См. о восстании Сорокина и Автономова: Ладоха „Гражданская война на Кубани“, изд. Кубанского Истпарта.

[2] См. схему.

[3] См. „Кр. Армия“ № 14 — 15, ст. „Экономика и стратегия“.

и зверским образом расправлявшимися с крестьянством. Результаты действий этой армии сказались очень скоро— отпор, оказанный крестьянством, оказался настолько силен, что в феврале 1919 года Краснов принужден был эту армию расформировать. Опыт мобилизации крестьян оказался неудачным. [1] Крестьянство с белыми уже не шло и все решительнее становилось на путь борьбы с белогвардейцами под руководством пролетарского государства.

На другом фланге, где Краснов сосредоточил ударную группу, на Царицынском участке, у нас организовалась X армия, сумевшая отстоять Царицын, 2 раза окруженный белыми. Царицын сыграл роль пролетарского центра, выделившего военный штаб для объединения тех отрядов, которые с Украины, Дона, Северного Кавказа выходили к Царицыну. Уже в конце мая 1918 года Штаб обороны, во главе с Туляком и Ворошиловым, объединил целый ряд мелких отрядов. В августе Штаб обороны переформировывается в Военный Совет с присланным из центра тов. Сталиным, а в ноябре все части, объединенные Царицыным, сводятся уже в регулярные соединения и составляют X армию.

Не обошлось и здесь без сопротивления со стороны партизанских частей, и в самом Царицыне поднял восстание украинский отряд Потапенко, не желавший подчиниться приказу о переформировании. Но наличие нескольких здоровых частей давало возможность подчинить себе сопротивляющихся партизан.

Царицын сумел выдержать первое окружение Красновских войск в октябре 1918 г. и второе — в январе 1919 г. и тем не дать возможность Краснову развивать свое наступление.

Особенно большое, и политическое и военное, значение имело наличие в X армии красных конных частей. Здесь создается конница Буденного, сформированная из красных казачьих отрядов Думенко и Буденного и конных крестьянских отрядов Ставропольской губернии, Апанасенко. Военное значение формирования Красных конных частей было огромно, так как преобладанием конницы в значительной степени побеждал Краснов.

Конница, по самому существу своему, род войска, свойственный зажиточному населению степной полосы. И именно в этом заключалось политическое значение появления в Красной армии конных частей. — Это было проявлением того, что уже не только беднейшее крестьянство, в частности казачество, идет к Советской

---

[1] См. Деникин, т. II, „Кр. Армия“ № 13, ст. „Роль Красного Царицына“.

власти, идет в Красную армию. Точно так же, как и переход на нашу сторону нескольких казачьих Красновских частей — развал в Красновских войсках — это было отражением того нового процесса в крестьянстве, которым ознаменовался период конца 1918 и начала 1919 г., — процесс массового перехода середнячества на сторону пролетариата.

Этот процесс особенно ярко проявился в пределах германской оккупации, где появление помещика, прикрытого германскими штыками, снова заставило деревню подняться на борьбу с общим врагом всего крестьянства — помещиком.

Приказ германского командования о недопустимости захвата земли, об отдаче $^{1}/_{4}$ урожая засеявшими помещичью землю помещикам и о том, что в будущем году засев может производиться только собственниками земли, достаточно ясно вскрывал классовую сущность германской оккупации.[1]

Политически эта сущность оккупации выразилась в разгоне мелко-буржуазной Рады и в провозглашении власти гетмана Скоропадского, выдвинутого земельными собственниками, торгово-промышленниками и финансистами. Это установление буржуазно-помещичьей германско-русско-украинской диктатуры, имеющей первой своей задачей выкачивание хлеба в Германию и возвращение земли помещикам, привело к тому, что Украина покрылась целой сетью крестьянских восстаний и крестьянских партизанских отрядов.

Группа в 14 человек Махно, весной 1918 года произведшая удачное нападение на немецкий дозор, к сентябрю месяцу вырастает до 400 человек.[2] Отряды Зеленого, Струка, Григорьева и многих других возникают на Украине во время германской оккупации как протест не только беднейшего, но и зажиточного крестьянства против помещичьей диктатуры. Все это движение проходит под разными лозунгами, но все объединяется одним — враждой к помещику. Эта общая вражда скрывает на время различные тенденции движения. Они выявляются иногда в самых противоречивых и запутанных формах.

В отряде Струка, например, за время с января по март несколько раз меняются лозунги восстания, отражая в себе эти противоречивые тенденции. Воззвание 27 января говорит о борьбе за батьку Петлюру, 16 февраля выпускается воззвание уже за подписью не только Струка, но и поли-

---

[1] См. Сумский, „Одиннадцать переворотов“. „Летопись Революции“ т. I. и Рафес, „Два года Революции на Украине“.

[2] Лебедь, „Уроки и итоги 3-х лет анархо-махновщины“.

тического комиссара Бусяцкого и сотрудника Центрального Бюро коммунистических организаций оккупированных местностей Георгиевского, где крестьянство призывается поддерживать „борющихся бедняков в лице Советской власти, которая единственно только пришла на помощь и выручку нас, как братьев на Украине“.

Позже снова лозунг „Вся власть народу, да здравствует РСФСР, мир хижинам, война дворцам, да здравствует Интернационал“ сменяется лозунгом — „за батьку Петлюру“.[1]

Однако и Петлюровское движение проходит под самыми демократическими лозунгами, вплоть до лишения политических прав имущих, что безусловно является отражением революционного настроения крестьянства. Кроме того, даже такие лозунги не удовлетворяют, и как результат давления крестьянства и рабочих, социалистические партии Украины 28 декабря, вскоре после того как Петлюра занял Киев, выносят решение о свержении директории.[2]

Тяга колебаний к Советской власти выражается особенно отчетливо в том, что целый ряд отрядов с Украины пробирается к границе Советской России, где целиком отдается под организующее влияние коммунистических организаций. Так пробираются возникший в Таращанском уезде отряд Богунского, возникший в Черниговщине — отряд Крапивянского, возникший в Полтавщине — отряд Коцюбинского.[3]

Киевский штаб большевиков объединяет повстанческое движение в Каневском, Богуславском, Таращанском и Киевском уездах, а центральный повстанческий комитет рассылает инструкторов по всей Украине и объединяет отряды, выходящие за границу Украины.

В нейтральной зоне из повстанческих отрядов формируются крестьянские украинские полки: Богунский, Таращанский, Новоград-Северский и 1 кавалерийский, составившие 1 Украинскую дивизию под начальством руководителя таращанских партизан — Крапивнянского, и 5 Глуховский, 6 Карачанский, 7 Суджанский и 1 Червонный, объединенные во 2 Украинскую дивизию под командой Ауссем.

В январе 1919 года эти дивизии реорганизуются по общим для Советской России штатам, в них формируются политотделы, назначаются командиры и комиссары.[4] Эти части становятся вполне советскими полками и дивизиями

---

[1] Раковский, „Борьба за освобождение деревни“.

[2] См: Рафес, „Два года революции“.

[3] См. Майоров, „Очерки из истории революционной борьбы на Украине“.

[4] См. ст. Примакова в „Сборнике статей к 5 годовщине Кр. Армии“ изд. ВВРС, и „Историю 46 дивизии“.

и готовятся к тому, чтобы с советскими лозунгами вернуться на Украину.

Массовый переход крестьянства на сторону пролетариата привел к разложению донской и украинской контр-революции. Революция в Германии уничтожила ту поддержку, без которой контр-революция существовать и бороться с Советской Россией не могла.

Разложение немецких войск носило почти те же черты, что и разложение русской армии в феврале—октябре 1917 года. „Домой, на родину“—этот лозунг стал господствующим в германской армии и советы немецких солдатских депутатов готовы были служить любой группе, будь то самая реакционная, если только она бралась обеспечить это возращение“.[1]

„Самостийность“ Украины гетмана Скоропадского кончилась вместе с германской революцией, так как кабинет министров распался и власть, фактически, перешла к представителю Добровольческой армии, генералу Келлеру.

Краснов, лишившись германской поддержки, стал отступать под давлением Красной армии, перешедшей в январе 1919 года в общее наступление и к маю, вышедшей на линию железной дороги Зверево — Дебальцево, правым флангом вышедшей к морю, западнее Таганрога и левым флангом продвинувшейся за Великокняжескую.

На Украине наступлению Красных войск предшествовало восстание Петлюры, пытавшегося вырвать украинское повстанческое движение из-под влияния Советской власти и при поддержке новых господ — союзников укрепить на Украине власть директории. Дессант союзников в Одессе и передача железнодорожных линий Одесса — Раздельная — Тирасполь, Одесса — Аккерман, Одесса — Николаев в ведение французского командования, вот что скрывалось за декларацией директории о том, что „директория всеми силами будет отстаивать независимость республики украинского народа“.[2]

„Всякая агитация и пропаганда лозунгов бывшего гетмана и федерации будет директорией караться по законам военного времени“ — говорилось в декларации директории, а в договоре с союзниками первый пункт говорит, что „директория УНР входит на федеративных началах в состав возрождающейся единой и неделимой России“.[3]

Но для „возрождающейся единой и неделимой России“ директория с ее „трудовым конгрессом“ и с лишением

---

[1] Рафес, „Два года“.
[2] См. Рафес, см. Лукомский в Архиве Гессена, т. VI.
[3] См. Кольцов, „Петлюровщина“.

политических прав имущих классов была мало подходящим орудием.

Все буржуазные организации: торгово-промышленники и финансисты, национальный центр со своими двумя группами,—правой и левой, представители городского самоуправления, группа земцев, группа членов законодательных палат — все эти организации, объединенные в совет государственного объединения России (СГОР) во главе с такими лицами, как Меллер-Закомельский, Кривошеин, Милюков, С. Маслов — отнюдь не включали в программу своих действий поддержку украинской директории.

На совещании в Яссах с представителями союзников (Милюков уже вернулся от немецкой опять к союзнической ориентации) споры о власти велись больше в плоскости того, кто должен быть диктатором России — Николай Николаевич или Деникин, при чем победило „демократическое“ большинство сторонников Деникина. Эс-эры, входившие в Ясское совещание, выдвигали требование установления власти директории, но в итоге ограничились тем только, что воздержались от голосования при выборах диктатора. Во всяком случае, об украинской директории здесь не было и речи.[1]

Французский полковник Фрейденберг еще более определенно выявил отношение к независимой Украине, заявив Шульгину, что „мы никогда независимость Украины не признаем“.[2]

Искать опору против великодержавных тенденций буржуазии среди трудовых масс и вместе с тем вести борьбу с Советской властью было делом явно безнадежным. А директория приняла на себя обязательство предоставить свои войска „для наступательных действий против большевиков Великороссии“.[3] Поэтому подыгрывание под большевизм — установление трудового принципа власти и созыв „трудового конгресса“, не могли создать директории опору среди трудовых масс Украины. Единственной опорой украинской директории могла явиться кулацкая националистическая анархическая стихия, поднявшаяся не только против помещиков, но и против Советской власти.

Но на одном кулацком национализме при условии сильного советского движения среди крестьянства укрепиться было нельзя. И поэтому Красным частям не стоило никакого труда продвигаться, присоединяя к себе все новые и новые красные партизанские части, к столице

---

[1] См. Маргулиес, „Ясская делегация“. „Летопись Революции“, изд. Гржебина, т. I.
[2] См. Кольцов, „Петлюровщина“.
[3] Пункт 4 договора с союзниками, см. Кольцов — „Петлюровщина“.

Украины, Киеву, занять ее и гнать директорию с ее войсками из Украины.

Трудность для красных войск представило не сопротивление директории, поддержанной союзниками, а только дезорганизующая работа мелко-буржуазной стихии, разгулявшейся на Украине в угрожающем масштабе.

Основной задачей продвижения Красных войск и на Украину и на Дон было, по выражению Троцкого, „не дать возможности англо-французскому империализму сомкнуться с русской контр-революцией“, успеть просунуться между уходящими германскими и приходящими антантовскими войсками — „ворваться клином посредине“

Столкновение с антантовскими войсками, высадившимися в Одессе в декабре 1918 года, кончилось не в пользу антантовских войск. 11 марта Красные части нанесли серьезный удар французским войскам у Херсона; 2 французских, 2 греческих и часть румынской дивизии в Одесском районе должны были эвакуироваться перед угрозой наступающих Красных частей и революционного брожения среди французских войск.[1]

Подъем революционной волны на Западе смел германскую оккупацию, аннулировал Брестский мир, смел и союзнический дессант на юге. Революция в Германии, Советская власть в Баварии, Советская власть в Венгрии, отказ французских войск сражаться против России — все это говорило, казалось, о близкой победе мировой революции.

„Мы пришли от международного одиночества, от которого мы страдали в Октябре и в начале текущего года — говорил Ленин — к такому положению, когда наш единственный, но прочный союзник — трудящиеся и угнетенные всех стран, когда он, наконец, поднялся... От одиночества мы пришли к тому положению, когда мы стоим рука об руку, плечо к плечу с нашими международными союзниками“.[2]

Вместе с тем, поражение Германии устранило основное, что мешало союзному капиталу бросить достаточно сил для подавления революции.

... „Никогда — говорил Ленин — наше положение не было так опасно, как теперь. Империалисты были заняты друг другом. И теперь одна из группировок сметена группой англо-франко-американцев. Они главной задачей считают душить мировой большевизм, душить его главную ячейку — Российскую Советскую Республику“.[3]

---

[1] Выступление тов. Марти.
[2] Ленин, Речь на IV Съезде Советов, т. XV, стр. 536.
[3] Ленин, Собр. соч. т. XV, стр. 555.

Появление союзнического дессанта в Одессе и на Кавказе и английского флота в Балтийском море говорило о том, что союзники теперь принимают более решительные меры борьбы с Советской Россией. Опасность мировой революции,—а революционное движение в Германии, Австрии, Сербии, Болгарии реально напоминало об этой опасности — ставила под угрозу всю победу антантовского империализма и толкала его на решительную борьбу с Советской Россией. Но волна революционного движения обессиливала империалистов — первым доказательством чего были волнения в французских войсках в Одессе.

Для Советской России была совершенно ясна перспектива большой интервенции Антанты, если революционная волна не сметет антантовский империализм.

Вопрос о помощи революционному движению пролетариата Запада, естественно, должен был быть теперь поставлен Советской Россией как конкретная задача сегодняшнего дня, на ряду с задачей сопротивления интервенции.

В первом письме о германской революции, написанном еще в октябре 1918 года Ленин пишет о том, что „близится время, когда обстоятельства могут потребовать от нас помощи освобождающемуся от своего империализма немецкому народу против англо-французского империализма“.

„Прежде всего удесятерим свои усилия по заготовке запасов хлеба“ и „пусть таким же путем удесятерится наша работа по созданию пролетарской Красной армии“ — вот те конкретные задачи, которые ставил Ленин в связи с назревающей революцией в Германии.

„Мы решили иметь армию в 1 000 000 человек к весне, нам нужна теперь армия в три миллиона человек. Мы можем ее иметь. И мы будем ее иметь.

Мировая история за последние дни необыкновенно ускорила свой бег во всемирной рабочей революции. Возможны самые быстрые перемены, возможны попытки союза германского и англо-французского империализма против Советской власти“.[1]

Продвижение Советских войск к западным границам, победа над союзническим дессантом, в тот момент, когда в Венгрии победила Советская власть и в Баварии установилась власть Советов — все это толкало не только к усилению армии, но и к применению для соединения с пролетарской революцией в Венгрии и Германии.

„А через Киев — говорил Троцкий — идет прямой путь на соединение с австро-венгерской революцией, подобно

---

[1] Ленин, Собр. соч. т. XV, стр. 421.

тому, как путь через Псков и Вильну ведет на прямое соединение с революцией в Германии".

„В оглашенном письме Ленина — говорил Троцкий на заседании ВЦИК с Московским Советом, фабзавкомами и профсоюзами — сказано ясно и отчетливо, чтобы мы стремились создавать миллионную армию для защиты Советской Республики. Эта программа узка. История говорит: ваша задача не только обеспечить передышку,— ваша задача сделалась шире..." ...Мы идем вперед, вам навстречу, рабочие Германии, Англии, Франции и всех стран. Наше знамя поднимается над Европой — знамя международной республики Труда".[1]

Революционное наступление навстречу поднимающемуся пролетариату Запада проявилось в наступлении в Прибалтику, в двух ультиматумах Румынии с требованием очистить Бессарабию и Буковину, и в наступлении на Бессарабию.

Успех этого наступления впервые зависел непосредственно от успехов международного революционного движения. Наступление в Прибалтику должно было сорвать политику окружения Советской России кордоном мелких государственных новообразований — Литвы, Латвии, Эстонии, Польши и успех этого наступления зависел прежде всего от революционного движения в Литве, Эстонии, Латвии и, затем, от революционного движения в Германии, которое, единственно, могло сорвать заключение сговора англо-французского и германского империализма.

Высылка советского представителя из Германии была первым провозвестником возможности такого сговора. Требование союзников о невыводе германских войск из оккупированных местностей до замены их союзными войсками было уже конкретным проявлением этого. Столкновения с советами германских солдатских депутатов при продвижении в Прибалтике и на Украине были фактами, говорящими о том, что союзники с помощью германской социал-демократии, возглавлявшей в значительной степени советское движение среди германских оккупационных войск, сумели уже принять меры к тому, чтобы не дать возможности Советской России воспользоваться моментом.

Было немало случаев, когда Советским наступающим войскам удавалось договариваться с германскими советами солдатских депутатов и это было проявлением той помощи, которую западная революция оказывала Красной армии.

---

[1] „Как вооружалась"... Ленин, т. I, стр. 372 — 374. Мне неизвестно, были ли в ЦК партии разногласия по вопросу о наступлении на Запад, но сравнение речей Троцкого и Ленина говорит о том, что Троцкий продолжал настаивать на своей прежней ошибке, допущенной им во время Брестского мира, с остающейся ошибкой и теперь.

Окажется ли эта помощь достаточной — от этого зависел и результат наступления Красной армии.

Простая сводка событий показывает, что, прежде всего, сорвало попытку революционной вылазки на Запад Советских Красных армий. 14 апреля началось наступление Красной армии на Бессарабию, а 5 мая пала Советская власть в Баварии. 13 мая Красная армия прорывает фронт румынской армии, но еще 9 мая поднимается восстание Григорьева, а с 5 до 25 мая Деникин наносит целый ряд коротких ударов южному фронту, неспособному сопротивляться благодаря измене Махно.

Мелко-буржуазная стихия, поднявшаяся в виде григорьевщины и махновщины, захватившая и пролетариат Украины, допустивший, например, господство меньшевиков в харьковских профсоюзах, сорвала наступление Красной армии на помощь Советской Венгрии. Румыния сумела послать по приказу союзников свою армию против Советской Венгрии и тем довершить победу буржуазии над пролетарской революционной волной на Западе. Предательство социал-демократии при отсутствии сильных коммунистических партий привело к тому, что революционная волна не смела господства буржуазии в западных странах. И попытка революционной вылазки „по прямому пути“ не „соединилась с австро-венгерской революцией“, сорванная к тому же, возмущением украинского кулака, не привела к победе.

Те же результаты дало и наступление в Прибалтику.

Здесь Красная армия состояла в значительной степени из вольнонаемных войск пограничной охраны Комиссариата Торговли и Промышленности. Эти войска послужили главным элементом для формирования в июле дивизий Западным участком Завесы и для сформированной в ноябре Западной армии.

Эта армия, слабо организованная, так как до наступления она была почти совершенно вне поля внимания Советской власти, должна была прийти на помощь революционному движению в Прибалтийских странах, ослабленных войной и германской оккупацией.

Эвакуация заводов в Россию и Германию чрезвычайно ослабила пролетариат Прибалтики и только в Латвии, где сильно батрачество, была создана подлинная латвийская Красная армия и сильный революционный подъем сопровождал наступление Красных войск.

Части Красной армии Латвии продвинулись клином, заняв Ригу, но более медленное продвижение остальных частей западного фронта поставило латвийскую армию в положение полуокруженной белогвардейскими и германскими войсками.

Русские белогвардейцы, германские добровольцы, шведы и финны, английский флот и снаряжение — вот что было направлено Антантой на помощь контр-революционному движению в Прибалтике, в то время как на помощь прибалтийскому революционному движению, более или менее сильному, только в Латвии, Советская Россия могла дать только слабую, еще не испытанную в боях западную армию.

Советские правительства Латвии, Литвы и Эстонии продержались короткое время и должны были уступить место созданным союзниками, на союзнические деньги существующим и задачи союзников выполняющим правительствам.[1]

Перед угрозой революционного наступления Красной армии навстречу революционной волне на Западе объединились все контр-революционные силы и, вместе с поражением Советской Революции на Западе, повисли в воздухе и все победы Красной армии.

Не удалось не только соединиться с революцией на Западе, но и просунуться между уходящим германским и приходящим антантовским империализмом.

„Теперь немцы идут на Двинск, чтобы отрезать Ригу — говорил Ленин 4 апреля 1919 года. С севера помогают им эстонские белогвардейцы на деньги, которые посылает Англия, при помощи добровольцев, которых посылают датчане и шведы, насквозь подкупленные миллиардерами Англии, Франции и Америки. Они действуют по совершенно ясному для нас общему плану, пользуясь тем, что в Германии они до сих пор кровавыми подавлениями ослабляли движение спартаковцев и революционеров“.

Наступление на Бессарабию сменилось, благодаря этому, наступлением Деникина, а наступление в Прибалтику — наступлением северо-западной белой армии на Петроград. Буржуазия Запада справилась с революционным кризисом и смогла направить свои силы на удушение Советской России.

---

[1] См. Станкевич, „Судьбы народов России“ ст. Сафарова в Сб. ЦК РКП. „За 5 лет“; Кирдецов, „У ворот Петрограда“; Родзянко, „Мои воспоминания“; „История 16 армии“. „Боевая работа Кр. Армии и флота“; Стучка, „5 месяцев Советской Латвии“.

ОРГАНИЗАЦИЯ ОСАЖДЕННОГО ЛАГЕРЯ.

Апрель—июнь 1918 г. Срыв политики передышки. Основная тенденция военного коммунизма. Задача организации голода. Экономическое положение осажденного лагеря. Голод. Распыление пролетариата. Проддиктатура. Крестовый поход за хлебом. Социалистическая революция в деревне. Комбеды. Ставка на середняка. Военный союз пролетариата и крестьянства. Регулярная Красная армия. Всеобщая милитаризация и огосударствление. Централизация и метод ударности. Борьба с рынком. Кооперация. Кустарная промышленность. Развитие военного коммунизма в 1920 году.

В апреле 1918 года Ленин выдвигает положение: „если бы мы захотели продолжать прежним темпом экспроприировать капитал дальше, мы, наверное, потерпели бы поражение", а в июне издается декрет о всеобщей национализации крупной промышленности.

В марте месяце готовится издание декрета о натурналоге, а в мае объявляется продовольственная диктатура.

Это сопоставление говорит достаточно ярко о том повороте, который был произведен Советской властью в мае — июне 1918 года.

На месяцы апрель и май 1918 года падает 1 и 7 национализаций, а на следующий период с июля 1918 г. до октября 1919 года приходится в среднем на месяц по 170 национализаций. [1]

Если к июню 1918 года было национализировано 357 предприятий, то к сентябрю того же года было национализировано 860 предприятий, не считая отраслей промышленности, национализированных целиком: нефтяной, резиновой, электротехнической, сахарной, горной и транспорта. [2]

Сопоставление апрельских речей Ленина с политикой Советской власти после мая — июня дало возможность меньшевику Далину на II съезде Совнархозов предъявить обвинение ВСНХ в том, что он ВСНХ, проводит свою поли-

---

[1] „Нар. Хозяйство", № 13—14 за 1920 г.

[2] Доклад Рыкова на пленуме ВСНХ 14—23 сент. 1918 г. „Нар. Хоз." № 10.

тику, не прислушиваясь к тому, что писал Ленин. „Прав ли был Ленин, когда писал эти слова, спрашивал Далин, или же ВСНХ, который вопреки советам своего вождя идет по тому же пути и сосредоточивает в своих руках всю торговлю и промышленность?“ [1]

Казалось бы, действительно можно прийти к Далинским выводам, если сопоставить переговоры Ленина с Мещерским о создании смешанного треста в марте и постановление ВСНХ о национализации заводов, входящих в предполагаемый трест. Эти рассуждения можно рассеять одним письмом Ленина, оглашенным 18 мая 1918 года на конференции представителей заводов, о которых шла речь в переговорах с Мещерским.

Привожу это письмо полностью, так как оно не вошло в Собрание сочинений Ленина.

Вот это письмо:

„Выслушав сообщение товарищей, избранных рабочей делегацией на конференции крупнейших металлообрабатывающих заводов, и имея в виду резолюцию конференции, я могу сказать, что в Совете Народных Комиссаров, наверно, по моему мнению, будет единодушие в пользу немедленной национализации, если конференция со всей энергией возьмется за обеспечение планомерной, стройной организованности работ и повышения их производительности. Желательно поэтому, чтобы конференция: 1 — немедленно выбрала Временный Совет по подготовке объединения заводов; 2 — дала права ЦК союза металлистов по соглашению с Высшим Советом Народного Хозяйства видоизменять их, пополнять состав этого Временного Совета для превращения его в Правление единого союза (или объединения) всех национализированных заводов; 3 — одобрила или посредством резолюции узаконила внутренний распорядок по типу Брянских правил в интересах создания строгой трудовой дисциплины; 4 — наметила кандидатов из специалистов, инженеров и организаторов крупного производства для участия в правлении или поручила ВСНХ отыскать и назначить таковых; 5 — желательно, чтобы рабочие из наилучше поставленных заводов, или наиболее опытные в руководстве крупным производством посылались (Временным Советом и Центр. Комитетом Союза Металлистов) для содействия в правильной постановке дела в заводах менее успешных; 6 — при условии строгого учета и контроля над всеми материалами и за производительностью труда, надо достигнуть и можно достигнуть громадной экономии сырья и труда.

[1] Труды II съезда СНХ, стр. 64.

Я думаю, что при энергичной работе конференции и выбранных ею учреждений можно будет в ближайшие дни провести национализацию в Совнаркоме". [1]

Это письмо Ленина отнюдь не говорит об отказе от осторожного подхода к национализациям; наоборот, оно эту осторожность подчеркивает. Но это совсем не то, что выходило у Далина, когда он говорил: „что же предлагал Ленин? Он говорил, что надо не национализировать фабрики и заводы, а оставить их пока в руках предпринимателей и во главе их поставить контроль. Он говорил, что государственный контроль есть в настоящее время достаточная сила, которая может заставить работать по указанным планам".

Так Ленин не ставил вопрос и в апреле.

Ленин в апреле месяце писал:

„Разумеется, о „приостановке" наступления на капитал можно говорить только в ковычках, т.-е. только метафорически. В обыкновенной войне можно дать общий приказ о приостановке наступления, можно на деле остановить движение вперед. В войне против капитала движения вперед остановить нельзя, и о том, чтобы мы отказались от дальнейшей экспроприации капитала, не может быть и речи. Речь идет об изменении центра тяжести нашей экономической и политической работы. До сих пор на первом плане стоят мероприятия по непосредственной экспроприации экспроприаторов. Теперь на первом плане становится организация учета и контроля в тех хозяйствах, где уже экспроприированы капиталисты, и во всех остальных хозяйствах. [2]

Письмо Ленина конференции металлургических заводов не говорит еще о перенесении центра тяжести опять на непосредственную экспроприацию экспроприаторов. Но во всех речах после мая Ленин говорит о национализации и о декрете 28 июня, как о значительном завоевании Советской власти. „Мы не можем в этой области похвастаться успехом", [3] и даже больше: „ошибки совершают, творя свою революционную работу, наши рабочие, которые национализировали теперь, за несколько месяцев, почти все крупнейшие фабрики и заводы [4] — это Ленин говорил всегда. Но нигде и ни разу Ленин не говорил о национализации, как об ошибке. В этом вопросе никакого расхождения между ВСНХ или еще кем-нибудь в партии с Лениным не было.

---

[1] „Нар. Хозяйство", № 4, за 1918 г.
[2] Ленин, т. XV, стр. 199.
[3] 5 июля, т. XV, стр. 374.
[4] 20 августа, Ленин, т. XV, стр. 413.

„Только слащавые попы — все равно „христианские“ или „советские“ в лице салонных, парламентарных социалистов — могут не видеть, не понимать, не осязать этой необходимости“ — вот что отвечал Ленин тем, кто обвинял большевиков в разрушении промышленности экспроприациями.

В отношении крупнейшей промышленности, национализированной июньским декретом, вопрос мог итти только о темпе национализации, при чем этот темп определялся не столько соображениями о сохранении производства сколько силой сопротивления капиталистов, остротой экономического кризиса и классовой борьбы.

Переговоры с Мещерским о создании смешанного треста являются чрезвычайно интересным опытом искания иного темпа, возможного потому и до тех пор, пока классовая борьба между старыми владельцами и пролетарской диктатурой приняла формы переговоров, а не вооруженной борьбы.

Первоначальный проект Мещерского, выдвинутый им в январе 1918 г., сводился в основном к тому, что государство должно купить новые акции, выпускаемые взамен старых, и обеспечить заказами на 5 лет, а получить участие в управлении пропорционально капиталам, т.-е., по проекту, меньше половины мест в правлении.

На заводах, правда, должны быть комиссары для контроля, но зато контрольные заводские комиссии сводятся к нулю, получая только право интерпелляции.

В измененном проекте предприятие признается уже собственностью государства и работает под контролем и руководством ВСНХ, но 50% акций и половина мест в правлении остается у прежних владельцев предприятий.

В последнем проекте правление избирается общим составом акционеров и только 20% акций должно быть депонировано в качестве обеспечения имеющих быть выданными группе долговых обязательств с гарантированным минимальным дивидендом.

Мы видим, что предприниматели шли здесь на уступки.

И все же Советская власть на эти условия не пошла, и 14 апреля бюро ВСНХ постановило национализировать заводы, и 23 июня они были национализованы.

На что не могла согласиться Советская власть в проектах Мещерского?

Мещерский, в беседе с сотрудником „Торгово-Промышленной Газеты“, [1] лучше всего выявил суть вопроса, заявив, что „трест — явление чисто капиталического хозяй-

---

[1] „См. Торгово-Промышленную газету“ № 22, за 1918 г.

ства... Отнимите у треста эти признаки, и он теряет смысл. Трест без капиталистического признака подобен кастрированному человеку“.

Явление чисто капиталистического хозяйства — это то, с чем не могла согласиться Советская власть, если она не хотела отказаться от борьбы за сохранение народного хозяйства „не останавливаясь с трепетом перед прибылями капиталистов“.

Изменились ли те условия „грозящей катастрофы“, которые заставляли до Октября даже Скобелева и Прокоповича договариваться одного—до лишения капиталистов всех 100% прибыли, а другого—до капиталистов в качестве простых комиссионеров и агентов? [1]

Стояли ли перед Советской Россией в мае—июне 1918 г. перспективы мирного существования и роста промышленности, или была перспектива падающего хозяйства в условиях военного окружения? В этом суть вопроса, что после передышки, совершенно отчетливой стала перспектива подчинения всего хозяйства военным требованиям, и тогда, конечно, не останавливаясь не только перед прибылями капиталистов, но и перед разрушением производительных сил.

И не нужно вовсе искать у Ленина заявлений о необходимости отказаться от политики передышки, а достаточно привести его слова, что „весь вопрос о существовании Российской Социалистической Федеративной Советской Республики, весь вопрос Российской революции свелся к вопросу военному“. [2]

Основную причину нового изменения политики Советской власти именно здесь и нужно искать.

В апреле Ленин говорил: „Можно с уверенностью сказать, что гражданская война в основном закончена. Конечно, отдельные стычки будут, в некоторых городах вспыхнут кое-где на улицах перестрелки, вызванные частичными попытками реакционеров опрокинуть силу революции — Советскую власть, но нет сомнения, что на внутреннем фронте реакция бесповоротно убита усилиями восставшего народа“. Том XV стр. 186. Исходя из этой оценки, Ленин говорил об изменении центра тяжести нашей политики, о „приостановке“ наступления.

А в июле Ленин говорил:

„Мы снова попали в войну, мы находимся в войне, и эта война не только гражданская, с кулаками, помещиками, капиталистами, которые объединились против нас,—

---

[1] См. Первый очерк.

[2] Речь, 29 июля 1918 г., т. XV, стр. 400.

теперь уже стоит против нас англо-французский империализм...“ [1]

О сохранении чисто-капиталистического хозяйства не могло быть речи в военных условиях и в капиталистических странах. Государственное регулирование выходило за пределы чисто-капиталистического хозяйства. Обращение этого регулирования на пользу всего народа в условиях ожесточенной классовой борьбы могло быть достигнуто только при условиях полного овладения пролетарским государством основным элементом государственно-монополистического хозяйства — крупной промышленностью, т.-е. ее национализации. Национализация крупнейшей промышленности — это входило в экономическую программу партии и до Октября и в апреле, и после срыва передышки. И не в декрете о национализации крупнейшей промышленности заключался поворот, вызванный срывом передышки. Этот поворот заключался в том, что крупнейшей и даже крупной промышленностью дело не ограничилось. — Национализирована была вся промышленность.

Здесь нужно установить, прежде всего, одно положение, которое даст основное направление исследованию политики военного коммунизма.

Нужно сопоставить две линии развития на протяжении всего периода военного коммунизма: линию изменения в состоянии производительных сил и линию изменения Советской политики. Мы получим тогда основной вывод о развитии военного коммунизма.

Через весь период военного коммунизма идет почти без всяких колебаний линия падения продукции и точно так же почти без всяких колебаний идет линия усиления военно-коммунистических тенденций политики Советской власти.

Падение продукции за весь период характеризуется следующими цифрами: [2]

Добыча угля:

в 1918 г. . . .	42%	довоенной добычи
„ 1919 „ . . .	29%	„ „
„ 1920 „ . . .	27%	„ „

[1] Том XV, стр. 399. В оценке обстановки, данной Лениным в апреле, некоторые тов. видят „ошибку“ Ленина. Здесь нужно поставить вопрос ясно: суть дела заключалась в том, чтобы использовать передышку, независимо от ее продолжительности. Ленин и в апреле говорил, что империализм „хочет выждать момент для нового разбойничьего нападения на Советскую Россию“. Ошибку делает не Ленин, а те, кто не видит, что с июня началась другая война. В смысле же передышки от всякой войны Ленин никогда не говорил о ее продолжительности.

[2] См. Очерк Богданова в сб. „За 5 лет ЦК РКП“, стр. 408.

Производство чугуна:

в 1918 г. . . .	12,3%	довоенн. добычи
„ 1919 „ . . .	2,7%	„ „
„ 1920 „ . . .	2,4%	„ „

Производство льняной пряжи:

в 1918 г. . . .	75%	довоенной добычи
„ 1919 „ . . .	45%	„ „
„ 1920 „ . . .	38%	„ „

Урожай ржи с десятины: [1]

в 1918 г. . . .	44,5	пуда
„ 1919 „ . . .	38,6	„
„ 1920 „ . . .	36,1	„

Эти цифры достаточно ясно рисуют общую линию движения продукции хозяйства Советской России. И они же рисуют совершенно отчетливо всю особенность и оригинальность коммунизма военного, который выростал не из подъема производительных сил, а из их падения, это падение обострял, но и сам этим падением углублялся.

Эта основная тенденция военного коммунизма, вырастающего из нищеты, должна быть учтена прежде всего с той стороны, что она чрезвычайно затрудняла подчинение государственной монополии мелкого товарного хозяйства.

Нужно вспомнить далее, что в этом смысле Советская Россия не представляла исключения, что война и голод заставили государства, отнюдь не помышляющие о введении социализма, создать „полнейшую материальную подготовку социализма“ не повышением производительных сил, а „гениально-организованным голодом“.

Нужно вспомнить, что и для гениально-организованного голода, на манер военной Германии, нужны известные экономические предпосылки, но что отсутствие этих предпосылок не устраняет задачи организации голода, а обостряет ее, ослабляя не степень остроты задачи, а степень гениальности ее осуществления.

Национализация крупной промышленности и банков устраняла основное препятствие в деле организации голода— подчинение через крупную промышленность и банки всего хозяйства интересам прибыли капиталистов (и эту задачу можно было выполнить только идя на гражданскую войну).

[1] Ежегодник ЦСУ за 1918—1920 гг.

Но она не устраняла другого — падающего удельного веса крупной промышленности. И задача подчинения государственной монополии (обращенной на пользу всего народа) мелкого товарного хозяйства становилась тем труднее, чем больше падала крупная промышленность и чем острее, в условиях военного окружения, становилась задача.

Задача эта легла на плечи класса, только вчера пришедшего к власти, до того угнетенного, в стране, где этот класс составлял меньшинство, в крестьянской разоренной стране. Эту задачу пролетариат должен был выполнить при наличии вооруженного сопротивления крупной буржуазии и помещиков, поддержанных международным капиталом.

Для того, чтобы только приступить к решению этой задачи, пролетариат должен был превратить в пустое место государственный аппарат и строить новый в самом процессе организации голода. А налаженность государственного аппарата в этих условиях является не менее решающей предпосылкой, чем известный уровень экономического развития страны. Пролетариат приступил к выполнению этой социалистической задачи тогда, когда уклонение буржуазии от задачи организации государственно-капиталистической монополии привело страну на край пропасти.

А гражданская война, эту задачу выдвигавшая, создавала несравнимо более трудные условия для ее выполнения, чем война империалистическая. Достаточно сказать, что гражданская война отрезала от Советской России все наиболее хлебные и все угольные места.

Стоит сравнить доклад Милютина на I съезде советов Народного Хозяйства, когда впервые разрабатывался план экономического строительства Советской России, и его же доклад на II съезде СНХ, в декабре 1918 года.

В июне, на I съезде Милютин исходил из расчетов на донецкий уголь и на бакинскую нефть и предполагал, что недостаток топлива удастся покрыть дровяными заготовками. В декабре, на II съезде, Милютин сообщает, что остался только Подмосковный район с добычей в 20—22 милл. пудов, в то время как один Донбасс, по расчетам на I съезде, должен был дать 700 миллионов пудов.

В отношении нефти на I Съезде Милютин рассчитывал на 400—500 милл. пудов, а на II съезде сообщал, что удалось до потери Баку вывезти только 66 миллионов. И если все же Милютин приходил к выводу, что 1919 год в отношении топлива, при известных сокращениях, будет обеспечен, если нам удастся вывезти из Грозного ту нефть, какая там имеется,—то это можно объяснить только чрез-

вычайно суженными перспективами и полным отказом от задачи расширения производства.

Очень характерно подметил разницу между первым и вторым съездами СНХ, в смысле сужения экономической перспективы Рязанов. Он сказал: „Милютин, на прошлом съезде всех нас, всю Россию призывал переброситься на Урал, перенести весь центр экономической тяжести на Урал... И вот, если в тов. время тов. Милютин еще мог доказывать необходимость перенесения промышленности на Урал, то теперь он слово Урал вспомнил только раз, когда сказал, что у нас и угля не будет. Я констатирую эту основную разницу между его докладами на первом съезде и на этом“. [1]

Разница весьма существенная: если на первом съезде могли еще быть разговоры о коренных улучшениях и перестроениях промышленности (и тогда без достаточных данных для этого), то на втором съезде речь могла итти только о том, чтобы как-нибудь продержаться.

Милютин говорил, правда, что „мы не стоим перед катастрофическим положением и при тех запасах, которые у нас имеются, мы можем сказать, что наше производство стоит сравнительно удовлетворительно“. Но это „удовлетворительно“ звучало весьма и весьма неутешительно. В июне Милютин говорил, как об удовлетворительном о положении с металлом, но тогда расчет был на 83 милл. пудов железа и стали и 60—70 милл. пудов чугуна, а в декабре за надеждами на расширение металлургии скрывались цифры: учтено 38 милл. пудов металла и производство упало до 5,6% потребности.

Достаточно этой одной цифры — производство металла в размере 5,6% потребности,—чтобы понять, что речь могла итти не о расширении или восстановлении промышленности, а только о том, чтобы продержаться на старых запасах. Рассчитывать приходилось больше на не учтенные еще запасы и центр тяжести перенести на розыск их.

„И доказывая, что положение хозяйства сейчас не так уже плохо,— писал Рыков,— что оно не хуже положения, бывшего во время первого съезда, исходят из факторов субъективных, из того, что рабочему классу на протяжении истекшего года удалось внести бо́льшую организованность в хозяйственную жизнь и из меньшего количества рессурсов получить бо́льшие результаты“. [2]

„Из меньшего количества получить бо́льшие результаты“ и организовать это силами исключительно рабочего

---

[1] „Труды II съезда СНХ“, стр. 22.

[2] Статья в № 1—2 „Народного хозяйства“, за 1919 г.

класса, — так как буржуазия теперь ставила вопрос не о доле акций, а о свержении рабочего правительства — из этих двух положений вытекало с неизбежностью все своеобразие и весь социализм эпохи „осажденного лагеря“.

„Правильное распределение хлеба и топлива, усиление добычи их, строжайший учет и контроль над этим со стороны рабочих и в общегосударственном масштабе, — писал Ленин, [1] — это — настоящее и главное преддверие социализма, это — уже не „общереволюционная“, а именно коммунистическая задача, именно такая задача, где трудящиеся и беднота должны дать решительный бой капитализму“.

Своеобразие военного преддверия социализма состояло в том, что из признаков, указанных Лениным, выпало „усиление добычи“, и без этого осталась только область распределения.

Обостренная гражданская война и голод превращали вопросы распределения в основной политический фактор. Характерно, что когда Ларин на II съезде СНХ в своем докладе о распределении пошел в поход против „запретительной системы“ и выступил с своеобразным либерализмом, предлагая отказаться от всеобщего принудительного учета и распределения через государственные органы, он сейчас же получил естественное продолжение своего „либерализма“ со стороны Лозовского, [2] заговорившего о свободе печати, личной неприкосновенности, правопорядке и т. д. И это не случайно. Вопросы распределения приобрели такую остроту, что отказаться от государственного распределения значило отказаться от государственной власти.

Наиболее остро стоял вопрос продовольственный. Остроту этого вопроса нельзя полностью показать цифрами, да и не в этом центр тяжести, чтобы выяснить в цифрах степень остроты продовольственного вопроса вообще. Важно здесь другое — это то, что недостаток продовольствия угрожал полнейшим распылением пролетариата и подчинением его стихии мелкого хозяйчика, имеющего хлеб и им спекулирующего.

Увеличение заработной платы помочь не могло, — цены на продукты росли с гигантской быстротой и деньги не могли освободить рабочего от продовольственной кабалы, так как крестьянин денег не брал. За 1918 год заработная плата чернорабочего в Москве повысилась в два с небольшим раза, а цена муки на вольном рынке поднялась больше чем в 7 раз. [3]

---

[1] Ленин, том XV, стр. 300.
[2] Тогда не члена РКП.
[3] „Статистика труда“, № 1 — 4, за 1919 г.

Чем угрожало такое положение рабочему классу, показывают следующие цифры: [1] в довоенное время „другие поступления“ в доходном бюджете рабочего Петрограда составляли 3,5%, а в 1918 году — 38%. Следовательно, рабочий на 38% перестал жить заработной платой, т.-е. на 38% перестал быть пролетарием. В расходном бюджете рабочего расход на пищу вырос с 48,7% до 71,3%.

Таким образом продовольственный кризис приводил к тому, что даже те рабочие, которые оставались на заводах, ставились в зависимость от других источников дохода, т.-е. и от растаскивания на потребу владельцам хлеба материалов крупной промышленности на зажигалки и пр.

А вместе с этим идет падение числа рабочих и обратный уход рабочих в деревню, т.-е. распыление пролетариата.

На Коломенском заводе в декабре 1918 года осталось 7203 рабочих вместо 18 тысяч конца 1917 года. Из этих 7 тысяч, по крайней мере, 1/3 только числилась в списках, так как 9 апреля 1919 г., например, из 5779 рабочих на работу вышло только 1978. „Некоторые рабочие, родом из окрестных деревень, успевшие выстроить около завода домики, разбирают их и увозят к себе в деревню“. А чтобы оценить силу сопротивления коломенских рабочих процессу распыления, достаточно привести цифру, что в апреле месяце паек получили один раз, около 1/4 фунта.

В Тверской губернии за 1918 г. было 11 забастовок на почве продовольственного кризиса. [2] А в первых числах марта 1919 года вспыхивает забастовка в Петрограде на 15 крупнейших предприятиях с 34 тысячами бастующих. Бастуют такие заводы, как Путиловский, Невский судостроительный, Скороход, Треугольник, Сименс — Шуккарт и др.

Чрезвычайно характерны требования Путиловских рабочих. Вслед за первым пунктом их требований, говорящим о „привлечении к государственному строительству и управлению лиц, зарекомендовавших себя опытом, независимо от их партийной принадлежности“, идут продовольственные требования, из которых особенно характерны два: „свободный ввоз всех продуктов“ и „увеличение хлебного пайка без уменьшения существующей нормы для остальных граждан“. Эти требования особенно ярко показывают, как рабочие под влиянием голода поддавались влиянию мелко-буржуазной стихии.

---

[1] Там же.
[2] „Статистика Труда“, № 8—10, за 1919 г.

Забастовка кончилась после введения трудового пайка, т.-е. увеличения пайка только для рабочих, но тот факт, что рабочие пошли за этими не-рабочими требованиями, говорит о том, какую опасность для самого существования сознательного пролетариата представлял собой продовольственный кризис.

Нельзя, однако, полностью оценить все значение распыления и деклассирования пролетариата, если не учесть, что пролетариат не только сам ведет борьбу за коммунизм, но является руководителем и организатором крестьянского движения. С этой точки зрения, прежде всего, нужно учитывать подготовленность пролетариата к революционной борьбе. И если продовольственный кризис создавал непосредственную угрозу для существования сознательного пролетариата, то он, еще больше, создавал невероятно трудные условия для выполнения руководящей роли по отношению к крестьянству.

Правильный обмен хлеба на продукты промышленности, „обуздав мародерство капиталистов и прекратив умышленную остановку ими производства“, но „не отнимая ни копейки собственности ни у средних крестьян, ни у казаков, ни у мелких ремесленников“ — такие взаимоотношения между пролетариатом и крестьянством намечал Ленин перед Октябрем 1917 года. [1]

Но действительность показала, что обуздать мародерство капиталистов это еще не значит прекратить остановку производства; что производство продолжало сокращаться и в некоторых отраслях почти прекратилось, несмотря на то, что власть капиталистов была устранена. Достаточно сказать, что 12 октября 1918 года по постановлению Центротекстиля были закрыты 161 фабрика, так как иначе „среди зимы предстояло бы закрытие всех текстильных фабрик из-за недостатка хлопка“.

Следовательно, правильный обмен хлеба на продукты промышленности стал невозможен и пролетариат должен был получать хлеб из деревни, не давая соответствующих эквивалентов, т.-е. отнимая собственность у производителя хлеба.

Товарообмен теоретически остается системой взаимоотношений города и деревни, но из системы товарообмена выпадает обязательность эквивалентной оплаты хлеба промышленными изделиями.

В декрете 2 апреля 1918 года говорится о передаче Наркомпроду части товаров для товарообмена и о распределении товаров „пропорционально сданному хлебу

[1] „Задачи революции“, Ленин, т. XIV, ч. 2, стр. 131.

по деревням", т.-е. уже не полностью товар за хлеб, а только пропорционально сданному хлебу.

14 мая, [1] не отменяя систему товарообмена, издается декрет о чрезвычайных полномочиях по борьбе с деревенской буржуазией, укрывающей хлебные запасы и спекулирующей ими. В этом декрете уже ничего не говорится о товарах взамен хлеба, но устанавливается обязательная сдача всех излишков хлеба независимо от того, сможет или не сможет государство оплатить эти излишки товарами.

„Ни один пуд хлеба не должен оставаться в руках держателей, за исключением количества, необходимого для обсеменения их полей и на продовольствие их семей до нового урожая", — вот основное, что устанавливает этот декрет. Бесплатно отбираются, по декрету, только скрытые излишки, но дело все в том, что оплата по твердым ценам, которая производится за сданные излишки, не имеет абсолютно никакого значения.

В июне 1918 года твердые цены на хлеб по сравнению с ценами января 1916 года, принятыми за 100, поднялись до 444,3, в то время как вольные цены в Москве поднялись до 1 540. Следовательно, сельский товаропроизводитель лишается не только права свободной продажи своих излишков, но и права требовать оплаты за те излишки, которые он сдает монополисту — государству. Уже декрет 2 апреля нарушает право эквивалентного обмена для индивидуального товаропроизводителя. Декрет 14 мая фактически уничтожает, как обязательный, обмен вообще, в какой бы то ни было форме. Система разверстки была только естественным продолжением того основного факта, что понятие эквивалентности обмена совершенно выпадает из системы взаимоотношений города и деревни. Государство берет — вот суть этой системы, и круговая порука в системе разверстки была естественным методом ее осуществления.

„Только собрав весь хлеб в общие мешки, мы можем поделить его, — говорил Ленин, — и все равно хлеба будет только в обрез; прежнего избытка в России не осталось, и надо, чтобы коммунизм проник глубоко в сознание каждого, чтобы все относились к излишку хлеба, как к народному достоянию, прониклись сознанием интересов трудящихся. [2]

Со времени 1914 — 1917 годов изменилось, прежде всего, количество хлеба и это изменение количества при-

---

[1] Принят 9 мая. Опубликован 14, в „Известиях ВЦИК" № 94. Его обычно почему-то называют декретом 13 мая.

[2] Доклад 4 июня, Ленин, т. XV, стр. 320.

вело к тому, что оставить излишки у кулака значило отнять у рабочего и красноармейца не лишний фунт хлеба, а последнюю восьмушку. Простое изменение числа влекло за собой коренное изменение политики. Если раньше достаточно было собрать часть хлеба в виде ли натурального налога, в виде ли обмена за промышленные изделия, то теперь нужно было собрать весь хлеб, „и все равно хлеба будет только в обрез".

Это влекло за собой, во-первых, изменения в отношениях между городом и деревней, и, во вторых, изменения в отношениях внутри самой деревни. [1] Если город не мог появиться в деревне с товарами, то он должен был пойти в деревню „крестовым походом", т.-е., как разъяснял Ленин, с оружием и с верой в то, что стало святым теперь — сохранение власти над помещиками и над капиталистами. [2]

Вслед за декретом о сдаче всех излишков, естественно, должен был последовать призыв к рабочим организовывать вооруженные продовольственные отряды, так как рассчитывать на сдачу хлеба не приходилось — хлеб нужно было взять, опираясь на деревенскую бедноту. Организация и поддержка бедноты — эта задача должна была быть выполнена теми же продовольственными отрядами.

Уже 22 мая Ленин в письме к путиловцам говорит об этом крестовом походе, а 31 мая издается призыв Совнаркома об отправке с фабрик в деревню вооруженных продовольственных отрядов.

„Будет объявлена в ближайшее время вербовка рабочих Воронежа в эти отряды, чтобы отнимать у кулаков хлеб". Из Ельца — „в волость посланы реквизиционные военные отряды". Вот пара сообщений с мест, которые показывают, что не только из центра, но и на местах прошла широкая волна организации рабочих продовольственных отрядов. Кроме того, значительное количество рабочих, связанных с крестьянством, вернулось в деревню, и там, естественно, должно было приняться за ту же работу реквизиции продовольственных излишков.

Уже этот приход рабочих вносил изменение в деревенские отношения. Но этим дело не ограничивалось. Обострение продовольственного вопроса дошло до такой степени, что в значительном числе районов беднейшая часть крестьянства была бы обречена на голод, если бы не взяла хлеб у кулаков, что вызвало обостренную борьбу в деревне.

Пришлые рабочие не только увеличили количество

---

[1] В третьих, изменение отношений в городе, о чем позже.
[2] Ленин, т. XV, стр. 322.

таких слоев деревни, но и стали во главе их, так же, как и продовольственные отряды, которые должны были искать опору в тех слоях деревни, которые не имели хлеба.

„Вот если бы большевистский пролетариат столиц, — писал Ленин,[1] — и крупных промышленных центров не сумел объединить вокруг себя деревенской бедноты против богатого крестьянства, тогда этим была бы доказана „незрелость“ России для социалистической революции, тогда крестьянство осталось бы „целым“, т.-е. осталось бы под экономическим, политическим и духовным руководством кулаков, богатеев, буржуазии, тогда революция не вышла бы за пределы буржуазно-демократической революции“.

Капиталистическая дифференциация деревни была необходимой предпосылкой для социалистической политики пролетариата в деревне. Но в процесс расслоения деревни ворвалась новая струя, идущая, прежде всего, по линии продовольственных запасов, и именно этот признак — наличие или отсутствие продовольственных запасов — стал водоразделом между кулацкими и бедняцкими слоями деревни.

Этот признак лег в основу и декрета о Комитетах бедноты. В Комитеты бедноты входили „все, за исключением заведомых кулаков и богатеев“, и первым признаком, разъясняющим это понятие, указывалось: „хозяев, имеющих излишки хлеба или других продовольственных продуктов“ и дальше уже следовало: „имеющих торгово-промышленные заведения, пользующихся батрацким или наемным трудом и т. п.“. „Тот кто берет по 100 и больше за хлеб, — говорил Ленин, [2] — не менее спекулянт, чем если он нанимает наемных рабочих; может быть, он еще худший, еще более горький спекулянт“.

Статистические данные не дают возможности сделать определенные выводы о том, насколько это продовольственное расслоение деревни расходилось или совпадало с процессом нормального капиталистического расслоения.

Материалы обследования крестьянских бюджетов дают возможность составить следующую таблицу по Тверской губернии за 1919 г. [3] (См. таблицу на стр. 190.)

В этой таблице, кроме графы I, говорящей о количестве десятин, мы имеем еще графу IV, говорящую косвенно о количестве скота. Совпадение роста цифр в графах III, IV и V, говорящих об излишках хлеба и их расходе с ростом цифр в I и VI графах, говорит

---

[1] „Ренегат Каутский“, Ленин, т. XV, стр. 512.
[2] Речь на V съезде Советов, т. XV, стр. 379.
[3] Составлено по материалам Ежегодника ЦСУ 1918 — 1920 гг., вып. 1.

I.	II.	III.	IV.	V.	VI.
Наименование групп по землепользованию.	Обменено и продано по вольной цене.	Реквизировано и конфисковано.	Всего израсходовано в своем хозяйстве.	Всего израсх. за пределами своего хоз.	Расход на корм скота.
До 4 десятин .	0,9	1,1	48,0	2,0	2,9
От 4, 1—6 „ .	—	4,5	77,4	4,5	3,8
„ 6, 1—8 „ .	0,8	5,3	98,7	6,1	7,3
„ 8, 1—10 „ .	0,7	9,5	116,5	10,2	8,5
„ 10, 1—14 „ .	1,6	5,4	114,7	7,0	8,4
„ 14,1 и выше .	4,2	23,4	137,0	27,6	14,3

о том, что разделение по признаку наличия излишков целиком совпадает и с другими признаками разделения хозяйств по зажиточности.

Но этой таблицы слишком мало для того, чтобы сказать, что разделение хозяйств по признаку продовольственных излишков покрывало собой все своеобразное, в каждом районе различное, расслоение деревни. Если сравнить те же данные не по одной губернии, а по различным губерниям, то картина получится самая пестрая.

Так, например, бюджеты хозяйств Волоколамского уезда Московской губернии со средним количеством на хозяйство 12,7 десятин земли и 1,62 рабочего скота дают цифры обмененных и проданных по вольной цене 2,3 пуда и отобранного — 3,7 пуда продуктов (продовольственные хлеба, овес и крупа), в то время как бюджеты хозяйств Казанской губернии с 5,6 десятин и 1,29 рабочего скота на хозяйство дают 12,9 пудов проданных и обмененных и 23,8 пудов отобранных продуктов. [1]

Уже это сравнение говорит о том, как различно в разных районах должен был отражаться крестовый поход за хлебом, по каким, самым различным, линиям должно было проходить расслоение деревни, вызванное продовольственным кризисом.

В одних районах и деревнях оно должно было направиться против кулачества, в других районах и деревнях оно должно было откинуть в лагерь кулаков значительный слой середняков и даже маломощных крестьян.

Неудивительно, что в таких губерниях, как Казанская, Симбирская и Самарская, где были излишки хлеба

[1] По Сборнику ЦСУ 1918 — 1920 гг., вып. 1.

и куда, прежде всего, было направлено в начале 1919 года внимание Наркомпрода, продовольственная политика подняла на борьбу против Советской власти широкие слои деревни и вызвала массовое восстание, прекратившее на 6 дней движение продгрузов на железной дороге Инза — Симбирск и на 2 дня на дороге Инза — Сызрань.

Но именно так пошло расслоение деревни. Именно обладание и спекуляция продовольственными излишками определяли отношение той или иной группы крестьянства к пролетарской диктатуре, именно продовольственный кризис создавал и вызывал изменения в этих отношениях.

И Советская власть поддерживала бедноту в этой борьбе, давала товары не тем слоям деревни, у которой брала излишки, а тем, которые этих излишков не имели и помогали эти излишки отбирать.

В этом суть политики комбедов.

Гражданская война перенеслась в деревню и вызвала там глубокие социальные и экономические процессы. Задача пролетариата заключалась в том, чтобы эти процессы не отбросили от революции середняка-крестьянина. И если продовольственная диктатура и комбеды отбрасывали иногда среднее крестьянство от пролетариата, то, во-первых, укреплялась связь пролетариата и беднейшего крестьянства, а, во-вторых, — это не давало еще победы буржуазно-помещичьему блоку в борьбе за середняка.

Политика комбедов была неизбежным этапом в развитии этой борьбы, пока только беднейшее крестьянство могло решительно стать на сторону пролетарской диктатуры. Политикой комбедов партия выделяла бедноту из бушующего и колеблющегося моря мелко-буржуазной стихии. И если эта политика увеличивала амплитуду колебаний крестьянства, то, принимая во внимание появление на гребне мелко-буржуазной стихии реакционнаго помещика, она вела к тому, что отрывающаяся от буржуазно-помещичьего блока средняя часть крестьянства пошла именно по советскому пути.

Комбеды в условиях июльскаго кризиса были единственно возможной формой сохранения советскаго пути развития деревни. Советы в деревнях, когда масса крестьянства боролась еще только с помещиком, но колебалась в борьбе с капитализмом, превратились бы неизбежно в организации, связывающие классовую борьбу в деревне, извращающие советскую систему. Они оторвали бы и бедноту от советскаго пути, прикрепляя ее к советам, ничего общего с советской системой не имеющим.

Это основное значение комбедов нисколько не аннулируется тем, что на известный период времени они

отшатнули от пролетариата ту часть крестьянства, которая по своему положению могла пойти и пошла вместе с пролетариатом и беднейшим крестьянством против кулаков.

Неверно было бы думать, что только продовольственный вопрос вызывал борьбу в деревне — революция обострила и все другие противоречия между различными группами крестьянства. Борьба за землю, за скот, за орудия производства продолжалась и была развязана войной и революцией, но больше всего эту борьбу развязал, над этой борьбой главенствовал продовольственный кризис.

Даже в таком вопросе, как вопрос о строительстве совхозов и коммун продовольственный кризис сказывался чрезвычайно ярко. Очень характерны с этой точки зрения приписные совхозы, как попытка рабочих обеспечить себя продовольствием независимо от деревни. Рабочий класс занялся не только деревней, но и земледелием. Строительство советских хозяйств, этих, по идее, „хлебных фабрик", развивается сильнее не в производящих губерниях, а в губерниях промышленных. В то время как в такой хлебной губернии, как Тамбовская, в 1919 году было 29 совхозов, в Петроградской губернии их было 200. [1] Бесконечные споры о том, в чьем ведении должны находиться совхозы, ничего не могли изменить в том своеобразном положении, когда приписные совхозы были не чем иным как источником снабжения предприятий, имеющих совхозы; никакие попытки Наркомзема подчинить эти совхозы себе, т.-е. придать им характер не только продовольственных организаций, ни к чему не привели.

Другая форма крупного сельского хозяйства, коллективы, также приняли преимущественно потребительский характер. Об этом уже в марте 1919 г. писал член коллегии Наркомзема тов. Кураев.

„Во всяком случае, писал он, на первом плане идеала коммунара стоит совместное потребление".

Но и „совместное потребление", сельско-хозяйственная коммуна и совхоз, и крестовый поход за хлебом — все это вызывало классовую борьбу в деревне по всем линиям деревенской жизни.

Эта борьба принимала самые разнообразные формы.

„Стихийные вспышки „тяги к земле", в Пензенской губ., привели к разделу почти 30 тысяч десятин Советских земель".

В Тверской губ. прокатилась волна поджогов Советских хозяйств на почве требования отдать захваченную землю.

---

[1] Ежегодник ЦСУ 1918 — 1920 гг., вып. II.

В Мстиславском уезде 28 коммун объединились в союз. Повод — враждебное отношение населения, особенно кулачества. „Почти во всех кооперативах данного уезда было постановлено коммунарам, даже членам кооперативов, ничего из кооперативов не выдавать. Волостные продовольственные органы коммунам хлеб по твердым ценам не выдают“.

Было немало ошибок, связанных с проведением политики комбедов, которые чрезвычайно обостряли и искажали борьбу в деревне.

Тамбовский губернский съезд советов выносил постановление об отдаче всей земли исключительно под советские и коллективные хозяйства и об отказе давать землю в единоличное пользование; издавались циркуляры „в которых предлагалось отобрать весь сельско-хозяйственный инвентарь не только у кулаков, но и у всего крестьянства, и заставить крестьян перейти к общественной обработке земли;[1] тов. Ленин на VIII съезде приводил, как пример такой ошибки, инструкцию Нижегородского губкома, в которой говорилось, что „декрет о чрезвычайном налоге должен всей тяжестью лечь на плечи деревенских кулаков, спекулянтов и вообще средний элемент крестьянства“.

Ошибок было много. В основе их — не говоря о прямых безобразиях отдельных представителей власти — лежало то, что не было ясного анализа политики комбедов (продполитики, чрезвычайного налога и т. д.) только как метода борьбы даннаго периода. Нопартия сумела этот анализ дать сейчас же, как только изменившиеся условия делали политику комбедов ненужной, и сумела использовать те результаты, к которым вели комбеды — т.-е. укрепление и развитие советскаго пути деревни.

Правда, еще на VIII съезде партии докладчик в аграрной секции член коллегии Наркомзема, тов. Кураев, говорил: „Неизбежность этого пути укрепления коллективного общественного хозяйства, ведущегося по единому плану и с помощью централизованной системы управления, как в промышленности, диктуется всеми условиями сельского хозяйства“. И как конкретную задачу, выдвигал концентрацию всех сельско-хозяйственных орудий, так как иначе орудий не хватит. Задача организации голода (в том числе и голода с.-х. орудий) не была устранена изменением в соотношении классовых сил в деревне.

Но ставка на середняка с его единоличным хозяйством и отказ от командования крестьянином — эта линия была принята на VIII Съезде Партии совершенно отчетливо.

---

[1] См. доклад Кураева на секции VIII Съезда Партии.

Определилась эта линия не на VIII Съезде Партии, в марте 1919 года, когда крестьянство переживало волну новых колебаний, а значительно раньше, в ноябре 1918 года, когда наметился массовый переход крестьянства на сторону пролетариата. Именно в конце 1918 года условия, вызвавшие политику комбедов, изменились.

Выявление явно реакционной сущности антисоветского движения и изменение международной обстановки; „во-первых, крах германского империализма, связанный с революцией в Германии и других странах, а равно с разоблачением англо-французского империализма; во-вторых, разоблачение буржуазно-демократических иллюзий“ — вот причины, вызвавшие поворот в настроении всей мелкобуржуазной демократии.

Какие данные дают возможность сделать заключение об этом повороте?

Это, во-первых, подъем антипомещичьего движения крестьянства на Украине и крах Петлюровщины, пытавшейся сбить это движение с советского русла. [1]

Во-вторых, крах мелко-буржуазной контр-революции в Сибири и на юге России [2] и подъем красного партизанского крестьянского движения.

В-третьих, это поворот мелко-буржуазных партий, эс-эров и меньшевиков.

Резолюции меньшевиков, относящиеся к Октябрю 1918 года, ясно говорят о силе этого поворота мелкой буржуазии.

Если в мае меньшевики требовали замены „этой карикатуры на социалистическую республику“ демократической республикой“, то в Октябре они говорят о том, что „в настоящее время лозунг Учредительнаго Собрания мог бы быть использован как знамя и прикрытие прямой контр-революции, и даже новые выборы, произведенные в теперешней обстановке, грозили бы сделать Учредительное Собрание не органом революции, а органом контрреволюции“. Они признали в Октябре 1918 года, что „совершенный в Октябре 1917 г. большевистский переворот являлся исторически необходимым, поскольку, разрывая связи между трудящимися массами и капиталистическими классами, он выражал стремление трудящихся масс подчинить направление революции всецело их интересам, без чего немыслимо было высвобождение России из тисков союзнаго империализма, ведение последовательской политики мира, радикальное проведение аграрной реформы

---

[1] См. об этом очерк: — „Ноябрь 1918 г. Конец германской оккупации“.

[2] См. очерки: „Организация контр-революции, Борьба с Колчаком и Борьба с Деникиным“.

и регулирование государством в интересах народных масс всей хозяйственной жизни. [1]

Партия сумела во-время подхватить этот новый поворот мелко-буржуазной демократии. Ставка на середняка ведет свое начало не с марта 1919 года. Если бы это было так, то нужно было бы признать, что партия прозевала и плелась в хвосте событий; что, ослепленная планами социалистических преобразований, она проглядела действительное развитие классовой борьбы.

Ленин в ноябре 1918 года писал об этом повороте и предостерегал от того, чтобы старые лозунги не „застыли и не окостенели теперь, мешая правильно учесть и целесообразно использовать новый момент, когда начался новый поворот среди такой демократии, поворот в нашу сторону, поворот не случайный, а коренящийся в самых глубоких условиях всей международной обстановки“.

„Недостаточно того, чтобы поддержать этот поворот, — говорил Ленин, чтобы встретить поворачивающихся к нам дружелюбно. Политик, сознающий свои задачи, должен научиться вызывать этот поворот, в отдельных слоях и группах широкой мелко-буржуазной демократической массы, если он убедился, что для такого поворота имеются серьезные и глубокие исторические причины. [2]

Если нужно приурочивать изменение политики Советской власти к съездам, то опять-таки переломным съездом в смысле изменения политики в деревне был не VIII Съезд партии, а VI Съезд Советов в ноябре 1918 года, так как на VI Съезде Советов было принято решение об отказе от комбедов и о переходе к нормальным формам советской системы.

VIII Съезд партии закреплял уже принятую новую линию. И закреплять ее приходилось не потому, что без партийного съезда партия этой линии не принимала, а потому, что в марте 1919 года начались новые обратные колебания мелкой буржуазии. Об этих колебаниях Ленин говорил на VIII Съезде. Но ноябрьский поворот крестьянства не был возвращением к до-майским отношениям: крестьянство пришло к пролетариату по-новому, на условиях осажденного лагеря, и поэтому мартовские колебания 1919 года не могли уже заставить возвратиться к политике комбедов.

Именно политика комбедов сделала то, что ноябрьский 1918 года союз пролетариата и крестьянства был заключен на другой основе, чем октябрьский союз 1917 года.

---

[1] См. ст. Вардина в Сб. ЦК РКП. „За 5 лет“.

[2] „Ценные признания Питирима Сорокина“, Ленин, т. XV, стр. 564, см. там же речь о мелко-буржуазных партиях 27 ноября 1918 г., т. XV, стр. 567.

Этого не поняли меньшевики и эс-эры, которые после периода легализации во время ноябрьского поворота скатились обратно к прямому союзу с буржуазно-помещичьей контр-революцией во время мартовского кризиса 1919 года.

Новые колебания крестьянских масс не были переходом их на сторону буржуазии, хотя и создали такой кризис, который захватил значительный слой пролетариата (Питерские забастовки) и который был немедленно использован буржуазно-помещичьим блоком (наступление Колчака). Крестьянские восстания в марте 1919 года в Симбирской и Казанской губерниях проходили под советскими лозунгами, а Советская власть к этому периоду не могла быть в представлении крестьянства только декретом 26 октября 1917 года.

Она должна была уже стать в представлении крестьянина властью организующей вооруженный отпор буржуазии и помещикам, а значит, и требующей жертв.

И если крестьянство продолжало колебаться и восставать, то потому, что жертвы требовались слишком тяжелые. Это было, в основном, уже только, если можно так выразиться, количественное расхождение, особенно после того, как VIII Съезд партии сказал, по вопросу о коммунах, что „представители Советской власти не должны допускать ни малейшего принуждения при создании таковых“ и что „всякие произвольные реквизиции, т.-е. не опирающиеся на точные указания законов центральной власти, должны беспощадно преследоваться“.

Колебания и восстания были и дальше, но основное условие победы в вооруженной борьбе — военный союз пролетариата и среднего крестьянства — был заключен. А победы Красной армии укрепляли союз, так как среднее крестьянство шло с побеждающим, а не с терпящим поражение пролетариатом.

Союз пролетариата и среднего крестьянства на почве борьбы с буржуазно-помещичьим блоком был основным и решающим моментом в организации осажденного лагеря. Только на основе этого союза могла быть создана регулярная Красная армия, т.-е. такая военная система, которая охватывает всю страну, всех граждан определенных, установленных декретом, категорий. Основные решения о создании такой армии были приняты в июле 1918 года, т.-е. тогда, когда деревня переживала наиболее острый момент кризиса. Но ошибочно было бы считать начало регулярной армии с этого момента. Это было только приспособление военных кадров революции к тому, чтобы стать кадрами регулярной армии. Только после ноябрьского поворота мелкой буржуазии можно говорить о создании регулярной армии, как системы вооруженных сил государства.

Характерно, что во всю ширь вопрос о принципах строительства Красной армии встал перед партией на VIII Съезде партии, в марте 1919 года.

Только к этому времени партия имела не только опыт участия в армии отдельных групп крестьянства отдельных местностей, но и опыт привлечения в армию массы крестьянства, независимо от того, вынуждалось это крестьянство к борьбе непосредственным нападением белогвардейских армий, или нет.

В этом отношении важны постановления VIII Съезда партии о казарменной системе, которая означает не что иное, как то, что принудительная воинская повинность охватывает уже не только ту часть населения, которая непосредственно затронута гражданской войной, но всех граждан Советского государства.

Мы имели казарменный тип формирований с самого начала революции, — это части, сформированные военными отделами советов или военкоматами в тылу. Но кого обнимал этот тип формирования до массового перехода крестьянства на сторону пролетариата? Только те элементы, для которых казарма являлась исключительным и единственным местом жительства, т.-е. элементы деклассированные, люмпен-пролетарские.

Рабочие и крестьяне в этот период формируются в отряды по деревням и заводам, т.-е. формируются не в общем порядке, установленном военной системой государства, а в порядке местной активности и самодеятельности.

„Прибегнуть к принудительной повсеместной мобилизации и к их ускоренному обучению и сплочению их в казармах“ оказалось возможным в размере миллионном только после ноябрьского перелома в крестьянстве.

Привлечение в армию крестьянства иным путем не могло дать ни действительно массовую, ни действительно революционную армию. „Использовать государственный аппарат для планомерного строительства централизованной армии“ нужно было, чтобы „обеспечить достижение наибольших результатов с наименьшими жертвами“ [1] не только в смысле военной техники, но и в смысле политическом.

Приход крестьянства в армию в период добровольческой армии разрушал организованность и политическую выдержанность армии и только его охват „казармой“ (в смысле государственной военной системы) мог создать подлинно-регулярную и подлинно-советскую армию.

---

[1] Из резолюции VIII Съезда.

„В революционной обстановке, писал Маркс,[1] судьбы армии являются еще более верным отражением гражданского правительства, чем в обыкновенное время".

И основным итогом, который мог подвести VIII съезд партии в деле строительства армии, был следующий:

„Партизанская армия была армией периода, когда государственная власть фактически не могла руководить армиями, когда государственный аппарат, который создавался пролетариатом, был еще настолько слаб, что военные организации оказывались независимыми от нас и нередко шли против нас. Противоположностью этого служит период, который мы переживаем сейчас. Этот период стоит под знаком государственного строительства, которое ведет пролетариат. Создание государственного аппарата находится в руках пролетариата, точно так же и создание Красной армии".[2]

Этот итог, как в области государственнаго строительства, так и в области строительства армии, означал, во-первых, что Советская власть охватывает своим влиянием уже миллионы, т.-е. и среднее крестьянство.

И во-вторых, это говорило о том, что влияние Советской власти, это есть влияние только пролетариата, т.-е. только Коммунистической партии.

В отношении армии это было закреплено VIII Съездом партии в постановлении об организации вместо Всебюровоенкома Политическаго отдела РВСР, подчиненного непосредственно ЦК партии. Это было по существу только закреплением монополии Коммунистической партии в армии, так как эта монополия была уже завоевана работой коммунистов в армии.

И эта „судьба армии" была самым верным отражением того сдвига в крестьянстве, который был вызван опытом гражданской войны, показавшим, что только Коммунистическая партия гарантирует крестьянство от диктатуры помещика.

И на основе этого опыта партия сумела завоевать монополию не только в рабочих отрядах, но и в регулярной армии, построенной на основе привлечения масс среднего крестьянства, граждан Советского государства.

Но эта система регулярной армии в условиях осажденного лагеря должна была охватить не только всех граждан, но и все хозяйство осажденного лагеря.

Все, что говорилось выше об условиях, вызывающих необходимость всеобщего обобщения, не даст еще полной картины военного коммунизма, если мы не учтем,

---

[1] Маркс, „Испанская революция", Ленин, т. XI, стр. 486, изд. Гиз.
[2] Из доклада Сокольникова на VIII Съезде.

что все хозяйство должно было быть включено не только в рамки государственной организации, но и в систему регулярной Красной армии.

Об этом говорила уже резолюция ВЦИК 29 июля 1918 года о признании Социалистического Отечества в опасности и о том, чтобы „подчинить работу всех советских и иных рабочих организаций основным задачам настоящего момента: отражению натиска чехо-словаков и успешной деятельности по сбору и доставке хлеба в нуждающиеся в нем места“.

„Хотим мы этого или нет,—говорил на этом заседании Ленин,—но вопрос так поставлен: мы находимся в войне, и судьба революции решится исходом этой войны. Это должно стать первым и последним словом нашей агитации, всей нашей политической, революционной и преобразовательской деятельности“.[1]

Выделение чрезвычайной комиссии по снабжению Красной армии и создание Совета Обороны, которому „представляется вся полнота прав в деле мобилизации сил и средств страны в интересах обороны“[2]—вот те организационные формы, в которые вылилось это подчинение всей „преобразовательской деятельности“ военным требованиям.

Постановление о том, что „все силы и средства народа предоставляются в распоряжение Революционного Военного Совета Республики“, было принято еще раньше, 30 сентября. Но это было еще только подчинение интересов других ведомств военному ведомству. Организация Совета Обороны устраняла какое бы то ни было ведомственное деление когда дело касалось обороны страны.

Совет Обороны и его чрезвычайные уполномоченные (Чусоснабармы) не только забирали все, что нужно было для армии от других ведомств, но и подчиняли организационную и хозяйственную работу ведомств интересам обороны.

Если говорить о реальной конституции Советской власти в этот период, то никак нельзя обойти этот момент—подчинение всего и всех Совету Обороны и на местах Чусоснабармам и Реввоенсоветам.

Ясно, что рост военных расходов вместе с ростом фронтов и армий все больше усиливал экономические требования чрезвычайных органов военной обороны. И если основная тенденция военного коммунизма иллюстрировалась падающими цифрами продукции промышленности и сельского хозяйства, то нужно добавить к этим падаю-

---

[1] Ленин, т. XV, стр. 400.
[2] Постановление ВЦИК от 30 ноября 1918 г.

щим линиям восходящую линию величины армии и военных расходов.

Эта восходящая линия военных расходов вызывала изменение Советской политики в трех основных направлениях: во-первых, все усиливающаяся централизация, вовторых, все усиливающееся внедрение государственного распределения в область обращения товаров (продуктов) и, в третьих, все больший охват промышленности национализациями.

Если в период Октябрьского переворота основным моментом всех декретов Советской власти была децентрализация, как метод возбуждения активности масс и разрушения старого бюрократического централизма, то в эпоху военного коммунизма недостаток продуктов заставлял требовать создания общероссийского котла и централизованного распределения.

Такая централизация вызывалась хотя бы тем, что основным методом вооруженной борьбы был метод очередности и ударности фронтов, заключавшийся в том, что на одном из фронтов, имеющем в данный момент решающее значение, сосредоточивалось все внимание. Из всех дивизий только 30% не перебрасывалось с фронта на фронт. 19,5% дивизий побывало не меньше, чем на трех фронтах, и 2,6% перебрасывалось с фронта на фронт 5 раз.[1] В этом была сила Советской власти, что она могла направить концентрированное внимание всей страны в нужное место. А это возможно было только при полном подчинении местных интересов интересам общей борьбы.

Сама по себе переброска войск то на один, то на другой фронт еще не говорит о необходимости централизации всех отраслей жизни страны, хотя и она одна требует уже строжайшей централизации хотя бы железных дорог. Но метод ударности состоял не только в ударных перебросках войск. Он требовал централизованного распределения партийных сил, так как без усиленного пополнения партийными работниками ударных фронтов вся остальная работа оставалась незавершенной и без централизованного распределения снабжения армии. А такая переброска коммунистов, заставлявшая в порядке партийной мобилизации снимать с мест самых необходимых работников, буквально оголяя места, требовала жестокой централизации. И партия была централизована по-военному, т.-е. с отказом от развернутого демократизма. Тем менее, конечно, могли оказаться правы те товарищи, которые на VIII Съезде партии возражали против строжайшей военной централизации партийных организаций армии.

[1] С. Каменев, „Очередные военные задачи“. Изд. ВВРС

И еще меньше можно было на основе широкого демократического самоуправления мест отбирать у этих мест последние запасы продовольствия и пр. для переброски в ударные пункты.

Центральным органам Советской власти и партии пришлось выдержать немало борьбы с местными органами на этой почве. Характерным примером в этом отношении может служить история экономических взаимоотношений Советского центра с национальными республиками, Украиной, Эстонией, Латвией (в те моменты, когда те становились Советскими).

Представитель Советской Эстонии в переговорах с СНХ Северной области заявил, что „мы тоже хотим работать и прилагать наши усилия“ и на основании этого предлагал установить товарообмен как между совершенно самостоятельными странами.

Тов. Стучка в № 1 органа СНХ Латвии „Tautsaimneeziba“ выдвигал программу обмена излишками с Россией на началах внешней торговли и требовал непременной реэвакуации заводов. А когда Советская власть требовала установления полного экономического единства — этого требовали военные задачи — тов. Стучка писал, что „механизм Советской власти в России сошел с правильного пути. На самом деле не было Советской власти, но были Советские министерства“.

Украинское Советское правительство облагало контрибуцией Киевскую и Харьковскую конторы советских Мальцовских заводов.[1]

Все съезды хозяйственных органов сопровождались спорами между центральными и местными работниками о взаимоотношении центра и мест (губерний, а не республик).

В этом отстаивании местных прав была здоровая тенденция „работать и прилагать наши усилия“, но дело все заключалось в том, что нужно было не строить, а воевать. И когда пленум Тамбовского СНХ выносил резолюцию о том, что он „считает необходимым принять срочные меры к организации народного хозяйства на социалистических началах и снизу и сверху“, признавал необходимым „всемерно проводить в жизнь все мероприятия по слиянию многочисленных учреждений, ведающих ныне строительством хозяйственной жизни, в единый аппарат народной коммуны, одинаковый во всех частях своего строения“, и в то же время заявлял, что „одной из основных предпосылок к созданию социалистического хозяйства пленум считает скорейшее упразднение отделе-

---

[1] См. „Народное Хозяйство“ № 7, за 1919 г.

ний всех главков и центров, независимых от местных СНХ“, то он показывал этим полное непонимание как задач строительства, так и военных задач.

Нужно помнить, что реакция на царский централизм (в условиях мелко-буржуазной страны), приведшая к лозунгу „вся власть местам“, не могла быть изжита декретом. Нужно было пройти через известный этап, пока сами декреты стали декретами, а не только агитационными листовками.

И едва ли не самой крупной заслугой Коммунистической партии нужно считать то, что она сумела провести строжайшую централизацию всего советского аппарата. Партийное единство, дисциплина и централизация лежали в основе централизации государственного аппарата — без чего немыслимо было создать обороноспособность советского осажденного лагеря.

Декрет о продовольственной диктатуре был первым проявлением этой централизации. Этот декрет состоит из двух частей: одна — „необходимость беспощадной борьбы с хлебными спекулянтами и мешечниками“ и другая — „централизация всех распоряжений продовольственного характера в едином учреждении“.

В области финансовой в мае 1919 года съезд финотделов высказался за слияние местных бюджетов с государственным и банка с казначейством. Если посмотреть состояние финансового дела к тому моменту, то станет понятным, что местные финансовые работники не протестовали против уничтожения местного бюджета. Съезд финотделов констатировал, что прямое обложение сходит на-нет, что чрезвычайный налог дал всего 9,7% намеченного, что косвенные налоги и увеличение твердых цен не могут быть источником дохода, так как государство больше покупает, чем продает. Одним словом, единственным источником финансовых поступлений может быть эмиссия — а значит и уничтожение местных бюджетов.

В области промышленности — система Главков, в основе которой лежала проблема распределения (сырья и топлива), к которой и свелась проблема производства.

Бюрократическое извращение государственного аппарата в таких условиях, когда каждый фунт железа, хлеба и угля приходилось брать на учет, и когда только тонкий слой пролетариата мог быть действительной опорой, было совершенно неизбежно.

Государственный аппарат чрезвычайно слабо справлялся с колоссальными задачами подчинения всей страны военному регулированию. Для разрешения ударных задач, а их становилось все больше и больше, создавались осо-

бые ударные органы над действующими органами и чрезвычайные органы над особыми органами.

Тов. Красин так, например, мотивировал необходимость организации Чрезвычайной комиссии по снабжению Красной армии: „Поскольку для военного снабжения требуется особая быстрота и срочность в исполнении задач, постольку нужно было создать орган с чрезвычайными полномочиями, который позволяет нам, минуя всякие обычные, слишком значительные канцелярские волокиты, силой чрезвычайных полномочий проводить эти решения“. [1]

Эти ударные органы выполняли ударные задачи за счет текущих потребностей и говорили о невероятной напряженности всей жизни страны. Можно говорить об отдельных, и очень крупных, извращениях государственного аппарата с его бесчисленными чрезвычайными и особыми коммисиями, но система централизации и ударности может обсуждаться только в плоскости того — нужно ли было невероятное напряжение всей жизни страны или нет.

А к чему это приводило иногда на практике, можно показать хотя бы такими цифрами: по Рязанско-Уральской ж. д. за 20 дней прошло 150 обыкновенных поездов и 100 экстренных „чрезвычайных“. [2]

Основная опасность бюрократического извращения системы ударности и централизации заключалась в том, что рост ударных задач и органов приводил к отрицанию самой централизации, т.-е. целесообразного с точки зрения общих задач борьбы распределения запасов.

„На станции — докладывал Наркомпуть, Невский, — столько хозяев, сколько ведомств, только ленивые не занимаются транспортом и только ленивые не занимаются железнодорожным хозяйством“.

Необходимо, наконец, учесть все увеличивающуюся громоздкость аппарата с точки зрения увеличения количества служащих, т.-е. лиц, состоящих на государственном снабжении. Если взять только число членов профсоюза совработников, то получим такую картину: [3]

1918 год (первая половина)	114 539
1919 „	529 841
1920 „	554 079

А сюда не входят очень многие советские служащие, которые распределялись по другим союзам.

---

[1] Доклад на II съезде ВСНХ.
[2] См. доклад Невского на II съезде СНХ.
[3] Ежегодник ЦСУ 1918 — 1920 гг., вып. 11.

Возрастающее количество советских служащих, рабочих национализированных предприятий и транспорта, увеличение армии — все это приводило к тому, что государство должно было снабжать все большее количество едоков.

В план годового снабжения в 1920 — 1921 году включено 37 520 300 человек, не считая армии, которая насчитывала свыше 3 миллионов едоков.

Могло ли государство снабдить эти 40 с лишним миллионов едоков иначе как с помощью государственной монополии, охватывающей все большее и большее количество продуктов не только сельско-хозяйственного, но и городского и кустарного производств?

Не означало ли бы при этих условиях сохранение рыночных отношений подчинение пролетарского государства и задач вооруженной борьбы рынку?

Не означало ли бы это то, что пролетарская диктатура должна была бы снабжать не только 40 миллионов населения предметами первой необходимости, но и оплачивать спекулятивную прибыль торговцев? [1]

Уничтожение рынка было совершенно необходимым при тех условиях, когда даже очень ограниченное снабжение предметами первой необходимости шло за счет последних запасов и за счет основного капитала.

Ограничиться изъятием из рыночного оборота предметов военного снабжения было нельзя, так как государство должно было бы обеспечить не только армию и военные потребности, но и снабжение 40 миллионов рабочих и служащих.

Наиболее острая борьба развивалась именно здесь, при чем голод заставлял даже рабочих требовать уступок, чтобы в ущерб этой борьбе удовлетворить самые острые потребности сегодняшнего дня. Полуторапудничество, т.-е. разрешение на определенный период производить частные заготовки — было узаконенным прорывом в этой борьбе. По данным обследования бюджетов рабочих, эта самостоятельная заготовка хлеба обходилась чрезвычайно дорого и самим рабочим. Накладные расходы таких заготовок составляли 32,8% стоимости заготовленных продуктов. [2] А самостоятельная заготовка продуктов отдельными рабочими или рабочими организациями приводила к опасности полного срыва государственной монополии в деревне.

По данным Свидерского, [3] в результате декрета 10 января 1918 года о заготовке ненормированных про-

---

[1] К этому сводились выдвигавшиеся меньшевиками проэкты свободного рынка и продажи государством закупленных продуктов по пониженным ценам.

[2] „Статистика Труда“ № 1 — 4, 1919 г.

[3] „Экономическая Жизнь“ № 63, за 1919 г.

дуктов, в 7 губерниях за 2 месяца перебывало 1 316 организаций, заготавливающих продукты для 12 миллионов едоков. Понятно, что такая заготовка ставила заготовителей в полную зависимость от имеющих излишки.

Государство в условиях осажденного лагеря поставить себя в такую зависимость не могло. Это значило бы возложить всю тяжесть военных лишений исключительно на городское население, что было физически невозможно. Задача организации государственной монополии и борьбы с спекуляцией стала основной задачей классовой борьбы.

Пролетариат в этой борьбе выступал чрезвычайно ослабленным, рабочие сами получали по карточкам в Питере в декабре 1919 года только 37,7% продовольствия,[1] т.-е. на 62,3% пользовались тем рынком, с которым пролетарское государство в интересах пролетариата вело борьбу.

В то же самое время наступление на частный рынок развивалось самым энергичным образом и не только по директивам центра, но и стихийно, на местах.

Еще до Октябрьской революции, на I Съезде Советов в июне 1917 года, делегат Красноярска сообщал: „мы нарядили специальных комиссаров, дали им соответствующее число войск и в один день учли все товары, расценили их в течение двух недель и установили новую форму торговли". Стоит напомнить, что тогда же, на I Съезде никто другой, как Пешехонов, говорил, что „участие купцов даже в небольшом деле... ведет к резкому повышению цен, когда население начинает с большим трудом отдавать хлеб, потому что оно говорит: зачем я отдам хлеб, если завтра цена будет выше? Разыгрывается спекуляция, за спекуляцией следует взяточничество, подкупы железнодорожников, толкачи".

После Октября вопрос о борьбе со спекуляцией стал основным политическим вопросом и борьба с рынком развернулась во-всю.

В октябре 1919 года на конференции заведующих местными отделами торговли и промышленности тов. Рыков отметил, что более, чем в 20 местах, частная торговля уже муниципализирована и центр отстал от мест, „не создав еще объединяющего органа снабжения и распределения". И декрет „об организации снабжения населения всеми продуктами и предметами личного потребления и домашнего хозяйства", изданный 24 ноября 1918 г., как сказано в первом пункте, „в целях замены частно-торгового аппарата и для планомерного снабжения населения всеми продуктами из советских и кооперативных рас-

---

[1] Ежегодник ЦСУ, 1918 — 1920 г.

пределительных пунктов", только вносил планомерность в тот стихийный процесс уничтожения торговли, который развивался по всей стране.

Уничтожение рынка (окончательно он уничтожен не был) было задачей без решения которой немыслимо было сохранение диктатуры пролетариата.

„Товарищи,— говорил Ленин, [1] — чем больше надвигается на нас голод, тем яснее становится, что против этого отчаянного бедствия нужны и отчаянные меры борьбы. Социализм, повторяю, перестал быть догмою, как он перестал, может-быть, и быть программой. В нашей партии пока еще не написано новой программы, а старая уже никуда не годится. Раздобыть хлеб — вот в чем основа социализма сегодня..."

Эта основа социализма заключалась не в том экономическом преобразовании, которым было уничтожение рыночных отношений, а в том соотношении классовых сил, — борьба с имеющими излишки и спекулирующими ими, —которое сложилось вокруг государственной монополии.

Ленин настойчиво разъяснял это, особенно в брошюре „Пролетарская революция и ренегат Каутский". Но тот же Ленин при выработке программы на VIII Съезде партии говорил: „У нас есть практический опыт осуществления первых шагов по разрушению капитализма в стране с особым отношением пролетариата и крестьянства. Больше ничего нет. Если будем корчить из себя лягушку, пыхтеть и надуваться, это будет посмешищем на весь мир, мы будем простые хвастуны". [2]

И Ленин совершенно отчетливо ставил вопрос о том несоответствии, которое существует между состоянием экономики Советской России и тем соотношением классовых сил, которое придавало революции социалистический характер.

Он говорил о новой буржуазии, которая „рождается из среды крестьянства и кустарей, освобожденных от ига капиталистических банков и отрезанных теперь от железнодорожного транспорта". [3]

„Мы каждый день, на каждом вопросе практической хозяйственной политики, — говорил Ленин, — продовольственной, земледельческой или касающейся ВСНХ, упираемся в эти факты мелкого товарного хозяйства".

И в том и заключалась трудность борьбы за государственную монополию, что мелкое товарное хозяйство

---

[1] Ленин, т. XV, стр. 375.
[2] Ленин, т. XVI, стр. 135.
[3] Ленин, т. XVI, стр. 133.

могло существовать и развиваться (а без него не могла развиваться и крупная промышленность) только на основе рыночных отношений. Это партия знала. Но задача заключалась не в развитии крупной промышленности и не в развитии мелкого товарного хозяйства, а в том, чтобы продержаться до уничтожения военного окружения.

С точки зрения этой задачи партия и Советская власть подходили и к мелкой розничной торговле, и к кустарной промышленности, и к сельскому хозяйству.

Вопрос о кооперации был наиболее характерным с точки зрения подхода Советской власти к мелкому товарному хозяйству. Кооперация — по самой сути своей, организация мелкого товаро - производителя потребителя, основанная на рыночных отношениях. И эта организация оказывала, естественно, серьезное сопротивление государственной монополии. Но классовая борьба внутри кооперации дала возможность найти в ней опору для подчинения кооперации государственной монополии.

Чрезвычайно характерна история борьбы Московского Совета с кооперацией, за создание Единой Потребительской Коммуны, когда даже рабочая кооперация (МЦРК) выносила постановления против потребительской коммуны, т.-е. против государственного распределения продуктов. Выход рабочей кооперации из Центросоюза, дал возможность найти в рабочей кооперации опору, когда на конференции 29 апреля 1919 г. удалось получить коммунистическое большинство. [1]

Коммунисты в кооперации выставляли положение, что с уничтожением частного капитала делается излишним и регулятор—кооперация.

Ошибочность этого положения совершенно очевидна, поскольку об уничтожении частного капитала без уничтожения мелкого товарного хозяйства говорить нельзя. Также ошибочной было заявление Степанова в „Правде" о том, что „былая кооперативная самодеятельность", равно как и вообще „кооперативные методы", давно отошли в прошлое". [2]

Но вопрос заключался не в том, отошли кооперация и частный капитал в прошлое, или не отошли; вопрос заключался в том, что в данных условиях самостоятельная кооперация могла существовать только как организация, враждебная задачам пролетарского осажденного лагеря.

Очень часто органы кооперации национализировались так же, как любое капиталистическое предприятие и Нар-

---

[1] См. „Народное Хозяйство" № 6, за 1919 г.
[2] „Правда" № 71, от 2 апреля.

компроду приходилось издавать циркуляры о том, что враждебное отношение к кооперации будет преследоваться со всей строгостью. Но мы должны помнить, что кооперация в Сибири, например, послужила экономическим базисом контр-революции, и не трогать кооперацию (помимо задачи уничтожения рынка), значило — не трогать контр-революцию.

Отсутствие статистических данных не дает возможности сделать определенных выводов о состоянии кооперации и мелкой кустарной промышленности в эпоху военного коммунизма. Но один вывод можно сделать — это то, что значение кустарной промышленности возрастает из года в год, по мере того как разрушается крупная промышленность.

Сведения о группировке промышленных заведений по числу рабочих дают картину уменьшения количества крупных заводов и рост доли заводов мелких. Число заводов с количеством рабочих более 1 000 уменьшается с 1918 до 1920 г. на 46, в то время как число заводов с количеством рабочих до 50 — вырастает. Центр тяжести промышленной жизни переносится на более мелкие предприятия и кустарная промышленность начинает играть все более крупное значение.

Уничтожение рынка лишает возможности контролировать кустарную промышленность через рынок, и Советская власть все больше и больше переходит к мерам административного вмешательства. „На очередь дня,—говорил Рыков на II съезде СНХ,—выдвигается теперь во весь свой рост вопрос о том, чтобы подойти ближе к промышленности кустарной, средней и мелкой... Метод кооперирования и организации трудовых коммун должен быть выдвинут тут на первый план“. А на секции того же съезда докладчик Ногин говорил:

„Для меня ясно, что все эти мелкие предприятия и мастерские должны быть объединены в особую группу, где производство должно быть поставлено на общих началах, принимая во внимание общее положение об управлении национализированными предприятиями“.

Исходил тов. Ногин из того положения, что „если мы немедленно не сорганизуем формы правления, ведающие тем или другим делом, то мы создадим слишком большое количество мелких предприятий, у которых разовьются большие аппетиты и с которыми трудно будет бороться“.

Если мы вспомним, что и в кооперации кооперативного осталось очень мало, то мы увидим, что слова Рыкова о кооперативных методах почти не отличаются от доклада Ногина.

Другой докладчик в секции съезда, представитель Наркомзема тов. Вавулин заявил, что „артели... признают социализацию для себя, а не социализацию для всего мира", и „чтобы этого не было... нужно, чтобы артели вошли в союз коммун, чтобы они были под ведением государства".

„Социализацию кустарей для всего мира" — такой задачи партия не ставила никогда. Программное требование партии говорило об использовании кустарной промышленности, поощрении объединений, „направленных наряду с другими мерами к тому, чтобы парализовать стремление кустарей превратиться в мелких промышленников и создать безболезненный переход этих отсталых форм производства к более высокой крупной машинизированной индустрии". [1]

Экономическое положение осажденного лагеря не давало возможности не только говорить о переходе форм мелкой промышленности к „крупной машинизированной индустрии", но грозило и крупную индустрию свести к формам мелкой промышленности.

И декрет о регулировании кустарных промыслов и национализированной промышленности говорит не о высшей форме машинной индустрии, а о том, что „в целях более правильного и регулярного снабжения Красной армии и населения... а также в целях борьбы со спекуляцией", необходимо, чтобы основная продукция кустарной промышленности шла в общий котел.

Этот декрет является развитием той линии, которую приняла Советская власть по отношению к мелкой промышленности, т.-е. централизация снабжения и сбыта при сохранении организационной самостоятельности.

Но этот декрет характерен другим. Он издан в сентябре 1920 г., т.-е. тогда, когда задачи организации осажденного лагеря перестали быть единственно решающими задачами. Он выходит, таким образом, за пределы того периода, в котором я пишу, и подлежит рассмотрению здесь только с той точки зрения, что источник его зарождения лежит в условиях военного окружения, когда нужно было и продукцию мелких предприятий, поскольку возможно, направить на снабжение осажденного лагеря.

Целый ряд других мероприятий Советской власти периода 1920 года относится к той же категории проявлений политики, основы которой лежат в условиях осажденного лагеря, но которая продолжала развиваться тогда, когда условия изменились.

---

[1] Программа партии.

Сюда нужно отнести национализацию мелких предприятий, сюда же нужно отнести мероприятия по отмене денежного обращения и т. д.

В мои задачи не входит разбор того, насколько дальнейшее развитие коммунистических мероприятий осажденного лагеря оправдывалось в 1920 г., т.-е. насколько изменились условия 1920 года; в мои задачи не входит исследование вопроса о том, когда и какой поворот должен был быть произведен Коммунистической партией для того, чтобы под коммунистические формы, созданные политикой военного коммунизма, подвести экономический, а не военный базис; в мои задачи не входит и разбор того, насколько политика военного коммунизма укрепила или разрушила предпосылки коммунистических преобразований.

Мне важно в этих последних мероприятиях одно: они показывают яснее всего те формы, в направлении которых *должна была* развиваться организация пролетарского государства в условиях военного окружения, независимо от того, куда придется отступить тогда, когда подведение экономического фундамента станет возможным.

С точки зрения организации осажденного лагеря вопрос заключается не в том, „что мы зашли дальше, чем это теоретически и политически было необходимо“. [1]

„В этом отношении было много просто ошибочного, и было бы величайшим преступлением,—говорил Ленин, [2] — здесь видеть и не понимать того, что мы меры не соблюли, не знали, как ее соблюсти. Но тут также была вынужденная необходимость — мы жили до сих пор в условиях такой бешеной, неслыханно тяжелой войны, когда ничего, кроме как действия по-военному, нам не оставалось и в области экономической“.

И если нужно давать общую оценку методам военного коммунизма, то эта оценка должна быть дана только так: методы военного коммунизма дали возможность победить Колчака, Деникина, Юденича. „Этим чудом был создан отпор помещикам и капиталистам“. [3]

---

[1] *Ленин*, речь на X Съезде, т. XVIII, ч. 1, стр. 142.
[2] *Там же*, стр. 141.
[3] *Ленин*, там же стр. 142.

ОРГАНИЗАЦИЯ КОНТР-РЕВОЛЮЦИИ.

Союзники и Советская Россия. Союзники и Колчак. Союзники и Деникин. Союзники на севере и северо-западе. От 19-ти к.-р. правительств к четырем. Классовое содержание этого процесса. Крах учредиловцев. Военная диктатура буржуазно-помещичьего блока.

„Мне кажется, — говорил Ленин в своей первой речи во время подъема революционной волны на Западе в октябре 1918 г., [1] — что теперешнее наше положение, при всей его противоречивости может быть определено, во-первых, тем, что мы никогда не были так близки к международной революции, как теперь, и, во-вторых, мы никогда не были в более опасном положении, как теперь".

Эта опасность создавалась тем, что англо-французский империализм оказался победителем и мог направить свои силы против нарастающей революции и прежде всего против Советской России.

„...если нам удалось просуществовать год после Октябрьской революции, то этим мы обязаны тому, что международный империализм был расколот на две группы хищников: англо-французов-американцев и германцев, которые были в мертвой схватке друг с другом, которым было не до нас. Ни одна из этих групп целиком серьезных сил против нас направить не могла, а, конечно, они обе направили бы на нас эти силы, если бы могли". [2]

Этот год дал возможность пролетариату России укрепиться, организовать свое господство, создать Красную армию. Но если во второй год своего существования Советская Россия вступила более или менее окрепшей и вооруженной, то в то же время устранение наиболее крупного противоречия между двумя группами хищников ставило перед Советской Россией новые угрозы со стороны освободившегося англо-французского империализма. Теперь помешать союзникам направить целиком серьезные силы против Советской России могло только революцион-

---

[1] Ленин, т. XV, стр. 430.
[2] Ленин, т. XV, стр. 549.

ное движение на Западе и противоречия между империализмами уже союзнических стран.

Что эти противоречия будут и в дальнейшем служить серьезнейшим препятствием для империализма в его борьбе с Советской Россией — в этом не могло быть никаких сомнений. Но что перед угрозой назревающей революции будут попытки, и возможно на время удачные, сгладить противоречия между империализмами отдельных стран для организации объединенного выступления против Советов — эта перспектива вырисовывалась довольно ясно. Высылка Советского представителя из Германии, оставление германских войск на Украине по требованию союзников — эти факты говорили о том, что перед угрозой революции побежденная Германия и победители сумели найти общий язык. Что же касается союзников, то были сведения о соглашении, заключенном между наиболее враждебными империалистическими странами — Японией и Америкой, хотя еще 2 ноября 1918 г. Америка отправила Японии ультиматум, с протестом против захвата Японией Дальнего Востока и с требованием очистить некоторые пункты. [1]

Американские войска были высажены и во Владивостоке и в Архангельске; представитель Америки принимал участие в переговорах с представителями российских контр-революционных организаций в Яссах. [2] Но в то же время Америка дважды обращается к Советскому правительству с мирными предложениями: один раз через сенатора Буллита, нащупывавшего от имени Вильсона почву для заключения соглашения между Антантой и всеми существующими в России правительствами, второй раз путем предложения о созыве конференции всех правительств России на Принцевых островах.

Отношения между Америкой и остальными союзными странами вокруг вопроса о Принцевых островах выявились чрезвычайно характерно. Союзники приняли предложение Вильсона о Принцевых островах, но, как пишет английский полковник Уорд, „японский совет отбросить предложение получил тайную поддержку со стороны англичан и французов", и Уорд предложил Колчаку „смотреть на вопрос так, как если бы не было никакой телеграммы из Парижа. [3]

Еще характернее данные о поведении американского дессанта в Сибири, дессанта, в котором, по мнению Колчака, из 60 офицеров-американцев больше 50 были рус-

---

[1] См. Павлович, „Россия и Япония".
[2] См. Маргулиес в „Летописи Революции" Гржебина, т. I.
[3] Уорд, „Союзная интервенция в Сибири".

скими евреями или родственниками их, из которых некоторые, в свое время, были высланы из России за политические и другие преступления.

Командующий английским дессантным отрядом Уорд приводит факты, когда американские войска поддерживали красных партизан против японских войск. Он приводит письмо американского капитана в Свиягине к командиру красного отряда о том, „что действия Красной гвардии противоречат соглашению, заключенному начальником американских войск и красных сил, и что в случае повторения он примет свои меры для наказания тех, кто нарушает их взаимные интересы“.

Ручаться за достоверность этих фактов нельзя, но факт объявления американцами Сучанского округа нейтральной зоной, что спасло красных партизан от разгрома — факт, на который также указывает Уорд, — подтверждается и другими данными. [1]

Сам тон описания действий американского дессанта Уордом говорит о тех отношениях, которые были между американскими и союзническими войсками, а кроме того, эти факты целиком соответствуют той политике, которой держалась Америка в русских делах — помешать распространению Японии на Дальнем Востоке.

Вмешательство Америки в русские дела не было, однако, настолько активным, чтобы решительно помешать осуществлению планов англо-французского и японского империализма.

Японские планы ограничиваются, как будто, захватом Дальнего Востока и в этой своей политике Япония, например, поддерживает Семенова против поддержанного Англией и Францией — Колчака. Есть сведения о переговорах Японии с Уфимской Директорией о продвижении японских войск на Урал, [2] на условии предоставления Японии всей Сибирской железной дороги, но видимо Япония не могла решиться на столь далеко идущее самостоятельное выступление в России, к тому же и Директория, с которой велись переговоры, была арестована и заменена Колчаком.

„Я многое видел — пишет Уорд, — убедившее меня в том, что страна Восходящего Солнца была в то время более заинтересована в поддержании беспорядка, как наивернейшего средства для укрепления своих собственных честолюбивых намерений“. Что английская политика нисколько не отличалась в этом отношении от японской,

---

[1] Воспоминания участников партизанского движения. См. „Революция на Дальнем Востоке“. Изд. Дальистпарта, ч. I.

[2] См. Уорд, см. Гинс, „Сибирь, союзники и Колчак“, т. II.

об этом Уорд, конечно, не пишет. Но Уорд пишет о том, что при разработке плана наступления Колчака „с точки зрения чисто-русской тактики, было необходимо ударить южнее Уфы, имея целью достигнуть соединения с оренбургскими казаками Дутова и, по возможности, связаться с войсками Деникина“, но под давлением англичан был выработан тот план наступления, который устранял возможность создания сильной, пусть контр-революционной, России.

В планы империалистической Англии это не входило и вся политика Англии заключалась, прежде всего, в расчленении России. На северо-западном фронте „в августе, когда на сухопутном фронте у Петрограда царила тишина“, англичане потопили 2 наших больших судна у Кронштадта, когда же в сентябре помощь английского флота могла сыграть решающую роль в наступлении Юденича на Петроград, „английской эскадре был дан приказ только стоять, смотреть, но ничего не предпринимать“. [1]

Кирдецов, один из участников северо-западного контр-революционного фронта, приводит факты, когда англичане присылали Юденичу орудия без замков, танки без пулеметных лент, а с одним транспортом были присланы бритвы на целый корпус, зубные щетки, ремни для бритв, футболы и т. д. Хотя эти факты и могут быть взяты под сомнение, но общая политика англичан, имеющая главной целью раздробление России, будь то Россия Советская или контр-революционная, вырисовывается с достаточной ясностью.

Однако, для данного момента имело значение не это, а усилия Англии, направленные к тому, чтобы не дать Красной армии разгромить контр-революционные образования, и в этом отношении, вместе с Францией, Англия оказала серьезнейшую помощь российской контр-революции.

„По мере того, как росло международное значение революции, также росло и усиливалось бешеное сплочение империалистов всего мира. В Октябре 1917 г. они считали нашу республику курьезом, на который не стоило обращать внимания; в феврале они считали ее социалистическим экспериментом, с которым не стоило считаться. Но армия республики росла, укреплялась, она разрешила самую трудную задачу,—создания социалистической Красной армии.

В силу роста и успеха нашего дела, росли бешеное сопротивление и бешеная ненависть империалистов всех стран“... [2]

---

[1] Кирдецов, „У ворот Петрограда“.
[2] Ленин, Речь 6 ноября 1918 г., т. XV, стр. 543.

Англия, какова бы ни была ее конечная цель и как бы ни расходилась ее политика с наиболее реакционной политикой Франции, [1] по мере роста значения Советской России, усилила свою помощь российской контр-революции.

В ноябре — декабре 1918 г. английский дессант высаживается в Батуме и распространяется по Кавказу, занимая Тифлис и Баку; в январе 1919 г. английский флот появляется в западной части Финского залива, а на юге и на востоке Англия объединяет контр-революционные силы и усиливает их снабжение.

Объединение контр-революционных сил—этот процесс является основным в истории российской контр-революции в период конца 1918 и начала 1919 гг. Этот процесс явился результатом того изменения, которое внесла в международное отношение победа союзников над Германией и подъем революционной волны на Западе. Союзники, получившие теперь возможность более активного вмешательства в российские дела, поддерживают уже не просто всякую контр-революционную организацию, а только такие, которые могут создать более или менее крупные вооруженные силы для борьбы с Красной армией. Простой коммерческий расчет должен был подсказывать, что тратить средства, — а Англия, например, по данным Павловича, затратила на поддержание контр-революции в России с ноября 1918 г. по ноябрь 1919 г. — 46 631 000 ф. стерл. [2] — на мелкие контр-революционные объединения, не способные выдержать натиска Красной армии — нет смысла, — Советская Россия перестала быть курьезом и экспериментом.

И союзники поддерживают и форсируют тот процесс, который вытекал из классовой сущности контр-революционного движения — процесс подчинения мелких контр-революционных образований местного значения крупным объединениям обще-российского масштаба.

К августу 1918 года на территории России, не оккупированной немцами было, по подсчету Утгофа — 19 правительств. [3] К февралю 1919 года все местные контр-революционные правительства покрываются тремя правителями — Колчаком, Юденичем, Деникиным. Участие союзников в этом процессе подтверждается совершенно бесспорно целым рядом документов и фактов.

---

[1] Об этом см. ниже.

[2] См. Павлович, „Англия и Советская Россия“.

[3] См. воспоминания Утгофа в „Былом“ № 16 за 1921 г. Утгоф пропускает еще правительства: Якутское, национальные правительства Тюрко-Татар и Алаш-Орды.

О перевороте 18 ноября в Омске, поставившем к власти Колчака, полковник Уорд пишет: „мои пулеметы командовали над каждой улицей, которая вела к помещению русской главной квартиры... Уведомил как русских, так и чешских властей, что не позволю группам войск или граждан приближаться или собираться вблизи моего расположения...“, и заключает: „а что все эти распоряжения дали министрам больше уверенности продолжать их политику, в этом не может быть никакого сомнения. Это было одним из неизбежных следствий наших приготовлений к самозащите и не имело характера влияния на их решения, которые всецело принадлежали им одним, но это придало устойчивость всей обстановке“.

„Устойчивость всей обстановке“ придало и письмо, полученное Красновым, отказывавшимся подчиниться Деникину, от английского представителя Пуля 20 декабря 1918 г.

Вот это письмо:

„Я осмелюсь указать Вашему Превосходительству, что я считаю вопрос назначения Главнокомандующего пунктом, о котором следовало бы сперва посоветоваться с союзниками, так как я вынес впечатление из Вашего письма,[1] что Вы считаете, что только с союзной помощью и союзным снабжением Вы сможете наступать или даже удержать занятое Вами.

Инструкции от моего правительства указали мне войти в связь с генералом Деникиным, представителем, в Британском мнении, Русской Армии, действующей против большевиков. Поэтому я сожалею, что для меня невозможно обдумывать признание какого-либо другого офицера таковым представителем...

Если я буду вынужден вернуться и доложить моему правительству, что между Русскими генералами существует взаимная зависть и недоверие, это произведет самое болезненное впечатление и безусловно уменьшит шансы того, что союзники окажут какую-либо помощь. Я предпочел бы донести, что Ваше Превосходительство показали себя настолько великим патриотом, что согласились даже подчинить Ваши собственные желания общему благу России, и согласились служить под командой генерала Деникина“.[2]

Краснову, поддержанному ранее такого же рода письмом германского представителя, конечно, ничего не оставалось делать, как согласиться на подчинение Деникину, что и было сделано на совещании 8 января.

---

[1] Краснов после поражения Германии обратился за помощью к союзникам.

[2] Архив Гессена, т. V.

К тому же и французский представитель на юге, Фукэ, предъявил Краснову еще более энергичные условия, которые Краснов должен был подписать.

Эти условия особенно характерны:

1. „Признание полного и единого командования над собой ген. Деникина и его Совета Министров.

2. „Как высшую над собой власть в военном, политическом, административном и внутреннем отношении признаем власть французского Главнокомандующего Франшэ д'Эсперэ.

3. ...„все распоряжения, отдаваемые войску, будут делаться с ведома капитана Фукэ".

В этих условиях имеется один пункт, вскрывающий подоплеку французского вмешательства в дела России. Это пункт четвертый, который гласит:

„...обязываемся всем достоянием войска Донского заплатить все убытки французских граждан, проживающих в угольном районе „Донец" и где бы они ни находились, происшедших вследствие отсутствия порядка в стране, в чем бы они ни выражались, в порче машин и приспособлений, в отсутствии рабочей силы, мы обязаны возместить потерявшим трудоспособность, а также семьям убитых вследствие беспорядков и заплатить полностью среднюю доходность предприятий, с причислением к ней 5% надбавки за все то время, когда эти предприятия почему-либо не работали, начиная с 1914 года...". [1]

В северной области вмешательство союзников выразилось в еще более ярких формах: „демократическое" правительство было при участии англичан арестовано и было предложено создать новое правительство. [2]

А в северо-западной области английский генерал Марш созвал заседание контр-революционных деятелей и, оставив им список кандидатов, предложил через 30 минут образовать правительство северо-западной области. Это было сделано, правда, из совершенно особых соображений — для установления связи с Эстонией. Заявление этого, образованного ген. Марш, правительства гласит:

„В целях действительной военной помощи русской Действующей Армии северо-западного фронта со стороны эстонского правительства и в виду заявления эстонского правительства о согласии своем на подписание сего договора лишь с демократическим правительством Северо-Западной Области, которое необходимо для сего образо-

---

[1] Там же. Нужно вспомнить о той роли, которую играл французский капитал в южной промышленности, чтобы оценить все значение этого пункта.

[2] Игнатьев, „Некоторые итоги и факты".

вать, мы, нижеподписавшиеся, оценив обстановку, в которой оказалось дело спасения нашей родины и освобождения ее от ига большевиков, изложенную нам в заседании под председательством ген. Марша и доказавшую полную невозможность дальнейшей помощи союзников при существующих условиях, настоящим заявляем: 1 — что нами сформировано правительство Северо-Западной Области России...“. [1]

Что это „демократическое“ правительство было только ширмой для Эстонии, и что за ним скрывалась реакционнейшая фигура Юденича — в этом не может быть никаких сомнений. Но и Юденич возглавил движение по указке союзников, заставивших других генералов, в частности генерала Родзянко, подчиниться Юденичу. [2]

Отношение союзников к российской контр-революции и их обращение с ее главарями достаточно ярко вырисовывается из следующего письма маршала Гоф Юденичу:

„Многие русские командиры до такой степени тупоумны или памятью коротки, что уже открыто говорят о необходимости обратиться за помощью к немцам, против воли Союзных держав.

Скажите этим дуракам, чтобы они прочли Мирный Договор. Все, что Германия имеет, уже ею потеряно“.

Всех этих фактов и документов вполне достаточно для того, чтобы оценить роль союзников в процессе организации контр-революции. Но было бы глубочайшей ошибкой отделаться ссылкой на иностранное вмешательство и проглядеть классовую сущность этого процесса. Крах мелко-буржуазной и демократической контр-революции и победа буржуазно - помещичьего блока — вот что лежит в основе объединения множества контр-революционных правительств под диктатурой Колчака, Деникина, Юденича.

„На деле создались только две силы: диктатура буржуазии и диктатура пролетариата“ — вот смысл этого процесса, который форсировало вмешательство иностранного капитала в России.

Поскольку поставлена была задача объединения и укрепления контр-революционных образований, постольку совершенно неизбежно должна была выявиться из-за демократических фраз мелко-буржуазной контр-революции прямая диктатура буржуазии и помещиков.

Самый факт существования двух десятков правительств говорит о мелко-буржуазном характере их, отражая на себе узость мелкой буржуазии, ее ограниченность

---

[1] Кирдецов, „У ворот Петрограда“.

[2] См. Родзянко, „Восположиния о борьбе в Северо-Западной области“. Подробнее об этом позже.

и неспособность к самостоятельной борьбе. Все эти правительства возглавлялись мелко-буржуазными партиями эс-эров и меньшевиков, все они провозглашали демократические лозунги и все они вооруженную опору находили в реакционном офицерстве, которое делало политику.

Наибольшие претензии на всероссийскую роль предъявляло Самарское правительство Комитета членов Учредительного Собрания (Самарский Комуч), но и оно не могло даже объединить работу членов Учредилки, и в Сибирском правительстве оставались члены Учредилки, несмотря на вражду между Сибирским и Самарским правительством. Существовало и второе учредиловское правительство — Прикамский Комитет Членов Учредительного Собрания.

Положение же Самарского Комуча, возглавляемого правыми эс-эрами, один из членов Комуча, Утгоф [1] изображает следующим образом: „Самарское правительство искало помощи со всех сторон. Обращалось к союзникам — получало обещание без указаний размеров, дат и видов этой помощи. Обращалось к Сибирякам — получало таможенную войну и заверения, что Сибирь еще не очищена от большевиков. Обращалось к чехам — они фактически были заняты борьбой в Сибири и преимущественно в ее восточной половине“.

А внутреннее положение определялось фразами о демократии членов правительства и расправами с рабочими и крестьянами действительных правителей — офицерства. [2]

Другой военной силы Самарское правительство создать не могло. Демократизм эс-эров сказался только в том, что в их армии были созданы комитеты и прочие „демократические бирюльки“, ускоряющие развал армии, но не изменяющие действительного соотношения сил, так как командование армией было отдано в руки реакционного офицерства. Попытки демократическими формами закрыть классовую сущность целей войны привели к тому, что Самарская Народная Армия „лишь отягчала казну Самарского правительства и подвергала опасности боеспособные части“. [3] Вместе с тем и опереться на боеспособные части Самарское правительство не могло, так как они состояли в значительной степени из реакционного, ненавидящего эс-эров офицерства и руководились офицерством.

А „офицерство“ (кадровое), реакционно настроенное, политически совершенно не развитое, влюбленное в погоны, ордена, чины и пр. балаболки, неизменно тянуло в Сибирь или просто уклонялось от службы“. [4]

---

[1] „Былое“ № 16 за 1921 г.
[2] Пример — усмирение Иващенковского восстания.
[3] Утгоф, „Былое“ № 16.
[4] Там же.

Естественно, что при столкновениях с более открыто реакционными правительствами, с правительством Дутова и с Сибирским областным правительством, самарские эс-эры оказывались совершенно бессильными. „Соглашательство, как единственный метод политического действия, договоры и торжественные обещания, как единственная гарантия соблюдения обязательств, таково было оружие, с которым эти природные парламентарии ринулись в самую гущу быта“. [1]

Таким договором „и торжественным обещанием“ было образование 25 сентября 1918 г. эс-эровской директории— Всероссийского правительства, „признанного“ всеми местными правительствами Сибири и Урала.

В Сибирском Областном правительстве, вошедшем в соглашение с Самарским Комучем об образовании единой всероссийской власти, удельный вес мелко-буржуазных партий определялся теми же факторами, что и в Самарском Комуче. Вооруженные силы Сибирского правительства состояли из офицерских батальонов, сформированных в первый период переворота на основе офицерской мобилизации, и из атаманских казацких отрядов, действующих совершенно независимо от эс-эровского правительства.

Первые мобилизации крестьянства, проведенные в Сибири в июле месяце, вызвали ряд крестьянских восстаний. На Алтае, в Томской и Енисейской губ., на почве этих мобилизаций возникло крестьянское партизанское движение. [2] Единственной реальной силой, которая могла обеспечить проведение мобилизации, были офицерские и чешские отряды. Уже этим одним офицерству была предоставлена действительная власть.

„Представители военной власти и остальное реакционно-настроенное офицерство начали, со своей стороны, соответственно законодательствовать: смертные казни, военно-полевые суды, репрессии против печати и собраний, все это государственное творчество быстро расцвело на Сибирской почве“. [3]

Типичным обыденным примером бессилия эс-эровской части Сибирского правительства может служить история расстрела 5 большевиков в Красноярске: [4] распоряжение о их расстреле, отданное реакционным генералом чешских войск, Гайда, вызвало „демократическую“ панику среди

---

[1] Утгоф, там же.
[2] См. Колосов, „Сибирь при Колчаке“.
[3] Аргунов, „Между двумя большевизмами“.
[4] Вейнбаум, Дубровинский и др. По личным воспоминаниям.

Красноярской Городской Думы. Чтобы остановить расстрел, всем пятерым было предъявлено обвинение по статьям царского уголовного кодекса и предполагалось назначить срок судебного разбирательства. Однако, прокурор остался со статьями, а подсудимые были расстреляны.

Этот „инцидент" показывает и роль чехов, которые, несмотря на свой демократический состав, поставлены были в такие условия, что принуждены были играть явно реакционную роль. [1]

Западно-Сибирский Комиссариат из членов правительства, выдвинутого на подпольном заседании Сибирской Областной Думы, оставляет еще открытым вопрос не только о денационализации промышленности и восстановлении земельной собственности, но даже о разгоне советов, хотя на деле все советские работники с первых дней переворота арестованы или расстреляны офицерскими отрядами.

В июле, когда власть от Западно-Сибирского Комиссариата переходит к 5 министрам Сибирского правительства (Патушинский, Михайлов, Вологодский, Шатилов, Крутовский) объявляется уже денационализация, ликвидируются все советские декреты, вводится исключительное положение на железных дорогах и восстанавливаются старые суды и губернаторы. В августе образуется „беспартийный" Административный Совет из явно реакционных элементов, и власть фактически (поскольку вообще можно было говорить о власти, когда каждый офицерский или атаманский отряд действовал, не считаясь ни с каким правительством) сосредоточивается в его руках.

20 сентября министры эс-эры арестовываются начальником гарнизона и высылаются из Омска, а один из эсэровских деятелей, Новоселов, „бесследно пропадает". [2]

Сибирская Областная Дума занимается в Томске говорильней, а в Омске властвует военщина и Омский блок, состав которого достаточно ярко показывает его классовый характер.

В него входят такие „социалистические" организации, как Омская группа РС-ДРП „Единство", Омская группа эс-эров („Воля Народа") и Омский комитет н.-с., блокирующиеся с Омским отделом Союза Возрождения России, Всероссийским Советом Съездов Торговли и Промышленности, Восточным Отделом ЦК к.-д., Центральным военно-промышленным Комитетом, Акмолинским Областным Отделом

---

[1] Подробнее о чешском войске в очерках: Политика передышки и ее срыв. Борьба с чехо-словацким восстанием и борьба с Колчаком.

[2] Тело его находят в городской роще. См. об этом Гинс, „Сибирь, союзники и Колчак", Аргунов, „Между двумя большевизмами", и Колосов.

Всероссийского Национального Союза и атаманами казачьих войск Сибирского, Забайкальского, Семиреченского и Иркутского.[1]

Соглашение в Уфе об образовании эс-эровской Директории является как будто победой социалистических партий, но уже 18 ноября Директория арестовывается, и министрами Сибирского правительства, оставленными Директорией, провозглашается диктатура Колчака, заявившего, „что для современной войны только положение о полевом управлении войск и система власти, им указанная, может годиться.[2]

Закон о помещичьих землях, по которому „все земли, вышедшие из обладания их прежних владельцев, описываются и принимаются в ведение государства и до окончательного разрешения земельного вопроса сдаются в аренду земледельческому населению"; декларация о земле, где объявляется, что „законодательные акты об упорядочении земельных отношений, о порядке временного использования захваченных земель, последующем справедливом распределении их, и, наконец, об условиях вознаграждения прежних владельцев последует в ближайшее время"; ограбление больничных касс циркуляром 31 декабря 1918 года и разгон всех рабочих организаций; полная свобода торговли и эксплоатации; установление ценза при выборах в городские думы и земства и лишение их всяких прав путем передачи всей власти в руки военных генерал-губернаторов,[3] — вот та политика, к которой пришло антисоветское движение в процессе своей организации.

От декларации Сибирской Областной Думы о переходе земель к трудовому крестьянству согласно закона Учредительного Собрания до возвращения помещичьих земель, и от Учредительного Собрания Самарского Комуча до положения о полевом управлении войск — таков путь, пройденный, при поддержке союзников, антисоветским движением.

И это не только в Сибири, но и во всех областях, где только контр-революция, поддержанная иностранным капиталом, смогла продержаться некоторое время. История организации контр-революции на севере и на юге дает ту же картину полного краха мелко-буржуазных демократических иллюзий и перехода к открытой военной диктатуре буржуазно-помещичьего блока.

С особенной ясностью эта суть власти за демократическими декларациями выявляется в решении земельного

---

[1] См. Гинс, т. II.
[2] Там же.
[3] Там же.

вопроса. Здесь всегда вылезает не только буржуа, но и помещик, поскольку буржуазия, напуганная революцией, еще менее способна стала порвать свои связи с феодально-помещичьей реакцией.

В Северной области демократический закон о земле оставлял конечное решение в руках судебных органов, возглавляемых явными реакционерами.

„И управляющий отделом юстиции Городецкий и прокурор Дуброво были, мягко выражаясь, людьми консервативных взглядов. Первый же случай, который дошел до суда по земельному спору, суд разрешил, базируясь на гражданских неотмененных законах Российской Империи, т.-е. постановив передать землю в неограниченном размере бывшему собственнику“. [1]

„Нет, господа, — писал один из вождей кулацкой контр-революции на юге, деятель Донского казачьего правительства, Агеев, — это политика диктатуры классовой; это политика помещичьего шарабана и кареты с графскими и баронскими гербами. В ту минуту, когда издавались Особым Совещанием законы и распоряжения по земельному законопроекту, интересы народа и величие родины было принесено в жертву эгоизму дворянско-землевладельческого класса. Одно из двух: или Единая Великая Россия без гг. крупных земельных собственников, или крупные земельные собственники без Единой Великой России“. [2]

Но законы классовой борьбы ставили иначе проблему: или-или.

„Или Советская власть побеждает во всех передовых странах мира, или самый реакционный, самый бешеный, душащий все мелкие и слабые народы, восстановляющий реакцию во всем мире англо-американский империализм, великолепно научившийся использовать форму демократической республики.

Или-или.

Середины нет. Совсем недавно такой взгляд считали ослепленным фанатизмом большевиков.

А вышло именно так“. [3]

„Вера в универсальное, всеспасающее действие „демократии“ *вообще*, непонимание того, что она является *буржуазной* демократией, исторически ограниченной в своей полезности, в своей необходимости, такая вера и такое понимание держались во всех странах веками и десятилетиями, особенно прочно среди мелкой буржуа-

---

[1] Игнатьев, „Некоторые факты и итоги гражданской войны на Севере“.

[2] Г. Покровский, „Деникинщина“.

[3] Ленин, „Ценные признания Питирима Сорокина“, т. XV, стр. 563.

зии. Крупный буржуа прошел огонь, воду и медные трубы, он знает, что демократическая республика, как и всякая другая форма государства при капитализме, есть не что иное, как машина для подавления пролетариата. Крупный буржуа знает это и из своего интимнейшего знакомства с настоящими руководителями и с наиболее глубокими (зачастую именно в силу этого наиболее прикрытыми) пружинами всякой буржуазной государственной машины. Мелкий буржуа, по своему экономическому положению, по всем условиям своей жизни меньше способен усвоить эту истину, дольше держится иллюзий насчет того, будто демократическая республика означает „чистую демократию“, „свободное народное государство“, внеклассовое или надклассовое народовластие, чистое проявление всенародной воли и так далее и тому подобное“. [1]

И если буржуазия давала возможность в гражданской войне утешаться мелкой буржуазии демократическими игрушками, то только потому, что наиболее глубокие пружины находились в ее руках, и только до тех пор, пока этими пружинами она не овладела достаточно крепко.

И в то время как мелкая буржуазия занималась декларациями о народоправстве, буржуазно-помещичий блок завоевывал аппарат управления и создавал армию, находившуюся в руках дворянско-помещичьего офицерства.

Зависимость от иностранного капитала, который, как пишет Игнатьев, все симпатии отдавал кадетам и правым группировкам, только усиливала и ускоряла тот процесс, сущность которого заключалась в установлении буржуазно-помещичьей диктатуры на плечах мелко-буржуазной контрреволюции.

---

[1] Ленин, т. XV, стр. 562.

БОРЬБА С КОЛЧАКОМ.

Колчаковская армия. Генеральская диктатура. Март 1919 г. в Советской России. Наступление Колчака. Красная и белая армии. Перелом на фронте. Красные партизаны. Развал офицерства и военной диктатуры. „Оппозиция Его Величества“. Земское движение. Чехо-словаки. Союзники. Конец колчаковщины.

Наступление Красной армии против чешских войск в конце 1918 года имело целью освобождение Волги, Приволжских областей и Урала. Первая часть задачи была выполнена. В борьбе за Северный Урал красные части натолкнулись на серьезное сопротивление офицерских частей Сибирской армии, а Уральские заводы, выделив лучшие силы в Красную армию, остались без революционного руководства и занимали колеблющуюся, иногда враждебную Советской власти позицию.

Красная армия восточного фронта должна была отдать часть сил на юг и приостановить наступление. Это — первое, что дало возможность Сибирской контрреволюции, возглавляемой уже Колчаком и усиленно подталкиваемой союзниками, собрать силы для перехода в новое наступление.

Крестьянские восстания в Сибири, вызванные первой мобилизацией молодежи, не смогли сорвать мобилизацию. Наличие офицерских и иностранных частей дало возможность восстания подавить и хотя в Славгородском уезде, в Рубцовской волости и в других местах остались в результате этого подавления красные партизанские отряды, [1] но армия была пополнена мобилизованной крестьянской молодежью. Эта первая мобилизация не могла еще отразиться на качестве белой армии, так как сильные офицерские кадры целиком впитали в себя крестьянскую молодежь. Не только должности отдельных командиров, но даже и рядовых стрелков занимались офицерством.

---

[1] См. Молотов, „Контр-революция в Сибире и борьба за Советскую власть“.

Вместе с развитием контр-революции, с все более открытым выявлением ее буржуазно-помещичьего характера, развивалась и белая армия, все более приближаясь по своим формам к армии старого режима. Уже самый факт наличия рядовых стрелков-офицеров, несущих ту же службу, что и стрелки-солдаты, но выделенных особыми офицерскими привилегиями говорил о восстановлении офицерства, как привилегированной касты, фактически всевластной, так как никакие власти никакой другой реальной силы не имели. Восстановление погон, чинопочитания, орденов и старой дисциплины, прикрашенной озлоблением обиженного революцией офицерства, было неизбежным этапом в развитии контр-революции и контр-революционной армии. Попытки некоторой части министров Сибирского правительства удержать армию от восстановления внешних признаков старой армии остались без результатов, так как военное министерство чувствовало себя совершенно независимым, внутри же офицерства активную руководящую роль играла наиболее реакционная дворянско-помещичья часть, ненавидящая все, что связано не только с Октябрьской, но и с Февральской революцией.

Политическая физиономия руководящих групп офицерства выявилась в целом ряде пьяных скандалов с пением „боже царя храни", а их классовая сущность — в заявлении начальника штаба Колчака, Лебедева, что для того, чтобы заинтересовать офицерство, нужно возвратить помещикам земли. [1] Офицерство не было единым у Колчака, как оно не было единым в старой армии, но восстановление старой иерархии означало восстановление офицерской касты в ее старых формах, со старым классовым содержанием. Новым было лишь то, что офицерская каста стала самостоятельной политической силой, устраняющей неугодные ей правительства путем политических убийств и арестов, [2] и в силу военного положения не только фактически, но и юридически властвующей.

Офицерство не только расправлялось с сопротивляющимся мобилизации крестьянством и с „социалистическими" правительствами, но определяло и экономическую политику, повергая иногда в ужас даже буржуазные организации. Так, однажды командование произвело повальную реквизицию всех грузов, задержанных на железных дорогах, что вызвало решительный, но безрезультатный протест Совета Съездов торгово-промышленников.

---

[1] См. Гинс, „Сибирь, союзники и Колчак", т. II.

[2] Убийство Новоселова, Фоменко, арест Чернова, Авксентьева и т. д.

Обстановка, создавшаяся в результате господства самодовлеющей офицерской касты, характерно изображена в письме начальника Уральского края Посникова: „Никто спокойно не работает,—писал он,—все опасаются преследования. Торговцы, не спекулянты, опасаются вести дела, потому что в этой атмосфере и их замешивают в спекуляцию. Несмотря на запугивания, спекулянтов военные не поймали, а других от торговли отодвинули“. [1]

Нужно знать, что 14 марта 1919 года уже вся Сибирь была объявлена на военном положении, чтобы понять насколько подавляющей была сила военщины. [2]

Единственной реальной силой, которая могла не считаться с офицерским господством были иностранцы, но они также заинтересованы были прежде всего в создании Русской армии, той, по выражению Троцкого, дымовой завесы, „за которой иноземные хищники выполняют свою дьявольскую работу“.

Чехи, которые выступали с протестом против установления военной диктатуры, были, во-первых, целиком в руках союзников, а во-вторых, и непосредственно были заинтересованы в создании Русской армии, которая могла бы сменить их на фронте. Их протест был, таким образом, только пустым протестом оскорбленного демократизма, так как их ближайшие интересы—интересы армии, заброшенной в чужую страну и не имеющей никаких перспектив в случае отказа от повиновения снабжающим империалистам,—требовали прежде всего смены, какой бы армией смена ни была произведена.

Таким образом создалась армия, имеющая исключительное значение, пока крестьянское восстание не соединилось еще с рабочей диктатурой, а, с другой стороны, „чувство слабости заставляло буржуа отступать перед чистой формой их собственного классового государства“. [3]

Нужно было этот момент использовать для немедленной организации наступления этой, на сегодняшний день сильной, армии. Нужно было немедленно оправдать наступлением доверие союзников — телеграмма о Принцевых островах висела вполне реальной угрозой.

В Советской России в этот момент были обстоятельства, которые позволяли начать наступление. Это—новая волна колебаний мелкой буржуазии. „Теперь,—говорил Ленин 18 марта 1919 года,—в связи с трудным продоволь-

---

[1] Гинс, „Сибирь, союзники и Колчак“, т. II.

[2] „Чтобы спасти буржуазный кошелек, надо сбросить с буржуазии корону, а меч, предназначенный защищать ее, должен висеть в то же время и над ее собственной головой, подобно Дамоклову мечу“. Маркс, „18 Брюмера“, стр. 117, т. III, изд. 1921 года.

[3] Маркс, „18 Брюмера“.

ственным моментом, в связи с войной против союзных держав, мы опять переживаем волну колебаний мелкобуржуазной демократии". Эта новая волна колебаний отразилась на фронте самым непосредственным образом в виде ряда крестьянских восстаний и косвенно в виде некоторого ослабления пролетарского влияния в армии.

Крестьянские восстания вспыхивают в Симбирской и Казанской губерниях, особенно сильно — в районе Сызрань — Сенгилей. „В этих восстаниях, — говорил Троцкий, — мы узнали свою величайшую идейную и организационную силу"... — „Во время последних восстаний, здесь, в тылу восточного фронта, контр-революционные агитаторы выдвигали уже лозунги: не „да здравствует учредительное собрание", а „да здравствует Советская власть", но „долой партию коммунистов", „долой инородцев" и т. д.[1]

„Но вместе с тем, — оговаривался Троцкий, — разумеется, восстания были и признаком нашей слабости. Ибо они вовлекли в свой водоворот, как я упомянул, не только кулаков, но и—не нужно себя обманывать на этот счет— известную часть среднего, промежуточного крестьянства".

Причины этих восстаний вырисовываются довольно отчетливо, если мы вспомним, что в этот период Советская власть должна была пойти на прекращение пассажирского движения (с 18 марта по 10 апреля) для того, чтобы вывозить хлеб из отвоеванных районов Поволожья; что на Волго-Бугульминскую дорогу был послан Брюханов с продовольственными отрядами, и что все речи Ленина в этот период полны призывов „все на работу по продовольствию и транспорту". Голод ставил промышленный пролетариат под угрозу физического вымирания.[2] Достаточно привести одну цифру—в губернских городах центрально-промышленной полосы в апреле 1919 года получали по карточкам 11% необходимого питания[3] — чтобы ясно стало, какое давление должна была оказать Советская власть на хлебные районы Поволжья. Если же прибавить к этому „недостатки механизма", то станет понятна причина восстаний крестьянства против Советской власти, несмотря на то, что „в нервы и в кожу крестьянских масс проникли идеи Советской власти".

---

[1] Троцкий, Речь на объединенном заседании Самарской ГИК, Комитета РКП и представителей профсоюзов 6 апреля 1919 года. „Как вооружались", т. II, кн. I, стр. 322.

[2] В Питере, в начале марта, бастуют 15 крупнейших заводов, на продовольственной, окрашенной меньшевистским колером, почве.

[3] „Денежное обращение в России и за границей", изд. Института Экономических Исследований, стр. 46.

Совершенно ясно, что эта обстановка не могла не отразиться и на армии восточного фронта, вышедшей из центра внимания Советской России. [1]

В 3 армии, отступавшей от Урала с конца 1918 года и пополнявшейся мобилизованными из районов, где мобилизация проходила с большими затруднениями [2] усилились все признаки разложения, свойственные отступающей армии. Дезертирство и переход к белым приняли значительные размеры, были случаи брожений в частях и расформирования целых полков. Действия белых частей, применявшие активные маневры небольшими группами, вносили панику в ряды армии, далеко еще не ставшей регулярной массовой армией.

В белой армии состав частей был значительно более однородным — почти все части имели громаднейшее преобладание офицерского состава, в то время как среди частей Красной армии на ряду с испытанными частями, состоящими почти сплошь из рабочих и коммунистов, были новые части, где влияние партийной организации было почти незаметно.

Упорное сопротивление на пути от Екатеринбурга до Перми стоило больших потерь лучших сил армии, но не задержало наступления белых, и в декабре была панически сдана Пермь.

Армия потеряла свои склады, несколько полков и громадное количество имущества, и продолжала откатываться дальше, ставя под угрозу Уфимскую группу.

Приостановившееся наступление 2, 5, 1 и 4 армий так же сменилось в марте общим отступлением.

Все это происходило во время ожесточенной дискуссии на VIII съезде партии по вопросу о военном строительстве. Естественно, что дискуссия носила не менее ожесточенные формы и в армии, и милитаризация партийных организаций армии должна была стать одним из пунктов, на котором выявилось влияние мелко-буржуазной стихии на партийные организации. [3] Это влияние выявлялось как в отрицании милитаризации, так и в перегибании палки в сторону военного администрирования.

Угроза с севера, где были сосредоточены лучшие силы белых, угроза с тыла, где поднялись крестьянские восстания, и некоторая несогласованность в партийных кадрах армии—вот обстановка, которая дала возможность Колчаковской армии использовать момент ее кратковремен-

---

[1] Задачи южного фронта в этот момент были подавляющими.

[2] Вятская и Пермская губернии.

[3] См. материалы I конференции коммунистов 3 армии и материалы I конференции коммунистов 5 армии. Изданы отдельными брошюрками.

ного могущества и, нанеся сильный удар на Бирск и заняв в марте Уфу, перейти в наступление по всему фронту.

Этот удар Колчаковской армии показал, что Колчаковская армия, по действиям своих частей, была выше частей Красной армии. „Так использовать остановку красных, так умело и быстро совершить перегруппировку, так верно наметить направление удара, с такой стремительностью и отчетливостью вести дерзкое сокрушительное наступление — делает заключение тов. Шведов, разбирающий мартовские операции на Уфимском районе [1] — могла только армия с высоко квалифицированным командным составом“. Разбор операции показывает, кроме того, что командный состав белой армии крепко держал в своих руках всю армию.

Части 5 армии, против левого фланга которой был направлен главный удар, оказались неспособными выдержать правильно организованный и смелый напор. Недооценка противника, выразившаяся в ряде фланговых ударов небольшими частями при отсутствии подходящих для этого условий, сменялась почти паническим отступлением по 20—25 верст в сутки.

Приказы командарма 5, провозглашавшие наступление без всяких на то данных, говорят о той же растерянности на ряду с переоценкой своих сил. [2]

Но если сопоставление отдельных действий заставляет признать все преимущества на стороне белых частей, то разбор всей операции на всем фронте даст совершенно обратные выводы.

В белой армии удачные и смелые операции были отдельными эпизодами, за которыми скрывалась гнилая военная и государственная организация. И характерно, как в мартовском наступлении Колчака отразилась непрочность той базы, на которой создана была его армия. Наступление было организовано наспех, не дожидаясь сосредоточения достаточных резервов и пополнений, и уже первые успехи в Уфимском районе не могли быть использованы, так как резервы запоздали к разливу рек. Такой задержки, как разлив рек, оказалось достаточно для создания перевеса сил на стороне Красной армии и для выявления непрочности армии контр-революции. Временное и случайное совпадение условий, которые дали возможность создать крепкие части белой армии, заставили белое командование выбрать план генерального наступления, когда подготовка была достаточной только для короткого удара.

---

[1] См. Сборник Трудов ВНО Академии кн. III, ст. „Разгром 5 армии“.
[2] См. там же.

В самом плане наступления была раздвоенность и противоречивость, отражающая в себе противоречивость общественных отношений, на которых держалась контрреволюция.

„С точки зрения чисто русской тактики было необходимо ударить южнее Уфы, имея целью достигнуть соединения с Оренбургскими казаками Дутова и по возможности связаться с войсками Деникина".

Но с точки зрения сил, действующих за „дымовой завесой" Колчаковщины, нужно было направить удар на север. [1] И в результате наступление Колчака разбилось по двум направлениям, к которым присоединилось распределение войск, рассчитанное на третье направление— ближайшим путем на Москву.

Для того, чтобы нанести короткий удар Красной армии, достаточно было иметь небольшую отобранную армию, и такую армию Колчак имел. А для того, чтобы развить успех этой армии до победы, нужно было пополнить армию широкими мобилизациями, т.-е. уничтожить то, что делало армию крепкой—значительное преобладание офицерского кадра. Была сделана попытка пополнить кадры армии путем мобилизации интеллигенции, [2] но эта мобилизация дала в армию лишь незначительное количество неподготовленного в военном отношении студенчества.

Привлечение в армию большего количества крестьян могло удасться только при том условии, что крестьянство получит удовлетворение своих социальных требований, а между тем успехи армии, развить которые должно было мобилизованное крестьянство, усиливали реакцию и устраняли всякую возможность уступок крестьянству. Вот почему успехи Колчаковской армии в очень короткий срок превратились в начало ее гибели.

На южном участке фронта уже в апреле Красная армия перешла в наступление.

Первое, что сумела сделать Советская власть — это использовать в революционном порядке местные силы и средства. Создание укрепленных районов в опорных пунктах ближайшего тыла было организационной формой подчинения местных сил требованиям фронта. Партийные и советские центры ближайшего тыла в самом срочном порядке выделяли силы для помощи фронту. Направление Бирск — Чистополь, угрожающее Казани, было заткнуто полком, сформированным Чистопольским Губвоенкомом.

---

[1] См. Уорд, „Союзническая интервенция в Сибири".
[2] Призыв нескольких возрастов лиц, имеющих не ниже четырехклассного образования.

На Симбирское направление Самарская партийная организация выделила рабочий полк, который в силу своей необученности погиб почти целиком, но хотя и на короткий срок, задержал наступление. [1].

„Ярким примером такой мобилизации всех сил—пишет С. Каменев [2] — является защита Оренбурга в период марта и апреля 1919 года". Обстановка заставила командование отказаться от защиты Оренбурга, „у части командного состава явилась мысль о временной сдаче Оренбурга противнику. Эта мысль встретила жесточайший протест местных работников, а главным образом железнодорожных рабочих, которые смело решили организовать оборону Оренбурга за счет местных сил и средств, не отвлекая для этой цели красноармейских частей. Принятая на себя Оренбургскими рабочими и местными работниками задача была выполнена блестяще, а срок такого состояния Оренбурга был не коротким,—он продолжался более месяца".

Понятно, что уже эта помощь местных сил должна была благотворнейшим образом подействовать на состояние частей армии. Когда же в результате брошенного лозунга, „все на восток", на фронт стали прибывать новые части, новые партийные силы и новые рабочие силы, в результате партийных и профессиональных мобилизаций, фронт окреп и подготовился не только к решительному отпору, но и к переходу в наступление.

Здесь характерно отразилась та революционная твердость, которую почувствовала армия, когда внимание Советской России было сосредоточено на восточном фронте.

Замечательно, прежде всего, что Советская Россия смогла принять чрезвычайно смелое, доказывающее наличие громадных революционных сил, решение—об очередной ликвидации фронтов. Пойти на ослабление какого-либо фронта, на временные неудачи для того, чтобы нанести решительный удар в другом месте, могла только армия, опирающаяся на поддержку масс и уверенная в своем моральном авторитете.

Такое решение дало возможность сосредоточивать внимание всей Советской России на одной задаче—и первой задачей данного момента стала ликвидация Колчаковщины.

Та же твердая революционная уверенность дала возможность пойти на ослабление некоторых участков фронта, для того, чтобы создать в районе Бузулука сильную маневренную группу тов. Фрунзе.

---

[1] См. статьи С. Каменева в сб. „5 лет Красной армии", ВНО, ВАК, изд. ВВРС.

[2] Там же.

„Вся трудность перегруппировки заключается, главным образом, в трудности принятия решения, так как достаточно ясно, что при таком решении общая обстановка на фронте временно еще усугубляется“.[1] Еще одно условие, которое отмечает Каменев, как необходимое для таких перегруппировок — это помощь фронту со стороны центральных органов армии и страны. Именно помощь всей Советской России дала возможность восточному фронту отказаться от системы затыкания дыр и произвести смелую перегруппировку для решительного удара.

„Наиболее же применимым видом контр-маневра в разбираемых условиях разгрома какой-либо части фронта, надо признать фланговый удар, производимый как раз в тот момент, когда преследующие части противника выдыхаются, подходя к пределу своего преследования. Именно такого рода контр-маневры и были произведены Красной армией в 1919 году на восточном фронте... В результате противник не успел даже принять подходящей группировки, и ударом свежих сосредоточенных сил был сразу же опрокинут“.[2]

Неудачи Красной армии могли вызвать некоторое усиление колебаний мелкой буржуазии, которые покрывались тем, что успехи белой армии неизбежно отталкивали в свою очередь от контр-революции ту же колеблющуюся мелкую буржуазию усилением реакционного наскока обнаглевшей контр-революции.

Неудачи же Колчаковской армии разрушили то временное равновесие, на котором зиждилась сила армии; ставили контр-революцию в менее выгодные условия в смысле получении помощи от иностранного капитала; обостряли борьбу между военной диктатурой и буквально всеми общественными группами, ибо и буржуазия шла на передачу короны и меча в руки военной камарильи только до тех пор, пока это обеспечивало ей безопасность от наступающей революции. А разложение армии контр-революции должно было привести и привело к распадению тех связей, которые сдерживали всю систему контр-революционного государственного образования.

Разложение армии в силу массового перехода крестьянства на сторону революции; массовое партизанское движение крестьянства в тылу у Колчака; колебание мелкобуржуазной интеллигенции от Колчака вслед за революционизированием крестьянства и в силу оскорбленного союзнической интервенцией патриотизма; выявление вместе

---

[1] С. Каменев. „Очередные военные задачи“, стр. 53, изд. ВВРС 1922 года.

[2] Там же, стр. 42.

с неудачами русской контр-революции подлинной сущности союзнической интервенции; разложение в среде правящих групп буржуазии, лишившейся серьезной поддержки иностранного капитала и, вместе с неудачами армии, реакционного спокойствия духа; разложение военной камарильи, потерявшей свое значение в силу неспособности отразить натиск Красной армии — вот что вскрылось и выросло с невероятной быстротой как только Красная армия нанесла удар мнимо-крепкому и могущественному белогвардейскому фронту.

Крестьянские восстания вспыхивают в Сибири еще в 1918 г., при чем ни одно восстание не ликвидируется окончательно, так как карательные отряды своими расправами лишь поднимают новые и новые слои крестьянства. Не было, собственно, ни одного момента, когда в тылу в Сибири не было бы партизанских отрядов: красный фронт в Забайкальи против Семеновщины не был окончательно рассеян и дал несколько отрядов, которые скрывались в сопках. [1]

По мере выявления классовой сущности контрреволюции, по мере того, как мобилизации показали, чего требует от крестьянства буржуазия, карательные отряды офицерства и иностранцев показали методы управления военной диктатуры—крестьянство в массе начинает понимать неизбежность вооруженной борьбы с контр-революцией.

Если Сибирское крестьянство не знало помещичьего землевладения — неизбежного последствия военной диктатуры буржуазии, то оно узнало мародерство и разбой карательных отрядов. Буржуазия должна была создать крестьянскую армию, защищавшую ее карман от революции; должна была оплачивать ее, и оплачивала за счет грабежа крестьянского хозяйства. Утонченных способов ограбления для оплаты расходов военной диктатуры, — крестьянство не понимало. Но оно их почувствовало, когда в один прекрасный день все его сбережения оказались аннулированными спекулятивной денежной реформой — отменой керенок. И если крестьянство не в состоянии еще было выступить политически оформленно и организованно, то оно все же не имело никакого желания отказываться от своих сыновей и своего имущества, для того, чтобы буржуазии не приходилось оплачивать военную диктатуру из своего кармана. А так как мародерство карателей было превращено в серьезное дополнение к мародерству министерства финансов, то крестьянство скоро убедилось в том, что и от того и от другого можно защищаться только вооруженной борьбой.

[1] См. „Революции на Дальнем Востоке“. Изд. Даль истпарта.

Подпольным организациям большевиков оставалось только вносить осмысленность в вооруженную борьбу крестьянства и приобщать его идейно и организационно к борьбе Красной армии. Если даже партийным организациям и не удавалось обнять своим влиянием все партизанское движение крестьянства, то и в этом случае основную задачу момента, дезорганизацию белого тыла, партизанское движение выполняло. А эта задача была поставлена как основная — такова была и директива ЦК партии подпольным организациям Сибири.[1] Партизанскому движению в этой задаче принадлежала первая роль и III Партийная Конференция Сибири вынесла постановление об отказе от местных городских восстаний и перенесении центра тяжести работы в деревню. Была выработана инструкция для организации деревенских комитетов и штабов и для действий партизанских отрядов. Этим постановлением III Конференция совершенно правильно учла особенное положение Колчаковскаго тыла, в котором крестьянское восстание заняло первое место. Опыт неудачных рабочих восстаний в Омске, Томске и Красноярске показал, что города достаточно крепко оккупированы иностранными и отборными Колчаковскими частями для того, чтобы восстания не были удачными.

Обстоятельства сложились так, что деревня, именно в силу того, что ей было что̀ терять в борьбе, наиболее активно в эту борьбу вступала. Свою собственность приходилось защищать от мародерства военной диктатуры. А логика борьбы и влияние партии расширяли задачи борьбы и придавали ей политический характер.

Можно ли проследить классовую борьбу внутри партизанского движения крестьянства? Она отчетливо сказалась тогда, когда общая задача всего крестьянства — уничтожение военной диктатуры буржуазно-помещичьего блока была выполнена. Тогда партизанское движение превратилось в своей кулацкой части в движение антипролетарское. И в тот и другой период происходило политическое выделение крайних групп. Но в том периоде, когда зажиточное крестьянство не меньше, а иногда и больше, потому что оно больше имело, страдало от разгула военщины, оно выступало единым фронтом против Колчака. Уже первые восстания, вызванные мобилизацией, захватили районы зажиточного крестьянства, а в дальнейшем такие районы, как Алтайская губ., южная часть Томской губ., Минусинский уезд Енисейской губернии, — т.-е. наиболее богатые районы, стали центрами партизанского движения.

---

[1] См. Молотов. „Контр-революция в Сибири и борьба за Советскую власть“.

По тем материалам, которые имеются, можно наметить три типа партизанских отрядов: 1) руководимые большевистской организацией, 2) не связанные с партийной организацией и 3) чисто грабительские отряды.

Этот третий тип отрядов [1] можно вынести за скобки крестьянского движения, но вместе с тем его нельзя не учитывать как один из элементов разложения Колчаковской диктатуры в ее борьбе с крестьянством. Нельзя не учитывать их и как один из показателей революционнаго пробуждения деревни, не охваченного целиком руководством пролетариата.

Рядом с этими бандитскими отрядами мы видим такие крестьянские вооруженные организации, как Минусинскую республику с органами управления, с печатным органом — „Соха и Молот“, с более или менее развитой военной организационной работой. История этого партизанского фронта показывает, как логика вооруженной борьбы преодолевала крестьянскую ограниченность и неспособность к организации, и заставляла создавать свое правительство, свою дисциплину, дойти до мобилизации и солдат и имущества. Начавшись с выступления одной деревни, движение дошло до организации армии, насчитывающей 20 тысяч, 5 орудий и 153 пулемета. [2]

Эс-эр Колосов в своей книге „Сибирь при Колчаке“ старается доказать, что крестьянское движение в Сибири не имело ничего общего ни с борьбой, которую вела Красная армия, ни с работой партийных организаций Сибири. На материалах Минусинской республики он старается показать, что крестьянство осуществляло свою особую программу демократической республики.

„Неравенства в правах теория политического строительства „Сохи и Молота“ не признавала. Совершенно последовательно, поэтому, она не признавала и такой диктатуры“ — пишет Колосов. Но достаточно оперировать его же материалами, чтобы ясно стало, как Колосов притягивает за волосы к своим политическим убеждениям факты и материалы действительности. На основании материалов „Сохи и Молота“ Колосов совершенно ясно устанавливает, что политическая программа повстанцев определялась следующими положениями: лишение избирательных прав не трудящихся, политическая свобода только для трудящихся, насилие над не трудящимися. Притянуть эту программу к „демократической республике“ можно только при особом желании.

---

[1] Например, отряд Рогова в Томской губ. См. Колосов.

[2] См. „Воспоминания Щетинкина“ в Сб. Сибирск. Истпарта № 1, Колосова и Молотова.

Что крестьянская стихия не целиком укладывалась в рамки организационнаго строительства партизанских республик и армий — в этом не может быть сомнений. Но борьба заставляла признавать дисциплину и принимать организационное и идейное руководство Коммунистической партии.

Вот этого влияния Коммунистической партии и не замечает Колосов. А между тем стоит сравнить резолюции и инструкции, принятые на областной конференции коммунистических организаций Сибири[1] с материалами Минусинской республики, чтобы увидеть, что это влияние было.

Характерный материал дает тот же Колосов о Черно-Ануйском движении. Черно-Ануйский съезд принял резолюциио земской, а не о Советской власти, а затем „как-то сами собой, в этой волне общего настроения, потонули и те резолюции, которые принимали черно-ануйские крестьяне" и „таким образом, к приходу Красной армии, крестьянская Сибирь, несмотря на все отличия интересов и настроений, стихийно становилась Советской".

„Идея „единого фронта" — должен признать и Колосов, забывая, что „единый фронт" — это и есть в данном случае союз пролетариата и крестьянства. Крестьянство к этому союзу толкалось самой логикой борьбы и если, как пишет Колосов, крестьянское движение объединялось ненавистью к Колчаковщине, то это было в тот же момент и тягой к Советской власти — единственной силе, которая могла Колчаковщину уничтожить.

Организационное влияние пролетариата, конечно, не могло быть сильным. Партийные организации в Сибири работали в чрезвычайно тяжелых условиях; связь Красной армии с партизанами также не могла быть достаточной, хотя из Советской России и присылались работники для руководства партизанским движением. Этим объясняется то, что крестьянские отряды попадали под влияние и земцев, как это было в Черном Ануе, и просто авантюристов, как это было с Роговским отрядом. Но тем более важно, что в общем и целом крестьянское движение было движением советским. Как разойдутся интересы различных групп крестьянства с интересами пролетариата после победы над Колчаком — это до победы значения не имело. Крестьянство было активно и было с Советской властью против буржуазно-помещичьей диктатуры — вот суть партизанского движения.

А этого было достаточно, чтобы военная диктатура буржуазно-помещичьего блока распалась. Этого было

---

[1] См. „Колчаковщина", изд. Уралкниги, стр. 164 — 186 и ср. с материалами Колосова.

достаточно для того, чтобы диктатура военщины, отрицая сама себя, продолжала бы все более и более виснуть дамокловым мечем над всей государственной системой и тем самым приводить к гибели и самое себя и систему, ее создавшую.

Первым результатом крестьянского движения — был развал армии. Если крестьянская молодежь шла за военщиной, то только до тех пор, пока победы на фронте давали возможность наживаться мародерством и грабежом „большевиков". [1] Когда же ее привели подавлять деревню и указали за это другой источник наживы — крестьянина, то только наиболее разложившаяся часть ее могла следовать этим указаниям. А победы Красной армии лишили армию белогвардейцев возможности наживаться за счет „большевиков", оставив только крестьянство, которое к тому же превратило мародерство в довольно опасное предприятие. Чем еще могла военная клика увлечь за собой крестьянство?

За солдатским звеном офицерская диктатура стала терять и другое звено армии — офицерство.

Озлобленное революцией, офицерство торжествовало. Оно получило возможность мстить. Оно получило возможность надеть погоны, да еще с новыми звездочками, так как чины и награды сыпались на него как из рога изобилия. Оно получило возможность снова быть окруженным героическим ореолом среди мелкой буржуазии и буржуазной интеллигенции. Оно получило возможность пить и буянить как полагается офицерству победоносной русской армии. Средств для этого война давала достаточно. Правда — это стоило жертв, но для большинства после 4-х лет войны это стало профессией. Свою профессию оно себе возвратило — оно снова воевало за „родину".

Но чины, попадали тем, кто не видел фронта — штабным офицерам; в штабах, особенно в далеком тылу, оседало гораздо больше добычи, которая стоила немало крови фронтовому офицерству. Экономическая разруха чувствовалась только ими, фронтовым офицерством, в то время как тыл торопился жить, пока фронт еще не отказался защищать его. Фронтовое офицерство оказалось между Красной армией и собственным тылом, который совсем не был своим. Охватить и осмыслить то, что творилось в тылу — мелкобуржуазное офицерство, состоя-

[1] Характерно, что отмена керенок вызвала большое недовольство на фронте и шли разговоры о том, что для фронтовиков срок обмена керенок должен быть отменен. Ведь фронтовики грабили у „большевиков" керенки, а не „сибирки".

щее из мелких чиновников, студентов, служащих — словом, из той категории лиц, которые к потайным пружинам буржуазной диктатуры допущены не были — не могло. Но оно почувствовало, что эти пружины определяют все, и определяют не в его пользу.

Его самопожертвование было оплевано. Его патриотизм был осмеян. Оно шло защищать Россию, но Россия, та самая Россия, к которой он относился с благоговением мещанина, продавалась союзникам. Он, „русский герой", должен был унижаться перед чешским комендантом, чтобы попасть в поезд проехать на фронт.

Этого было достаточно, чтобы посеять сомнение. В условиях, когда требовалось увлекать в бой отказывающуюся итти крестьянскую массу, сомнение и неуверенность превращались в разложение.

Это не было разложением только офицерства. Это было разложением и той среды, откуда рядовое офицерство вышло. Городская мелкая буржуазия колебнулась от Колчака, как только она увидела, что борьба с большевиками это вовсе не есть борьба за ее требования. Очень удачно выразил настроение мелкой буржуазии Сибири один из наиболее одиозных для мелкой буржуазии правителей, Гинс:

„Население Сибири знало, что оно имеет свое правительство, обращалось к нему, требовало от него и обещало ему. Но пришло Российское правительство, и сразу оторвалось от Сибири. Население почувствовало, что правительство живет не им, что оно глядит на Запад, а власть увлекалась военными перспективами — такова была идея диктатуры: сначала победить, а потом устраивать. [1]

Победить за счет сибирской мелкой буржуазии, а устраивать не для нее, и даже не для крупной русской буржуазии, а для союзного империализма. Это становилось все более ясно. Те, к кому можно было обращаться и требовать — а это чрезвычайно лестно мелкому буржуа — разогнаны и расстреляны. Разогнана Сибирская Областная Дума, разогнана Учредилка, убиты или выгнаны Новоселовы, Патушинские, Авксентьевы — эти герои мелкого торгаша. Теперь любой офицер может ради прихоти разрушить все мирное существование мирного обывателя, и некому пожаловаться. Военно-полевым судам предоставлено право подвергать смертной казни „за нарушение особых мер предосторожности, принятых вследствие военных обстоятельств или во время возмущения". [2] „Особые

---

[1] Гинс,—„Сибирь, союзники и Колчак", т. II.

[2] См. обвинит. заключение по делу Колчаковского правительства „Колчаковщина", изд. Уральск., стр. 154.

меры предосторожности“ введены по всей Сибири и разве долго ответить за их нарушение, когда любой донос — достаточный повод для контр-разведки?

„Расправа без суда, порка даже женщин, смерть арестованных „при побеге“, аресты по доносам, передача гражданских дел военным властям, преследования по кляузам и доносам, — писал в донесении правительству начальник Уральскаго края С. С. Посников, [1] а начальник края... может быть только свидетелем происходящего. — Мне не известно еще ни одного случая привлечения к ответственности военного, виновного в перечисленном“.

Если так думал начальник края, имевший доступ к правительству, то как должен был себя чувствовать мелкий чиновник, который ни к какому начальству доступа не имел и на которого, вместе с тем, всегда могла пасть ответственность за происходящее? Как должен был себя чувствовать мелкий торговец, который ни с каким генералом знаком не был — ни с русским, ни с иностранным, а потому не мог получить никакой защиты? Ему нужно было ехать спекулировать в Маньчжурию и Харбин, использовать полученную им свободу торговли, а эта свобода оказалась свободой грабежа торговцев. „Здесь, — говорил сам Колчак [2] про Китайско-Восточную ж. д., — очень часто уже не контр-разведка, а просто предприниматели под видом политического ареста выслеживали этих торговцев, арестовывали их, отбирали опиум, их убивали, а в случае обнаружения этого ссылались на то, что это были большевистские агенты и шпионы“.

Колчак говорит это про Китайско-Восточную дорогу, где действовали не признающие Колчака атаманы Семенов и Калмыков. В центральной Сибири действовали атаманы, признавшие Колчака, но только этим и отличавшиеся от Семенова и Калмыкова. Сама система рождала атаманщину и узаконивала бандитизм. Как должно было отражаться это на промышленности и торговле, если и в министерствах царил тот же бандитизм — понятно само собой.

Посников писал: „Мы не знаем деятельности министерства торговли и промышленности в Омске, но для нас оно не существует. Ни одно обращение к нему не получает ответа. К денационализации, даже к подготовительным работам не приступлено. Министерством труда проведен закон о больничных кассах, не применимый

---

[1] См. Кроль, „За три года“.

[2] Стенограмма показаний следственной комиссии; см. сб. „Колчаковщина“.

в жизни. [1] При таких условиях тоже нельзя руководить промышленностью.

„По рабочему вопросу каждое ведомство действует по-своему, почему трения идут все время. Штаты по инспекции не утверждены три месяца, а при таких условиях итти в инспекцию никто из основательных лиц не желает. Земельный вопрос остается в рамках газетных сообщений, а определенные ответы давать населению нет возможности. На голодном Урале недостаток рабочих, и пока хлеб не придет, они не прибудут. Рубка дров почти прекратилась. Урал выплавляет в месяц один миллион вместо четырех миллионов и сжигает старые дрова. Дальше будет еще хуже. Гг. военные не понимают, что значит ни во что ставить тыл“.

К этой характеристике нужно добавить немного о работе самих министерств. Своеобразным отрицанием бюрократического централизма, заключающимся в предоставлений полной власти каждому военному начальнику, дело еще не исчерпывалось. „Самостоятельность“ предоставлена была и всем, близким к правящим кругам торговцам и промышленникам, которые спешили использовать свои знакомства для получения субсидий.

„На Уральские заводы лился, если не золотой, то кредитно-бумажный дождь: промышленники получили до 900 миллионов рублей (по тому времени около 300 миллионов рублей золотом) субсидий и кредитов.

Но если тут была, несомненно, и часть вполне здоровых затрат, то были и крайне болезненные явления. Так, передавались заказы — на телеги и повозки, например — всем желающим, при чем выдавались крупные авансы, совершенно не считаясь с тем, способен ли предприниматель выполнить заказ и обеспечена ли казна хотя бы возвратом выданного аванса, и „предпринимателей“, охочих до получения авансов, находилось не мало“.

Так рисует работу экономических органов член ЦК кадетской партии Кроль, [2] которого можно заподозрить разве только в том, что он отражал интересы промышленников, обиженных субсидиями. А что таких обиженных предпринимателей было немало, это несомненно, так как рессурсы, даже кредитно-бумажные, были ограничены значительно больше, чем аппетиты промышленников. Среди буржуазии возникли своеобразные группировки: „Омские кадеты“, буржуа, и не Омские, т.-е. близкие к источникам субсидий и далекие от них.

---

[1] Циркуляр 31 декабря 1918 г.: о расчете за старое время по новому % делал невозможным проведение нового закона. См. Гинс, т. II.

[2] Кроль, — „За три года“.

Как раздавались субсидии, рассказывает тоже Кроль: „Деятели Центрального „Вопрома“ (Военно-Промышленный Комитет) стали получать заказы от казны, а затем, образовав почти в том же личном составе частное товарищество, стали передавать заказы сами себе на весьма не безвыгодных условиях“.

Гинс приводит характерный спор о водочной монополии, против которой выступили некоторые члены экономического совещания, поддержанные архиепископом Омским Сильвестром, так как монополия разрушала их планы об организации винного синдиката. А вопрос шел об одном из главных источников дохода министерства финансов. И если здесь вопрос был решен в пользу министерства финансов, то только для того, чтобы другой рукой передавать эти доходы тем же Федосеевым и Сильвестрам.

Буржуазия отдала Колчаку корону, Колчак должен был дать буржуазии субсидии. А когда она очнулась от дождя субсидий, то увидела бегущую раздетую и голодную армию, крестьянскую войну и Советскую власть на Уральских хребтах.

Тогда она заявила в верноподданнической записке 19 членов экономического совещания, что „деятельность Центрального Правительства не подчинена какой-либо определенной программе. Она случайна и зависит часто от скрытых и безответственных влияний... По сведению ведомств все обстоит благополучно, а в действительности, наша боевая сила начинает разлагаться на почве недостатка снабжения. [1]

Она стала „революционной“ — и как полагается, стала пугать правительство народом. Она заявила, что „несогласованность действий между ведомствами нарушает планомерную работу; военные власти вмешиваются в область гражданского управления, нарушая закон и элементарные права народа. Телесные наказания применяются столь широко, что население начинает выражать сомнение в преимуществах власти российского правительства перед властью большевиков“.

Она заговорила о противоречиях „между заявленными властью демократическими принципами и действительностью“ и потребовала... „создания солидарного совета министров на определенной демократической программе“ и преобразования экономического совещания в законосовещательный орган, „с тем, чтобы все законопроекты, принятые советом министров, представлялись в государственное совещание, как в высшую законосовещательную

---

[1] См. Гинс — „Сибирь, союзники и Колчак“, т. II и Кроль — „За три года“.

инстанцию, и отсюда поступали на утверждение Верховной власти“.

Она создала даже почву для выступления генерала Пепеляева против Колчака, [1] но на этой почве трудно было держаться, так как она панически двигалась к Владивостоку. Буржуазия предъявила Колчаку требование допустить ее к власти тогда, когда ей больше всего нужны были эшелоны. Она тогда вспомнила о том, что интересы ее класса не исчерпываются дутыми авансами и субсидиями, когда нужно было торопиться ухватить что-нибудь, чтобы было с чем эмигрировать за границу.

Она вспомнила о том, что на мелкую буржуазию можно опереться демократизмом тогда, когда мелкобуржуазная демократия думала о том, как ей встретить большевиков.

В законосовещательное экономическое совещание отказались войти земства приморское, томское, енисейское и иркутское. Это было демонстрацией того, что мелкая буржуазия сибирских городов разуверилась в силе оружия буржуазной диктатуры.

Чувствуя близость победы Красной армии, она испугалась расплаты за гражданскую войну и решила выступить в тоге нейтралитета, когда война приходила к концу.

Земско-эс-эровское движение выдвинуло лозунг буферного государства под властью Политического Центра.

Это земско-эс-эровское движение играло в революцию, заигрывая с чехами, переживавшими полный развал, и в революционную оппозицию выступая с критикой уже падающего правительства Колчака.

Программа Политического Центра заключалась в следующих пунктах: 1) замена Колчаковского правительства новым демократическим правительством, опирающимся на народное представительство, т.-е., в понимании эс-эров, на земство; 2) отказ от вооруженной борьбы с Советами и создание буфера между Советской Россией и Японией.

В этой программе был один пункт, который имел смысл, это — буферное образование для избежания столкновения Советской России с Японией. Все остальное, — а именно это остальное и было сущностью земского движения — было повторением исторических задов, возвращением к уже пройденному этапу эс-эровских правительств.

Для характеристики „революционности“ земского движения достаточно привести факт разгона земского собрания 23 декабря в Иркутске. Грандиозное по планам, собрание преспокойно разошлось по требованию коман-

[1] См. Гинс — „Сибирь, союзники и Колчак“, т. II.

дующего войсками, и только тогда, когда в рабочих районах Иркутска начались восстания, земцы пытались взять на себя роль руководителей революционного народного восстания. Что из этой попытки кроме курьеза ничего не вышло — понятно само собой, но несомненно, что земское движение чрезвычайно показательно для картины разложения Колчаковщины.

Разложение было полным. Военная диктатура подавила все и отняла сама у себя всякую опору. Наступление Красной армии было толчком, который, нанеся удар армии буржуазной диктатуры, тем самым разбил все, что могло быть опорой в борьбе с Советами.

Не могла спасти Колчаковщину и помощь союзников. Она была достаточной для того, чтобы мелко-буржуазная контр-революция не была разбита, прежде чем пройдет путь организации и превращения в контр-революцию буржуазно-помещичью, но она была недостаточна для того, чтобы не была разбита уже дошедшая до своего отрицания диктатура буржуазно-помещичьего блока. Она, кроме того, подрывала у буржуазной диктатуры ее мелкобуржуазную почву, вызывая взрыв патриотического негодования мелкой буржуазии.

Здесь, как и везде, мелкая буржуазия, с одной стороны, шла на поклон к всесильным представителям союзного империализма, и тем укрепляла их господство, а с другой стороны — негодовала против хозяйничанья иностранцев в ее родной стране.

„Когда кто-либо из нас чувствовал — пишет Колосов, — что совершается какое-либо злое дело и что нужно предпринять какие-либо срочные меры, дабы предотвратить его, то прежде всего каждому из нас являлась мысль броситься за помощью непременно к иностранцам, к чехам, французам, англичанам, американцам, но только не к русским, а из иностранцев не к японцам. Обычно из такого рода просьб о помощи ничего не получалось, кроме унижения, и тем не менее беспомощность представлялась столь вопиющей, что за содействием к иностранцам, особенно к чехам обращались“.

Союзные представители и войска в Сибири много содействовали тому, чтобы надежды мелкой буржуазии на безкорыстную помощь „западно-европейской демократии“ оказались разбитыми. Сибирь повидала и англичан, и американцев, и японцев, и итальянцев, и французов и т. д., и т. д. Все они каждым своим шагом били по патриотизму мелкого буржуа. Но прежде всего все они показали совершенно ясно, что они присланы сюда отнюдь не для того, чтобы спасать Россию. Поведение всех иностранных отрядов очень ясно выявило, за общей програм-

мой союзников, империалистические, противоречивые планы отдельных союзных стран. [1]

Одно едва ли входило в планы какого-нибудь империализма — это разложение их войск. А войска всех стран находились в условиях чрезвычайно близких к тем, которые привели к полному разложению чехо-словацкой армии.

Первый кризис чехо-словацкой армии проявился вокруг Колчаковского переворота 18 ноября. Национальный Совет чехо-войск издал декларацию протеста против установления военной диктатуры, но заявления Стефаника, о том, что „переворот" не был приготовлен только в Омске, главное решение было в Версале—напомнило им, что о какой бы то ни было самостоятельной политике чехо-словацкого войска не может быть и речи. Их судьбы также находились в Версале, а „демократизм" и „социализм" их социал-демократических вождей был вполне удовлетворен заявлением Стефаника о том, что „ответственность за борьбу чехо-словаков берут на себя союзники и даже французские социалисты голосовали за бюджет, касающийся исключительно чехо-словацких войск в Сибири". [2]

Чехо-словацкое войско объективно, целиком и полностью поддерживало буржуазно-помещичью диктатуру, несмотря на наличие сильного социал-демократического влияния и большего количества рабочих.

Чехо-словаки не могли, например, не подавлять партизанское движение не только потому, что этого требовали союзники, но и потому, что партизанское движение создавало угрозу и им. Чехи должны были охранять железную дорогу, перешедшую в руки союзников, так как этого требовали союзники, но они охраняли ее и потому, что это был единственный путь для возвращения домой. Такое положение сдерживало кризис чехо-словацкой армии. И все же он прорвался. Приказ об упразднении комитетов в армии вызвал глухой протест и загнал комитеты в подполье, т.-е. на путь революционной борьбы. И если эти подпольные комитеты не выступили открыто, то только потому, что до гибели Колчаковщины и при наличии других иностранных войск это было делом явно безнадежным, а когда это стало возможным — появилась возможность уехать домой. [3]

Давление чехо-словацких масс оказалось все же достаточно сильным, чтобы заставить вождей чешской армии

---

[1] См. об этом в главе „Организация контр-революции".
[2] Шмераль — „Чехо-словаки и эс-эры".
[3] См. материалы (но не выводы) о кризисе чехо-словацкой армии у Колосова.

издать меморандум 13 ноября 1919 года, с протестом против их вынужденного участия в безобразиях, творимых контр-революцией. „Войско наше, говорилось в меморандуме, вынуждено охранять то состояние полного произвола и беззакония, которое здесь воцарилось.

Соблюдая полную лояльность, против воли своей становишься соучастником преступлений...

Выход в возвращении домой“...

Меморандум не мог, конечно, иметь никакого значения для союзников, но он должен был показать, что если отделение Национального Совета чешских войск решается на такой акт, то революционизирование чешских солдат зашло достаточно далеко, и такая же участь может постигнуть и войска Антанты.

Поведение ген. Жанена во время восстания в Иркутске, когда он занял позицию нейтралитета, показало, что союзники уже определенно отказались от поддержки Колчака.

В Иркутске Колчаковское правительство выдвинуло новую „демократическую“ программу: отказ от системы военного управления, сближение с оппозицией и т. д.

Эта программа была последней попыткой найти хоть какую-нибудь более или менее широкую опору. Но эта попытка уже и самим правительством рассматривалась, как явно безнадежная и бесцельная. Программу эту провозгласил новый премьер В. Пепеляев, одно имя которого было полным отрицанием всякого демократического компромисса.

Последние бои на Тоболе лучше всяких заявлений показали, что единственной опорой военной диктатуры буржуазии остались узкие круги наиболее резко выраженного кулачества и еще менее узкие круги военной камарильи. В боях на Тоболе Колчаковская армия от массовой армии, построенной на основе крестьянских мобилизаций, вернулась к отборной классовой гвардии буржуазии.

Это были особо подобранные и поэтому еще сохранившиеся части белой армии, карательные отряды, различные дружины Святого Креста, Месяца и прочие организации самообороны городской и особенно деревенской буржуазии. Это были уже только кадры белой армии.

И последнее воззвание Колчака говорит уже не о защите родины, он обращается уже не к населению Сибири.

Он говорит: „Я обращаюсь ко всему *имущему* населению Сибири: Идите защищать *себя*“.

Все остальное было потеряно. Колчаковщина изжила себя и погибла в противоречиях, вскрытых наступлением Красной армии.

БОРЬБА С ДЕНИКИНЫМ.

Украина в начале 1919 г. — григорьевщина и махновщина. Красная армия юга. Наступление Деникина и наш отход. Задачи деникинского наступления. „Единая Неделимая" и казачество. Деникин и национальные окраины. Деникинщина и крестьянство. Развал деникинщины. Организация наступления Красной армии. Мамонтовский прорыв. Ликвидация деникинщины.

История борьбы с контр-революцией на юге — есть история борьбы за крестьянство в наиболее сложных и трудных условиях. Это есть история борьбы за казачество—крестьянство, организованное в реакционейшее сословие; это есть история борьбы за Украину, где крестьянское движение, наиболее трудно, по своим экономическим корням, поддающееся организующему влиянию пролетариата, окрашено к тому же в желто-бланкитный национальный цвет; это есть история борьбы за крестьянство Кавказа, где национальная вражда, разжигаемая старым строем, приводила к таким запутанным положениям, что в них тонула классовая сущность борьбы. Вся история борьбы на юге есть история постоянных колебаний мелкой буржуазии, колебаний, создающих самые сложные и неожиданные комбинации.

Совершенно четкая борьба между основными классами общества и полная невозможность отнести какую-либо промежуточную группу к той или другой стороне на сколько-нибудь продолжительный период — вот обстановка борьбы на южном фронте. Эта обстановка заставляет чрезвычайно осторожно устанавливать классовый анализ той или иной группы в тот или иной момент, так как одно и то же движение в разные моменты имеет самое различное значение и соответственно этому опирается на различные группы мелкой буржуазии. Вместе с тем меньше, чем где бы то ни было, можно здесь ограничиться такими общими определениями, как мелкая буржуазия, крестьянство, интеллигенция, так как под эти определения подойдут движения, имевшие объективно совершенно различное значение.

Нужно поэтому заранее сказать, что тот анализ, который можно дать на основании имеющихся материалов,

будет неполным. Исторические детали пока недоступны исследованию, а без них никакое исследование не может дать ответа на все, иногда весьма существенные вопросы.

Так, например, объяснить восстание против Советской власти казаков в станицах Вешенской и Казанской в марте 1919 года; в то время, как в январе 1919 года те же станицы восставали против контр-революции, объяснить это восстание, не зная всех деталей — значит не объяснить ничего и отделаться одним общим — „колебания мелкой буржуазии". Таких общих мест в исследовании борьбы на юге будет больше, чем где бы то ни было, несмотря на то, что и в других очерках общих мест и положений вполне достаточно.

Очень часто придется ограничиться постановкой вопросов, а не разрешением их.

И первым таким вопросом является вопрос о том. насколько сформировалась и закрепилась Советская власть в тех районах, которые были освобождены наступлением Красной армии в январе — мае 1919 года.

Здесь нужно отметить, прежде всего, что освобождение Украины после германской революции было произведено в значительной мере крестьянским движением, в котором далеко еще не выделились классовые прослойки.

Петлюровское и анархистское движение не отделилось еще достаточно отчетливо от движения советского и Советская власть на Украине появлялась иногда в совершенно исковерканном виде, например в виде григорьевщины и махновщины.

И григорьевщина и махновщина были движением советским, поскольку выполняли часть советской задачи — очищения Украины от гайдаматчины и петлюровщины. Григорьев, в феврале 1919 года, отказался от поддержки Петлюры и признал Советскую власть. Но это признание не говорило еще о том, станет григорьевщина советским движением, или Советская власть, которую несет Григорьев, станет григорьевщиной, т.-е. перестанет быть Советской властью. Во всяком случае, проводником Советской власти Григорьев был весьма сомнительным.

Достаточно посмотреть подписи под приказами Григорьева, чтобы понять, чтобы борьба (в той или иной форме) между Советской властью и Григорьевым неизбежна.

Григорьев подписывает свой приказ: „Командир 1-й бригады Заднепровской Советской дивизии Атаман Партизанов Херсонщины и Таврии Григорьев". [1]

---

[1] См. Маргулиес, — „Огненные годы". Изд. Манфред. Берлин 1923 г., стр. 49.

Командир Советской бригады и атаман Григорьев — это совсем не то же самое.

Откажется Григорьев от атаманства или откажется от Советской власти — так должен был стать вопрос.

Влияние советских и партийных центров начинает достигать в районы, освобожденные Григорьевым, довольно быстро. Так, в Одессе, уже через 11 дней после прихода Григорьева, 17 апреля 1919 г., появляется председатель Высшей Военной Инспекции УССР Юдовский и Ревсовет во главе с Щаденко.

Но в то же время Григорьев остается атаманом своих партизан, признающих его, а не представителей Советской власти и Коммунистической партии.

Остается, таким образом, легальная возможность выявления и организации антисоветских течений, почвы для которых в кулацкой Украине больше, чем достаточно.

Это антисоветское влияние особенно характерно выявилось через другого представителя мелко-буржуазной партизанщины — Махно.

Уже при первом совместном выступлении махновской партизанщины и рабочего восстания в Екатеринославе (в декабре 1918 г.) Екатеринославский Ревком оказывается бессильным совладать с махновщиной, и грабежи и погромы махновцев приводят к жестокому разгрому рабочего восстания в Екатеринославе. [1] А между тем в этот период махновское движение является движением не кулацким, а крестьянским в лучшем смысле этого слова, движением, направленным не только против Скоропадского, но и против Петлюры.

А позже Махно становится центром, куда стягиваются нити и влияния всех антисоветских течений того общего потока, который смел гетманщину и петлюровщину.

Махно, бывший частицей советского движения на Украине, становится проводником не советского, а анархистского влияния. Уже в мае 1919 года в отряде Махно руководящую роль играют „набатовцы", Иваново-Вознесенская и часть Харьковской группы анархистов и левые эс-эры. [2]

На Елисаветградской конференции „набатовцев" среди других резолюций имеется такой пункт:

„В виду того, что так называемые „советы депутатов" превратились ныне окончательно и повсеместно в политические органы демократического парламентаризма, покоящиеся на началах власти, государственности, управления и мертвящей централизации сверху, — съезд высказывается

---

[1] См. Лебедь, — „Уроки анархо-махновщины".
[2] Теперь (Гордеев) — „Махно".

окончательно и категорически против вхождения в них анархистов". [1]

А между тем Махно, находящийся под влиянием набатовцев, входил со своим отрядом в наиболее важную часть советской системы — в армию.

Интересно, что набатовцы использовывали Махно именно как возможность легальных выступлений против Советской власти, и когда в Екатеринославе не была допущена лекция набатовца Барона, они обратились к Махно с призывом протестовать „против действия Екатеринославского Исполкома, министра Аверина и их начальства, рабоче-крестьянского правительства Украины". [2]

Не говоря сейчас о том, какие прослойки мелкой буржуазии выступали в данный момент против Советской власти, мы можем сказать, что Советская власть на Украине еще не оформилась как власть, которая не дает возможности выявлению через нее антисоветских течений. Советская власть пришла на Украину вместе с махновщиной и григорьевщиной, а не в борьбе с ними, а без этой борьбы нельзя говорить об укреплении Советской власти.

Эта борьба приняла формы открытых столкновений как раз тогда, когда Деникин подготовился и начал переходить в наступление. Таким образом, если несколько месяцев тому назад, в конце 1918 года, буржуазно-помещичья контр-революция оставалась изолированной против пролетарского и всего мелко-буржуазного фронта, то теперь Деникин бил Советскую власть одновременно с значительными слоями крестьянства и городской мелкой буржуазии.

Советская власть не успела охватить своим влиянием украинскую деревню не только в ее зажиточной части, но — и это являлось наиболее слабым местом Советской власти на Украине — и беднейшую часть крестьянства.

Об этом говорят такие факты, как выступление беднейшей части крестьянства против Советов, при чем, как это было, например, с движением Зеленого на юге Киевщины, кулачье боролось против бедняков вместе с Советской властью. Такие факты заставляют ставить вопрос о том — достаточно ли решительно осуществляла Советская власть на Украине требования бедноты, или, во всяком случае, доходила ли политика Советской власти, если она и была достаточно твердой, до деревни?

Все данные о крестьянских восстаниях на Украине говорят о том, что тот процесс гражданской войны в деревне и организации деревенской бедноты, который

---

[1] Яковлев, — „Русский анархизм в Великой Русской Революции" 1921, стр. 18.
[2] Там же, стр. 21.

в центральной России оформился в 1918 г., на Украине к началу наступления Деникина еще только начинался. Политика Комбедов (Комнезамов) в 1919 году на Украине не проводилась.

И если может быть спорным вопрос о том, должна ли была проводиться на Украине политика комбедов, то совершенно бесспорным является необходимость помощи деревенской бедноте со стороны пролетариата. А этого-то как раз в достаточной степени и не было, прежде всего в силу слабости Украинского пролетариата. Национальные особенности еще больше осложняли задачу.

Такое положение создавало почву для борьбы кулачества против бедноты и кулачества против Советов, бедноты против кулачества и бедноты против Советов, и, наконец, для покрывающего самые различные оттенки движения украинца против России. Меньше всего это положение создавало почву для борьбы Советской власти против Деникина.

Все это движение — а Украина к маю 1919 года вся была покрыта бандитизмом самых различных оттенков [1] — находило свое отражение в армии, и командование южного фронта не могло быть уверено почти ни в одной своей части. Было совершенно недостаточно знать, что часть будет бороться против Деникина, так как и это не гарантировало еще того, что будут выполняться приказы командования. Было немало случаев, когда отряды продолжали борьбу с Деникиным, но вместе с тем уходили с нашего фронта. [2] И Махновское движение не переставало быть антиденикинским. Но именно уход Махно с фронта дал возможность Деникину прорвать красный фронт.

Инцидент с созывом съезда крестьян и рабочих Александровского, Мелитопольского, Бердянского и Мариупольского уездов „и всех желающих“, который был назначен Махно на 6 июня и был запрещен Троцким, был только удобным моментом для выступления Махно. Уже до этого в Махновском отряде были убиты два коммуниста (Антонов и Лебедев), а в Бердянске махновцами была арестована ЧК.

Но этого мало — махновщина приобрела к этому времени уже политически оформленный характер. Махно имел свой анархический политотдел, свою анархическую прессу [3] и гражданскую организацию. Съезд 6 июня

[1] См. воспоминания Затонского, „Октябрьская Революция“. Гос. Изд. Украины 1922 г., стр. 518.

[2] Напр. отряды Гребенки, Туза и др. См. схему.

[3] „Набат“, „Путь к Свободе“, „Повстанец“. см. Лебедь, — „Уроки анархо-махновщины“.

должен был быть уже четвертым съездом. На 3-м районном съезде махновских организаций в апреле была вынесена резолюция с требованием „замены существующей продовольственной политики — правильной системой товарообмена“ и полной свободы и неприкосновенности „всем политическим левым течениям“. Резолюция заканчивалась словами: „Долой комиссародержавие. Долой однобокий большевистский Совет“. [1]

На практике из этих требований вытекла свобода действий для Деникина, хотя напрасно некоторые товарищи пытаются делать отсюда вывод, что махновщина руководилась деникинцами.

Деникин успел подвезти на фронт свои лучшие части с Кавказа раньше, чем мы успели организовать дальнейшее наступление.

Помимо того, что вся бушующая мелко-буржуазная стихия была в тылу у нас, а не у Деникина, Деникинская армия получила значительный перевес в коннице, которая, собственно, и произвела разгром наших армий южного фронта. Первый удар был произведен 5 мая в направлении на район казацкого восстания в районе Дона, т.-е. в ближайшем тылу нашего фронта. Затем был прорван фронт генералом Май-Маевским в р. Еленовка, где осталось пустое место благодаря уходу Махно. И затем следуют один за другим сильные удары конных частей по нашим совершенно неспособным сопротивляться, пехотным частям.

Отдельные случаи твердого отпора, как, например, борьба 15 и потом 7 дивизий за Луганск, сопровождаются массовой паникой и изменами отдельных частей. Весь период мая — июня 1919 года на южном фронте состоит из прорывов фронта конницей (5, 12, 22, 24, мая и т. д.) и измен частей Красной армии (уход Махно, восстание в запасной бригаде VIII армии, уход I бригады 5 Украинской дивизии, измена командующего 9 армией и т. д.).

Отскок Красных армий южного фронта, был не простым отступлением, не простой потерей территории. Это было не только отступление, но и угроза гибелью регулярных начал в армиях фронта. Армия не только откатывалась, но и разлагалась, так как в самом отступлении играли роль не столько военные неудачи, сколько социальное и политическое разложение.

Совершенно правильно оценивал положение тов. Бубнов, который тогда говорил на заседании ЦИК'а Украины, что отступление приняло характер небывалый. „Не только отдельные полки — вся армия превратилась в группу людей, не связанных и не представляющих из себя организован-

[1] Яковлев, — „Русский анархизм“, стр. 24.

ной силы". И еще важнее — он подчеркивал, что дело не только в партизанщине в смысле военном. „Здесь сказались общие недостатки советского аппарата на местах, где советские организации в весьма слабой степени связаны с массами и недостаточно организованы сами". [1]

Это было значительно больше, чем отступление или даже разложение армии. Армия тут сама восстановить положение не могла. Поэтому, например, ничего не могло выйти из требования, которое предъявил приехавший на юг тов. Троцкий — удержать во чтобы то ни стало район Одессы. [2]

Такие приказы — „удержать во что бы то ни стало" необходимы, но для этого должно быть организовано выполнение приказа, а как раз эта организация выполнения в значительной степени отсутствовала. В районе Одессы находились сравнительно крепкие части группы тов. Якир (44, 47, 58 дивиз.), но эта группа как раз дольше других частей должна была действовать партизанскими методами и находиться в разлагающей обстановке.

В июле месяце под самой Одессой вспыхнуло восстание немецких колонистов; с моря угрожали (и действовали) деникинские и антантовские корабли; в августе началось наступление румын у Кишинева, петлюровцев — у Каменец-Подольска и поляков у Ровно; на Киев и на Таращу наступали деникинцы. Но самое главное, что части тов. Якир были почти чужеродным телом в том районе, где они были окружены, так как весь район был охвачен поднявшейся антисоветской стихией.

Окружение группы тов. Якир относится уже ко второму периоду наступления Деникина, когда наши части на главных направлениях противника, Курском и Воронежском, уже сумели приостановить продвижение белых армий. В это время, в августе 1919 года, на Киевском направлении деникинцы продолжали наступление, и группе тов. Якир приходилось выбиваться из окружения к частям, действовавшим, вернее отступавшим, в районе Житомира.

Сопоставление этих двух частей фронта помогает сделать некоторые выводы об условиях и ходе борьбы на южном фронте.

Если в районе расположения фронта в мае месяце нам приходилось действовать среди зажиточного казачества, то к августу в районе Курска—Воронежа мы вышли в крестьянский район.

---

[1] „Киевские Известия". Цитирую по Маргулиесу, — „Огненные Годы".

[2] См. воспоминания Затонского в сб. „Октябрьская Революция". Укр. ГИЗ.

В Донецком округе, где проходил фронт в мае, средний размер частновладельческих земель 27,2 десятины и надельной земли на двор приходится 24,9 дес.

А в Бирюченском уезде Воронежской губ., куда подошел фронт в августе, средний размер частновладельческих земель — 113,2 дес. и надельной земли на двор приходится — 7,6 дес. То-есть из района крепкого фермерского хозяйства фронт перешел в район помещичьего землевладения с малоземельным крестьянством. Из мертвящего района фронт вышел.

И если сравнить теперь район Воронеж—Курск с районом Украины (Киевское и Черниговское направление), то мы увидим, что здесь так благоприятно для Красной армии условия не изменились.

Сопоставление данных на двух основных направлениях Деникинского фронта в августе дает такие результаты: в р. Воронеж—Курск, т.-е. в центральном черноземном великорусском районе, средний размер частновладельческой земли — 89,8 дес., в районе Ромодан — Ромны — Конотоп, т.-е. в центральном земледельческом малорусском районе — 37,4 дес. Процент крестьянской собственной земли в первом районе — 22,5, во втором районе — 30,4, что опять показывает, что в первом районе мы имеем менее зажиточное крестьянское хозяйство.

Если же сравнить Бирюченский уезд, где красные части сумели в августе оказать сопротивление Деникину и перейти в контр-наступление, и Полтавскую губернию, где красные части продолжали отступать, то получим такие результаты:

В Бирюченском уезде средний размер частного землевладения — 113,2 дес., в Полтавской губ. — 30,4 дес.

Процент крестьянских частных земель в первом районе — 14,8, во втором — 28,4. [1]

Революция изменила все эти отношения, уничтожив помещичье землевладение, но совершенно ясно, что политическая физиономия крестьянина, купившего землю до революции, противоположна физиономии крестьянина, получившего землю от революции. К этому нужно добавить, что на Украине крестьянство успело собственно только разгромить помещичьи имения, но германская оккупация и новые фронты не дали возможности эту землю переварить.

Все эти данные, подтвержденные сведениями о бандитизме, заставляют сделать вывод, что до тех пор, пока

---

[1] Все эти данные взяты из Скворцова, „Хозяйственные районы Европ. России", изд. ГУЗ и З. 1914 г. Беру Полтавскую губ. в целом потому, что сведения по Полтавской губ. не разбиты по уездам.

украинская деревня не прошла серьезной школы гражданской войны, задача удержания Украины была для Красной армии непосильной.

Очевидно в связи с такой оценкой положения на Украине стоит решение Советской власти уничтожить самостоятельные украинские части. Эти части давали такой материал для бандитизма и партизанщины, что их положительное значение, как метод привлечения украинцев, совершенно сводилось на нет. В июне месяце украинская армия, как самостоятельная армия, перестала существовать, чего, конечно, не было бы, если бы Украина периода 1919 года могла дать советскую украинскую армию. Таким образом, мы видим, что Красная армия южного фронта могла организовать отпор деникинскому наступлению, только выйдя из „мертвящих“ районов: Донской области и Украины, и, во-вторых, что организация армий южного фронта ложилась почти целиком на центральные губернии России.

Но прежде чем рассматривать организацию отпора и наступления Красной армии, нужно посмотреть на то, что делалось у Деникина. Раковский [1] начинает I главу своей книги о развале деникинщины такими словами: „В то время, когда летом 1919 года армия, возглавляемая Деникиным, победоносно продвигалась на север, когда каждый день приносил нам все новые и новые сообщения о победах, когда перезвон московских колоколов, казалось, отчетливо стал слышен и на Дону, и на Кубани, и на Тереке, и в Крыму, и на юге Украины — в это время уже раздавались предостерегающие голоса, которые указывали, что чем быстрее мы двигаемся к Москве, тем скорее очутимся в Черном море“.

Раковский указывает дальше на те разногласия, которые были среди военных руководителей южной контрреволюции по поводу плана наступления. Он пишет, что Врангель настаивал на перенесении центра наступления на Царицын для соединения с Колчаком. „Генерал Врангель, как показали те же события, был прав, когда настаивал на том, что стратегия генерала Деникина основана на неверных предпосылках“. Но тут же Раковский пишет, что „план Врангеля строился на песке, а не на твердом основании“, и это совершенно очевидно, так как задача соединения с Колчаком была уже невыполнима.

„Еще более резко и решительно, но по другим мотивам восставал против быстрого продвижения на Москву генерал Сидорин, командовавший Донской армией“. Сидорин, по словам Раковского, „указывал, что нужно в пер-

---

[1] Г. Н. Раковский, „В стане белых“. Константинополь 1920 г.

вую очередь заняться огромной работой по подготовке тыла к дальнейшему наступлению".

Деникин, несмотря на эти предупреждения, продолжал настаивать на походе на Москву, исходя из того, что „быстрое продвижение вперед путает все расчеты большевиков и что, следовательно, опасения, высказанные Сидориным, ни на чем не основаны".

В этом мнении Деникина и в возражениях Сидорина кроется значительно более глубокое содержание, чем споры двух военных начальников. За этими спорами скрываются те противоречия, которые заставляли Деникина во что бы то ни стало тянуться к Москве, т.-е. к единой великодержавной России. Деникинщина, как контр-революционная военная организация, могла существовать где угодно; но деникинщина, как социальная система, могла существовать только в старой великодержавной России с Москвой и с Кремлем, так как суть этой системы заключалась не только в эксплоатации трудящихся помещиками и буржуазией, но и в эксплоатации окраин великодержавной Москвой. Деникин должен был или завоевать буржуазно-помещичьему блоку старую государственную систему, или потерять всякое право на существование.

Казацкие окраины были созданы монархическим режимом для подавления окраинных народов и только поэтому казачество пользовалось привилегиями и даже известной автономией.

Автономия казацких окраин нужна была старой России для подавления автономистских стремлений окраин, для укрепления бюрократически-централизованной государственной системы. „Заняться огромной работой по подготовке тыла", т.-е. казацких окраин, не завоевав Москву означало бы закрепление казацкой автономии не как орудия буржуазно-помещичьего государства российского.

Именно такова была цель казацкого движения — сохранить свои привилегии, полученные от великодержавной России, не восстанавливая старых связей, которые только и создавали эти привилегии. Но с этим как раз и должен был вести борьбу Деникин, как представитель буржуазно-помещичьей России. Окраины должны были стать в зависимость от Деникина, а для этого деникинщина должна была перестать ютиться на территории этих окраин. Это противоречие лежало в основе споров между Деникиным и Сидориным, как и вообще в основе столкновений двух течений контр-революции на юге: мелко-буржуазного автономистского и буржуазно-помещичьего великодержавного.

Деникин получил верховенство на юге от союзников. он должен был это верховенство укрепить и расширить, Иначе каждый каприз Антанты мог свести на-нет его вели-

кодержавность, а кроме того при всем своем могуществе Антанта не могла своей поддержкой гарантировать послушание окраин. Союзники, особенно англичане, вели себя с этой точки зрения весьма подозрительно. Они, правда, разогнали, например, правительства Юго-Западного Кавказа, которые в своем акте о самостоятельности ссылались на право наций на самоопределение, установленное „вторым временным правительством в Октябре 1917 г.", т.-е. Советской властью; [1] они, правда, помогали Деникину формировать армянские отряды для борьбы с Грузией и мешали Грузии дать отпор наступлению добровольцев в феврале 1919 г.; [2] но в то же время они поддерживали самостоятельное существование Грузии, они установили нейтральную зону между Деникиным и Азербейджаном, они вступали в переговоры с Украинской директорией.

Надеяться полностью на политику союзников Деникин не мог. Он не мог не знать, что цели союзников, например Англии, далеко не сходятся с целями великодержавной России. Кроме того, уже в июне 1919 года получилась телеграмма от бывшего царского посла в Англии Сазонова, в которой говорилось, что „в виду недостатка военных сил в Индии и Египте, Великобританское Правительство, решив отозвать войска из Закавказья, обратилось к итальянскому правительству, с предложением заменить британские войска в Закавказье итальянскими". [3]

Великодержавная политика Деникина вытекала из классовой сути движения, которому он служил, и реализована она могла быть только в Москве. Удержаться в качестве верховного правителя России (или заместителя верховного правителя, Колчака), не наступая на Москву, было невозможно не только потому, что отдавало бы инициативу в руки большевиков, но и потому, что все движение окраин шло в разрез с верховенством правителя юга России. Или правитель всея России, или автономия окраин — так должен был стать вопрос перед правителем юга России. Между тем для того, чтобы завоевать Москву, нужно было завоевать окраины, так как иначе вся московская операция могла быть в любой момент сорвана любой из многочисленных автономных единиц юга России.

Деникина, как главнокомандующего вооруженными силами юга, казацкие окраины под давлением союзников признали. Казацкие войска были, таким образом, предо-

---

[1] „Пролетарская Революция" № 6—7 (18—19) ст. Попова,— „Из эпохи интервенций в Закавказье".

[2] Воронович, — „Между двух огней". Архив Русск. Революции Гессена, т. VII.

[3] Попов, — „Прол. Револ." № 8 (20).

ставлены Деникину и для похода на Москву. Но в то же время делегация Кубанской Краевой Рады в Париже в меморандуме союзникам писала, что „кубанцы никого не думают завоевывать, ни на кого не желают нападать, но с оружием в руках будут защищать свой край от попыток подчинить их насилием и навязывать несвойственный им уклад политической и социальной жизни“. Кубанская делегация хлопотала в Париже о признании Кубани самостоятельным государственным образованием, „безусловно не входящим в сферу влияния Советской власти“. Как бы для того, чтобы это предположение о соседстве с Советской Россией не могло быть принято за обмолвку, меморандум делегации продолжает: „На случай, если бы, сверх всякого ожидания, возникли переговоры с Советской властью о границах ее владений, Кубанский край этим признанием был бы огражден от предъявления прав на него со стороны Советской республики“. [1]

Деникин должен был вступить в борьбу с Кубанской Радой, пытающейся вести самостоятельную политику, так как эта политика должна была ускорить отказ казаков от борьбы. Но в то же время Деникин должен был опираться на казачество, чьи настроения и чаяния политика Кубанской Краевой Рады выражала. Деникин старался внести раскол в ряды Кубанского казачества, и кубанское правительство Сушкова было правительством, сочувствующим Деникину. Но тем самым оно теряло свое влияние на казачество, и в конце концов должно было уйти в отставку, уступив место правительству Курганского, которое в основу своей деятельности клало соблюдение кубанской конституции и „решительную борьбу с большевизмом и со всеми воздействиями на массу в смысле возвращения к монархизму“. [2] Деникин должен был найти опору для борьбы с Кубанской Радой в Кубанской Раде, но тем самым он должен был расколоть ту организацию, которая удерживала казачество в повиновении.

Деникин пошел на то, чтобы покончить с Кубанской Радой военным путем. Убийство председателя Кубанской Рады, Рябовола, и члена парижской делегации Калабухова, наконец объявление Кубани тыловым районом Кавказской армии с назначением начальником района, т.-е. Кубани, ген. Покровского — вот те меры, к которым прибег Деникин после бесконечных переговоров и споров. Кубань была попросту оккупирована доброволь-

---

[1] См. Георгий Покровский,—„Деникинщина“, изд. Гржебина 1923 г., стр. 141.

[2] Декларация Курганского в № 106 „Вольная Кубань“, см. Г. Покровского.

ческими частями.[1] Но это привело к тому, что дезертирство казаков получило новую, идейную окраску — борьбы с насильниками над вольной Кубанью. Тем более, что движением зеленых в Черноморских горах стал руководить не кто иной, как товарищ председателя Кубанской Рады, Савицкий.[2]

Неверно было бы думать, что развал казацких частей вызывался голым чувством оскорбленного достоинства своей автономной области. Но что казацкая организация, которая раньше замедляла проникновение классовой борьбы в казачестве и тем превращала казачество в организованную антисоветскую массу, теперь стала организацией антиденикинской — это несомненно.

Интересно в этом отношении, что мысль об организации объединения казацких областей, о создании Южно-Русского союза встретила отпор со стороны Деникина. Казалось бы, что это объединение, как дальнейший этап в развитии казацких организаций, должно было укрепить антисоветский фронт, а следовательно и всю южную контр-революцию. Но противоречия между казачеством и деникинщиной привели к тому, что задачей организации Южно-Русского союза стало не столько борьба с Советами, сколько борьба с диктатурой Деникина. Один из активнейших сторонников Южно-Русского союза, Рябовол, так и говорил:

„В ноябре возник вопрос о диктатуре. Последней мы противопоставили объединение государственных образований Юга России, и почти все 600 человек Кубанской Рады голосовали за него против диктатуры. Мы сказали тогда, что надо бороться под лозунгом освободителей, а не завоевателей“.[3]

Южно-русская конференция, которая должна была учредить Южно-Русский союз, может пополнить список „народных собраний“ типа нашей Учредилки, которое, как говорил Маркс,[4] „походило на того чилийского чиновника, который посредством кадастрового межевания полей хотел основательнее урегулировать земельные отношения в то самое время, когда подземный гром уже возвестил о вулканическом извержении, которое должно было взорвать почву под самыми его ногами“.

Она началась с речей о свободе и народоправстве, оформила договор между Доном, Кубанью и Тереком об

---

[1] Там же, см. также воспоминания Филимонова в Архиве Гессен'а, т. V.

[2] См. Г. Раковский,—„В стане белых“.

[3] Покровский, — „Деникинщина“, стр. 148.

[4] Маркс, — „Борьба классов во Франции“, т. III, ГИЗ. 1921 г., стр. 58.

организации союза; она в пункте 4-м договора так определила цели союза: „согласованность и защита культурных, национальных, политических и экономических интересов, содействие возсозданию и развитию Российского Государства на основе широкого народоправства и создание условий для созыва нового Всероссийского Учредительного Собрания“. [1]

А кончилась конференция признанием „излишним наименование правителя Юга России Главою Юга России, или присвоение ему именования высшей верховной власти“, и... поклоном к Деникину, которому предоставлялось высшее начальствование, управление и командование всеми вооруженными силами на юге России, законодательная власть вместе с палатами областных представителей и особые права, присвоенные верховной власти статьями 96 и 87 Основн. Закон. 1906 г. [2]

Южно-Русский союз должен был в его первоначальном виде охватить не только казацкие окраины, но и послужить началом „собиранию России на федеративных началах“, т.-е. объединению всех антибольшевистских окраин. „Союз образуется на территории бывшей России“,—говорил председатель Кубанской Рады Макаренко, — поэтому к нему, кроме предполагаемых сейчас Дона, Кубани и Терека, могут присоединиться, быть может Урал, быть может Оренбург, быть может Закавказье; быть может даже Украина присоединится к Союзу“.

А член Рады Рябовол в том же заседании Рады, 5 июня 1919 г., говорил: „Тогда обстоятельства были благоприятны, но союз не удалось провести в жизнь из-за некоторых политических ошибок, но потом возникли осложнения с Грузией, потом катастрофа на Украине... Опять обострились отношения с Грузией и произошло недоразумение с Азербейджаном“. И дальше, вместо призыва установить дружеские отношения помимо воли „посторонних нам людей, которые занимались внешней политикой“, следует заключение: „нас ждали и не дождались, пока мы соорганизуемся“. [3]

История с парижской делегацией Кубанской Рады достаточно ярко показывает, как „соорганизовалась“ Кубанская Рада с другими окраинами. В ответ на запрос Деникина о том, подписывал ли член делегации Калабухов договор с Горским меджилисом, Филимонов отвечал следующей телеграммой: „По объяснению Султан-Шахим-Гирея, договор Горской Республикой был заключен и подписан Кала-

---

[1] Г. Покровский, „Деникинщина“, стр. 149.
[2] Там же, стр. 158.
[3] Там же, стр. 147—148.

буховым и другими как проект, подлежащий утверждению Законодательной Радой на случай, если бы Антанта признала власть большевиков". А когда Деникин потребовал предать суду, т.-е. попросту повесить, Калабухова, Филимонов протестовал, заявляя, что „сыны Кубани не запятнали себя изменой, а принесли и несут наибольшие жертвы своей кровью и достоянием для воссоздания России. Кубань в праве требовать срочной отмены телеграммы Вашего Превосходительства номер 016729 в виду несправедливости обвинения Краевой власти и в виду несомненного исключительного права только Краевой власти судить своих дипломатических представителей".

Эта телеграмма, подписанная не только Филимоновым, но и Курганским, показывает, что в отношении к другим окраинам Кубанская Рада не отгораживалась от политики Деникина, произнося громовые речи о независимости Кубани и признавая изменой России самостоятельность национальных окраин.

А политика Деникина в отношении национальных окраин была чрезвычайно проста: давить так, как давила старая Россия, ибо другой России деникинщина не знала и знать не могла. „Привлечение к русской государственности Закавказья. Внешная политика — только национальная, русская. Единая, Великая, Неделимая Россия"—вот пункты из Наказа Деникина Особому Совещанию, данного уже в декабре 1919 года, [1] когда национальное движение на окраинах, выросшее в сплошное вооруженное восстание против Деникина, казалось, должно было бы чему-нибудь научить.

Как проводилось присоединение национальных окраин к русской государственности, может показать следующий приказ командующего 1 конной дивизией Шатилова:

„Довожу до сведения чеченского народа, что в ближайшие дни во главе его будет поставлен ген. Ляховым правитель из туземцев, при котором будут состоять помощники по военной и гражданской части, и земская управа по выбору народа для решения вопросов хозяйственного и бытового характера. Таким образом, управление чеченским народом будет поручено лучшим его представителям, под высшим наблюдением Главноначальствующего, с предоставлением полного самоуправления Чечне, которая должна составить часть целой единой России". [2]

Я умышленно беру этот приказ, хотя гораздо типичнее являются, например, приказы командующего войсками

---

[1] Архив Гессена, т. IV.
[2] См. ст. Попова в № 8 (20) „Прол. Революции".

южного района Северного Кавказа ген.-майора Дроценко, который вел борьбу с поголовным восстанием Чечни и нигде даже не упомянул о каком-либо праве на самоопределение.

Это восстание Чечни и Дагестана характерно тем, что оно выдвинуло к руководству социально-наиболее близкие Деникину слои горцев. Напрасно английский полковник Роландсон пытался доказать, что „английская миссия хорошо знает, что восстание горцев не есть национальное движение, а большевистское и вызвано лишь отдельными лицами, преследующими личные цели“. [1]

Достаточно сказать, что шейх Узун-Хаджи, один из руководителей восстания, был провозглашен монархом на основе Шариата, чтобы понять, что дело шло не о большевистском восстании. Восстание проходило под лозунгом панисламизма, говорилось о протекторате халифа мусульманского мира, оттоманского императора Магомета Бахидина XI, и если что ослабляло восстание, так именно то, что большевистское, т.-е. беднейшего горского крестьянства, движение Гикало и Шерипова, о которых писал Роландсон, не приняло достаточно серьезных размеров. Это последнее движение (Шерипов) сдерживало до известных пределов предательство шейхов, за которыми шли горцы, так как противостояло ему как более решительное и революционное, но опять-таки национальное движение.

Я не имею возможности останавливаться здесь на разборе гражданской войны на Кавказе, но без уяснения того, что национальное движение сыграло огромную роль в нашей борьбе с деникинщиной нельзя понять и историю этой борьбы. Поражение деникинщины было не только поражением в борьбе с Красной армией, но и поражением на Северном Кавказе, в Закавказье и на Украине, как на национальных окраинах. Это было поражением не только движения, пытавшегося восстановить крепостническое землевладение, но и движения, пытавшегося восстановить старое угнетение единой и неделимой Россией национальных окраин.

Мы не можем забывать о том, что в национальном движении против Деникина были и такие, как борьба с Деникиным меньшевистской Грузии, подавляющей, в свою очередь, национальное движение Осетии, Абхазии и Аджарии; что национальная борьба между отдельными угнетенными нациями, поддерживаемая не только Деникиным, но и англичанами, ослабляла антиденикинский фронт и создавала иногда самые неожиданные комбинации; что национальное движение отнюдь не исключает классовой борьбы пролетариата (и еще больше крестьянства) с буржуазией

и помещиками, что и выводило борьбу за рамки национального движения.

Мы не не можем забывать всего своеобразия национального движения в различных условиях, но мы можем сказать, что национальное движение против великодержавности в деле разложения деникинщины должно быть поставлено на ряду с крестьянским движением против помещичьего землевладения.

Это последнее, естественно, должно было усиливаться по мере развития успехов деникинской армии, и не только потому, что деникинская армия попадала в районы, где более остро стоял земельный вопрос, но и потому, что успехи Деникинской армии означали и более энергичное выявление классовой сути деникинщины.

Лукомский в своих воспоминаниях [1] приводит достаточно яркие данные о том, как „на ряду с успехами на фронте, из тыловых районов армии все чаще и чаще стали поступать сведения о возрастающем неудовольствии среди крестьян и рабочих". Он приводит справку, которая была представлена Деникину в начале сентября, очевидно, кем-либо из его администрации, где говорится: „на местах далеко не все администраторы исполнены тех же стремлений. Некоторые из них придают своей деятельности характер защиты интересов одного, немногочисленного и непопулярного в широких кругах населения класса, а именно — крупных землевладельцев".

Другие администраторы, по этой справке, стараются как можно скорее „вознаградить себя сторицей за месяцы вынужденной нищеты и унижения", третьи — „уклоняются от вмешательства во взаимоотношения между возвращающимися в свои имения помещиками и крестьянами, предоставляя событиям итти своим порядком. В результате страдательной стороной являются опять-таки крестьяне".

Из Курска один помещик писал Деникину: „предела аппетитам помещиков не существует, при этом все делается, чорт знает как".

Интересно, что мнение чешского профессора Крамаржа, по которому крестьяне должны получить землю, но так, чтобы „интеллигентный помещичий класс" не оказался бы разоренным и впоследствии сел бы опять на землю, оказалось неподходящим для деникинщины. И Деникин такой реформы провести не мог, так как он защищал не только интеллигентный помещичий класс, т.-е. аграрных капиталистов, но и старых зубров, помещиков-крепостников. Именно поэтому все пункты декларации Дени-

---

[1] Архив Гессена, т. VI.

кина о земле, не только об „обеспечении интересов трудящегося населения“, но и о „создании и укреплении прочных мелких и средних хозяйств за счет казенных и частновладельческих земель“ оставались на бумаге. Этим объясняется и то, что деникинское аграрное законодательство разошлось с аграрным законодательством казацких областей, хотя и земельный закон Кубанской Рады, например, далеко не был демократическим.

Ни Кубань, ни Дон в своем земельном законодательстве не отказались от сословных привилегий, но эти сословные привилегии не удовлетворяли крупных помещиков, и съезд землевладельцев Ростовского округа требовал отмены закона Донского правительства. Кубанское правительство даже говорило об отмене частной собственности на землю. А деникинское законодательство настолько удовлетворяло помещиков, что съезд херсонских землевладельцев постановил отдать $^1/_{10}$ земельной собственности в распоряжение Деникина. [1]

Суть закона Деникина о земле заключалась в признании за собственниками их прав на землю и в исключениях, [2] которые охраняли эти права даже от отчуждения за выкуп. Если бы даже эти исключения и не сводили на-нет всей реформы, то и тогда она оставалась бы для крестьян бумажкой, так как срок реформы был установлен семилетний, а пока что, по распоряжению Деникина, через суд, а на деле без всякого суда, помещики отбирали у крестьян землю.

Как видно из приведенного выше сообщения курского помещика, а также из целого ряда мемуаров деникинцев, понимание угрозы, которая создавалась крестьянским движением, — среди деникинцев было. Это выражалось в различных формах, начиная с деклараций Деникина о земельной реформе и кончая такими заявлениями, как заявление Кутепова: „Земельная реформа и виселица — тогда мы снова дойдем до Москвы“. [3]

Но на такую земельную реформу, при которой не нужна бы была виселица, деникинщина пойти не могла; для того же, чтобы виселицей удержать крестьянское движение, нужно было, по крайней мере, воссоздать в новой силе старую всероссийскую виселицу. К этому и сводился

---

[1] См. Г. Покровский, „Деникинщина“.

[2] Не подлежат отчуждению: леса, усадьбы, парки, плодовые сады, осушенные и орошенные земли, пространства неудобные для земледелия, культурные и промышленные хозяйства. Не прикосновенным остается, кроме того, максимум, определяемый до 400 десятин. Реформа рассчитана на 7 лет.

[3] Раковский, „В стане белых“, стр. 94. Константинополь. 1920 год.

лозунг единой и неделимой России. Но деникинская виселица была бессильна расправиться не только с крестьянством, руководимым пролетариатом, но и с крестьянством, выступающим под руководством Махно и бежавших от Колчака членов самарской учредилки. [1]

Махно больше месяца удерживал в своих руках Екатеринослав в тылу у Деникина, а в Сочинском округе крестьянское движение приняло такие формы, что английский верховный комиссар несколько раз начинал переговоры с зелеными о мире их с Деникиным. И это, несмотря на то, что пролетарское руководство далеко недостаточно охватывало крестьянское движение. Больше того: в Сочинском округе руководство движением попало в руки враждебных пролетариату элементов, которые не только не старались соединить свои силы с силами Советской России, но противопоставляли себя ей, как враждебной силе.

Идеология руководителей сочинских зеленых особенно ясна из следующих мест декларации, принятой на делегатском съезде крестьян Черноморской губернии в ноябре 1919 года: крестьянство... „не хочет итти ни за черными, ни за коммунистическими знаменами“... „Мы вступили в борьбу с реакцией как самостоятельная третья сила — сила демократическая. Мы не сложим оружия до полной победы демократии. Мы отвергаем всякую диктатуру меньшинства над большинством, от кого бы эта диктатура не исходила и какими бы конечными лозунгами она не прикрывалась. Мы противупоставляем ей диктатуру демократии, то-есть всего народа“. [2]

Абсурдность идеи самостоятельной третьей силы здесь доведена до совершенства. „Диктатура демократии, то-есть всего народа“—бессмыслица настолько явная, что не приходится говорить о том, насколько мало такая позиция могла усиливать крестьянство в борьбе с помещиками. Но в данных условиях даже это движение, руководимое такими идеологами, выросло в большую силу, с которой расправиться деникинщине было не по силам.

А этого было достаточно для того, чтобы, несмотря на влияние бежавших от Колчака эс-эров, в крестьянское восстание проникло коммунистическое влияние. На съезде в феврале 1920 года резолюция „крестьянской фракции“ далеко не столь последовательно-эс-эровская, в которой вражда к Советской власти прикрывалась такими туманными фразами, как „защита нашей территории от всяких попыток захвата ее посторонними силами“, уже не прошла.

---

[1] Филипповский, Чайкин и др., „У „зеленых“ в Сочинском округе“.

[2] Архив Русской Революции Гессена. Берлин. 1922 г., т. VII.

Это не значит, конечно, что крестьянство Сочинского округа было уже советизировано, но это значит, что вражда к Деникину проложила дорогу Советской власти, несмотря на все усилия „третьей силы“.

Во всяком случае и Махно, расстреливающий коммунистов за попытку организации в Екатеринославе Совета, и Воронович и Филипповский, проводящие резолюции о третьей силе, били белую армию. Они не могли одни нанести решающего удара буржуазно-помещичьей контрреволюции, но, во-первых, они и одни разрушали деникинский тыл и заставляли оттягивать войска с фронта, а во-вторых, они были не одни, а, как ни различны были цели, вместе с Красной армией.

А Красная армия к августу 1919 года сумела уже несколько оправиться после майского разгрома. Она, прежде всего, как я говорил выше, почувствовала под ногами почву, выйдя из враждебных районов, а кроме того поставленный во второочередные южный фронт — начал занимать первое место.

Нужно отметить, что наступление Деникина едва не заставило Советскую Россию отказаться от ликвидации первоочередного Колчаковского фронта. Но предложения приостановить наступление на Колчака, чтобы отразить наступление Деникина, были отвергнуты.

Эти споры о приостановке или продолжении наступления на Колчака имели громадное значение, так как вопрос шел по существу о двух методах борьбы с контрреволюционным окружением: распыление сил, при котором решительное наступление невозможно ни на одном фронте, или сосредоточение всех сил на главном фронте для его полной ликвидации. Деникинский фронт особенно ясно говорит в пользу последнего решения. С деникинским фронтом можно было расправиться только сосредоточением сил всей Советской России и то внимание, которое могла бы уделить южному фронту Советская Россия до решительного разгрома Колчака, было совершенно недостаточным.

Приостановить наступление Деникина Красная армия сумела к августу 1919 года. Но это нисколько не избавило Советскую Россию от опасности нового наступления Деникина, и уже после августа происходят на южном фронте наиболее грозные события, как Мамонтовский рейд, как потеря Орла и Воронежа и угроза Туле.

И на других фронтах остановки были почти невозможны и приводили сейчас же к отступлению, на деникинском же фронте эта особенность гражданской войны сказывалась особенно сильно хотя бы потому, что, как

мы уже видели, Деникин без наступления на Москву существовать не мог.

Кроме того, и это особенно важно, ни один другой фронт контр-революции не имел такой крепкой базы, как казацкие районы, несмотря на разложение и противоречие с Деникиным.

В борьбе с Деникиным мы имели возможность получить чрезвычайно ясные доказательства этому, когда выбранное сначала направление удара на казацкие районы Царицын — Ростов или Царицын — Тихорецкая потерпело полный крах, или когда, уже при учете этого опыта и изменении направления на рабочий район — Воронеж — Таганрог, мы получили серьезнейший удар со стороны казацких районов в виде мамонтовского прорыва. Наконец, малейшая приостановка наступления в районе Дона в феврале 1920 года обошлась нам опять очень дорого, несмотря на то, что деникинщина к этому времени разложилась. Казацкая контр-революция разлагала деникинщину, но вместе с тем оставалась во всей силе задача борьбы с казацкой контр-революцией. Достаточно сказать, что донские части сохранились значительно дольше, чем все остальные части деникинского фронта.

Именно в силу этих условий южный фронт потребовал от Советской России чрезвычайно широкой и длительной подготовки. Достаточно посмотреть материалы о перебросках частей, чтобы увидеть, что в подготовке октябрьского наступления южного фронта принимали участие не только тыл Советской России, но и все фронты. [1]

И в деле снабжения фронта требовалось значительно большее напряжение для юга, чем для востока, так как использование местных средств было здесь делом более трудным. Это относится и к использованию местных людских сил, так как нигде не было так широко развито дезертирство (зеленые армии), как на юге, — гражданская война предшествующих периодов и германская оккупация не могли не усилить „зеленых“ настроений среди крестьянства.

Влияние местных рабочих центров на крестьянство подавлялось влиянием кулацких центров и кулацкого движения, и нужно было громадное количество партийных сил, чтобы создать на юге преобладание пролетарского влияния. Характерно в этом отношении, что в таком рабочем центре, как в Екатеринославле, в то время как он был занят в тылу у Деникина махновцами, рабочие

---

[1]) См. Сборник ВНО-Академии, кн. 3 и С. Каменев, „Очередные военные задачи“ изд. ВВСР, 1922 г.

не смогли сломить сопротивление махновцев и организовать совет.

Во время мамонтовского набега Троцкий писал: Прифронтовая полоса с уверенностью говорит красным бойцам: „продолжайте вашу работу, — с налетом деникинских бандитов справится тыл“. „И в этом сейчас состоит священная обязанность тыла, прежде всего, Тамбовской губернии.

Задача ясна и проста: крепкой облавой окружить деникинскую конницу, которая оторвалась от своей базы, и уверенной рукой затянуть аркан“. [1] В плане окружения мамонтовской конницы рассчет на активность населения прифронтовой полосы занимал довольно видное место. Но через несколько дней Троцкому пришлось писать о местной ограниченности, привязанности к месту, отсутствии инициативы местного ополчения. [2] И, конечно, на серьезную помощь местного населения Красной армии на юге рассчитывать было трудно.

Неверно, однако, было бы думать, что активной помощи от местного населения Красная армия совсем не получила. Формирование конницы, сыгравшей решающую роль в разгроме Деникина, происходило в значительном проценте за счет местных сил.

Оно проходило под лозунгом: „Пролетарий, на коня“, но конница, — род войска, менее всего свойственный пролетариату. Задача пролетариата на южном фронте заключалась в том, чтобы вырвать конницу из рук Деникина, то-есть организовать конницу из тех же слоев населения, главным образом казачества, которые давали белую конницу. И наши конные части южного фронта были сформированы, главным образом, из местных казацких элементов. Только латышские конные части представляли исключение, так как и червонное казачество и конница Буденного и Думенко состояли из украинцев и казаков. [3]

Таким образом и мамонтовский прорыв встретил сопротивление со стороны местных же частей, так как главной силой, разбившей рейд Мамонтова, была конница Буденного. Но это была уже организованная часть, а не местное ополчение.

Мамонтовский прорыв является одним из характернейших эпизодов борьбы с Деникиным, так как он как бы соединил в себе все характерные черты южного фронта.

Во-первых, он показал, что уже пополненный свежими частями южный фронт представлял собой недостаточно

---

[1] Троцкий — „Как вооружалась . . . .“, т. II, кн. 1, стр. 271.

[2] Там же, стр. 289.

[3] См. Сборник трудов ВНО-Академии, кн. 2, статья Примакова.

организованную силу. Он показал, что решающую роль в этом отношении играла недостаточная организованность прифронтовой полосы. Он вскрыл организованную связь деникинского фронта с контр-революцией в тылу у нас (московский заговор). И, наконец, только мамонтовский прорыв показал полностью значение конных масс.

Мамонтов нанес южному фронту серьезный ущерб, но он с такой ясностью вскрыл сложность борьбы на юге и наши недостатки, что заставил напрячь все силы для серьезнейшей и планомерной подготовки наступления Красной армии. После мамонтовского прорыва все что можно было партия направила в наступление на Деникина, и после остановки в феврале 1920 года деникинщина была ликвидирована.

Февральская остановка показала, что даже такое напряжение, которое было сделано после прорыва Мамонтова, едва не оказалось недостаточным.

Командарм 8 писал: „наше продвижение вперед без значительного пополнения и реорганизации может кончиться плачевно“ и приходил к выводу, что „необходима радикальная переоценка всего положения на фронте, дабы избежать чрезвычайно тяжелых сюрпризов в близком будущем“. Понадобилось еще новое напряжение, новые пополнения, но решительный и окончательный удар деникинщине был нанесен.

Этот последний удар Красной армии был нанесен собственно уже не деникинщине, а донской армии, так как деникинщины уже не было. Оставалась донская армия, остались враждующие с ней и разложившиеся остатки добровольческой армии. Эти последние разбились на две части: одна смогла только отвоевать себе первые пароходы в Новороссийске, другая — в Крыму создала наиболее характерное для разлагающейся офицерщины движение капитана Орлова, направленное против своих генералов, и получившее название „обер-офицерского“ движения.[1]

Деникинщина фактически сошла со сцены тогда, когда было организовано южно-русское правительство, куда вошли не только Мельников и Кельчевский — представители верхушек Дона, но и бывший председатель архангельского правительства, Чайковский, и даже, в качестве министра земледелия, тот самый Агеев, который называл политику Деникина политикой „помещичьего шарабана и кареты с графскими и баронскими гербами“.

---

[1] См. Г. Раковский, — „В стане белых“.

НЕКОТОРЫЕ ФАКТЫ И ИТОГИ 1919 ГОДА.

Колчак и Деникин — Юденич и Миллер. Прибалтика. Англия в Прибалтике. Первое наступление на Петроград. Отношение к нему Эстонии, Финляндии и Англии. Отношения между союзниками. Мирные переговоры с Эстонией. Второе наступление Юденича. Мир с Эстонией. Помощь международного пролетариата. Конец блокады. Внутренние итоги 1919 года. Нивеллировка крестьянства. Коммунистическая партия—авангард пролетариата.

Красная армия ликвидировала Колчака и Деникина— этих двух столпов буржуазно-помещичьей контр-революции.

Северо-западная и архангельская контр-революция, возглавляемая Юденичем и Миллером, ни по охваченной территории, ни по величине своей армии не может выдержать никакого сравнения с южной и восточной контрреволюцией. Здесь не было ни хлебных областей зажиточного крестьянства Сибири, ни казачества юга. Сама по себе территория, занятая Юденичем и Миллером, не имела никакого значения в том плане удушения Советской России голодом, который осуществлялся в 1919 году. Ни тот, ни другой не отрезали от Советской России ни хлеб, ни уголь, ни железо.

Значение их заключалось в другом. Наступление Юденича угрожало Питеру, а наше наступление против Юденича создавало угрозу всей системе Версальского мира, так как новые государственные образования, отделяющие Советскую Россию от Германии, имеют и до сих пор значение прежде всего как один из элементов Версальского мира.

Именно поэтому против нашего наступления в Прибалтику, в конце 1918 года, объединились все силы международного империализма, и именно поэтому ни на каком другом фронте борьбы Советская Россия не сталкивалась так близко с западно-европейским капиталом. На северном фронте Красная армия уже непосредственно имела дело с иностранными войсками, и с уходом их от северной контр-революции не осталось ничего.

Внутреннее, российское значение борьбы с Юденичем и Миллером не велико, но как часть борьбы Советской России с Антантой, эта борьба имела колоссальное значение. И если ликвидация Колчака и Деникина непосредственно не изменяла отношений Советской России с капиталистическим окружением и его насаждениями в виде Эстонии, Литвы, Латвии, то ликвидация Юденича была просто невозможна без того, чтобы не установились новые отношения между нами и прибалтийскими государствами. А так как прибалтийские государства существовали и существуют постольку, поскольку это нужно Антанте, то борьба с Юденичем являлась борьбой за те или иные отношения Советской России с Антантой.

Ни на востоке, ни на юге, не играли такой роли на ряду с вооруженной борьбой, революционное движение и империалистические противоречия на Западе, так как поскольку задача революционного наступления на капиталистический Запад оказалась невыполненной, ликвидировать угрозу Петрограду можно было только путем установления мирных взаимоотношений с прибалтийскими государствами, а Архангельский фронт был ликвидирован немедленно, как только международные отношения и рабочее движение на Западе сделали невозможной непосредственную борьбу Антанты и Советской России.

Юденич вырос из наших отношений с Прибалтикой. Эти отношения, и вместе с ними Юденич, сложились в результате неудачи нашего наступления в Прибалтику в 1918 году.

Уже в борьбе с наступающей Красной армией наметились почти полностью те противоречия, в развитии которых происходили оба наступления северо-западной контр-революции на Питер: первое — в мае и второе — в октябре 1919 года.

Германский империализм, уходя из Прибалтики пытался удерживать здесь свое влияние, оставляя немецкие добровольческие части и русские контр-революционные организации. В Латвии была сформирована немецкая „железная дивизия“, в Пскове и в Риге формировались на германские деньги русские части. Кроме русского батальона в Риге формировались батальоны латышский и прибалтийский (из прибалтийских немцев). В Эстонии складывалась эстонская армия, а после наступления Красной армии в Латвию туда же перешли и русские формирования. Кроме того, там были финские части, присланные туда для совместной борьбы с большевиками под лозунгом унии Эстонии и Финляндии. [1]

---

[1] См. Родзянко, — „Воспоминания о северо-западной армии“. Берлин. 1920 г. и Станкевич, — „Судьбы народов России“.

Уже это перечисление частей, сформировавшихся в момент ухода германских войск, говорит о различных течениях, интересы которых переплетались в Прибалтике. Здесь прежде всего переплетались и сталкивались национальные движения прибалтийских государств, при чем за каждым из них скрывались несколько совершенно различных течений. Так, например, и в Эстонии, и в Финляндии под общим потоком национального движения (я не говорю здесь о Советском движении) ясно намечались разногласия, основанные на классовых группировках, в отношении как к России вообще, так и к вопросу об участии в наступлении на Питер в частности.

Нужно помнить, кроме того, что все прибалтийские страны и Финляндия получили призрак самостоятельности от германского империализма, и теперь, когда германский империализм был разбит, удельный вес группировок среди национальной буржуазии сразу изменился. Нужно было искать новую ориентацию, новых вождей, новых защитников.

Но ко всем противоречиям внутри прибалтийских стран прибавлялось чрезвычайно противоречивое отношение к Прибалтике Антанты. Достаточно сказать, что в то время как финляндская и эстонская буржуазия спешила смыть с себя всякие следы германофильства, в это время английский флот, появившийся в Балтийском море, не только не мешал Германии формировать немецкие и белогвардейские части, но, очевидно, имел и некоторые сношения с германскими властями.

Во всяком случае, во время наступления Красной армии, в то время как германская железная дивизия сражалась против нас в Латвии, а в Эстонию отступали сформированные немцами русские части, два английских корабля, вместе с эстонскими миноносцами высаживали дессант в районе Кунда. [1]

Было ли это случайное совпадение действий англичан и немцев, или это было чем-то бо́льшим, судить было трудно. Данные для того, чтобы сделать последний вывод, есть. Так, например, английский военный министр Черчилль писал в газете „Ивнинг-Ньюс": „Перед Германией ставится следующая страшная и необычайная дилемма: или толкнуть свою собственную цивилизацию во всеобщий большевистский хаос, или путем наивысшего мудрого усилия построить плотину для того, чтобы остановить напор волны красного водоворота. Если германцы докажут, что они способны оказать Европе такую услугу, они, несомненно, совершат этим самым большой шаг к иску-

---

[1] „5 лет Красного Флота". Изд. Редиздата Морск. Комиссариата. 1922 год.

плению своих грехов; таким образом, они снова завоюют себе место в общей культуре и облегчат искреннее сотрудничество Англии, Франции и Германии, от которого зависит спасение Европы“.[1]

Эстонский национальный совет, потерпевший уже однажды поражение от эстонских рабочих, а позже от германских властей, подавивших рабочее движение, теперь должен был искать новую поддержку от англичан, выдвигавших идею „Германия против большевизма“. Какое место в этом плане должна будет занять Эстония — было неизвестно, но другой помощи, кроме английской, получить сейчас было негде.

Эстонское временное правительство при первых известиях о появлении английского флота послало радио: „наши лоцмана готовы встретить вас“,[2] но этот приезд английского флота далеко еще не означал признание независимости Эстонии. А эстонские социал-демократы и трудовики держались только на лозунгах: независимость, мир и земля. Именно эти лозунги дали меньшевикам преобладание в учредительном собрании, и, что еще важнее, дали возможность социал-демократам и трудовикам привлечь безземельное крестьянство в армию, находившуюся, конечно, в руках далеко не социалистического офицерства.

„Патриотизм достиг своего апогея, мобилизация, которая прежде совершенно не удавалась, проходила теперь хорошо. Стали добровольно являться дезертиры, особенно те, которым, к тому же, трудно было скрываться. Солдаты-крестьяне уезжали на фронт с патриотическими песнями. Все были сильно воодушевлены идеей учредилки. Только сознательная часть пролетариата бойкотировала выборы. Большинство рабочих, батраков и безземельных голосовали за социал-демократов, говоря, что это те же большевики, но что они дадут землю, мир и свободу „по закону“ через учредительное собрание“.[3]

Но для того, чтобы говорить о каком-нибудь „законе“ нужно было, прежде всего, получить законное право на существование, то-есть признание независимости. Пока Эстония имела признание Эстляндской Советской Республики от Советского Правительства России. От этой независимости эстонские правящие партии отказались. Они сумели отказаться от этого, только пользуясь распы-

---

[1] Павлович, РСФСР в империалистическом окружении, вып. II „Советская Россия и капиталистическая Англия“, изд. 1922 г.

[2] „5 лет Красного Флота“.

[3] Корреспонденция из Эстляндии, „Коммунистический Интернационал“ № 5 за 1919 г.

лением пролетариата в результате эвакуации[1] и общей усталостью, близкой к отчаянию, населения. Безземельное крестьянство Эстонии,[2] оставшись без руководства пролетариата, поддерживало тех, кто обещал земельную реформу и мир. Но для этого, раз эстонская социал-демократия отказалась от советской независимости, нужна была независимость, полученная от Антанты и хотя бы от какого-либо белогвардейского русского правительства.

Этой независимости ни русские белогвардейцы, ни Антанта не давали.

Пока что эстонское правительство пустило к себе белогвардейские формирования из Латвии и приняло вместе с ними участие в первом наступлении на Петроград.

Это первое наступление, неправильно названное наступлением Юденича, так как Юденич в это время еще сидел в гостинице в Гельсингфорсе, проходило для Эстонии, как, якобы, продолжение защиты эстонской независимости от наступления Красной армии.

Белогвардейские силы на северо-западе составились из старого офицерства, преимущественно прибалтийского, из военнопленных первых лет германской войны, прибывших теперь в виде отряда Ливена из Германии, и из перебежчиков из Красной армии.

На этой последней категории следует остановиться особо, так как она показывает, насколько слабо была организована Красная армия западного фронта и как мало внимания могла уделить ей Советская Россия. Основные силы этой категории состояли из бывшей Тульской бригады, поднявшей в марте 1919 года так называемое Стрекопытовское восстание в районе Овруча, и из отрядов Булак-Булаховича.

Стрекопытовское восстание особенно характерно как показатель того, насколько мало еще были охвачены пролетарским влиянием красные части на Западе в период перваго наступления на Петроград.[3]

В Тульской бригаде было просто количественное преобладание белогвардейской агитации, при чем белогвардейцам приходилось накидывать на себя весьма демократическую тогу и опираться, главным образом, на дезер-

---

[1] Например, эвакуация судостроительного завода с 15 тыс. рабочих из Ревеля.

[2] По данным Скворцова, „Хозяйственные районы России". в Эстляндской губернии 90,1% частной земли принадлежало дворянству, По данным Станкевича, „Судьбы народов России", вся земля распределялась в Эстонии так: 40% у крестьян и 60% у дворян, при чем крестьянская земля была вся задолжена.

[3] См. Лелевич, „Стрекопытовщина". Район восстания находился, правда, на другом участке фронта, но то же самое мы увидим и на Петроградском фронте.

тирские настроения. С этими настроениями Тульской бригады немало борьбы пришлось выдержать и северо-западному корпусу ген. Родзянко при наступлении на Питер, но рядом с офицерскими частями тульским перебежчикам пришлось принять участие в борьбе с Красной армией.

Во время майского наступления еще несколько частей перебежало к белым, в том числе Семеновский полк, Чудская флотилия, и, наконец, Красная Горка. Стоит вспомнить, что в марте-апреле на крупнейших питерских заводах происходили забастовки, и что все лучшие силы были отданы восточному фронту, чтобы понять, что положение Советской власти и Красной армии в этот момент было весьма тяжелым.

В чем выразилось участие Антанты, Эстонии и Финляндии в майском наступлении на Питер?

Англичане, помогавшие северо-западному корпусу присылкой случайного обмундирования, в то же время отказывались хоть-чем нибудь связать деятельность своего флота с действиями Родзянки. Достаточно сопоставить даты действий англичан и белогвардейцев, чтобы увидеть, что здесь было не случайное расхождение.

Наступление Родзянки происходит с половины мая до конца июня 1919 года.

Основные даты деятельности английского флота:

Пленение Автроила и Спартака — 27 декабря 1918 года.

В период мая—июня 1919 г. англичане помогали высаживать на побережьи мелкие дессанты и „до 12 июня деятельность противника выражалась в дозорной службе миноносцев и подводных лодок в Капорском заливе“.

С 13 до 16 июня, когда шла борьба с изменившей Красной Горкой, „суда противника деятельности не проявляли“. А 30 июля, когда Родзянко уже был отогнан от Питера, „над Кронштадтом появились английские аэропланы, и с этого дня Кронштадт сделался объектом частых налетов противника“. [1]

Эстонские войска принимали участие в наступлении и основным моментом их действий было завоевание Пскова. Здесь характерно то, что это участие эстонцев пришлось далеко не по душе ген. Родзянко. Он пишет в своих воспоминаниях: „я просил генерала Лайдонера дать приказание 2-й эстонской дивизии связать свои действия с нашими и занять Псков общими комбинированными действиями, на что ген. Лайдонер ответил мне, что он не может руководствоваться моими соображениями и будет действовать согласно тому, как сложится обстановка. Из этого я понял, что эстонцы хотят занять Псков самостоятельно, поэтому

[1] „5 лет Красного Флота“.

я вновь поехал в Гдов к пол. Балаховичу и потребовал возможно более энергичного продвижения в Псковском направлении. На следующий день, вернувшись в Нарву, я получил известие, что Псков уже занят эстонскими войсками“.[1]

Эта борьба за Псков между эстонцами и белогвардейцами во время совместной борьбы с Красной армией характерна для отношений между ними. Родзянко приводит много случаев, когда эстонские войска грабили русские обозы. Ни один историк не будет, конечно, заниматься подсчетом того, кто кого больше грабил, но для отношений между эстонской и белой армиями это опять-таки характерно, особенно когда мы вспомним, что эстонское правительство в это время было основным источником, откуда армия Родзянко получала деньги и продовольствие.

Было бы неверно думать, что эстонские социал-демократы воздерживались от вооруженной борьбы с рабочим правительством России — взятие Пскова и снабжение Родзянко достаточно ярко опровергает это. Причина нерешительности эстонского правительства совсем не социалистическая честность эстонских с.-д.

„Однажды, — пишет Кирдецов,[2] — в конце февраля 1919 г. ко мне прибегает взволнованный эстонский представитель в Финляндии и будущий военный министр д-р Ханко и сообщает, что „дело проваливается“. Оказалось, что съездившая для переговоров в Ревель делегация в составе кн. Волконского (б. товарища председателя Г. Думы), генерала Суворова и какого-то никому неизвестного полковника Гершельмана заговорила с эстонцами о „правомочиях органов самоуправления... Эстляндской губернии“, об условиях передачи Ревельского порта, железных дорог, почты и телеграфа в руки русских организаций и об установлении единого командования в лице Юденича... Эстонцы были возмущены: они говорят о независимости, о декларации права на самоопределение, у них своя армия, свое правительство, свое дипломатическое представительство в Лондоне и Париже, Англия помогает им оружием и деньгами, за ними вообще „ухаживают“, а русские, которые сами нуждаются в их помощи, предлагают вернуться к status quo ante, т.-е. капитуляцию“...

Эти замечания Кирдецова очень характерны, и здесь, конечно, нужно искать причину того, что эстонское правительство, посылавшее свою армию брать Псков, в то же время во время первого наступления белых отказалось снабжать их.

---

[1] Родзянко, „Воспоминания“, стр. 48.
[2] Кирдецов, „У ворот Петрограда“. Берлин, 1921 г., стр. 88.

То же мы видели и в Финляндии, хотя положение Финляндии было значительно более устойчивым, так как Финляндия была признана Антантой (хотя и условно).

В мае финские отряды под командой Эльвен Грея произвели налет на Лодейное поле с целью отрезать железную дорогу Петроград—Петрозаводск. Этот налет, во-первых, помогал архангельсколу фронту белых, так как угрожал сообщению нашего архангельского фронта с Россией, а, во-вторых, помогал Родзянко, так как создавал угрозу Петрограду. Не может быть никаких сомнений в том, что этот налет не был делом одного Эльвен Грея, а был произведен с ведома финляндского правительства, и во всяком случае с ведома ген. Маннергейма — сторонника интервенции.

Но в то же время, это был только налет. И еще больше — финляндское правительство мешало Юденичу формировать в Финляндии армию.

Я думаю, что основная причина нерешительности Финляндии не в спорах между двумя группами финляндской буржуазии — „активистами", т.-е. сторонниками вооруженного свержения Советской власти, и „сторонниками гниения", т.-е. отказа от решительной борьбы с Советами, чтобы Россия не возродилась ни как Советская, ни как буржуазная. [1]

Гораздо больше значения имела слабость обеих групп буржуазии. Достаточно сказать, что управление Финляндией с помощью так называемого „обрубленного парламента", т.-е. без социал-демократов, стало невозможным и в марте финляндскому правительству пришлось пойти на новые выборы, которые дали социал-демократам 81 место. [2]

При голосовании запроса с.-д. об участии в вооруженной борьбе в парламенте правительству пришлось ответить весьма уклончиво и даже при этом уклончивом ответе, при 96 за доверие, 63 голоса было подано против вотума доверия. [3]

Соотношение сил вне парламента было, конечно, еще менее выгодно для сторонников интервенции, а к тому же и буржуазия в этом вопросе выступала разрозненно.

К этому нужно прибавить, что в вопросе о Карелии, который единственно мог облечь наступление на Питер в форму: „мы не можем безучастно смотреть на страдания и преследования, которым подвергаются наши едино-

---

[1] См. об этом у Кирдецова и Коммунист. Интернационал № 9.

[2] Нужно учесть при этом, что коммунисты бойкотировали выборы.

[3] См. „Коммунистический Интернационал" № 1, май 1919 г.

мышленники, живущие за пределами Финляндии",[1] финляндское правительство столкнулось не с кем другим, как с Англией (также с Швецией). Английская авантюра в Карелии — съезд карел, постановивший о независимости, организация Легиона из бывших красных финнов, — была направлена не только против России, но и против Финляндии.[2]

И, наконец, архангельское правительство заискивало у Финляндии против Юденича, но ни Чайковский, ни Юденич, и непризнанный обоими, Колчак, не соглашались признать независимость Финляндии.

Все эти данные об отношении Англии, Эстонии и Финляндии к походу на Петроград, далеко не полные, конечно, дают нам возможность подойти к некоторым выводам об итогах 1919 года в области международных отношений.

Но, прежде чем делать заключение об изменении международного положения Советской России в 1920 году, надо осветить некоторые моменты, характерные для выяснения тех противоречий внутри Антанты, которые мешали созданию единого антисоветского фронта.

Борьба с Юденичем показала, что эти противоречия сглаживались известными компромиссами, и, например, в Эстонии, где вначале господствовали исключительно английские генералы, появились позже представители Франции, очевидно договорившейся об этом с Англией. Но это показывает в то же время, с какой опаской относились друг к другу союзники, и как тщательно смотрели они за тем, чтобы другая сторона не получила преобладания на каком-либо из участков антибольшевистского фронта.

Вот как, например, описывает отношения между союзниками в Архангельске Игнатьев:

„Военное дело было в руках англичан, но французы не прочь были им и здесь свинью подложить, и Нуланс охотно шел навстречу моему, сделанному в личной беседе с ним, предложению выписать французских инструкторов, как более опытных в военном деле, вместо английских. Американцы открыто третировали и ругали англичан, между солдатами обеих наций были потасовки. Конкурировали они в торговой области, хотя все привозили плохого качества товар, залежавшийся на разных рынках". Игнатьев приводит факт, как первые попытки Архангель-

---

[1] Из речи Маннергейма, см. там же.

[2] См. „Коммунистический Интернационал" № 9 ст. Сирола, и Игнатьев, „Некоторые итоги и факты гражданской войны на Севере".

ского правительства завязать торговые сношения с Францией и Италией привели к тому, что английское золотое обеспечение денег Архангельского правительства стало сокращаться.

Такого рода фактов можно привести достаточно из всей истории иностранной интервенции на всех фронтах. Но к итогам 1919 года надо отнести противоречия между союзниками уже по вопросу о самом факте интервенции. Это противоречие выявилось при ликвидации Юденического фронта, т.-е. при заключении мира с Эстонией.

Мы имеем в это время два открытых заявления указывающих на это противоречие. Ллойд-Джордж заявил в парламенте, что Англия не мешает миру Эстонии с Россией, в то время как Бертело так же открыто провозгласил, что Верховный Совет примет меры по отношению к Эстонии, если Эстония заключит мир с Советской Россией. [1]

Существует представление о том, что Эстония решилась заключить мир с Россией против воли Антанты. Как видно из заявления Ллойд-Джоржа мнения Антанты по этому поводу уже не существовало. Больше того, не существовало единого мнения и английской буржуазии.

Переговоры с Эстонией были начаты нами через посредничество английского профессора Гуда, [2] который вряд ли действовал без ведома английского правительства.

Эти переговоры о нейтральной зоне между Россией и Эстонией через английского профессора Гуда были начаты в августе 1919 года, т.-е. до второго наступления Юденича, в котором принимали участие и Эстония и Англия. Этот факт дает определенный оттенок второму наступлению на Петроград, которое, безусловно, ставило себе задачей сорвать переговоры Эстонии с Россией.

Нужно помнить, что 4 сентября 1919 года мы уже получили от Эстонии ответ на наше мирное предложение, при чем Эстония не только согласилась на переговоры о нейтральной зоне, но и расширяла задачи переговоров до определения „взаимоотношений между обеими республиками в будущем“. [3]

Второе наступление Юденича, которое ставило себе задачей сорвать переговоры, особенно ясно должно было доказать эстонской буржуазии необходимость заключения мира с Россией, хотя бы и Советской.

---

[1] „Вестник НКИД“ № 3. Речь Чичерина.
[2] Там же.
[3] Нота Эстонии от 4 сент. 1919 г.

Два факта являлись подтверждением этой необходимости: первый — сила Советской России, которая к этому времени разбила Колчака, начинала бить Деникина и два раза отбила попытки наступления на Петроград.

Второе наступление на Петроград было особенно характерным в этом отношении. Петроградский участок фронта Красной армии был развален почти до конца. Можно определенно сказать, что никаких данных сомневаться в том, что при поддержке эстонцев и англичан Петроград будет взят, не могло быть.

Но Советская Россия сумела в самый кратчайший срок создать совершенно новый фронт под Питером: из 59 частей, участвовавших в ликвидации Юденича в 7 армии и группе Харламова, только 10 частей было на этом фронте раньше.[1]

Отступление Юденича, снабженного уже значительно лучше, чем Родзянко, показывало самым наглядным образом не только то, что сломить Советскую власть трудно, но также и то, что посредничество профессора Гуда не является случайным. Поведение Англии, присылавшей орудия без замков и вспомнившей о невмешательстве в русские дела, когда несколько выстрелов английского флота могли сыграть решающую роль,[2] должно было разъяснить это Эстонии, если даже английские представители и не разъяснили ей это более прямым путем.

Второй факт, который не мог не быть весьма убедительным для эстонских националистов — это авантюра Бермондта-Авалова в Латвии.

Эстония с помощью Англии добилась того, что было организовано Северо-Западное правительство, признавшее независимость Эстонии. Но в тот момент, когда эстонское правительство, несмотря на согласие на мирные переговоры, помогало белогвардейцам наступать на Питер, столица Латвии была захвачена русскими же и германскими белогвардейцами и та же участь угрожала Эстонии.

В тот момент, когда Северо-Западное правительство приняло манифест о независимости Эстонии, Бермондт-Авалов, связанный с Юденичем, провозгласил: „по уходе немецких войск, я, как представитель русской государственной власти, 21 августа принял на себя управление и защиту Латвийской области“...[3]

Действия Бермондта не оставляли никаких сомнений в том, что если Эстония не окажет ему вооруженного отпора, то декларация Северо-Западного правительства

---

[1] См. „Доблестная защита Петрограда“.
[2] См. Кирдецов, „У ворот Петрограда“.
[3] Воззвание Бермондта, см. „Историк и Современник“ № 1.

о независимости будет очень слабой гарантией против представителей русской государственной власти в Эстляндской губернии. Поведение Юденича так же мало гарантировало от этого.

Эти два факта, при экономической необходимости торговать с Россией и при нарастающем недовольстве эстонских рабочих и крестьян, заставили эстонское буржуазно-социал-демократическое правительство заключить мир с Советским правительством России.

Нарастание революционного движения в Эстонии послужило солидным толчком для эстонских правителей. На конференции профсоюзов в августе месяце меньшевики получили всего 33 места из 415. На конгрессе профсоюзов сельско-хозяйственных рабочих не прошла ни одна меньшевистская резолюция.

Эстонское правительство сумело расправиться с профсоюзами, т.-е. разогнать конференцию, но с этой конференцией связан факт, для объяснения которого нет материалов, но который должен быть учтен при выяснении обстановки, сложившейся в результате 1919 года. Это предложение английской миссии Эстонскому Совету профсоюзов произвести переворот и организовать рабочее правительство. [1]

Рост революционного движения, и, во всяком случае, рост недовольства политикой интервенции, к этому времени принимает значительные размеры не только в Эстонии, но и в странах Антанты. И если английское правительство не имело своего Марти в Архангельске, то, во всяком случае, оно имело протест Макдональда против интервенции. А этот протест показывает, что в вопросе об интервенции английский рабочий класс выступал единым фронтом. Движение „Комитетов Содействия" началось.

И если и в 1920 году, во время войны с Польшей, и в 1919 году, вокруг вопроса об интервенции на Севере и Северо-Западе, в этом движении на-ряду с элементами революционными были и элементы содействия (а не борьбы) определенной части буржуазии, то, во всяком случае, это движение сыграло не последнюю роль в уводе английских войск с Архангельского фронта, т.-е. в ликвидации Архангельской контр-революции, и в заключении мира с Эстонией, т.-е. в ликвидации Северо-Западной контр-революции.

Степень развития революционного движения на Западе переоценивать не приходится. Но при выводах об итогах 1919 года в международных отношениях — а эти итоги выражаются в мире с Эстонией — не учесть его нельзя. Определить степень подъема революционного движения

[1] См. „Коммунистический Интернационал" № 5, сентябрь 1919 г.

в его отражении на ходе гражданской войны в России (что только и входит в мои задачи) можно двумя моментами:

С одной стороны — протест против интервенции в России принял настолько значительные размеры, что не считаться с ним правительства Запада не могли; [1] с другой стороны — этот протест не был настолько силен, чтобы Советской России не пришлось откупаться от западноевропейской буржуазии.

По договору с Эстонией мы давали: лесные концессии в р. Луги и преимущественное право на лесную концессию в 1 миллион десятин: отказывались от возвращения имущества и судов царской России и давали 15 миллионов рублей золотом.

Но приобрели мы этим миром и победами Красной армии не только ликвидацию Юденича и не только мир с Эстонией, но и начало торговли с Англией, и постановление Верховного Совета от 16 ноября 1920 года о снятии блокады с Советской России.

Открылась полоса новых отношений Советской России с капиталистическим окружением. Нельзя забывать, конечно, о том, что в 1920 году мы имели еще войну с Польшей и Врангелем, но путь к экономической борьбе, т.-е. к сожительству с Советской Россией, был открыт в результате побед Красной армии и рабочего движения 1919 года.

„Теперь,—говорил Ленин в апреле 1920 года, — международный капитал идет с определенным намерением, с рассчитанным планом, чтобы при снятии блокады международное мешечничество, международную свободную торговлю соединить, слить, сплотить с нашим внутренним мешечничеством, и приготовить на почве этого мешечничества нам новую войну, приготовить новый ряд ловушек, западней“... [2]

Были ли к 1920 году данные для этого во внутреннем положении Советской России?

Мы видели уже, [3] что крупная промышленность, транспорт и финансы в результате империалистической и гражданской войны пришли в такое состояние, когда влияние их на мелкое товарное хозяйство могло быть весьма незначительным.

---

[1] „Сдерживаемые усталостью армий и оппозицией левых элементов, союзники пытаются выйти из положения, выдвигая идею изолирования России“ — из телеграммы Сазонова Колчаку — „Вестник НКИД“ № 6 — 7.

[2] Заключительная речь на IX съезде партии, т. XVII, стр. 97.

[3] См. очерк „Организация осажденного лагеря“.

В этом мелком товарном, т.-е. в крестьянском, хозяйстве произошли те изменения, которые характерны для момента перехода к новой экономической политике, т.-е. нивеллировка крестьянских хозяйств.

Так, например, цифры 1920 года по Екатеринославской губ. [1] дают такие результаты:

процент беспосевщиков сократился с 17,38 в 1917 году до 8,73,

процент хозяйств, имеющих от 9 до 15 десятин, сократился с 13,21 до 10,08,

процент хозяйств, имеющих больше 15 десятин, сократился с 15,52 до 2,69.

Вырос процент хозяйств, имеющих от 2 до 9 десятин.

Крестьянство стало более средним. Политически оно пережило уроки колчаковщины и деникинщины и теперь, в борьбе буржуазно-помещичьего блока и пролетариата, оно определило свое место — против буржуазно-помещичьего блока.

Основным итогом борьбы 1919 года нужно считать тот факт, что колебания крестьянства в марте 1919 года, выразившиеся в таких фактах, как Сызрань-Сенгилеевское восстание, и захватившие даже питерский пролетариат (мартовские забастовки), не привели все же к разрыву между пролетариатом и средняком, и не заставили Советскую Россию вернуться к политике Комбедов. Эти колебания создали, вместе с интервенцией Антанты, Колчаковское и Деникинское наступление, но когда в этих колебаниях нужно было делать выбор между Колчаком и диктатурой пролетариата, крестьянство приходило к нам, несмотря на противоречия его с пролетарской диктатурой.

К 1920 году неизбежность выбора „или-или“, — или диктатура помещика, или диктатура пролетариата — пропала. Крестьянство осталось с глазу на глаз с пролетариатом, так как Врангель, запертый в Крыму, говоря терминами новой экономической политики, был не больше, чем дробь третьего класса. Во всяком случае, для крестьянства центральной России и Сибири Врангеля (не вместе с Польшей) не существовало.

И мы видим с 1920 года начало того процесса, который к 1921 году вылился в тамбовщину.

Сама тамбовщина, как уже вооруженная форма борьбы крестьянства с пролетарской диктатурой, ведет свое начало с первой половины 1920 года. [2] Она, правда, выросла

---

[1] „Итоги землеустройства на Украине на 1 января 1922 г.“, изд. НКЗ УССР.

[2] Данные Разведупра, „Контр-революционные вооруженные силы к 1 октября 1921 г.“

в мощное движение только после недорода 1920 года, т.-е. к осени, но не только недородом были созданы данные для ее возникновения.

К весне 1920 года относится и возрождение партии эс-эров, выпустившей письмо об организации приговорного движения и крестьянского союза. Это письмо означает новое выступление эс-эров, новое не только количественно, но и качественно, так как лозунг Учредительного Собрания в нем исчез и уступил место лозунгу Крестьянского Союза.[1]

Я не имею возможности разбирать здесь, какими путями развивалось и росло это новое движение крестьянства, так как для этого мне пришлось бы разбирать влияние на него войны с Польшей и Врангелем, этих, по выражению Ленина, „обломков старого плана империалистов“,[2] но нужно отметить, как итог гражданской войны 1919 года, появление и этого нового крестьянства и этого нового крестьянского движения.

Вместе с тем в итоге гражданской войны 1917—1920 года диктатура пролетариата в сознании широких масс завоевала себе место именно как диктатура Коммунистической партии.

Не только рабочий класс, но и крестьянство оценили Коммунистическую партию, как единственного руководителя и организатора борьбы с контр-революцией. И если позже были колебания среди не только крестьянства, но и пролетариата, то все же через все эти колебания сохранилась историей гражданской войны закрепленная диктатура Коммунистической партии, как подлинно массовой революционной партии.

В этом основной итог гражданской войны 1917—1920 года.

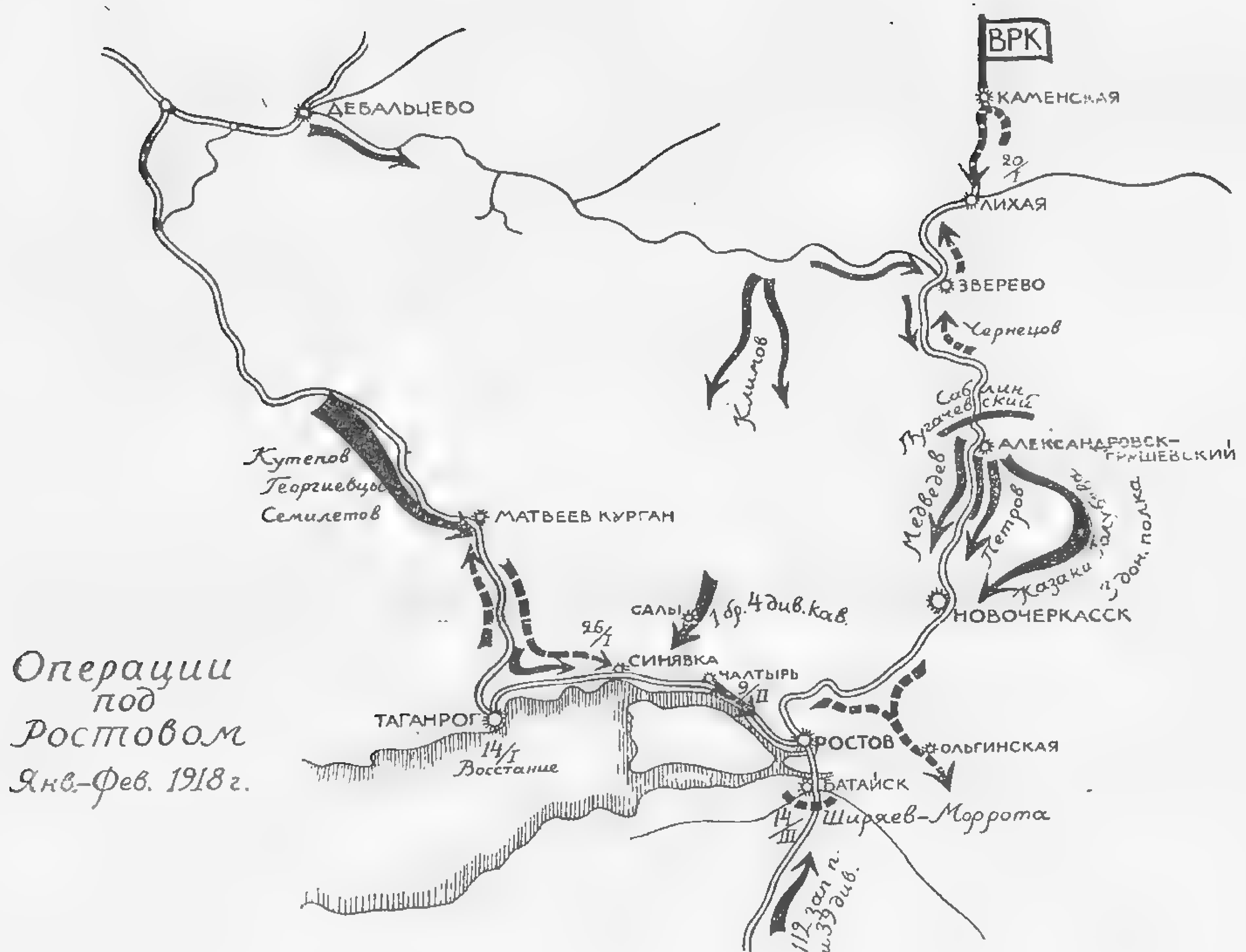
---

[1] См. ст. Леонидова в журнале „Революция и Война“ Зап. фронта № 14—15 за 1922 г.

[2] Ленин, т. XVII, стр. 203.

Положение в Январе 1918 г.

Операции под Ростовом Янв.-Фев. 1918 г.

Петерсон и Дыбенко
43
Пехлеванов
Подгурский
Ломов
48
47
3
41
27
22
ПСКОВ
РИГА
ДВИНСК
ВИТЕБСК
ВИЛЬНА
СМОЛЕНСК
МИНСК
Поляки
2арм.
1арм.
Берзин
ЖЛОБИН
ГОМЕЛЬ
ЧЕРНИГОВ
КУРСК
ВОРОНЕЖ
Миронов
Чехи
3арм.
КИЕВ
Пятаков
400
Сиверс
5
Саблин
Сиверс
Петров
ХАРЬКОВ
3арм.
Киквидзе
1500
ПОЛТАВА
Петров
1
Ворошилов
Тирасполь
Ворошилов и Щаденко
25 австр.
Карнаухов
1600
Беленкович
150
Муравьев
5000
ЕКАТЕРИНОСЛАВ
Австр.
Лазарев
1арм.
IIарм.
4 кав. див.
РОСТОВ
27 австр.
ОДЕССА
15 див
7 див.
212. 217
див.
Схема
Германской
оккупации.
Февраль–Апрель 1918г.
Условные знаки
Красные части
Австрийск. и Германск. войска
Чехо-Словаки и Поляки

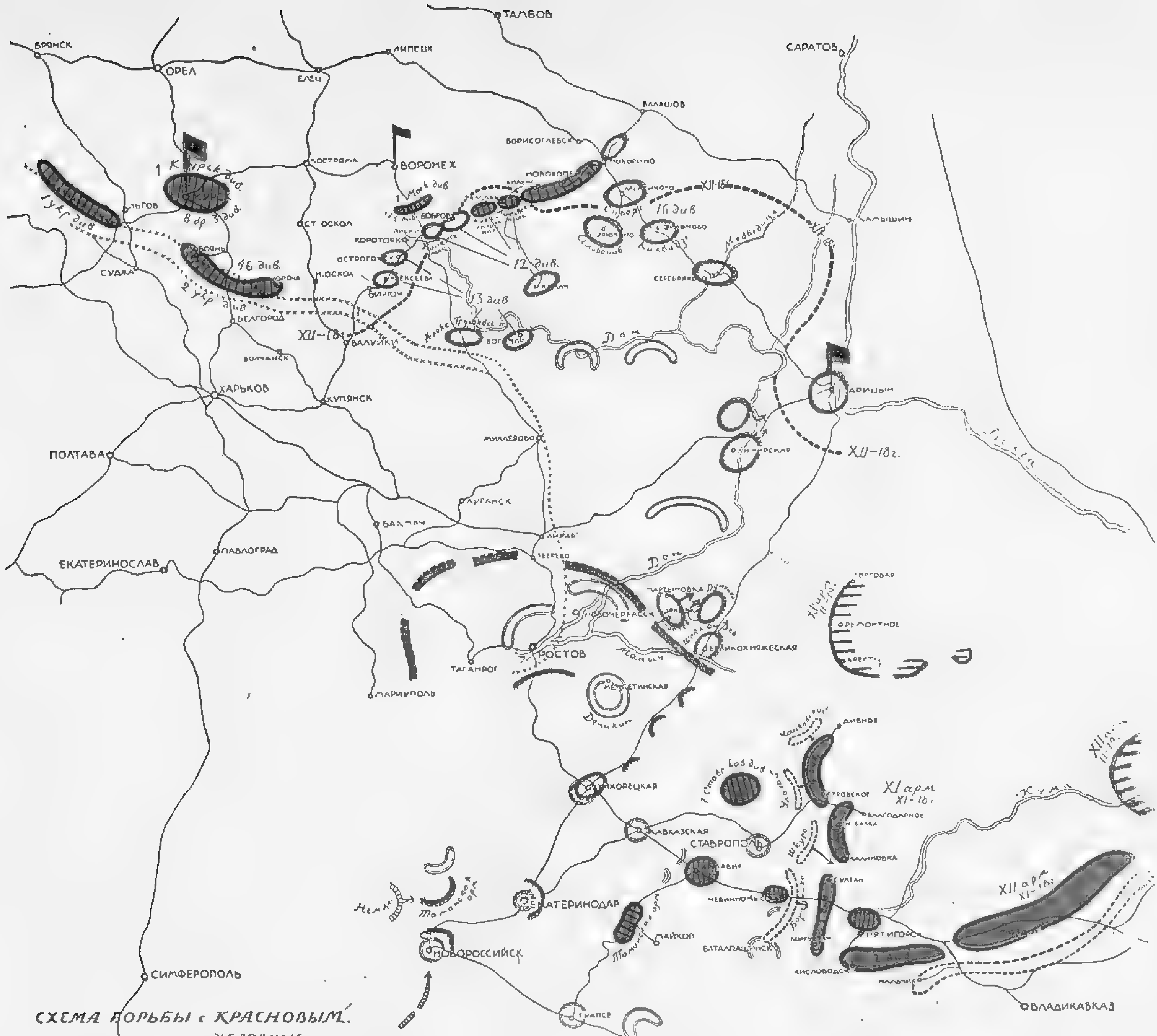
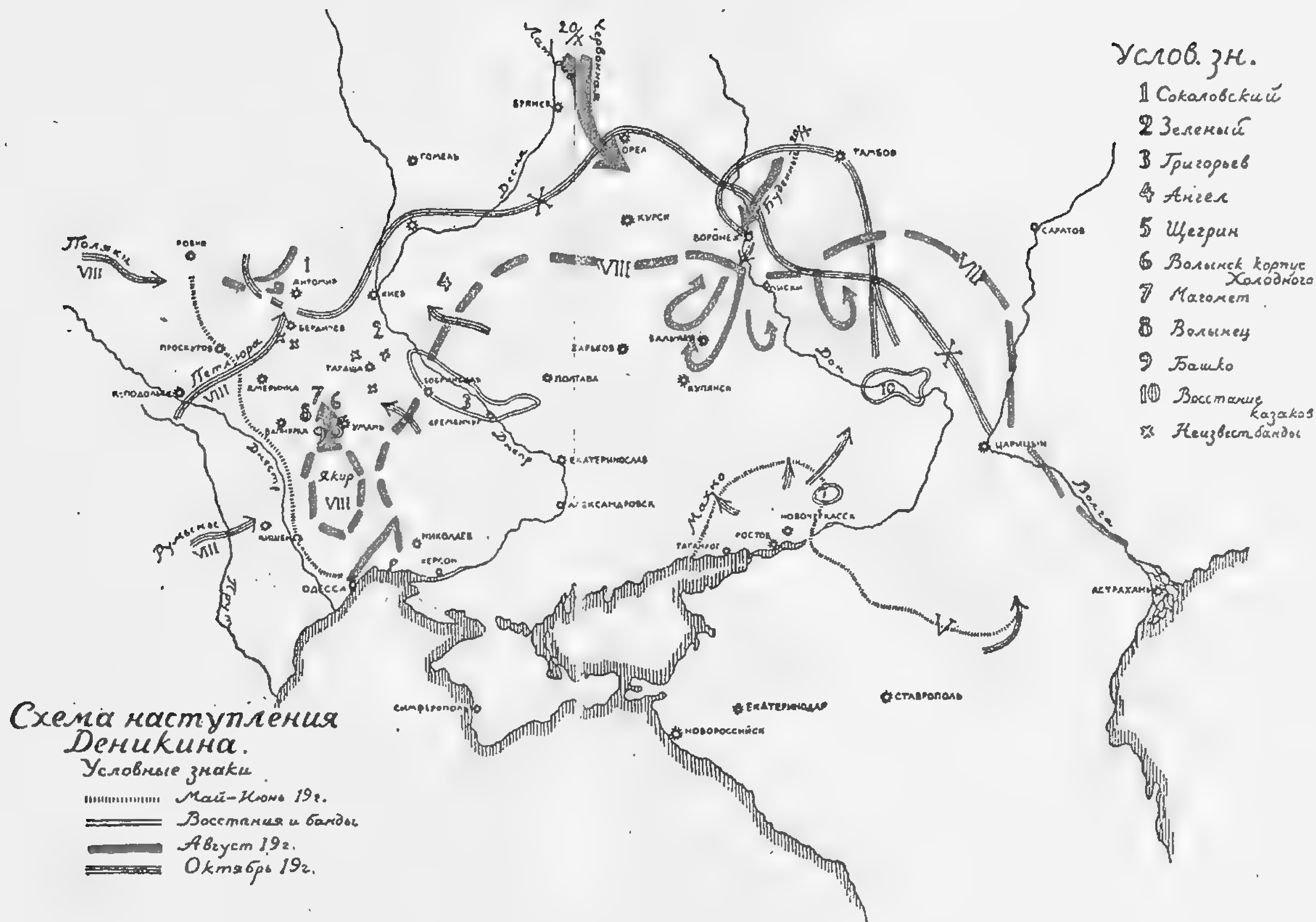

СХЕМА БОРЬБЫ с КРАСНОВЫМ.

УСЛОВНЫЕ ЗНАКИ

- Красные Май-Июнь 1918 г.
- Линия фронта в Мае 1919 г.
- Белые Май-Июнь 1918 г.
- Красные Сентябрь Ноябрь 1919 г.
- Белые Сентябрь 1918 г.
- Красные Февраль 1919 г.
- Демаркационная линия

Услов. зн.
1 Соколовский
2 Зеленый
3 Григорьев
4 Ангел
5 Щегрин
6 Волынск корпус Холодного
7 Магомет
8 Волынец
9 Башко
10 Восстание казаков
Неизвест банды
Поляки
VIII
Петлюра
Якир
Днестр
Прут
Днепр
Десна
Дон
Волга
Махно
Буденный
20/X
Червонная
Ровно
Житомир
Киев
Бердичев
Проскуров
Тараща
Умань
Жмеринка
Бобринская
Кременчуг
Гомель
Брянск
Орел
Курск
Воронеж
Тамбов
Саратов
Харьков
Полтава
Валуйки
Купянск
Лиски
Екатеринослав
Александровск
Николаев
Херсон
Одесса
Царицын
Астрахань
Новочеркасск
Ростов
Таганрог
Симферополь
Екатеринодар
Ставрополь
Новороссийск
Схема наступления Деникина.
Условные знаки
Май-Июнь 19 г.
Восстания и банды
Август 19 г.
Октябрь 19 г.

СОДЕРЖАНИЕ.

Цена 2 руб.

